ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Выходитъ безъ предварительной цензуры.

1898 г. 9 3403 **№. 1.** **Воскресенье 8 ноября.**

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента *В. М. Гессена* и *Н. И. Лазаревскаго* и при ближайшемъ сотрудничествѣ: прив.-доц. *Ф. А. Вальтера*, *І. В. Гессена*, *О. О. Грузенберга*, прив.-доц. *А. И. Каминка*, *А. А. Левенстима*, прив.-доц. *Л. І. Петражицкаго* и *В. М. Устинова*.

Въ газетѣ будутъ принимать участіе: *Я. З. Аланинъ*, *К. К. Арсеньевъ*, *А. М. Берлинъ*, *А. Л. Боровиковскій*, *Н. К. Бржескій*, *М. И. Брунъ*, *П. И. Бѣляевъ*, *Г. Л. Вербловскій*, *В. И. Вильсонъ*, *М. М. Винаверъ*, проф. *А. К. Вульфертъ*, *Л. В. Гантоверъ*, *В. Н. Герардъ*, *М. Э. Гильчеръ*, *О. Б. Гольдовскій*, проф. *А. Х. Гольмстенъ*, *Я. К. Городысскій*, прив.-доц. *Д. Д. Гриммъ*, Dr. *Hans Gross* (*Graz*), *М. О. Грузенбергъ*, проф. *В. Ѳ. Дерюжинскій*, *В. И. Добровольскій*, *А. І. Дукмасовъ*, *К. К. Дыновскій*, проф. *Н. Л. Дювернуа*, прив.-доц. *А. А. Жижиленко*, *С. В. Завадскій*, *С. А. Зарудный*, *К. П. Змирловъ*, проф. *И. А. Ивановскій*, Dr. Phil. *Jeserich* (*Berlin*), проф. *П. Е. Казанскій*, *Н. П. Карабчевскій*, проф. *П. И. Ковалевскій*, *А. Ѳ. Кони*, проф. *Н. М. Коркуновъ*, *А. А. Крыловъ*, *Б. П. Куликовъ*, *М. И. Кулишеръ*, *Н. Г. Кулябко-Корецкій*, *В. И. Леонтьевъ*, *М. А. Лозино-Лозинскій*, *В. О. Люстихъ*, *А. А. Миндеръ*, *Р. Р. Минцловъ*, *П. Г. Мироновъ*, *Э. С. Моргулисъ*, проф. *С. А. Муромцевъ*, *И. В. Мѣщаниновъ*, *В. Д. Набоковъ*, проф. *В. М. Нечаевъ*, прив.-доц. *С. П. Никоновъ*, *А. Я. Пассоверъ*, прив.-доц. *М. Я.* и *О. Я. Пергаментъ*, *А. А. Пилѣнко*, проф. *А. А Піонтковскій*, *В. А. Плансонъ*, *И. В. Платоновъ*, *И. М. Рабиновичъ*, *А. К. фонъ-Резонъ*, прив.-доц. *М. И. Свѣшниковъ*, проф. *Н. Д. Сергѣевскій*, *В. Ю. Скалонъ*, *Г. Б. Сліозбергъ*, проф. *В. К. Случевскій*, *В. Д. Спасовичъ*, *И. М. Тютрюмовъ*, *В. Д. Философовъ*, проф. *И. Я. Фойницкій*, *С. А. Чагинъ*, *Л. В. Шалландъ*, *В. П. Шеинъ*, *М. И. Шефтель*, *В. Эльяшевичъ*, проф. *В. Г. Ярошкій* и *др.*

Программа газеты слѣдующая: 1) Новые законы и правительственныя распоряженія. Судебная и судебно-административная практика. 2) Комментарій къ новымъ законамъ и правительственнымъ распоряженіямъ. Разборъ и комментарій важнѣйшихъ рѣшеній Правительствующаго Сената, а также рѣшеній и приговоровъ судовъ I и II инстанцій. Обзоръ практики установленій, состоящихъ при судѣ, поскольку эта практика съ юридической точки зрѣнія представляетъ принципіальный интересъ. Обзоръ съ той же точки зрѣнія распоряженій административныхъ властей и органовъ общественнаго управленія. Въ концѣ года будетъ даваться алфавитный и постатейный указатель вопросовъ, разсмотрѣнныхъ въ напечатанныхъ рѣшеніяхъ и приговорахъ. 3) Еженедѣльное обозрѣніе. Статьи по имѣющимъ ближайшее отношеніе къ практикѣ вопросамъ гражданскаго, уголовнаго и административнаго права; обсужденіе желательныхъ реформъ. 4) Важнѣйшіе иностранные законы, выдающіяся судебныя дѣла и случаи въ практикѣ судебно-административныхъ учрежденій. 5) Отчеты о важнѣйшихъ процессахъ. 6) Хроника и смѣсь. 7) Литературное обозрѣніе. 8) Диспуты и засѣданія юридическихъ обществъ. 9) Справочный отдѣлъ. 10) Объявленія. Приложенія: оригинальныя и переводныя сочиненія по юридическимъ наукамъ.

Сборникъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ и общаго собранія I-го и кассаціонныхъ департаментовъ и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, а также важнѣйшіе законы изъ Собранія узаконеній и распоряженій Правительства будутъ печататься отдѣльными листами и разсылаться годовымъ подписчикамъ.

Лица, подписавшіяся на 1899 г., получатъ также **4 нумера, которые выйдутъ 8, 22 Ноября, 4 и 20 Декабря 1898 г.**

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ **1** до **3** ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой **7** руб., на полгода **4** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ **4** р. и къ первому мая **3** рубля. За границу за годъ—**10** руб. Отдѣльные нумера продаются по **20** коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ **11** час. до **4** час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ С.-Петербургѣ: 1) въ помѣщеніи Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ; 2) въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова, рядомъ съ Публичной Библіотекой; Н. К. Мартынова, Невскій пр., уг. Садовой, № 50—15; „Новое Время“ А. С. Суворина, Невскій, 40; Общества французской книжной торговли бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр., 20; Н. П. Карбасникова, Литейный пр., 46.—**Въ Москвѣ:** 1) въ помѣщеніи Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ; 2) въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова, Никольская ул., домъ Заиконоспасскаго монастыря; А. Ф. Скорова, Никольская ул., домъ Славянскаго Базара; у пом. прис. пов. О. Б. Гольдовскаго, Петровскія линіи.—**Въ Варшавѣ:** въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 69.—**Въ Одессѣ:** въ книжномъ магазинѣ И. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада; у пом. прис. пов. О. Я. Пергамента, Почтовая, 12.—**Въ Харьковѣ:** у прис. пов. Б. П. Куликова, Донецъ-Захаржевская ул., соб. домъ.—**Въ Вильнѣ:** въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Большая ул., д. Гордона.—**Въ Кіевѣ:** въ книжномъ магазинѣ И. А. Розова, Крещатикъ, 47.—**Въ Казани:** въ книжномъ магазинѣ „Бр. Башмаковыхъ“, Городской Пассажъ; у пом. прис. пов. С. Н. Нелидова, Попова гора, д. Бермана, кв. № 52.—**Въ Тифлисѣ:** у пом. прис. пов. М. О. Грузенберга, Садовая ул., № 23, уголъ Вельяминовской.

Содержаніе: 1) Отъ редакціи. 2) Проектированыя комиссіею по пересмотру судебн. устав. правила о помощникахъ присяж. повѣренныхъ *В. О. Люстиха.* 3) О значеніи въ Россіи иностранныхъ суд. приговоровъ. Проф. *И. А. Ивановскаго.* 4) Обозрѣніе практики гр. кас. департ. Пр. Сената за 1897 г. 5) Практическія замѣтки. *А. фонъ-Резона.* 6) Хроника. 7) Библіографія.
9) Судебная и судебно-административная практика.
10) Справочный отдѣлъ.

Посвященная, по преимуществу, практическимъ вопросамъ юридической жизни, наша газета нуждается въ общемъ руководящемъ принципѣ, который объединилъ бы ея, по необходимости, мозаичную работу въ одно цѣлое, въ одну картину, проникнутую однимъ настроеніемъ и мыслью.

Нашъ принципъ—законность, въ тѣсной и неразрывной связи съ совершенствованіемъ права путемъ законодательныхъ реформъ.

Объективизмъ является существеннымъ и необходимымъ моментомъ въ понятіи закона. Въ немъ—и только въ немъ—значеніе и сила закона, его отличіе отъ произвола. Подобно произволу, законъ можетъ быть несправедливъ и неразуменъ; но, въ противоположность произволу, законъ необходимо и всегда объективенъ.

Если въ практическомъ своемъ осуществленіи законъ сохраняетъ свой объективный характеръ, если онъ примѣняется *однимъ, какъ другимъ,—къ одному, какъ къ другому*, мы говоримъ, что въ судѣ и въ администраціи господствуетъ законность; въ противномъ случаѣ юридическая жизнь народа, подъ прикрытіемъ закона, опредѣляется усмотрѣніемъ судящихъ и правящихъ лицъ.

Вольныя и невольныя ошибки законодателя, политическая близорукость и эгоизмъ правящихъ классовъ, необходимость компромисса и взаимныхъ уступокъ почти всегда и вездѣ налагаютъ на законъ въ самый моментъ его возникновенія неизгладимую печать несовершенства. Но даже и тотъ законъ, который въ началѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ природѣ нормируемыхъ имъ отношеній,—и тотъ съ теченіемъ времени необходимо отстаетъ отъ вѣчно и неудержимо текущей общественной жизни. Законодательная реформа оказывается только тогда и цѣлесообразной и возможной, когда вполнѣ завершается трансформація нормируемыхъ закономъ отношеній; между тѣмъ, въ дѣйствительности такая трансформація является конечнымъ результатомъ продолжительнаго процесса, слагается изъ множества частичныхъ измѣненій, незамѣтныхъ и неуловимыхъ для права. Поэтому законъ никогда не соотвѣтствуетъ и не можетъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительной жизни.

Наряду съ несовершенствомъ, право всегда и необходимо страдаетъ неполнотой. Законъ, по своей природѣ, имѣетъ общій характеръ; по своей природѣ, онъ предусматриваетъ будущее. Между тѣмъ, текущія явленія общественной жизни сплошь и рядомъ бываютъ настолько индивидуальны, что не могутъ быть подведены подъ общую норму,—настолько разнообразны и случайны, что не могутъ быть предусмотрѣны законодателемъ.

Средствомъ противъ неполноты закона является правотворческая дѣятельность администраціи и суда. Тамъ, гдѣ законъ молчитъ, говоритъ судъ. Это ясно. Но какъ быть съ несовершенствомъ закона?

И вотъ, въ виду неизбѣжности такого несовершенства, какъ въ теоріи, такъ и практикѣ, раньше или позже возникаетъ направленіе, объявляющее своимъ девизомъ свободное отношеніе къ закону.

Сущность этого направленія заключается въ слѣдующемъ. Примѣняя къ жизни законъ, необходимо, прежде всего, *приспособить* его къ ней. Отказавшись отъ чрезмѣрнаго пристрастія къ логикѣ, юристъ долженъ во что бы то ни стало *такъ* истолковать законъ, чтобы онъ совпалъ съ разумной и справедливой нормой, имманентной соотвѣтственному явленію жизни. *Путемъ толкованія* онъ долженъ изъ дурного закона создать хорошій. При толкованіи закона не слѣдуетъ смущаться нелогичностью выводовъ, если только эти выводы соотвѣтствуютъ вполнѣ категорическимъ требованіямъ дѣйствительной жизни. Справедливости не страшно пожертвовать и логикой, ибо не человѣкъ существуетъ для субботы, а суббота для человѣка. Чѣмъ несовершеннѣй положительное законодательство страны, чѣмъ менѣе проникнутъ народъ, въ силу историческихъ обстоятельствъ, чувствомъ законности, тѣмъ успѣшнѣй развиваются и въ наукѣ и въ практикѣ подобные взгляды, тѣмъ больше они насчитываютъ убѣжденныхъ сторонниковъ. Тотъ фактъ, что ученіе Іеринга, требующее свободнаго отношенія къ источникамъ, было встрѣчено у насъ, въ Россіи съ бо̀льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ въ самой Германіи, находитъ себѣ достаточное объясненіе въ историческихъ и бытовыхъ условіяхъ русской жизни.

Выше нами было указано, что исходнымъ моментомъ подобныхъ теорій является безспорный фактъ,—несовершенство положительнаго права. Требуя „свободнаго“ отношенія къ нему, люди теоріи и практики нерѣдко повинуются благороднѣйшимъ побужденіямъ ума и сердца,—чувству спра-

ведливости, вѣрному пониманію жизни, ея потребностей и нуждъ. Та норма, которую, съ этой точки зрѣнія, примѣняетъ администраторъ и судья, нерѣдко бываетъ дѣйствительно и справедливѣй и цѣлесообразнѣй той нормы, которую установилъ законодатель. Отсюда—неотразимая привлекательность теоріи, предлагающей вѣрное средство, если не устранить вовсе, то, по крайней мѣрѣ, смягчить существенные недостатки положительнаго права.

Все это фактъ. Но именно потому разсматриваемая теорія такъ опасна, борьба съ ней такъ трудна. Прежде чѣмъ побѣдить ее въ другихъ, каждый изъ насъ долженъ побѣдить ее въ самомъ себѣ. Каждый изъ насъ долженъ, подобно Улиссу, привязать себя къ мачтѣ для того, чтобы не поддаться обольстительному пѣнію сиренъ.

Несомнѣнно одно: свободное толкованіе является прямымъ отрицаніемъ начала законности. Въ примѣненіе закона оно вноситъ субъективизмъ, другими словами—оно превращаетъ законъ въ произволъ.

При свободномъ толкованіи норма не извлекается изъ закона; напротивъ—она привносится въ законъ. Содержаніе закона дается „внутреннимъ убѣжденіемъ“ толкователя, поскольку, безъ чрезмѣрнаго пристрастія къ логикѣ, оно можетъ быть выражено словами закона; но въ такомъ случаѣ каждый толкователь является законодателемъ, каждое частное рѣшеніе—закономъ.

Сторонники расматриваемыхъ взглядовъ ссылаются на несовершенство закона; но развѣ толкователи закона совершенны? Внутреннія убѣжденія, къ которымъ долженъ быть, во что бы то ни стало, приноровленъ законъ,—всегда-ли они подсказываются чистою совѣстью и яснымъ умомъ? Можно-ли довѣриться безсознательной интуиціи, предпочесть юридической логикѣ юридическое чутье? Если мы допустимъ въ принципѣ свободное толкованіе закона,—какъ опредѣлить и оцѣнить въ такомъ случаѣ внутренніе мотивы, которыми руководствуется въ данномъ случаѣ толкователь? Тотъ, кто требуетъ свободы толкованія ради исправленія закона, очевидно забываетъ, что этой свободой могутъ воспользоваться десятки другихъ въ цѣляхъ искаженія его.

Если исторія, вообще, чему-нибудь учитъ людей, она давно уже должна была бы убѣдить ихъ въ томъ, что сплошь и рядомъ произволъ, прикрытый благородствомъ мотивовъ, обращаетъ право въ орудіе политическихъ и личныхъ разсчетовъ, политическихъ и личныхъ страстей. Всѣмъ еще памятны московскіе воеводы, судившіе и рядившіе „по своему высмотру, какъ пригоже, какъ Богъ вразумитъ“!

Но, даже независимо отъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ толкователя, свободное толкованіе, какъ таковое, является серьезнымъ и всеобъемлющимъ зломъ. Оно колеблетъ глубочайшія основы правопорядка, отравляетъ и грязнитъ тотъ чистый источникъ, которымъ питается правоубѣжденіе народа.

Въ своей „Борьбѣ за право“ Іерингъ краснорѣчиво доказываетъ, что привязанность индивида къ своему субъективному праву, готовность его отстоять свое право цѣною всевозможныхъ жертвъ, является необходимымъ условіемъ самаго бытія объективнаго права. Конкретное право,—говоритъ онъ,—не только *получаетъ* отъ абстрактнаго (т. е. объективнаго), оно также *даетъ* ему силу и жизнь. Управомоченный защищаетъ въ *своемъ* правѣ законъ, а въ законѣ—необходимый порядокъ общественной жизни. А, между тѣмъ, проповѣдуя свободное отношеніе къ закону, не дѣлаетъ-ли невозможнымъ самъ Іерингъ не только привязанность къ праву, но даже простое сознаніе своихъ обязанностей и правъ?!

Если мѣриломъ субъективнаго права является не самый законъ, а „внутреннее убѣжденіе“, „юридическое чутье“ его толкователей,—въ такомъ случаѣ никто не знаетъ своихъ правъ и, слѣдовательно, не можетъ дорожить ими!

Если каждое право то отрицается, то признается,—то суживается, то расширяется, въ зависимости отъ того, *кѣмъ* и *къ кому* примѣняется законъ, въ такомъ случаѣ мы станемъ сообразоваться не съ закономъ, а съ характеромъ его исполнителей, станемъ просить о милости, а не требовать права. Вмѣсто „борьбы за право“, мы потерпимъ усмотрѣніе, которое сегодня вредитъ, въ разсчетѣ на усмотрѣніе, которое завтра облагодѣтельствуетъ. Тотъ, кто можетъ быть лишенъ права, можетъ быть освобожденъ отъ обязанностей; стоитъ только допустить свободу толкованія, и вмѣсто того, чтобы требовать соблюденія права, мы станемъ просить о его нарушеніи.

Субъективное право — душа юридической нормы. Свобода толкованія превращаетъ юридическую норму въ безжизненный прахъ.

По ходячему мнѣнію, у насъ, въ Россіи, право—въ особенности публичное — исторически развивалось въ формѣ объективнаго права, а не субъективныхъ правъ. Въ своей безусловности это мнѣніе невѣрно, но доля правды въ немъ все-таки есть. А, между тѣмъ, объективное право безъ субъективнаго—безжизненный механизмъ, никѣмъ не приводимый въ дѣйствіе. До тѣхъ поръ, пока право не знаетъ субъективныхъ элементовъ, законы существуютъ на бумагѣ, хранятся, какъ въ дореформенныхъ

канцеляріяхъ, пыльными кипами на верхнихъ полкахъ забытыхъ книгохранилищъ. Пыльныя кипы бумаги—таковъ образъ всякаго мертваго права; для того, чтобы вдохнуть въ него жизнь, необходима законность, ибо только въ атмосферѣ законности живетъ субъективное право.

Подъ законностью, какъ указано выше, мы понимаемъ *объективизмъ* въ примѣненіи права. Единообразіе и закономѣрность толкованія—таковы два одинаково необходимыхъ, взаимно-обусловливающихъ другъ друга момента въ понятіи законности.

Объявляя законность руководящимъ принципомъ нашей дѣятельности, тѣмъ самымъ мы ставимъ нашей газетѣ опредѣленную цѣль.

По мѣрѣ возможности и силъ, мы будемъ содѣйствовать выработкѣ единообразія и закономѣрности какъ въ толкованіи, такъ и въ примѣненіи законовъ. Для этой цѣли, прежде всего, необходимо изученіе судебныхъ и судебно-административныхъ постановленій и рѣшеній. До тѣхъ поръ, пока различныя толкованія закона остаются неизвѣстными, объ единообразномъ толкованіи его не можетъ быть рѣчи. И если въ судебныхъ дѣлахъ объединяющимъ началомъ—по крайней мѣрѣ, отчасти—является практика Сената, то въ дѣлахъ административныхъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова (земскихъ, крестьянскихъ, податныхъ и т. д.), несравненно рѣже восходящихъ до Сената, единственное средство къ установленію единообразной практики—по возможности широкая ея общеизвѣстность.

Наряду съ этимъ, необходима естественнымъ образомъ и юридическая критика различныхъ толкованій, установленіе правильнаго пониманія законодательныхъ нормъ. А къ этой цѣли, кромѣ разбора отдѣльныхъ рѣшеній, приводитъ догматическая разработка дѣйствующаго права, раскрытіе содержанія его отдѣльныхъ институтовъ, установленіе общихъ принциповъ, выводъ изъ нихъ соотвѣтственныхъ слѣдствій.

До сихъ поръ, говоря о законности, мы имѣли исключительно въ виду вопросы толкованія и примѣненія закона, но этими вопросами не исчерпывается дѣятельность юриста. Выше нами было указано, что именно несовершенство закона является важнѣйшей причиной свободнаго отношенія къ нему. И чѣмъ несовершеннѣй законъ, тѣмъ труднѣе послѣдовательное и строгое проведеніе начала законности. Если, напримѣръ, устарѣлый законъ стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ современной жизнью, если онъ идетъ въ разрѣзъ съ болѣе развитымъ правоубѣжденіемъ, если онъ нарушаетъ важнѣйшіе интересы индивида или общества,—можетъ-ли, тѣмъ не менѣе, судья или администраторъ со спокойной совѣстью вмѣстить въ прокрустово ложе закона живое отношеніе, которое, какъ живой человѣкъ, протестуетъ противъ насилія, кричитъ отъ боли въ его рукахъ?

Поэтому, *рѣшительно возражая* во имя законности противъ произвольныхъ толкованій, противъ улучшенія закона путемъ нарушенія его, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ,—или, вѣрнѣе, именно потому,—считаемъ безусловно необходимымъ улучшеніе закона другимъ путемъ, путемъ законодательныхъ реформъ.

Для того, чтобы судьи и администраторы, отрѣшившись отъ „политики“, могли объективно примѣнять законъ, послѣдній долженъ быть непрерывно приспособляемъ законодателемъ къ матеріальнымъ и духовнымъ условіямъ текущей юридической жизни. Признавая безусловную необходимость законности, тѣмъ самымъ мы признаемъ безусловную необходимость законодательныхъ реформъ. Поэтому, наряду съ догматической разработкой и анализомъ дѣйствующаго права, въ программу нашей газеты необходимо входятъ вопросы законодательной политики, т. е. вопросы совершенствованія права законодательнымъ путемъ. Именно въ настоящее время такіе вопросы и мѣры имѣютъ особенное значеніе и интересъ. На нашихъ глазахъ происходитъ всеобщій пересмотръ и переработка дѣйствующаго права. Нѣтъ почти ни одной области права, которой не коснулась бы рука законодателя. Въ уголовномъ и гражданскомъ, какъ матеріальномъ, такъ и процессуальномъ, правѣ, въ торговомъ и крестьянскомъ правѣ, въ правѣ податномъ,—всюду и вездѣ поспѣваетъ его творческій трудъ.

Въ такое время юридическая мысль не можетъ и не должна бездѣйствовать, участіе общественнаго мнѣнія и, въ особенности, *спеціальнаго* общественнаго мнѣнія юристовъ въ предварительной разработкѣ законодательныхъ вопросовъ является необходимымъ условіемъ *жизненнаго*, т. е. цѣлесообразнаго и справедливаго ихъ разрѣшенія. Кто не знаетъ, въ какой степени новое общегерманское гражданское уложеніе своими достоинствами обязано общественному мнѣнію Германіи, такъ много и полезно потрудившемуся надъ обсужденіемъ и критикой его первоначальныхъ проектовъ.

Предъ нами широкое поле для серьезнаго и плодотворнаго труда; мы вступаемъ въ свѣтъ при лучшихъ предзнаменованіяхъ. Все вокругъ насъ свидѣтельствуетъ о пробужденіи и въ нашемъ отечествѣ юридической мысли. Законодательныя реформы

съ каждымъ днемъ выдвигаютъ все новыя и новыя проблемы, надъ рѣшеніемъ которыхъ можетъ и долженъ потрудиться русскій юристъ. Совершенствованіе права способствуетъ торжеству великой идеи законности, укрѣпленію объективныхъ фактовъ правопорядка. Въ преобразовательныя эпохи необходимость законности яснѣе сознается общественною мыслью, потому что законность является первымъ и наиболѣе важнымъ условіемъ осуществимости законодательныхъ реформъ.

Объявляя принципомъ нашей газеты законность въ тѣсной и неразрывной связи съ совершенствованіемъ права путемъ законодательныхъ реформъ, — мы идемъ на встрѣчу самымъ неотложнымъ требованіямъ нашей общественной жизни. Наше дѣло не можетъ не встрѣтить сочувствія.

Конечно, мы вполнѣ сознаемъ недостаточность нашихъ силъ; но насъ поддержитъ и воодушевитъ непоколебимая вѣра въ плодотворность и важность предпринятаго нами труда. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что намъ помогутъ, къ намъ присоединятся всѣ тѣ, кому дороги правовые идеалы, кто въ осуществленіи ихъ видитъ единственный путь къ благоденствію и счастью отечества.

Проектированныя комиссіею по пересмотру судебныхъ уставовъ правила о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Много разъ указывалось уже, что дѣйствующій законъ только разъ, мимоходомъ, перечисляя, кто можетъ быть присяжнымъ повѣреннымъ, упоминаетъ о лицахъ, „которыя занимались судебною практикою подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ“ (ст. 354 учр. суд. уст.), и что изъ этихъ немногихъ словъ жизненная практика должна была создать правила, обязательно опредѣляющія дѣятельность весьма обширнаго круга лицъ. Въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ жизни русской адвокатуры почти непрерывно шла работа, направленная къ тому, чтобы занятія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, которыми постепенно все болѣе и болѣе пополнялось сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, давали имъ необходимыя практическія знанія и нравственныя качества.

Въ началѣ, когда число адвокатовъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ, предъявляемымъ судебными уставами къ присяжнымъ повѣреннымъ, было невелико и совершенно не отвѣчало потребностямъ общества въ судебной защитѣ въ новыхъ судахъ, наиболѣе уважаемые изъ представителей сословія присяжныхъ повѣренныхъ смотрѣли на притокъ въ среду адвокатуры молодыхъ людей съ юридическимъ образованіемъ какъ на явленіе крайне желательное, и всѣми мѣрами старались имъ облегчить вступленіе въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Пребываніе въ званіи помощника присяжнаго повѣреннаго въ теченіе пяти лѣтъ, безъ всякихъ занятій въ качествѣ дѣйствительнаго помощника, считалось достаточнымъ для того, чтобы быть принятымъ въ присяжные повѣренные. Требованія закона признавали исполненными, если „руководство“ присяжнаго повѣреннаго проявлялось въ совѣтахъ и указаніяхъ по дѣламъ, которыя помощнику поручали непосредственно къ нему обращавшіеся кліенты. Но въ дѣйствительности помощники и по своимъ собственнымъ дѣламъ рѣдко обращались за совѣтами къ присяжнымъ повѣреннымъ, къ которымъ были приписаны, стѣсняясь безпокоить ихъ дѣлами, въ которыхъ они вовсе не были заинтересованы. Необходимыя практическія свѣдѣнія по дѣламъ помощники старались получить путемъ справокъ у ближайшихъ товарищей и въ судѣ.

Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ всегда сознавали ненормальность такого положенія и принимали мѣры, съ одной стороны, чтобы понудить присяжныхъ повѣренныхъ ближе знакомиться съ дѣятельностью состоящихъ при нихъ помощниковъ, и въ этихъ видахъ требовали срочныхъ отчетовъ о занятіяхъ послѣднихъ; а съ другой, чтобы по возможности замѣнить отсутствующее руководство занятіями помощниковъ со стороны ихъ номинальныхъ патроновъ, устраивали конференціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ съ выбранными отъ сословія руководителями. Хотя по правиламъ конференцій участвующіе въ нихъ помощники могутъ предлагать на обсужденіе возникающіе въ ихъ собственной судебной практикѣ вопросы, но въ дѣйствительности это очень рѣдко дѣлается. До сихъ поръ дѣйствительное руководство занятіями помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ ни на началахъ личнаго ни на началахъ общественнаго, сословнаго патроната не можетъ считаться правильно поставленнымъ и организованнымъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжный повѣренный принимаетъ къ себѣ помощника для работы по производимымъ имъ дѣламъ, между ними, разумѣется, устанавливается тѣсная связь дѣловая и житейская, и помощникъ подъ дѣйствительнымъ руководствомъ своего патрона пріобрѣтаетъ практическія знанія по веденію судебныхъ дѣлъ и знакомится съ правилами корпоративной жизни сословія присяжныхъ повѣренныхъ и съ предъявляемыми къ нимъ нравственными требованіями. Такія отношенія, крайне желательныя, составляютъ исключеніе; въ большинствѣ случаевъ связь между патронами и приписанными къ нимъ помощниками только номинальная.

Учрежденная при министерствѣ юстиціи комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части, въ виду такой неопредѣленности положенія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, на которыхъ законъ 25 мая 1874 г. распространилъ дѣйствіе правилъ о частныхъ повѣренныхъ, но которые по существу преслѣдуемой ими цѣли—подготовиться къ званію присяжнаго повѣреннаго—ничего общаго съ тѣми неимѣютъ,—нашла настоятельно необходимымъ опредѣлить въ законѣ устройство, права и обязанности помощниковъ. Въ основаніе выработанныхъ ею правилъ она положила начало, что цѣль этого установленія состоитъ въ подготовкѣ молодыхъ юристовъ къ успѣшному исполненію обязанностей судебныхъ повѣренныхъ; комиссія смотритъ на повѣренныхъ, какъ на лицъ, проходящихъ подготовительную школу къ дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ, а не какъ на самостоятельныхъ повѣренныхъ. Наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ ознакомленія помощника съ судебною практикою и преподанія ему правилъ предстоящей дѣятельности комиссія признаетъ личное, непосредственное руководство его кѣмъ-либо изъ опытныхъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Начало личнаго патроната проводится въ проектѣ весьма послѣдовательно и строго. Лицо, желающее поступить въ помощники, должно прежде всего получить согласіе одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ на его принятіе, а, чтобы патронъ могъ дѣйствительно наблюдать за дѣятельностью своего помощника и руководить ею, разрѣшается, какъ общее правило, приписка къ одному присяжному повѣренному не болѣе трехъ помощниковъ; только въ исключительныхъ случаяхъ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ можетъ разрѣшить приписку къ присяжному повѣренному бо̀льшаго числа помощниковъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣтъ имѣетъ право воспретить присяжному повѣренному, исполняющему свои обязанности относительно помощниковъ неудовлетворительно, вообще имѣть ихъ.

Занятія помощника, по проекту, должны находиться въ тѣсной связи съ дѣлами его патрона. Въ первый годъ послѣ своего принятія помощникъ никакой самостоятельной практикою заниматься не можетъ; ему предоставляется вести гражданскія и уголовныя дѣла у участковыхъ судей, въ первой, и въ уѣздныхъ и городскихъ отдѣленіяхъ окружнаго суда, во второй инстанціи, по передовѣрію своего патрона и за имущественною его отвѣтственностью; затѣмъ помощникъ исполняетъ отдѣльныя порученія по дѣламъ своего патрона, состоящія въ подготовкѣ дѣлъ и разработкѣ связанныхъ съ ними вопросовъ права, представленіи въ судъ и полученіи бумагъ, денегъ, документовъ, заявленіи просьбъ о назначеніи засѣданій и т. п. По истеченіи года, если совѣтъ признаетъ помощника достаточно подготовленнымъ, онъ получаетъ право вести самостоятельно дѣла у единоличныхъ судей и въ апелляціонной надъ ними инстанціи, а также по передовѣрію своего патрона, за имущественною его отвѣтственностью, дѣла въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ.

Для облегченія совмѣстной работы присяжнаго повѣреннаго и его помощника, проектъ устанавливаетъ, что всѣ отдѣльныя судебныя дѣйствія по дѣламъ своего патрона помощникъ можетъ совершать по простому письменному его порученію; вести же дѣла своего патрона онъ можетъ по общей, данной на всѣ дѣла, довѣренности, причемъ онъ можетъ замѣнять его и въ дѣлахъ, по которымъ патрону дана довѣренность безъ права передовѣрія.

Устанавливая необходимость непрерывной совмѣстной работы помощника съ принявшимъ его къ себѣ присяжнымъ повѣреннымъ, комиссія признаетъ, что трехъ лѣтъ такихъ занятій достаточно для пріобрѣтенія необходимыхъ присяжному повѣренному практическихъ знаній, и потому предполагаетъ сократить время обязательнаго пребыванія въ званіи помощника съ пяти лѣтъ на три года. Съ другой стороны, чтобы сохранить за званіемъ помощника характеръ переходный, подготовительный къ вступленію въ присяжные повѣренные, проектъ постановляетъ, чтобы тѣ изъ помощниковъ, которымъ совѣтъ не найдетъ возможнымъ разрѣшить по истеченіи двухъ лѣтъ послѣ ихъ вступленія въ сословіе самостоятельно вести дѣла у единоличныхъ судей и въ апелляціонной надъ ними инстанціи, а также тѣ, которые, получивъ это разрѣшеніе, въ теченіе шести лѣтъ послѣ ихъ вступленія въ сословіе не будутъ приняты въ присяжные повѣренные, отчислялись изъ списка помощниковъ.

Проектъ разрѣшаетъ также въ утвердительномъ смыслѣ бывшій долгое время спорнымъ вопросъ о подчиненіи помощниковъ, въ порядкѣ надзора и дисциплинарной отвѣтственности, совѣту присяжныхъ повѣренныхъ.

Проектъ комиссіи, изложенный нами въ существенныхъ его чертахъ встрѣтилъ до сихъ поръ въ печати мало сочувственныхъ отзывовъ. Между тѣмъ, онъ разрѣшаетъ, въ общемъ вполнѣ удовлетворительно, давно назрѣвшую потребность въ законодательной организаціи института помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Несомнѣнно, одни учрежденія безъ добрыхъ нравовъ людей, призванныхъ пользоваться ими, недостаточны. Но недостатка въ доброй волѣ устроить положеніе помощниковъ возможно лучше никогда не было ни со стороны совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, ни со стороны помощниковъ, и если старанія ихъ дали мало положительныхъ результатовъ, то причиною этого въ значительной степени слѣдуетъ признать отсутствіе всякихъ законодательныхъ опредѣленій по требовавшему разрѣшенія вопроса. Колебанія въ средѣ самого

сословія присяжныхъ повѣренныхъ, какую организацію помощниковъ предпочесть—построенную на основѣ личнаго патроната или же на патронатѣ общественномъ, сословномъ, были неизбѣжны. Затѣмъ, право совѣта, представителя сословія присяжныхъ повѣренныхъ, вмѣшиваться въ дѣла помощниковъ отвергалось судебными палатами, и лишь недавно Правительствующій Сенатъ призналъ за нимъ право надзора за дѣятельностью помощниковъ. Когда выработанный комиссіею проектъ получитъ силу закона, всѣ эти сомнѣнія и колебанія устранятся, и будетъ создана твердая почва для работы надъ правильною постановкою задачи подготовки будущихъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Можно отвергать необходимость такой подготовки, признавая, что всякій полноправный гражданинъ, получившій юридическое образованіе, можетъ вести довѣренныя ему дѣла. Но при нашемъ устройствѣ судовъ полная свобода адвокатуры принесла бы значительный вредъ правосудію. Чтобы съ пользою защищать на судѣ чужіе интересы, необходимо обладать не только общимъ теоретическимъ юридическимъ образованіемъ, но и практическими свѣдѣніями какъ относительно порядка производства дѣлъ въ судѣ, такъ и относительно житейскихъ отношеній, вызывающихъ столкновеніе интересовъ и споры, требующіе судебнаго рѣшенія. Опытность молодой юристъ можетъ пріобрѣсти не иначе, какъ участвуя въ дѣлахъ, работая надъ ними. Если онъ это будетъ дѣлать одинъ и самостоятельно, то опытъ имъ пріобрѣтется путемъ многихъ ошибокъ, за которыя расплачиваться должны лица, ввѣрившія ему свои интересы. Это вызываетъ необходимость, чтобы на первыхъ порахъ онъ работалъ подъ руководствомъ уже опытнаго присяжнаго повѣреннаго. Если бы у насъ, какъ во Франціи, присяжные повѣренные ограничивались устною защитою дѣлъ на судѣ, письменная же подготовка ихъ была въ рукахъ другой дѣловой корпораціи, то вредъ отъ появленія въ судѣ, въ качествѣ представителя стороны, малоопытнаго молодого человѣка, былъ бы не такъ значителенъ. Но у насъ на присяжномъ повѣренномъ лежитъ обязанность собранія доказательствъ по дѣлу и письменная подготовка его для рѣшенія; упущенія и ошибки тутъ непоправимы, такъ какъ судъ самъ доказательствъ не собираетъ. Неправильныя разсужденія судъ можетъ оставить безъ вниманія; но неправильное или неполное представленіе суду фактической стороны дѣла неизбѣжно поведетъ къ ошибочному рѣшенію. Находятъ, что строгая регламентація отношеній помощника къ его патрону—присяжному повѣренному не вызывается необходимостью, такъ какъ совѣты и указанія молодой юристъ можетъ получить отъ уважаемыхъ представителей корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ. Опытъ показываетъ, однако, что за совѣтами по своимъ дѣламъ помощники весьма рѣдко обращаются къ старшимъ товарищамъ, съ одной стороны, какъ уже было указано, изъ понятной деликатности, не желая ихъ безпокоить посторонними дѣлами; съ другой же стороны, и потому еще, что часто вовсе не замѣчаютъ затрудненій, которыя представляетъ имѣющееся у нихъ на рукахъ дѣло; все представляется имъ простымъ и яснымъ до тѣхъ поръ, пока проигрышъ дѣла или возникновеніе тяжелыхъ недоразумѣній не выяснитъ сдѣланныхъ упущеній и ошибокъ. Только при работѣ вмѣстѣ съ патрономъ и по его дѣламъ помощникъ непремѣнно будетъ получать нужныя указанія и наставленія. Такъ какъ вся отвѣтственность за ходъ и успѣхъ дѣла въ этомъ случаѣ остается на патронѣ, то, поручая дѣло своему помощнику, онъ будетъ слѣдить, чтобы все необходимое было своевременно сдѣлано. Никогда присяжный повѣренный не откажетъ своему помощнику въ совѣтѣ по дѣлу, которое онъ ведетъ самостоятельно; но совѣтъ этотъ будетъ всегда обусловленъ поставленнымъ самимъ помощникомъ вопросомъ и не можетъ имѣть такое значеніе, какъ указаніе, что̀ нужно сдѣлать и какъ вести дѣло, принятое самимъ присяжнымъ повѣреннымъ, имъ изученное и потому знакомое ему непосредственно во всѣхъ подробностяхъ. Никакія занятія въ конференціяхъ не могутъ замѣнить такую постоянную совмѣстную работу съ патрономъ.

Серьезнымъ возраженіемъ противъ обязательной для всѣхъ помощниковъ организаціи подготовительной къ званію присяжнаго повѣреннаго дѣятельности ихъ на началахъ личнаго патроната является то, что далеко не всѣ молодые люди, желающіе посвятить себя адвокатурѣ, найдутъ при этомъ присяжныхъ повѣренныхъ, согласныхъ принять ихъ въ помощники. Дѣйствительно, далеко не всѣ присяжные повѣренные заняты дѣлами настолько, чтобы нуждались въ сотрудничествѣ помощниковъ по своимъ дѣламъ, и притомъ многіе вовсе не чувствуютъ за собою способности и не имѣютъ охоты слѣдить за чужою работою, заниматься, такъ сказать, выучкою молодого, поступающаго къ нимъ въ помощники, юриста. Многимъ гораздо легче лично выполнить работу, чѣмъ указывать другому, какъ ее надо сдѣлать, и исправлять неудовлетворительно сдѣланное. Если проектъ комиссіи обратится въ законъ, то нужно ожидать значительнаго сокращенія числа помощниковъ, внесенныхъ въ списки. И въ настоящее время, однако, далеко не всѣ значащіеся въ спискѣ помощниковъ въ дѣйствительности занимаются въ какой-либо мѣрѣ адвокатурою; значительное число ихъ, не находя занятій у патроновъ, къ которымъ они только формально зачислены, и не имѣя никакой самостоятельной практики, заняты совершенно посторонними адвокатурѣ дѣлами: частною и государственною службою, даваніемъ уроковъ и пр.

Если эта часть отпадетъ, то и для нихъ самихъ и для сословія присяжныхъ повѣренныхъ такой результатъ примѣненія новаго закона будетъ только полезенъ. Сами эти молодые люди, отбросивъ двойственность стремленій, которыя ими владѣютъ въ настоящее время, всецѣло отдадутся тому дѣлу, которое составляетъ жизненную ихъ задачу, и скорѣе и полнѣе добьются успѣховъ при этомъ условіи. Сословіе присяжныхъ повѣренныхъ заинтересовано въ томъ, чтобы въ немъ числились только профессіональные, дѣйствительные адвокаты, такъ какъ только они вполнѣ понимаютъ и чувствуютъ сословныя нужды и для нихъ только сословныя честь и достоинство неразрывно связаны съ ихъ личною жизнью. Можетъ случиться, что молодой человѣкъ, чувствующій въ себѣ призваніе къ адвокатурѣ и имѣющій всѣ необходимыя для этой дѣятельности способности, не найдетъ присяжнаго повѣреннаго, который согласился бы принять его въ свои помощники, и, такимъ образомъ, адвокатура лишится члена, который впослѣдствіи былъ бы ея гордостью и украшеніемъ. Такой исходъ будетъ имѣть мѣсто только тогда, когда въ молодомъ человѣкѣ призваніе спеціально къ адвокатурѣ не особенно сильно. Въ противномъ же случаѣ, не получившій доступа въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ пріобрѣтетъ право на званіе присяжнаго повѣреннаго путемъ службы по судебному вѣдомству, хотя бы кандидатомъ на судебныя должности. Занятія въ судѣ, при добросовѣстномъ къ нимъ отношеніи, могутъ дать вполнѣ удовлетворительную подготовку для званія присяжнаго повѣреннаго; и если не прямо съ университетской скамьи молодой человѣкъ придетъ въ непосредственное соприкосновеніе съ житейскими дрязгами и недоразумѣніями, составляющими по большей части предметъ судебныхъ дѣлъ, то это скорѣе полезно, чѣмъ вредно. Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда характеръ человѣка установился и уже пріобрѣтена нѣкоторая жизненная опытность, легче разобраться въ претензіяхъ и заявленіяхъ кліентовъ, часто умышленно и неумышленно далеко расходящихся съ правдою и справедливостью.

Сокращеніе срока обязательнаго пребыванія въ званіи помощника присяжнаго повѣреннаго съ пяти лѣтъ на три года внесетъ больше подвижности въ кадры помощниковъ; вслѣдствіе того, что они быстрѣе будутъ проходить подготовительный періодъ своей дѣятельности, большее число лицъ, при томъ же составѣ присяжныхъ повѣренныхъ, получитъ возможность работать съ ними по ихъ дѣламъ. При серьезномъ отношеніи присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ къ взаимно лежащимъ на нихъ обязанностямъ, трехлѣтній срокъ долженъ считаться вполнѣ достаточнымъ для пріобрѣтенія помощникомъ основныхъ практическихъ знаній, необходимыхъ для веденія судебныхъ дѣлъ, и онъ можетъ быть принятъ въ присяжные повѣренные съ увѣренностью, что грубыхъ ошибокъ не сдѣлаетъ. Учиться во всѣхъ направленіяхъ онъ долженъ и послѣ полученія званія присяжнаго повѣреннаго: конца тутъ нѣтъ; но онъ можетъ уже дѣйствовать самостоятельно.

Проектъ организаціи занятій помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, выработанный комиссіею, слѣдуетъ признать крупнымъ улучшеніемъ русской адвокатуры, и желательно, чтобы какъ можно скорѣе онъ получилъ практическое примѣненіе.

В. О. Люстихъ.

О значеніи въ Россіи иностранныхъ судебныхъ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ.

Широкое развитіе въ новое время международныхъ сношеній, затронувшихъ разнообразныя стороны жизни отдѣльныхъ государствъ, не могло не коснуться и карательной дѣятельности послѣднихъ, направленной на борьбу съ преступленіемъ и на защиту правоваго строя не только внутренне-государственнаго, но и международнаго. На этой почвѣ между разными странами постепенно установилась взаимная зависимость и извѣстная солидарность какъ въ задачахъ, такъ и въ способахъ дѣйствія. Въ настоящее время государства, обозначая предѣлы дѣйствія своихъ уголовныхъ законовъ, не ограничиваются только преслѣдованіемъ преступленій, направленныхъ противъ ихъ правъ и интересовъ или правъ и интересовъ ихъ подданныхъ, но берутъ подъ свою защиту также права и интересы другихъ державъ и иностранцевъ. Въ производствѣ судебнаго разслѣдованія преступныхъ дѣяній они не стоятъ особнякомъ, а, напротивъ того, оказываютъ другъ другу взаимное содѣйствіе въ формѣ выдачи преступниковъ и посылки лицъ, содержащихся въ мѣстахъ заключенія, для очныхъ ставокъ на судъ, въ формѣ сообщенія имѣющихся въ ихъ распоряженіи документовъ и вещественныхъ доказательствъ, наконецъ—въ формѣ производства по просьбѣ иностранныхъ судовъ разнаго рода слѣдственныхъ дѣйствій, какъ допросъ свидѣтелей и экспертовъ, обыски, выемки и т. п.

При такихъ условіяхъ и при общности коренныхъ началъ уголовнаго права и судопроизводства въ государствахъ европейской культуры естественно рождается вопросъ о значеніи иностранныхъ судебныхъ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ. Дѣйствительно, законы подавляющаго большинства европейскихъ государствъ даютъ болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Вся совокупность только-что намѣченныхъ темъ была предметомъ и многочисленныхъ научныхъ изслѣдованій. Въ общемъ итогъ результатовъ, добытыхъ практикой и теоріей, оказывается весьма

значительнымъ, но въ тоже самое время не мало еще остается сдѣлать въ разныхъ частяхъ разсматриваемой нами области юридическихъ отношеній. Одной изъ такихъ менѣе разработанныхъ темъ, какъ въ законодательствахъ, такъ и въ наукѣ международнаго уголовнаго права, является вопросъ о значеніи иностранныхъ судебныхъ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ [1]). Въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ одна лишь сторона этого вопроса. Дѣло въ томъ, что огромное большинство европейскихъ уголовныхъ законодательствъ, какъ было замѣчено, содержатъ болѣе или менѣе полныя постановленія, опредѣляющія значеніе иностранныхъ судебныхъ приговоровъ. Но есть и такія, которыя хранятъ на этотъ счетъ полное молчаніе. Къ числу ихъ принадлежитъ и дѣйствующее русское уголовное уложеніе. Спрашивается, какое же значеніе должно быть признаваемо за иностранными судебными приговорами при отсутствіи въ законѣ соотвѣтственныхъ на этотъ счетъ постановленій? Сама жизнь поставила у насъ этотъ вопросъ, а высшее наше судилище—Правительствующій Сенатъ далъ на него отвѣтъ въ своемъ рѣшеніи по дѣлу мѣщанина Якова Іолко 28 апрѣля 1892 г. [2]). Дѣло это и рѣшеніе Сената заключается въ слѣдующемъ.

„Въ 1887 г. русскій подданный, ошмянскій мѣщанинъ Яковъ Павловъ Іолко, былъ, въ числѣ другихъ, привлеченъ къ отвѣтственности передъ цюрихскимъ уголовнымъ судомъ за участіе въ покушеніи на поддѣлку въ Цюрихѣ русскихъ кредитныхъ билетовъ. Дѣло это разсматривалось въ цюрихскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, причемъ представителемъ Россіи, въ качествѣ гражданской стороны, по уполномочію россійскаго министра финансовъ, былъ профессоръ бернскаго университета Кенигъ. Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Іолко былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ, на основаніи §§ 34, 60 и 102 цюрихскаго кодекса 1871 г., къ 3 годамъ заключенія въ цухтгаузѣ и къ вѣчному изъ предѣловъ Швейцаріи изгнанію. По отбытіи назначеннаго наказанія, мѣщанинъ Іолко возвратился въ Россію, но здѣсь 13 ноября 1890 г. былъ привлеченъ виленскимъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго въ участіи въ поддѣлкѣ въ 1887 г., въ Цюрихѣ, россійскихъ кредитныхъ билетовъ и заключенъ подъ стражу“. Дѣло это дошло до Сената, который и высказался по интересующему насъ принципіальному вопросу, именно—можетъ-ли быть примѣнена статья 173 улож. о наказ. (относительно преслѣдованія русскихъ подданныхъ, учинившихъ за границей преступленіе противъ Россіи или ея подданныхъ) въ случаѣ, если преступникъ былъ судимъ и отбылъ уже наказаніе въ иностранномъ государствѣ за предусмотрѣнное уложеніемъ дѣяніе. Вотъ подлинная аргументація Сената. „Статья 173, въ связи со ст. 174 и 172 угол. улож., исчисляетъ только тѣ преступныя дѣянія, за учиненіе коихъ за предѣлами Россіи и русскій подданный или даже и иностранецъ могутъ быть привлечены къ отвѣтственности предъ русскими судами и наказаны по нашимъ уголовнымъ законамъ, какъ скоро они возвратятся въ Россію или будутъ намъ выданы; но эти статьи не опредѣляютъ ни порядка, ни самыхъ условій такового привлеченія, каковыя должны быть установляемы сообразно съ прямыми на сіе указаніями нашихъ судопроизводственныхъ законовъ или по соображеніи съ принятыми въ нихъ основными началами. Къ числу таковыхъ положеній относится и выраженное въ ст. 22 у. у. с. правило о вторичной несудимости лицъ, отбывшихъ наказаніе по тому же дѣлу. Хотя по своему изложенію статья эта и имѣетъ въ виду приговоры, постановленные нашими судами, въ предѣлахъ ихъ компетентности, но основное юридическое положеніе, въ ней выраженное, „не отмстимо дважды за едино“,—„non bis in idem“, не можетъ не быть принимаемо къ руководству и при разрѣшеніи другихъ аналогичныхъ случаевъ, а въ частности при установленіи условій отвѣтственности за преступленія, учиненныя за границею. Постановленія ст. 172, 173 и 174 улож. о наказ. стремятся оградить интересы государственные и отдѣльныхъ гражданъ отъ преступныхъ посягательствъ на нихъ, учиненныхъ и внѣ предѣловъ Россіи, но таковое огражденіе становится излишнимъ, какъ скоро соотвѣтственная охрана и защита вполнѣ оказаны судебною властью мѣста учиненія дѣянія, когда виновный понесъ заслуженное имъ наказаніе, усиленіе коего новымъ осужденіемъ было бы нарушеніемъ справедливости“. „При опредѣленіи возможности возбужденія уголовнаго преслѣдованія за дѣянія, уже бывшія предметомъ судебнаго разсмотрѣнія за предѣлами Россіи, не возникаетъ вопроса объ исполненіи иностраннаго приговора, а представляется необходимымъ только установленіе дѣйствительной судимости даннаго лица за то именно дѣяніе, по поводу коего возбуждается противъ него преслѣдованіе въ Россіи. Если въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 174 уложенія, русскій судъ при опредѣленіи отвѣтственности виновнаго долженъ имѣть въ виду размѣръ наказанія, коему виновный подлежалъ бы по мѣстнымъ законамъ, то тѣмъ болѣе судъ не можетъ признать безразличнымъ то обстоятельство, что обвиняемый не только привлекался за это же дѣяніе къ суду за границею, но и понесъ за него наказаніе. Такое примѣненіе начала вторичной несудимости и къ преступленіямъ, учиненнымъ за предѣлами государства, признано всѣми важнѣйшими европейскими законодательствами: французскимъ, бельгійскимъ, итальян-

---

[1]) Авторъ подготовляетъ къ печати подробное изслѣдованіе этого вопроса.

[2]) Рѣш. кас. угол. департ. 1892 г., № 36.

скимъ, германскимъ, венгерскимъ, причемъ тѣ изъ нихъ, которыя, какъ напр., германское и венгерское, сочли необходимымъ сдѣлать изъ этого общаго начала нѣкоторыя отступленія, оговорили таковыя прямо въ самомъ же законѣ. Правильность этого начала и необходимость примѣненія его въ отношеніяхъ международныхъ всегда признавалась и нашею законодательною властью, какъ это видно изъ договоровъ о выдачѣ, заключенныхъ нами съ иностранными державами послѣ введенія судебныхъ уставовъ, а въ частности и изъ договора съ Швейцаріею 5 (17) ноября 1873 г., въ которомъ въ статьѣ 7 (?) [1]) между прочимъ выражено, что выдача не послѣдуетъ, когда она требуется по поводу того же преступленія или проступка, за которое требуемое лицо не несетъ или уже понесло наказаніе. Равнымъ образомъ и Правительствующій Сенатъ по 1-му департаменту, въ опредѣленіи своемъ по дѣлу Никитченкова 1871 г. 15 іюня и 1872 г. января 4, вполнѣ опредѣлительно выразилъ, что „правило о невозможности вторичнаго суда надъ осужденнымъ, уже судившимся, выраженное безусловно въ ст. 21 и 22 уст. угол. суд., есть постановленіе общее всѣмъ законодательствамъ образованныхъ народовъ; поэтому для того, чтобы допустить изъ этого общаго правила какое-либо въ извѣстномъ случаѣ исключеніе, необходимо прямое и категорически выраженное уполномочіе на то самого закона, какъ сіе, напр., сдѣлано въ ст. 23 и 935 у. у. с.“. Сверхъ сего, какъ видно изъ производства, наши интересы въ данномъ дѣлѣ были особо охраняемы на цюрихскомъ судѣ уполномоченнымъ на то, по порученію нашего министерства финансовъ, лицомъ, являвшимся въ качествѣ гражданской стороны“. Итакъ, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, несмотря на отсутствіе въ нашемъ законѣ категорическаго постановленія о значеніи иностранныхъ судебныхъ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ, при наличности такого приговора и отбытіи виновнымъ за границей наложеннаго наказанія новое судебное преслѣдованіе въ Россіи за то же дѣяніе не должно имѣть мѣста. Съ такой точкой зрѣнія нельзя согласиться, и соображенія, приведенныя Сенатомъ въ ея подкрѣпленіе, не могутъ быть приняты, такъ какъ въ нихъ допущены неточности, дѣлаются совершенно невѣрные выводы изъ безспорныхъ самихъ по себѣ началъ, и, наконецъ, дается неправильное толкованіе какъ законовъ, такъ и международныхъ договоровъ. Провѣркой аргументовъ Сената мы займемся въ слѣдующемъ №.

Проф. СПБ. Университ. *И. Ивановскій.*

[1]) Постановленіе, о которомъ идетъ рѣчь, помѣщено не въ 7, а въ 4 ст. конвенціи Россіи съ Швейцаріей 1873 г. о выдачѣ преступниковъ. См. мое Собраніе дѣйствующихъ договоровъ, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами, т. II, стр. 167 и сл.

Обозрѣніе практики гражд. кассаціон. департамента Правительствующаго Сената за 1897 годъ.

I. Процессуальные вопросы.

Недостатки нашихъ гражданскихъ законовъ —фактъ общеизвѣстный, и на долю нашихъ гражданскихъ судовъ выпадаетъ крайне тяжелая задача не только примѣнять законы явно несовершенные, но и разрѣшать вопросы, въ законахъ вовсе не предусмотрѣнные. Правотворческой дѣятельности суда открывается, такимъ образомъ, самый широкій просторъ, и, разумѣется, главнымъ источникомъ для изученія нормъ гражданскаго права, раскрытыхъ судами, являются рѣшенія кассаціоннаго департамента, который „наблюдаетъ за охраненіемъ точной силы закона и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными установленіями Имперіи“. Изученіе этихъ рѣшеній не должно ограничиваться извлеченіемъ изъ нихъ тезисовъ; для выясненія тѣхъ юридическихъ положеній, которыя устанавливаются Сенатомъ, необходимо внимательное ихъ разсмотрѣніе, выдѣленіе всего, носящаго болѣе случайный характеръ, обусловливающагося конкретными особенностями даннаго дѣла; необходима, наконецъ, критическая оцѣнка этихъ положеній.

Предполагая постоянно давать на страницахъ газеты „Право“ обозрѣніе текущей практики, равно какъ и систематическое изложеніе взглядовъ Правительствующаго Сената по отдѣльнымъ вопросамъ, мы приступаемъ къ этой задачѣ съ обозрѣнія рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента, опубликованныхъ въ XXXII томѣ сборника рѣшеній за 1897 г. [1]). При этомъ, для избѣжанія чрезмѣрной пестроты суммарнаго обзора, мы не будемъ касаться тѣхъ изъ напечатанныхъ въ послѣднемъ сборникѣ рѣшеній, въ которыхъ устанавливаются положенія или безспорныя или уже ранѣе разъясненныя Правительствующимъ Сенатомъ, а также рѣшеній, трактующихъ о вопросахъ узко-спеціальныхъ. Съ другой же стороны— рѣшеніямъ, затрагивающимъ слишкомъ сложные вопросы, мы предполагаемъ посвятить отдѣльныя статьи. Точно также въ особыхъ статьяхъ будутъ въ ближайшихъ нумерахъ разсмотрѣны рѣшенія по вопросамъ мѣстнаго права—польскаго и остзейскаго.

Изъ 15 рѣшеній, посвященныхъ толкованію уст. гр. суд., шесть касаются публичной продажи недвижимыхъ имуществъ. Весьма характерно, что, несмотря на болѣе чѣмъ 30-лѣтнюю практику и массу дѣлъ о продажѣ имѣній, производящихся во всѣхъ судахъ, департаменту еще до сихъ поръ приходится удѣлять значительную часть своей работы этимъ вопросамъ. Правда, относящіяся сюда статьи уст. гражд. суд. по общему признанію, представляются недоста-

[1]) Впрочемъ, значительная часть этихъ рѣшеній относится къ 1896 году.

точными, недодѣланными, но вѣрно и то, что ни разу еще Правительствующій Сенатъ не далъ руководящаго категорическаго разъясненія по этому вопросу, которое объединило бы, связало общимъ началомъ отрывочныя постановленія статей Устава. Обыкновенно вопросъ, выдвинутый въ этихъ рѣшеніяхъ, растворяется въ подробностяхъ даннаго казуса, и эти подробности настолько затемняютъ самый вопросъ, что въ послѣдующихъ рѣшеніяхъ, высказывающихъ иногда прямо противоположный прежнему взглядъ, оказывается возможнымъ подкрѣплять соображенія ссылкой на предшествующія рѣшенія. Примѣромъ могутъ служить рѣшенія подъ №№ 13 и 66, въ которыхъ кассаціонный департаментъ утверждаетъ, что залогопринимать имѣетъ право на укрѣпленіе за собою заложеннаго имѣнія не иначе, какъ *въ суммѣ залога*, безотносительно къ тому, будетъ-ли залоговая сумма ниже или выше оцѣнки, и право это не ставится въ зависимость отъ участія или неучастія залогодержателя въ оцѣнкѣ имѣнія и въ торгѣ. При этомъ дѣлается, между прочимъ, ссылка на рѣшенія 1871 г. № 994 и 1895 г. № 76: въ первомъ изъ нихъ Сенатъ разъяснилъ, что, если залогодержатель принималъ участіе въ торгѣ, то онъ можетъ оставить за собою имѣніе въ суммѣ *надданной имъ цѣны*, а во второмъ, что „послѣ несостоявшихся первыхъ торговъ залогопринимать можетъ требовать назначенія новыхъ торговъ, если не желаетъ оставить имѣніе за собою *по оцѣнкѣ*“. При такихъ условіяхъ—едва-ли новое рѣшеніе служитъ подтвержденіемъ прежде высказаннаго взгляда. Самый вопросъ поставленъ въ этомъ рѣшеніи нѣсколько странно и не совсѣмъ точно: „залогопринимать, предложившій за имѣніе на публичномъ торгѣ сумму, не покрывающую его залоговой претензіи, на удовлетвореніе которой продавалось заложенное имѣніе, и оштрафованный за невзносъ задатка, можетъ-ли оставить имѣніе за собою по 2 п. 1068 ст., если на новомъ торгѣ, въ которомъ залогодержатель уже не участвовалъ, высшая, предложенная другимъ лицомъ цѣна будетъ ниже той, въ которую имѣніе заложено?“ Всѣ-ли эти признаки имѣютъ самостоятельное значеніе? О нѣкоторыхъ изъ нихъ дальше уже не упоминается. Можетъ-ли данное разъясненіе относиться, напр., и къ тѣмъ случаямъ, когда имѣніе продавалось не по претензіи залогодержателя или если бы послѣдній не былъ оштрафованъ за невзносъ задатка? Что значитъ „новый торгъ?“ Судя по тому, что всего можетъ быть два торга, надо думать, что подъ „новымъ“ разумѣется „второй“, но здѣсь рѣчь идетъ о первомъ, возобновленномъ по правилу 1177 ст. уст. гр. суд.

Такая же фактическая неточность имѣется и въ рѣшеніи подъ № 18, коимъ разъяснено, что „пропускъ покупщикомъ семидневнаго срока (установленнаго 1176 ст.) на представленіе крѣпостныхъ пошлинъ не можетъ служить препятствіемъ къ укрѣпленію за нимъ имѣнія, если онъ ихъ представитъ до постановленія судомъ опредѣленія о послѣдствіяхъ торга“. Единственнымъ подтвержденіемъ Прав. Сенатъ приводитъ то обстоятельство, что включеніе въ 1176 ст. словъ „и крѣпостныхъ пошлинъ“ состоялось „*только* для согласованія съ 145 ст. пр. судеб. преобразованія въ Прибалтійскомъ краѣ“ (1882 ст. уст. гр. суд.), а въ этомъ краѣ невнесеніе покупщикомъ крѣпостныхъ пошлинъ въ установленный срокъ не препятствуетъ укрѣпленію имѣнія за нимъ при условіи представленія пошлинъ до новаго торга.

Въ дѣйствительности, при обсужденіи этого вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ было обращено вниманіе, что „ни въ разсматриваемой ст. проекта, ни въ 1176 ст. уст. гр. суд. не упомянуто объ обязанности покупщика внести въ срокъ, вмѣстѣ съ покупной цѣной, и крѣпостныя пошлины; неуказаніе о семъ въ послѣдней изъ статей объясняется простымъ пропускомъ, и она должна быть соотвѣтственнымъ образомъ дополнена. Въ этомъ же смыслѣ слѣдуетъ дополнить и 163 ст. проекта“. Слѣдовательно, включеніе разсматриваемыхъ словъ въ ст. 1176 вовсе не было сдѣлано *только* съ цѣлью согласованія и вообще не имѣло такой цѣли, а должно было восполнить пропускъ, и, такимъ образомъ, единственный доводъ, приводимый Сенатомъ, отпадаетъ, и выводъ его остается необоснованнымъ. Съ этимъ выводомъ едва-ли можно согласиться, потому что ст. 1176, помѣщенная въ главѣ о несостоявшихся и недѣйствительныхъ торгахъ, категорически требуетъ взноса крѣпостныхъ пошлинъ въ установленный срокъ. Кас. департаментъ находитъ, что неисполненіе этого требованія не должно влечь признаніе торга несостоявшимся, потому что въ ст. 1170, перечисляющей поводы къ признанію торговъ несостоявшимися, такого случая не указано. Но вѣдь здѣсь одинаково не упоминается и о томъ случаѣ, если крѣпостныя пошлины не будутъ внесены до постановленія судомъ опредѣленія о послѣдствіяхъ торга. Пунктъ 3 ст. 1170 редактированъ въ общихъ выраженіяхъ: покупщикъ обязанъ, внеся задатокъ, уплатить остальную сумму въ срокъ. Подъ понятіе „остальной суммы“ вполнѣ подходятъ и крѣпостныя пошлины; во всякомъ случаѣ такое толкованіе устранило бы созданное нынѣ рѣшеніемъ за № 18 прямое противорѣчіе ст. 1176 и установленіе новаго срока (до постановленія опредѣленія), совершенно произвольнаго, ибо съ равнымъ правомъ можно утверждать, что крѣпостныя пошлины, по аналогіи съ порядкомъ въ Прибалтійскомъ краѣ, могутъ быть внесены до производства новаго торга.

Ст. 1176 служитъ еще предметомъ обсужденія и въ другомъ рѣшеніи (№ 27) по вопросу о судьбѣ задатка, внесеннаго покупателемъ, неуплатившимъ засимъ всей покупной цѣны, если

продажа имущества будетъ впослѣдствіи по той или другой причинѣ отмѣнена, и исполненіе, обращенное на продаваемое имущество, прекращено. Правительствующій Сенатъ справедливо находитъ, что оставленіе задатка въ рукахъ взыскателя, самый искъ коего былъ впослѣдствіи отвергнутъ по рѣшенію суда, представлялось бы неправымъ обогащеніемъ его на чужой счетъ. Но какое же назначеніе дать задатку въ такомъ случаѣ? Уст. гр. суд. ничего не говоритъ объ этомъ. По мнѣнію Анненкова (Опытъ, т. V, с. 417), если задатокъ не нуженъ на погашеніе предъявленныхъ взысканій, то, по аналогіи съ 1179 ст., онъ долженъ быть обращенъ въ пользу мѣстныхъ заведеній общественнаго призрѣнія. Но Пр. Сенатъ въ разсматриваемомъ рѣшеніи находитъ, что „распространеніе дѣйствія спеціальныхъ и притомъ карательныхъ постановленій закона не можетъ имѣть мѣста, въ порядкѣ 9 ст. уст. гр. суд., на тѣ случаи, которые прямо этими постановленіями не предусмотрѣны. Дѣло, однако, въ томъ, что, какъ признано еще въ рѣшеніи гр. кас. департ. за 1871 г. № 904, и задатокъ этотъ представляется ничѣмъ инымъ, какъ штрафомъ, который законъ возлагаетъ на покупщика. Слѣдовательно, вопросъ идетъ лишь о судьбѣ штрафа, а не о распространительномъ толкованіи карательнаго постановленія. Если же оставленіе задатка разсматривать, какъ штрафъ,—то трудно согласиться съ выводомъ Правительствующаго Сената, что задатокъ этотъ подлежитъ возврату тому лицу, коимъ онъ былъ внесенъ, если впослѣдствіи самая продажа оказалась излишней, потому что это обстоятельство ни въ чемъ не измѣнило свойства того дѣйствія неисправнаго покупщика, которое повлекло за собою наложеніе штрафа.

Въ рѣшеніи № 57 содержится толкованіе устава одесскаго городскаго кредитнаго общества, но имъ возбуждается общій, къ сожалѣнію, не поставленный Сенатомъ, вопросъ о соотношеніи постановленій частныхъ уставовъ банковъ съ положеніями уст. гр. суд.

Мы читаемъ въ рѣшеніи, что, по § 104 уст. одесск. гор. кред. общ., только въ случаяхъ, не разрѣшенныхъ уставомъ, общество дѣйствуетъ на основаніи общихъ законовъ. Уставъ въ 78 ст. постановляетъ, что если на торги желающихъ купить имѣніе не явится..., то и т. д. Но въ уставѣ не содержится никакихъ указаній, можетъ-ли торгъ происходить и при явкѣ одного покупателя. Поэтому, казалось бы правильнымъ разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи правилъ уст. гр. суд., но Пр. Сенатъ положилъ въ основаніе своего вывода инструкцію, утвержденную общимъ собраніемъ, не остановившись на томъ, компетентна-ли инструкція устанавливать понятіе о торгѣ и порядкѣ его производства. Наконецъ, въ послѣднемъ изъ упомянутыхъ шести рѣшеній (№ 70) подтверждается взглядъ, что всѣ участвующія въ исполнительномъ производствѣ лица, находя это производство по какимъ бы то ни было основаніямъ неправильнымъ, должны обжаловать неправильность въ частномъ порядкѣ въ срокъ, указанный въ 1205 ст.

Весьма важныя въ практическомъ отношеніи разъясненія преподаны въ рѣшеніяхъ №№ 53 и 56 по вопросамъ о заочныхъ рѣшеніяхъ и объ исполнительномъ производствѣ, и нельзя не пожалѣть, что оба они, особенно второе, являются значительно запоздалыми, потому что многіе суды, какъ намъ извѣстно, примѣняли на практикѣ противоположный, неправильный взглядъ. Въ первомъ изъ этихъ рѣшеній гражданскій кассаціонный департаментъ высказалъ, что срокъ на подачу апелляціонной жалобы на заочное рѣшеніе, коимъ въ искѣ истцу отказано, исчисляется также, какъ и въ противоположныхъ случаяхъ, со времени полученія отвѣтчикомъ выписки изъ рѣшенія. Правильность этого вывода подтверждается не только буквальнымъ смысломъ 734 ст., но и исторіей этого закона, приведенной въ замѣткѣ, напечатанной въ Ж. М. Ю. за 1897 г. № 7. Во второмъ рѣшеніи кассаціонный департаментъ, согласно съ мнѣніемъ К. Малышева (курсъ гр. суд. т. 1 стр. 343) и вопреки мнѣнію Вербловскаго (Движ. гр. проц. с. 148), Анненкова (т. III с. 419) и рѣшенію 1874 г. № 251, признающимъ исполнительное производство самостоятельнымъ исковымъ, разъяснилъ, что это производство представляется не вполнѣ самостоятельнымъ, не отдѣльнымъ или новымъ, и что для возбужденія его достаточно такое же прошеніе, какое установлено для возбужденія частныхъ производствъ по дѣлу и которое не подлежитъ оплатѣ судебной пошлиной.

Главнымъ основаніемъ противоположнаго мнѣнія служитъ 853 ст., категорически изъемлющая отъ платежа судебныхъ пошлинъ иски о возвратѣ судебныхъ пошлинъ. A contrario отсюда заключаютъ, что прошенія о взысканіи убытковъ и доходовъ въ исполнительномъ порядкѣ не освобождаются отъ судебной пошлины. Въ этомъ заключеніи кроется та ошибка, что смыслъ 853 ст. въ дѣйствительности гораздо шире, такъ какъ она касается вообще исковъ о судебныхъ издержкахъ, предъявляемыхъ въ обыкновенномъ порядкѣ производства; слѣдовательно, обратное заключеніе къ исполнительному производству логически невѣрно.

Намъ остается еще упомянуть о рѣшеніи № 67, въ коемъ Правительствующій Сенатъ утвердительно разрѣшаетъ вопросъ о допустимости обжалованія въ кассаціонномъ порядкѣ опредѣленія судовъ по просьбамъ объ обезпеченіи доказательствъ. Этотъ выводъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ твердо установленнымъ въ прежнихъ рѣшеніяхъ принципомъ, согласно которому допускается принесеніе кассаціонной жалобы на всякое постановленіе, хотя бы и не принадлежащее къ числу рѣшеній въ

строгомъ смыслѣ слова, если имъ окончательно разрѣшается вопросъ о чьемъ-либо правѣ. По существу же возбужденнаго въ дѣлѣ вопроса кассаціонный департаментъ призналъ, что общія правила о судебныхъ доказательствахъ сохраняютъ всю свою силу и для производства объ обезпеченіи ихъ. Наконецъ, въ рѣшеніи № 62 Правительствующій Сенатъ весьма сильно ограничилъ смыслъ 400 ст. учр. суд. уст., разъяснивъ, что только довѣрители, переуступившіе тяжбу повѣренному, могутъ требовать признанія этой сдѣлки недѣйствительной, а третьимъ лицамъ, имѣющимъ интересъ въ уничтоженіи такой сдѣлки, право это не принадлежитъ. Взглядъ Сената находитъ сильную поддержку въ мотивахъ къ закону, изъ коихъ видно, что законодатель имѣлъ въ виду охраненіе *частныхъ* интересовъ,—огражденіе „неопытныхъ тяжущихся отъ неблагонамѣренныхъ повѣренныхъ“, а не *публичныхъ*—поддержаніе нравственнаго достоинства сословія. Поэтому ни судъ ex officio, ни лица, не участвовавшія въ передачѣ, не могутъ возбуждать вопросъ о недѣйствительности сдѣлки. Но эти мотивы не нашли своего выраженія въ законѣ, и текстъ его, подтверждающій запрещеніе угрозой недѣйствительности, не содержитъ никакихъ указаній въ пользу такого толкованія. Еще весьма недавно въ рѣшеніи № 85 за 1891 г. Правительствующій Сенатъ держался, повидимому, другаго взгляда и оставилъ безъ послѣдствій кассаціонную жалобу на рѣшеніе, коимъ было отказано въ искѣ повѣренному на основаніи 400 ст., хотя со стороны передававшаго права по сдѣлкѣ никакого спора заявлено не было. Не говоря о томъ, что со стороны „неопытныхъ тяжущихся“, о которыхъ законъ желалъ позаботиться, меньше всего слѣдуетъ ожидать заявленіе спора, едва-ли можно считать нормальнымъ и желательнымъ такой порядокъ вещей, когда судъ оказываетъ защиту запрещенной закономъ сдѣлкѣ лица, задача котораго должна заключаться прежде всего въ соблюденіи закона.

Практическія замѣтки о производствѣ по преступленіямъ и проступкамъ противъ имущества и доходовъ казны.

I.

Принадлежитъ-ли лицамъ, отвѣчающимъ по 1004 ст. уст. об. акц. сб. за присуждаемыя съ виновныхъ денежныя взысканія, право принесенія отзыва на заочныя рѣшенія?

Согласно 133 ст. уст. угол. суд., если обвиняемый въ проступкѣ, за который полагается наказаніе не свыше ареста, не явится и не пришлетъ повѣреннаго, или же хотя и пришлетъ повѣреннаго, но по такому дѣлу, по которому онъ самъ вызывался лично, то мировой судья постановляетъ заочный приговоръ, копія съ котораго на основаніи 138 ст. сообщается обвиняемому, имѣющему по 133 ст. право подать отзывъ о новомъ разсмотрѣніи дѣла. Тѣ же правила, въ нѣсколько иной редакціи, повторены въ 834 [4] и [5] ст. того же устава.

Текстъ этихъ статей не оставляетъ сомнѣнія, что „заочные“ приговоры въ юридическомъ смыслѣ этого слова, т. е. приговоры, постановленные не только въ отсутствіи участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, но съ послѣдствіями по 138, 139, 834 [4] и [5] ст., существуютъ только для обвиняемыхъ. Таково и мнѣніе угол. кас. деп. (р. 68/842, 71/675 и др.). Слѣдовательно, отвѣтъ на предложенный вопросъ обусловливается тѣмъ, какую роль въ процессѣ играютъ означенныя въ нашемъ вопросѣ лица, т. е. должны-ли они быть приравнены въ своихъ правахъ къ обвиняемымъ, или къ гражданскимъ отвѣтчикамъ?

На основаніи 1004 ст. уст. об. акц. сб. заводчики, арендаторы завода и содержатели торговыхъ заведеній обязаны уплатить $^3/_4$ денежнаго взысканія, присужденнаго съ управляющихъ заводами, отвѣтственныхъ винокуровъ или пивоваровъ, заводскихъ служащихъ или рабочихъ, приказчиковъ или сидѣльцевъ заведеній за нарушеніе уст. пит. и неуплаченнаго виновными въ теченіе двухъ недѣль со времени вступленія въ законную силу судебнаго приговора или по прошествіи срока на обжалованіе административнаго постановленія. Извѣстно, что система денежныхъ взысканій въ уст. пит. довольно сложная. Чаще всего назначается денежное взысканіе не свыше опредѣленнаго максимума (ст. 937, 939, 949, 950, 954—956, 958—962 и т. д.), причемъ иногда къ этому штрафу прибавляется еще взысканіе тройной цѣны патента (943 и 944 ст.) уплата особой суммы въ возмѣщеніе патентнаго сбора (981 ст.) или акциза вдесятеро (945, 963, 966 ст.), или уплата этого акциза и патентной платы втрое (946 ст.). Въ другихъ случаяхъ назначается взысканіе, равное двойному акцизу, соединенное съ уплатой акциза (951 ст.) и стоимости выдѣланныхъ питей (ст. 941, 948 и др.), или же взысканіе, равное двойной или тройной цѣнѣ бандеролей, или цѣнѣ годоваго патента, или четвертой части, половинѣ или двойной цѣнѣ его, соединенное съ обязанностью взять патентъ (ст. 947, 957, 983, 988, 989) и т. д.

Изъ этого перечня видно, что терминъ „денежное взысканіе“ въ 1004 ст. обнимаетъ какъ взятіе патента или уплату его стоимости или акциза, составляющія вознагражденіе казны (р. 1870 г. № 1236 и др.), такъ и тѣ денежныя пени, опредѣленіе размѣра которыхъ зависитъ отъ суда и которыя составляютъ несомнѣнно наказаніе, налагаемое за совершеніе преступнаго дѣянія (VII п. 30 ст. улож.; 1 ст. уст. о нак.; р. 1880 г. № 20); наконецъ, къ денежнымъ взысканіямъ по 1004 ст. относится и та группа таковыхъ, въ которой карательный элементъ неразрывно соединяется съ вознагра-

деніемъ казны за претерпѣнные ею убытки, такъ что размѣръ ихъ не опредѣляется закономъ, а опредѣляется лишь масштабъ для вычисленія этихъ взысканій (напр., двойная цѣна патента и т. д.). Впрочемъ, и эти денежныя взысканія не могутъ не быть признаны наказаніемъ. Это явствуетъ уже изъ того, что по уст. об. акц. сб. они назначаются одновременно съ вознагражденіемъ казны и что они погашаются уголовною давностью [1]).

Вознагражденіе же казны (напр. уплата стоимости патента) никогда не назначается самостоятельно, а всегда совокупно съ однимъ изъ другихъ денежныхъ взысканій. Слѣдовательно, лица, отвѣчающія по 1004 ст., хотя и могутъ отвѣчать за слѣдуемое казнѣ вознагражденіе, отвѣчаютъ принципіально всегда за денежное взысканіе, наложенное на виновнаго, какъ наказаніе.

Едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что такая отвѣтственность не имѣетъ гражданскаго характера. Государство настолько интересуется дѣйствительнымъ осуществленіемъ присужденнаго наказанія, что, въ случаѣ нежеланія виновнаго уплатить наложенный штрафъ, создаетъ изъ лицъ невиновныхъ или менѣе виновныхъ поручителей, которые отвѣтствуютъ за поступленіе взысканія. Отвѣтственность эта, составляющая исключеніе изъ общаго правила, изложеннаго въ 15 ст. уст. уг. суд., вытекаетъ, очевидно, не изъ принциповъ гражданскаго права, которое знаетъ только вознагражденіе за причиненные преступнымъ дѣяніемъ другого лица вредъ и убытки, но не отвѣтственность за исполненіе наказанія. Поэтому отвѣтственность эта есть институтъ не гражданскаго, а уголовнаго права.

Но если отвѣтственность по 1004 ст. уст. объ акц. сб. есть именно уголовная, а не гражданская, то очевидно, что отвѣтственныя по ней лица не могутъ быть причислены къ гражданскимъ отвѣтчикамъ. Въ этомъ убѣждаетъ 860 ст. уст. уг. суд., согласно которой подъ таковыми подразумѣваются исключительно тѣ лица, на которыя обращено взысканіе вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные преступнымъ дѣяніемъ. А такъ какъ уголовные поручители отвѣчаютъ именно не за вознагражденіе вреда и убытковъ, а за исполненіе наказанія, то очевидно, что они должны быть приравнены въ своихъ правахъ не къ гражданскимъ отвѣтчикамъ, а къ обвиняемымъ.

Противъ этого можно, разумѣется, возражать, что въ уст. уг. суд. нѣтъ никакого указанія на подобное расширеніе понятія обвиняемаго. Но несомнѣнно, что это обстоятельство, въ виду 12 ст. уст. угол. суд., не можетъ быть препятствіемъ къ признанію правильности изложеннаго мнѣнія.

Если существуютъ „уголовные поручители“, неупомянутые въ уставѣ, то, согласно 12 ст., имъ должно быть отведено въ процессѣ то положеніе, которое соотвѣтствуетъ юридической природѣ ихъ отвѣтственности. Не слѣдуетъ забывать, что уголовные поручители въ смыслѣ 1004 ст. явились въ нашемъ законодательствѣ уже послѣ 1864 года. Во время изданія уст. угол. суд., съ одной стороны, согласно 266 ст. пол. о пит. сб. 1861 г. (322 ст. уст. пит. изд. 1867 г.), денежныя взысканія за нарушенія при продажѣ питей налагались всегда на хозяина питейнаго заведенія, въ коемъ обнаружено было нарушеніе, хотя бы онъ при этомъ не находился, а, съ другой, согласно 721 ст. улож. о нак. изд. 1857 г. (673 ст. изд. 1866 г.) на заводчиковъ возлагалось возмѣщеніе денежныхъ взысканій лишь въ томъ случаѣ, если виновные оказывались несостоятельными къ уплатѣ оныхъ. Правда, что отвѣтственность заводчиковъ соотвѣтствовала по своему содержанію и юридическому основанію отвѣтственности теперешнихъ поручителей, такъ какъ отъ первыхъ и тогда требовалось исполненіе наказанія, но предъявленіе этого требованія обусловливалось наступленіемъ несостоятельности виновнаго, т. е. наступленіемъ факта, относящагося къ области гражданскаго права, и это обстоятельство могло дать поводъ признать (хотя неправильно), что отвѣтственность заводчиковъ основана на нормахъ гражданскаго права и что поэтому они должны быть причислены къ гражданскимъ отвѣтчикамъ [1]).

Когда затѣмъ въ 1874 г. (собр. узак. № 714) явилось новое постановленіе объ уголовномъ поручительствѣ хозяевъ оптовыхъ складовъ и т. д. за денежныя взысканія, наложенныя на виновныхъ въ продажѣ питей ниже установленной крѣпости, необусловленномъ несостоятельностью послѣднихъ (2 ч. 442 ст. уст. пит. изд. 1876 г.), то практика не обратила вниманія на это новое правило. Наконецъ, правила 28-го мая 1883 г., измѣняя систему взысканій за нарушенія постановленій объ акц. сб., обоб-

---

[1]) Противоположное мнѣніе высказалъ угол. кас. деп., который въ р. 1897 г. № 26 призналъ, что взысканіе патентнаго сбора въ тройномъ количествѣ составляетъ вознагражденіе казны за вредъ и убытки. Это мнѣніе мотивировано ссылкой на р. 1892 г. № 35. Но при этомъ Пр. Сенатъ упустилъ изъ виду, что 253 и 285 ст. уст. о таб. сб. изд. 1886 г. (1048 и 1080 ст. уст. объ акц. сб.), на которыхъ основано послѣднее рѣшеніе, не имѣютъ общаго значенія для всѣхъ нарушеній уст. объ акц. сб. и, слѣдовательно, предполагая даже, что толкованіе означенныхъ статей само по себѣ правильно, оно не можетъ быть примѣняемо къ нарушеніямъ уст. пит.

[1]) Угол. кас. деп., раздѣляющій это мнѣніе, не могъ, однако, не замѣтить всю шаткость его; это слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, заключить изъ р. 1873 г. № 790, въ которомъ сказано, что заводчики обязаны уплачивать штрафъ не за свою вину въ качествѣ, *такъ сказать*, гражданскаго отвѣтчика. Другими словами, кас. деп. не рѣшился признать, что заводчики въ дѣйствительности гражданскіе отвѣтчики, а создалъ весьма неопредѣленный новый институтъ „такъ сказать гражданскихъ отвѣтчиковъ“.

щили постановленіе 442 ст. и тѣмъ уничтожили единственное (и то лишь кажущееся) основаніе причислить уголовныхъ поручителей къ гражданскимъ отвѣтчикамъ. Но практика и теперь не измѣнила своихъ взглядовъ и продолжаетъ смѣшивать эти двѣ категоріи лицъ, несмотря на существующее между ними основное юридическое различіе.

Итакъ, повторяю, уголовные поручители должны быть приравнены къ обвиняемымъ; поэтому имъ принадлежатъ всѣ тѣ права защиты, которыми пользуются послѣдніе, въ томъ числѣ и право отзыва на постановленные въ ихъ отсутствіи приговоры, которые считаются для нихъ заочными.

Право это принадлежитъ одинаково и уголовнымъ поручителямъ, указаннымъ въ 1078, 1102, 1113, 1128 ст. уст. объ акц. сб.

А. Фонъ-Резонъ.

Хроника.

Для предварительнаго разсмотрѣнія внесеннаго въ Государственный Совѣтъ проекта уголовнаго уложенія образовано Высочайше утвержденное особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Э. В. Фриша, въ составѣ членовъ Государственнаго Совѣта И. И. Шамшина, И. Я. Голубева, В. В. Верховскаго, Н. Н. Герарда, И. И. Розинга, М. Н. Галкина-Врасскаго, Д. Г. фонъ-Дервиза, С. А. Мордвинова, Н. Н. Селифонтова, государственнаго секретаря В. К. фонъ-Плеве, первоприсутствующаго въ уголовн. кассац. департаментѣ Н. С. Таганцева и представителей отъ всѣхъ министерствъ.

Предсѣдателю совѣщанія предоставлено право приглашать въ засѣданіе членовъ редакціонной комиссіи по составленію проекта.

—

Состоящая при департаментѣ торговли и мануфактуръ комиссія по пересмотру дѣйствующихъ объ артеляхъ узаконеній выработала проектъ закона объ артеляхъ. Статьи этого проекта должны войти въ X т. 1 ч., при чемъ 2127 и 2128 ст. измѣняются, а VII гл. „о товариществѣ“ дополняется постановленіемъ о товариществахъ трудовыхъ или артельныхъ, состоящимъ изъ 11 статей. Въ отличіе отъ 89 ст. уст. торг. (т. XI ч. 2 св. з. изд. 1893 г.), усматривающей назначеніе артели въ отправленіи службъ, работъ или промысловъ, *силамъ одного человѣка несоразмѣрныхъ*, ст. 1 проекта опредѣляетъ артель какъ сообщество работниковъ, по добровольному между собою условію составленныхъ для производства личнымъ трудомъ каждаго, за общій счетъ артели, временныхъ или постоянныхъ работъ и промысловъ въ разныхъ отрасляхъ народнаго труда, а равно для отправленія всякаго рода невоспрещенныхъ закономъ службъ, должностей, за круговой отвѣтственностью участниковъ. Дозволяется учрежденіе артелей и по словесному соглашенію на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Въ ст. 4 проектъ опредѣляетъ обязательное содержаніе договоровъ или уставовъ артельныхъ товариществъ. Наемный трудъ въ артеляхъ допускается лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Несовершеннолѣтніе члены артели не имѣютъ права участвовать въ управленіи дѣлами товарищества и отвѣтственность ихъ ограничивается членскимъ взносомъ. Любопытно еще отмѣтить, что членскіе взносы могутъ производиться какъ деньгами, такъ и необходимыми для артели предметами.

—

При министерствѣ юстиціи съ весны с. г. образована подъ предсѣдательствомъ члена консультаціи И. В. Мѣщанинова комиссія для разработки крайне важнаго вопроса о мѣрахъ борьбы противъ профессіональнаго нищенства и бродяжества. Въ эту комиссію вошли слѣдующія лица въ качествѣ представителей отъ разныхъ вѣдомствъ: баронъ О. О. Буксгевденъ, И. В. Рукавишниковъ, В. И. Иваньковъ, В. И. Маркевичъ, Д. А. Дриль, А. В. Лихачевъ, А. А. Левенстимъ (отъ министерства юстиціи), Е. И. Максимовъ и В. И. Черешнинъ, (отъ мин. внутр. дѣлъ), баронъ Э. Ю. Нольде и гр. Н. А. Ламсдорфъ (отъ попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ), Н. П. Щепкинъ (предсѣдатель тюремнаго благотворительнаго общества) и В. С. Балашовъ.

Будемъ надѣяться, что комиссіи удастся справиться съ своей трудной задачей и найти средства, чтобы уменьшить дальнѣйшее развитіе промысловаго нищенства, которое въ послѣдніе годы приняло весьма нежелательные размѣры.

—

Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ выработало проектъ преобразованія управленія уральскими казенными горными заводами, который, по полученіи о немъ отзывовъ подлежащихъ министерствъ, будетъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. (С.-Пет. Вѣд.).

—

Предсѣдатель с.-петербургскаго окр. суда обратился въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ округа с.-петербургской судебной палаты съ просьбой о содѣйствіи поддержанію установленнаго вновь порядка личныхъ сношеній присяжной адвокатуры съ канцеляріями суда.—Наказъ окружнаго суда дополненъ правиломъ, согласно которому присяжнымъ повѣреннымъ и ихъ помощникамъ предоставляется право входить въ помѣщеніе канцеляріи съ разрѣшенія секретаря.—Разрѣшеніе на входъ отнимается у того, кто нарушитъ запрещеніе сноситься по дѣламъ съ канцелярскими чиновниками и писцами. За справками можно обращаться къ ре-

гистраторамъ, секретарямъ и ихъ помощникамъ; разсмотрѣніе дѣлъ допускается за особымъ столомъ въ помѣщеніи секретаря, а въ случаѣ недостатка мѣста за этимъ столомъ, въ особомъ отдѣленіи канцеляріи предсѣдателя. Для списыванія копій съ бумагъ, находящихся въ дѣлахъ, имѣется нѣсколько писарей, несостоящихъ на службѣ.—Писаря помѣщаются въ комнатѣ рядомъ съ консультаціей присяжныхъ повѣренныхъ и работаютъ подъ надзоромъ ихъ старосты и дежурнаго помощника секретаря. Заказы писарямъ оплачиваются по добровольному соглашенію со старостой, но не свыше, однако, установленной таксы. На этихъ писарей возлагается также обязанность безплатно составлять, по приказу помощника секретаря, небольшія и несложныя бумаги для неграмотныхъ и неопытныхъ лицъ, нуждающихся въ такой помощи.—Всѣ эти мѣры имѣютъ цѣлью устранить „тайное пользованіе канцелярскими чиновниками ввѣреннымъ по службѣ производствомъ, причемъ какъ самое производство, такъ и документы уносятся на домъ, подвергаясь всякимъ случайностямъ домашней обстановки“. Нужно, однако, замѣтить, что обычай обращаться за справками не къ помощникамъ секретарей, а канцелярскимъ чиновникамъ въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что первые, часто смѣняясь, уступаютъ вторымъ, которые остаются на своихъ мѣстахъ много лѣтъ, въ знаніи дѣлопроизводства своего стола, и обыкновенно помощникъ секретаря служитъ только посредникомъ по передачѣ канц. чиновнику требуемой просителемъ справки. Поэтому успѣхъ новыхъ мѣропріятій будетъ зависѣть отъ того, насколько онѣ окажутся удобными для лицъ, которымъ часто приходится обращаться за справками, не будутъ-ли онѣ сопряжены съ большой и безплодной потерей времени. Иначе въ практику суда опять можетъ „вкрасться обычай“, подобно тому какъ и входъ присяжныхъ повѣренныхъ въ канцеляріи практиковался задолго до того, какъ общее собраніе 2 мая с. г. узаконило эту практику, дополнивъ въ такомъ смыслѣ наказъ.

—

На дняхъ въ С.-Петербургской судебной палатѣ, по I департаменту, слушалось весьма интересное и въ бытовомъ и въ юридическомъ отношеніи дѣло по иску Н. Хесинъ къ своему бракоразводному мужу Шерешевскому о 16,606 рубляхъ по договору и по встрѣчному иску г. Шерешевскаго объ обязаніи г-жи Хесинъ возвратить захваченныхъ ею и неправильно удерживаемыхъ дѣтей ихъ, Сергѣя и Константина.

Обстоятельства дѣла таковы: послѣ расторженія брака Шерешевскихъ Н. Хесинъ возбудила въ комиссіи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, дѣло объ отобраніи дѣтей у ея бракоразведеннаго мужа и передачѣ ихъ ей. Ходатайство ея не увѣнчалось успѣхомъ; напротивъ, 4 октября 1890 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ малолѣтнихъ Сергѣя и Константина на исключительное попеченіе отца ихъ, Бориса Шерешевскаго, и шурина его, статскаго совѣтника Василія Васильевича Фрейганга.

Послѣ этого стороны избрали третейскій судъ для урегулированія ихъ личныхъ и имущественныхъ отношеній. По рѣшенію этого суда Б. Шерешевскій обязанъ уплачивать г-жѣ Хесинъ по 1,500 рублей ежегодно въ теченіе 5 лѣтъ, считая съ 15 октября 1890 года, а по полученіи отъ матери своей бракоразведенной супруги долга въ 15 т. руб. внести половину въ Государственный банкъ на имя своей бывшей супруги Н. Хесинъ. Кромѣ того, ей предоставлено видѣться съ дѣтьми. Воспользовавшись однимъ изъ свиданій, Н. Хесинъ похитила дѣтей, увезла ихъ за границу и до сихъ поръ удерживаетъ у себя.

Засимъ, вслѣдствіе неисполненія Б. Шерешевскимъ рѣшенія третейскаго суда о выдачѣ содержанія Н. Хесинъ, она предъявила въ С.-Петербургскомъ окр. судѣ искъ къ Б. Шерешевскому объ уплатѣ слѣдуемыхъ ей по тому рѣшенію 16,606 р. Б. Шерешевскій предъявилъ встрѣчный искъ объ отобраніи у Н. Хесинъ дѣтей и о передачѣ ихъ ему. Къ этому встрѣчному иску присоединился впослѣдствіи и другой опекунъ, назначенный Высочайшею властью, статскій совѣтникъ Василій Васильевичъ Фрейгангъ.

Окружный судъ отказалъ въ обоихъ искахъ: въ первоначальномъ—на томъ основаніи, что Н. Хесинъ уступила свои права по рѣшенію третейскаго суда, и хотя впослѣдствіи, уже послѣ предъявленія иска, пріобрѣла ихъ обратно, но права истцовъ обсуждаются по моменту предъявленія иска; во встрѣчномъ же искѣ было отказано въ виду того, что вопросъ объ участи дѣтей уже разрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ и потому не можетъ подлежать обсужденію суда. На рѣшеніе суда обѣ стороны принесли апелляціонныя жалобы. Въ засѣданіи палаты по этому дѣлу выступили: со стороны Б. Шерешевскаго—пр. пов. В. Н. Герардъ, со стороны Н. Хесинъ—пр. пов. Н. П. Карабчевскій. Судебная палата утвердила рѣшеніе суда въ части, касающейся первоначальнаго иска; встрѣчный же искъ Шерешевскаго объ отобраніи дѣтей у Н. Хесинъ признала подлежащимъ удовлетворенію. Мотивы пока неизвѣстны, такъ какъ рѣшеніе въ окончательной формѣ еще не изготовлено.

—

Симферопольское губернское по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіе на-дняхъ высказалось по весьма важному принципіальному вопросу, возникшему въ практикѣ симферопольской думы. Присутствіе нашло, что городское управленіе не обязано давать офицерамъ квартиры натурой. Аналогичный вопросъ возбужденъ былъ въ Ярославлѣ и рѣшенъ въ такомъ же смыслѣ. (С.-Пет. Вѣд.).

—

4 октября началось чтеніе лекцій на первомъ
ѣ юридическаго факультета Томскаго уни-
итета въ слѣдующемъ составѣ преподавате-
проф. Бѣликовъ читаетъ богословіе 3 часа въ
ю, проф. Табашниковъ—исторію римскаго
а 6 ч. въ недѣлю, проф. Живаго—энци-
лопедію права 4 ч., проф. Рейснеръ—поли-
тическую экономію 4 ч. и проф. Малиновскій—
исторію русскаго права 4 ч. въ недѣлю (Сиб. В.).

—

„Приазовскій Край“ сообщаетъ о чрезвычайно любопытномъ и совершенно исключительномъ въ судебной практикѣ дѣлѣ, разсматривавшемся недавно въ гражданскомъ отдѣленіи Новочеркасскаго окр. суда. Министръ внутр. дѣлъ разрѣшилъ вдовѣ к. с. Калмыковой перевезти тѣло умершаго мужа ея изъ мѣста его погребенія—въ родовомъ имѣніи на новочеркасское городское кладбище. Поданное засимъ ходатайство матери и братьевъ покойнаго объ отмѣнѣ даннаго разрѣшенія оставлено было министромъ внутр. дѣлъ безъ уваженія. Тогда эти родственники покойнаго предъявили къ вдовѣ его искъ въ окружномъ судѣ, но судъ, согласно съ заключеніемъ представителя прокурорскаго надзора, призналъ этотъ искъ неподсуднымъ гражданскому суду.

Мотивированное опредѣленіе суда по отводу о неподсудности будетъ напечатано въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ нашей газеты.

—

По словамъ „Сарат. Листка“, выѣздная сессія Саратовской судебн. палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, назначенная на 15—17 октября с. г., не могла состояться во время, за неявкой въ засѣданіе ни губернскаго ни уѣзднаго предводителей дворянства, и была отсрочена на два дня. Между тѣмъ, къ разбору назначены были дѣла изъ Астраханской губ. и вызвано болѣе 70 свидѣтелей.

—

Исключительный фактъ изъ практики суда присяжныхъ сообщаетъ кіевская газета „Жизнь и Искусство“: „Предсѣдатель суда, во время слушанія дѣла, началъ прерывать и останавливать защитника. Тогда встаетъ старшина присяжныхъ засѣдателей и заявляетъ: г. предсѣдатель, по порученію гг. присяжныхъ, прошу дать возможность защитнику болѣе выяснить дѣло присяжнымъ засѣдателямъ“.

Библіографія.

Пьеръ Леруа-Болье. Новыя англо-саксонскія общества. С.-Петербургъ, 1898 г. Ц. 2 р.

Юныя государства Австраліи и Южной Африки, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой книгѣ, очень мало извѣстны у насъ, въ Россіи: они такъ далеки отъ насъ, такъ, казалось бы, чужды намъ.. Но изученіе ихъ полно значительнаго интереса. Это — страны любопытнѣйшихъ политическихъ и соціальныхъ опытовъ. Ихъ законодатели, не стѣсненные традиціями прошлаго, не боящіеся отвѣтственности за будущее, не отступаютъ передъ самыми смѣлыми реформами. Поэтому то, что въ Европѣ еще кажется или безумной мечтой, или отдаленнѣйшей цѣлью, тамъ является уже осуществившимся фактомъ. Такъ, напр., въ Новой Зеландіи почти всецѣло проведена идея націонализаціи земли: съ 1892 года запрещена продажа государственныхъ земель; установлено исключительно арендное пользованіе ими подъ бдительнымъ и мелочнымъ надзоромъ со стороны государства; вмѣстѣ съ тѣмъ, постановлено о выкупѣ ранѣе проданныхъ государственныхъ земель, а законъ 1894 г. установилъ предѣлъ частной земельной собственности (400 гектаровъ годной для обработки земли) и экспропріацію излишка. Съ 1895 года сходное законодательство введено и въ Новомъ Южномъ Валисѣ. Южная Австралія пошла еще дальше, издавъ въ 1893 г. законъ о village settlements, организовавшій сельскія общины на чисто коммунистическихъ началахъ.—Этими и другими подобными мѣрами мѣстныя правительства стремятся «посадить на землю» излишекъ городскаго населенія, дающій себя чувствовать особенно тяжело послѣ остраго промышленнаго кризиса въ 1892 г.—П. Леруа-Болье описываетъ въ очень непривлекательномъ видѣ результаты этихъ опытовъ. Можетъ быть, критика его, какъ представителя манчестерской школы, нѣсколько пристрастна, но нельзя не согласиться съ нимъ, что расширеніе «бабушкина законодательства» (grand motherly legislation), какъ онъ называетъ ревнивую государственную опеку, едва-ли можетъ прійтись по душѣ современному человѣку.

В. У.

—

Archiv für Kriminalantropologie u. Kriminalistik. Mit einer Anzahl von Fachmännern herausgegeben von Dr. Hans Gross. Leipzig. Verlag von F. C. W. Vogel.

Предъ нами лежитъ содержательный и красиво изданный пробный нумеръ новаго юридическаго изданія, посвященнаго по преимуществу нуждамъ судебной практики. Въ программу этого изданія входитъ разработка вопросовъ, намѣченныхъ д-ромъ Гроссомъ въ его сочиненіяхъ: „Руководство для судебныхъ слѣдователей“ и „Уголовная психологія“, которыя извѣстны нашимъ читателямъ, такъ какъ первое изъ нихъ переведено уже на русскій языкъ, а второе подробно обсуждалось въ печати. Чтобы избѣжать недоразумѣній, мы здѣсь повторимъ, что подъ уголовной антропологіей д-ръ Гроссъ понимаетъ совокупность всѣхъ психическихъ и физическихъ проявленій природы человѣка въ отношеніи къ преступленію, а криминалистика является, по его мнѣнію, совокупностью всевозможныхъ свѣдѣній и техническихъ знаній, которыя необходимы чинамъ судебнаго вѣдомства и полиціи при разслѣдованіи уголовныхъ дѣлъ. Изученію этихъ вопросовъ посвящены основныя сочиненія Г. Гросса, журналъ же имѣетъ своею цѣлью собирать тѣ новыя факты, которые встрѣчаются на практикѣ и должны быть сохраняемы въ интересахъ развитія судебнаго опыта.

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ новаго журнала указаны выдающіеся профессора уголовнаго права, какъ напр. Листъ, Лиліенталь, Ламмашъ, Стосъ, Цюрхеръ; извѣстные врачи и психіатры: Крафтъ-Эбингъ, Беръ и Некке, а также судебные практики, выступавшіе въ печати съ самостоятельными изслѣдованіями по отдѣльнымъ вопросамъ криминалистики.

Первый пробный нумеръ составленъ интересно и содержитъ слѣдующія статьи: Dr. Schrenk-Notzing. Преступленія противъ нравственности и душевное растройство; Проф. Денштетъ. Изъ практики судебнаго химика (описаніе интереснаго слу-

чая: путемъ химическаго анализа слѣдовъ краски, которые были усмотрѣны на инструментахъ, отобранныхъ у вора, удалось установить, что его стамески и подпилки служили для взлома кассы); Клаусманъ. Повѣрка свидѣтельскихъ показаній (изложеніе нѣкоторыхъ способовъ для выясненія вопроса, могъ-ли свидѣтель видѣть и слышать тѣ факты, о которыхъ онъ даетъ показаніе); Вейнгартъ. Слѣдствіе по дѣламъ о поддѣлкѣ документовъ; Кауцнеръ. Изъ практики судебнаго врача (рядъ примѣровъ симуляціи болѣзни предъ судомъ) и др. Кромѣ того, въ этомъ нумерѣ напечатано нѣсколько мелкихъ замѣтокъ и рецензій.

А. Левенстимъ.

Общій уставъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, измѣненный и дополненный изданными по 1-е марта 1898 г. постановленіями и распоряженіями. Составилъ Н. Л. Брюль. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Это изданіе Общаго устава, составляющее первый томъ Сборника желѣзнодорожныхъ узаконеній и распоряженій правительства, заключаетъ въ себѣ, кромѣ устава со всѣми дополнительными къ нему постановленіями и распоряженіями, международную конвенцію о перевозкѣ грузовъ и главнѣйшія тарифныя узаконенія. Огромное значеніе дого[р-] желѣзнодорожной перевозки, сложность вопро[с-] съ этой перевозкой связанныхъ, масса распо[ре-] ній, издаваемыхъ относительно этой перевозки [и] вѣстныхъ небольшой группѣ спеціалистовъ, дѣл[а-] подобное изданіе крайне желательнымъ. Мно[гій] сленные иски о переборахъ, значительная [часть] которыхъ признается судами подлежащими удо[в-]творенію, свидѣтельствуетъ о томъ, что примѣненіе правилъ и штрафовъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ далеко неудовлетворительно, а потому изданіе г. Брюля, дающее возможность сравнительно легко оріентироваться во всѣхъ распоряженіяхъ, дополняющихъ законъ, вызвано дѣйствительными потребностями въ такого рода справочномъ изданіи. Нельзя, однако, не пожалѣть о томъ, что книга г. Брюля не снабжена и алфавитнымъ указателемъ, необходимомъ въ каждомъ обширномъ справочномъ изданіи. Весьма подробное оглавленіе, значительно облегчающее пользованіе книгой, все-же не вполнѣ замѣнитъ подобнаго рода алфавитный указатель. Какъ очень практическое нововведеніе автора, необходимо отмѣтить его обѣщаніе издавать не менѣе трехъ разъ въ годъ всѣ вновь появляющіяся узаконенія и распоряженія въ такой формѣ, которая дастъ каждому возможность дѣлать соотвѣтствующія поправки въ своемъ экземплярѣ.

Судебная и судебно-административная практика.

Первый Департаментъ Правительствующаго Сената.

Право крестьянскихъ обществъ обращать мірскія суммы на уплату казенныхъ повинностей.

Крестьяне села В., Б. уѣзда, Н. губ., двумя приговорами, постановленными въ апрѣлѣ 1896 г., возбудили предъ мѣстнымъ земскимъ начальникомъ ходатайство о разрѣшеніи имъ обратить 210 р., полученные за допущеніе питейной продажи въ селеніи, на пополненіе оклада выкупныхъ платежей первой половины 1896 года, объяснивъ при этомъ, что они не имѣютъ средствъ къ своевременной уплатѣ казенныхъ повинностей, и что, въ случаѣ неразрѣшенія воспользоваться упомянутою суммою, они вынуждены будутъ прибѣгнуть къ займу у частныхъ лицъ за высокій процентъ. Означенные приговоры были отмѣнены уѣзднымъ съѣздомъ, вслѣдствіе представленія зем. начальника, который нашелъ, что приговоры эти клонятся къ ущербу общества, такъ какъ крестьяне надѣлены вполнѣ доброкачественнымъ надѣломъ и всегда являлись исправными плательщиками, несмотря на то, что употребляли получаемый ими доходъ, изъ котораго образовался мірской капиталъ, на вино.

Губернское присутствіе, съ своей стороны, признало, что постановленіе уѣзднаго съѣзда противорѣчитъ ст. ст. 54, 181, 186 и 187 общ. пол. и разъясненіямъ Пр. Сената (№№ 449/84, 2163/86 и 5163/86), по смыслу коихъ обществу предоставлено безусловное право распоряженія своими мірскими капиталами по своему усмотрѣнію. Этому праву, по мнѣнію губ. присутствія, не противорѣчитъ и ст. 36 Пол. о зем. нач., разъясненная министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ томъ смыслѣ, что зем. начальникъ, контролируя расходъ крестьянскихъ общественныхъ денегъ по мірскимъ приговорамъ, обязанъ лишь наблюдать, чтобы не происходило замедленія въ выполненіи обществомъ принятыхъ на себя обязательствъ по платежамъ, и чтобы сборъ денегъ по раскладочнымъ приговорамъ могъ быть произведенъ своевременно. Въ разсматриваемомъ случаѣ употребленіе мірскаго капитала обусловлено выполненіемъ обязанности по уплатѣ казенныхъ повинностей, возлагаемой на сельскія общества ст. 127 и слѣд. пол. о вык., а потому губ. присутствіе не можетъ признать, чтобы сходъ вышелъ изъ предѣловъ предоставленныхъ ему закономъ правъ; напротивъ того, принужденіе со стороны зем. начальника къ употребленію мірскихъ денегъ не для указанной выше цѣли, имѣя послѣдствіемъ накопленіе недоимки и обращеніе общества къ частному займу, является нарушеніемъ законныхъ правъ послѣдняго. Затѣмъ нельзя видѣть никакого ущерба для общества въ томъ, что крестьяне выполняютъ возложенную на нихъ закономъ обязанность первой важности—своевременной уплаты повинностей—и вносятъ въ подати свои деньги за самихъ себя же; объ ущербѣ этомъ рѣчь могла бы идти лишь въ томъ случаѣ, если бы общество употребило мірскія деньги не по тому назначенію, которое отнесено къ его обязанностямъ ст. 187 общ. пол. и ст. 127 пол. о вык.

По изложеннымъ соображеніямъ, губ. присутствіе, руководствуясь ст. 127 пол. о зем. нач., вошло въ Прав. Сенатъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ постановленія Б. уѣзднаго съѣзда.

Прав. Сенатъ согласился съ заключеніемъ губ. присутствія, исходя изъ слѣдующихъ соображеній.

1) На основаніи ст. VIII Выс. утвержденнаге 5 мая 1892 г. мн. гос. совѣта, изъ денегъ, полученныхъ обществомъ за разрѣшеніе питейной продажи на

общественной землѣ, прежде всего должны быть пополнены недоимки въ казенныхъ и земскихъ платежахъ, и только свободный остатокъ подлежитъ обращенію въ мірской доходъ; 2) послѣднее правило установлено, очевидно, для предупрежденія раздачи означенныхъ денегъ крестьянамъ на руки и непроизводительной ихъ растраты и нисколько не стѣсняетъ предоставленнаго сельскому обществу по закону права на распоряженіе мірскими суммами по своему усмотрѣнію, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы расходованіе этихъ суммъ производилось на выполненіе тѣхъ именно обязанностей, которыя возложены закономъ на крестьянскія общества, надзоръ за чѣмъ лежитъ на мѣстномъ зем. начальникѣ (ст. 36 пол. о зем. уч. нач.) и 3) исправный платежъ повинностей составляетъ для сельскаго общества обязанность первой важности и для выполненія этой обязанности крестьяне села В. имѣли право воспользоваться своими мірскими деньгами, вмѣсто того, чтобы обращаться къ обременительному частному займу. (Указъ отъ 16 іюня 1898 г. за № 3404).

Приведенный указъ Сената является важнымъ дополненіемъ къ ст. 127 пол. о вык., опредѣляющей права и обязанности сельскихъ обществъ въ дѣлѣ отбыванія выкупныхъ платежей. По точному смыслу этой статьи, сельское общество, будучи обязаннымъ вносить платежи за выкупленную землю въ положенные сроки, *въ случаѣ нужды* либо разлагаетъ недоимку на все общество, либо пополняетъ сію недоимку изъ мірскихъ суммъ или иныхъ общественныхъ капиталовъ. На практикѣ примѣненіе указанной статьи сводилось къ тому, что общества пополняли недоимки изъ переходящихъ мірскихъ суммъ—сельскихъ или волостныхъ — причемъ израсходованная сумма обязательно взыскивалась съ крестьянъ для возмѣщенія произведенныхъ затратъ. Это требованіе не имѣетъ твердаго основанія въ законѣ, и сенатъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ правильно призналъ за крестьянами право свободнаго распоряженія мірскими капиталами. Дѣйствительно, по общему правилу ст. 186 общ. пол., крестьне ничѣмъ, кромѣ общихъ законовъ о компетенціи схода, не стѣснены въ распоряженіи общественными капиталами; и тѣ капиталы, по отношенію къ которымъ право распоряженія крестьянъ такъ или иначе ограничено, точно указаны въ законѣ (прим. 3 къ ст. 8 общ. пол. по прод. 1890 г.; прим. 4 къ ст. 15 и прим. 2 къ ст. 16 пол. гос. кр. по тому же прод.).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, разсматриваемый указъ устанавливаетъ, что земскій начальникъ не въ правѣ отказать въ своемъ утвержденіи общественному приговору о такомъ расходѣ изъ мірскихъ суммъ, который силою самаго закона обязателенъ для общества. Это положеніе является весьма существеннымъ разъясненіемъ ст. 36 пол. зем. нач., въ которой не указано этого, повидимому, самого собою разумѣющагося ограниченія правъ земскихъ начальниковъ не утверждать мірскихъ приговоровъ о производствѣ расходовъ изъ общественныхъ капиталовъ.

Уголовный Кассаціонный Департаментъ 4 отдѣленіе.

Гражданскій отвѣтчикъ въ уголовномъ процессѣ.

Приговоромъ отъ 9 октября 1897 г. Уфимскій окружный судъ призналъ крестьянина Г. виновнымъ въ томъ, что, будучи дорожнымъ сторожемъ на 449 вер. Самаро-Златоустовской жел. дороги, онъ 2 декабря 1896 г. не заперъ по небрежности своего переѣзда черезъ желѣзнодорожный путь, вслѣдствіе чего шедшимъ паровозомъ былъ убитъ башкиръ, переѣзжавшій рельсы. Вмѣстѣ съ тѣмъ окружный судъ въ пользу отца убитаго присудилъ на удовлетвореніе его гражданскаго иска съ управленія Самаро-Златоустовской жел. дороги на основаніи 683 ст. X т. ч. 1 Св. зак. 1,500 р., причемъ, однако, управленіе дороги не было увѣдомлено о предъявленіи иска, и самое разсмотрѣніе его послѣдовало безъ вызова въ засѣданіе суда отвѣтчика. Въ своей апелляціонной жалобѣ управленіе, указывая, между прочимъ, на это нарушеніе закона, просило уничтожить производство суда въ отношеніи гражданскаго иска, за неизвѣщеніемъ управленія казенныхъ жел. дорогъ о поступленіи иска, вслѣдствіе чего гражданскій отвѣтчикъ лишенъ былъ возможности участвовать въ дѣлѣ при разсмотрѣніи иска въ первой инстанціи. Казанская судебная палата отвергла эти доводы отвѣтчика, находя, что „отсутствіе въ уст. угол. судопр. правила, которое обязывало бы судъ 1-й степени извѣщать гражданскаго отвѣтчика о предъявленномъ къ нему искѣ, и съ другой стороны вступленіе въ дѣло гражданскаго отвѣтчика послѣ постановленія приговора судомъ 1-й степени, предусмотрѣнное 860 ст. уст. уг. суд., а засимъ и то, что приговоръ суда 1-й степени, постановленный до вступленія въ дѣло гражданскаго отвѣтчика, не признается недѣйствительнымъ по причинѣ неизвѣщенія отвѣтчика о вступившемъ искѣ, а правило 860 ст. уст. уг. суд. свидѣтельствуетъ, что судъ 1-й степени не обязанъ посылать извѣщеніе гражданскому отвѣтчику о предъявленномъ искѣ, хотя, не будучи воспрещена и закономъ, такая посылка желательна, въ видахъ предоставленія гражданскому отвѣтчику возможности защищать свои права на судѣ 1-й степени одинаково съ гражданскимъ истцомъ, правами котораго онъ пользуется, какъ видно изъ той же 860 ст. уст. суд.“ На приговоръ палаты принесена кассаціонная жалоба гражданскимъ отвѣтчикомъ, и Правительствующій Сенатъ по поводу разсматриваемаго вопроса высказалъ въ рѣшеніи своемъ 1) что „хотя гражданскіе отвѣтчики, согласно 860 ст. уст. уг. суд., пользуются наравнѣ съ гражданскими истцами правомъ принесенія апелляціоннаго отзыва и могутъ на судѣ защищать свои интересы, но судъ не обязанъ извѣщать ихъ о вступленіи въ судъ обвинительнаго акта, такъ какъ по этому предмету ни въ 559 ст. уст. уг. суд., ни въ другихъ статьяхъ сего устава не содержится никакихъ указаній, и 2) что день слушанія дѣла въ судѣ былъ управленію желѣзныхъ дорогъ извѣстенъ, такъ какъ служащіе на желѣзной дорогѣ свидѣтели были вызваны въ судъ повѣстками черезъ управленіе желѣзныхъ дорогъ, которое могло, если признавало нужнымъ, прислать въ засѣданіе своего повѣреннаго“.

Хотя въ приведенномъ рѣшеніи и не сдѣлано ссылки на прежнюю практику Правительствующаго Сената, но взглядъ этотъ высказанъ былъ уже уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ въ рѣшеніи 1884 г. за № 18 по дѣлу Акимовой и Фаддѣева. И судебная палата и Правительствующій Сенатъ избрали средній путь, признавъ, что судъ первой степени не обязанъ извѣщать отвѣтчика объ

участіи въ засѣданіи. Это среднее мнѣніе грѣшитъ непослѣдовательностью. Въ самомъ дѣлѣ, умолчаніе закона объ обязанности суда увѣдомить отвѣтчика можно разсматривать либо какъ сознательное желаніе законодателя устранить гражданскаго отвѣтчика отъ участія въ дѣлѣ до постановленія приговора судомъ 1-й степени, либо какъ случайную неполноту, которая должна быть восполнена по общему духу законовъ. Повидимому, Правительствующій Сенатъ отвергаетъ первое предположеніе, иначе нельзя было бы допустить до участія въ засѣданіи и того отвѣтчика, который явился безъ вызова. И дѣйствительно, это предположеніе не можетъ быть принято уже хотя бы потому, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ (491, 574), касающихся производства у судебнаго слѣдователя и въ 1-й инстанціи, законъ не поименовываетъ тѣхъ лицъ, которымъ предоставляется то или другое право, а говоритъ вообще „объ участвующихъ въ дѣлѣ лицахъ , не дѣлая отсюда никакихъ исключеній. Слѣдовательно, согласно 491 и 574 ст., гражданскій отвѣтчикъ, какъ участвующее въ дѣлѣ лицо, можетъ приносить жалобы на слѣдственныя дѣйствія и просить о вызовѣ свидѣтелей въ засѣданіе окружнаго суда, иначе говоря, можетъ защищать интересы свои во время предварительнаго слѣдствія и производства въ 1-й инстанціи. Такимъ образомъ очевидно, что законодатель не имѣлъ въ виду лишить гражданскаго отвѣтчика права выступать въ судѣ 1-й степени, и остается признать, что умолчаніе закона о вызовѣ его въ судебное засѣданіе составляетъ неполноту. Это подтверждается еще и тѣмъ, что, на ряду съ 879 ст., которая требуетъ, чтобы „о днѣ, назначенномъ для слушанія дѣла въ судебной палатѣ, подсудимые и другія лица увѣдомлялись повѣстками“, въ той части устава, которая касается производства въ 1-й инстанціи, аналогичнаго постановленія вообще не имѣется: ст. 581 указываетъ лишь, что „подсудимые, защитники... и всѣ приглашаемыя къ судебному слѣдователю лица вызываются въ судъ повѣстками“, но какія именно лица должны быть вызваны, объ этомъ ничего не говорится. Но въ такомъ случаѣ заключеніе судебной палаты и Правительствующаго Сената едва-ли соотвѣтствуетъ общему смыслу законовъ. Дѣло въ томъ, что порядокъ, которымъ стороны допускаются къ словеснымъ разъясненіямъ на судѣ, если, не будучи вызваны, они находятся на лицо, есть порядокъ исключительный, о которомъ въ законѣ всегда спеціально упоминается. Укажемъ для примѣра на ст. 504 уст. угол. судопр., устанавливающую этотъ порядокъ для разсмотрѣнія частныхъ жалобъ, и ст. 917, касающуюся доклада дѣлъ въ Правительствующемъ Сенатѣ. Поэтому устанавливать такой порядокъ для разсмотрѣннаго нами случая, безъ спеціальнаго на то указанія, кажется неосновательнымъ, и остается, слѣдовательно, признать, что молчаніе закона о вызовѣ гражданскаго отвѣтчика должно быть истолковано либо такъ, что онъ не долженъ быть допущенъ до участія въ засѣданіи 1 инстанціи, либо что судъ обязанъ вызвать его. Первый выводъ противорѣчитъ общему началу уст. гр. судопр., по которому судебныя установленія могутъ разрѣшать дѣла не иначе, какъ по выслушаніи противной стороны. Предоставляя потерпѣвшему отъ преступленія лицу право присоединить къ уголовному процессу гражданскій искъ, законъ оказываетъ ему льготу, такъ какъ этимъ онъ освобождаетъ потерпѣвшаго отъ формализма гражданскаго процесса. Но при этомъ нельзя найти ни одного основанія для лишенія отвѣтчика основной гарантіи справедливости—права быть выслушаннымъ на судѣ, защищать свои интересы. Такое основаніе тѣмъ болѣе не можетъ быть найдено, что это право законъ категорически предоставляетъ ему въ апелляціонной инстанціи. Вотъ почему намъ казалось бы болѣе справедливымъ, цѣлесообразнымъ и соотвѣтствующимъ общему смыслу законовъ возложить на окружные суды обязанность извѣщать гражданскаго отвѣтчика о предъявленномъ къ нему искѣ и приглашать его повѣсткой въ засѣданіе суда.

Изъ нашихъ процессуалистовъ, проф. Фойницкій высказывается въ томъ смыслѣ, что „для полноправнаго осуществленія права жалобы (на приговоръ суда 1-й степени) необходимо не только имѣть его, а также знать о состоявшемся приговорѣ и даже участвовать въ разбирательствѣ первой степени“ (Курс. уг. суд. т. II, стр. 88).

Казанская судебная палата.

Правила уст. гр. судопр. обязательны для судовъ при исполненіи порученій иностранныхъ судовъ.

Королевскій ландгерихтъ во Франкфуртѣ на-Майнѣ поручилъ Казанскому окружному суду допросить двухъ лицъ, въ качествѣ свидѣтелей по дѣлу, производящемуся въ ландгерихтѣ. Относительно одного изъ указанныхъ лицъ судъ призналъ невозможнымъ выполнить порученіе ландгерихта. По жалобѣ повѣренанго истца, дѣло перешло на разсмотрѣніе судебной палаты. Судебная палата нашла, что „Казанскій окружный судъ, устранивъ допросъ свидѣтеля М., въ виду заявленнаго противъ него противною стороною отвода по 5 п. 373 ст. уст. гр. суд., какъ противъ повѣреннаго истца З., поступилъ правильно. Мнѣніе это палата основываетъ на томъ соображеніи, что, хотя въ правилахъ устава гражданскаго судопроизводства о допросѣ свидѣтелей (ст. 370 и слѣд.) и не предусмотрѣнъ порядокъ допроса свидѣтелей по требованію иностраннаго суда, но въ главѣ объ исполненіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ, именно въ ст. 1279 выражено это общее правило, что рѣшеніе иностраннаго суда не можетъ подлежать исполненію, между прочимъ, въ томъ случаѣ, если оно заключаетъ въ себѣ такое распоряженіе, которое не допускается закономъ Имперіи. Правило это можетъ быть примѣнено по аналогіи и къ данному случаю, потому что Казанскому окружному суду предстояло привести въ исполненіе также рѣшеніе ландгерихта, хотя только по частному вопросу о допросѣ свидѣтелей; а такъ какъ допросъ свидѣтеля, вопреки отводу противной стороны, основанному на ст. 373 уст. гр. суд., несомнѣнно противорѣчилъ бы закону Имперіи, то Казанскій окружный судъ не только имѣлъ право, но обязанъ былъ устранить по отводу противной стороны отъ допроса въ качествѣ свидѣтеля М., на котораго, какъ на свидѣтеля, сослался въ ландгерихтѣ довѣритель его З. Выводъ этотъ подтверждается и содержаніемъ конвенціи 1879 года, на которую ссылается самъ проситель В. (жалобщикъ). Онъ согласуется и съ уставомъ гражданскаго судопроизводства Германской имперіи 1877 г., на который В., главнымъ образомъ опирается, такъ какъ въ §§ 323, 328 и 329 этого устава постановлено, между прочимъ, что судъ, допустивъ представленіе доказательства, установленіе котораго зависитъ отъ иностраннаго суда, можетъ ограничиться лишь постановленіемъ о томъ, чтобы тотъ изъ тяжущихся,

который ссылается на доказательство, представилъ въ канцелярію суда, въ опредѣленный срокъ, формальный документъ, согласный съ законами иностраннаго государства, объ установленіи доказательства".

Высказанный Казанскою судебною палатою взглядъ, несомнѣнно, находится въ полномъ согласіи какъ съ установившеюся практикою иностранныхъ судовъ, такъ и съ требованіями доктрины. Вполнѣ очевидно, что судебныя учрежденія всякаго государства могутъ исполнять порученія, исходящія отъ иностранныхъ судовъ (commissions rogatoires),— только въ строго очерченныхъ предѣлахъ. Нельзя требовать, чтобы русскій судъ въ дѣйствіяхъ своихъ руководился чѣмъ-либо другимъ, кромѣ русскихъ судопроизводственныхъ законоположеній: эти послѣднія суть всѣ, безъ исключенія, нормы публичнаго, безусловно обязательнаго права, régles d'ordre public, какъ говорятъ французы. Иначе русскій могъ бы быть поставленъ, напр., въ необходимость допрашивать подъ присягой самого обвиняемаго или его супруга и родителей, т. е. совершать дѣйствія—по русскимъ воззрѣніямъ—полныя соблазна для общественной нравственности.

Принципъ этотъ можетъ быть причисленъ въ настоящее время къ числу общепринятыхъ. Мы можемъ указать въ этомъ смыслѣ прежде всего на слѣдующіе международные договоры. Русско-нѣмецкая конвенція 23 января (4 февраля) 1879 г. гласитъ въ ст. IV: „Высокія договаривающіяся стороны обязываются приводить въ исполненіе требованія или порученія..., *насколько это не будетъ противорѣчить законамъ той страны, гдѣ должно послѣдовать исполненіе*". То же начало признано въ ст. 21 французско-швейцарскаго договора, въ ст. 10 итальяно-сербскаго договора и въ статьяхъ 2,1° и 6,1° договора австро-сербскаго.

Что касается судебной практики, то спеціально по данному вопросу она очень бѣдна. Русскіе прецеденты намъ вовсе не извѣстны, а изъ иностранныхъ мы можемъ указать только два: 1) Рѣшеніе Reichsgericht'a отъ 25 янв. 1893, Platen C. Schmidt & C°, см. Journal Clunet 1893, стр. 1232 и 2) Рѣшеніе Tribunal de Saint-Julieneu-Genevois отъ 12 ноября 1895, по дѣлу Dame Béguin c. Béguin, см. тамъ же, 1896, стр. 350. Въ обоихъ признано, что исполненіе судебнаго порученія должно происходить въ зависимости и на основаніи мѣстныхъ процессуальныхъ законовъ.

Въ литературѣ занимающій насъ вопросъ разработанъ мало. Спеціальныхъ статей ему посвящена только одна: Beauchet, Du conflit des lois françaises et étrangères en matierè de preuve testimoniale, Journal Clunet 1891 стр. 697 сс. и 1892, стр. 359 сс. (см. въ особенности стр. 373). Затѣмъ, изъ общихъ курсовъ мы можемъ указать: Bar Theorie, томъ II, стр. 407 и Lammasch y Holtzendorff, Handbuch des Völkrrechtb, III, § 96. Всѣ эти три автора безусловно примыкаютъ къ той же точкѣ зрѣнія.

Какъ на недостатокъ мотивировки рѣшенія, слѣдуетъ указать на не вполнѣ удачное опроверженіе довода, построеннаго на ст. ст. 323, 328 и 329 нѣмецкаго Civilprocessordnung. Необходимо было, не входя въ разсмотрѣніе ихъ по существу, рѣзче подчеркнуть необязательный характеръ этихъ нормъ для русскаго суда, тѣмъ болѣе что въ С. Р. О. существуетъ еще ст. 334, которая говоритъ противоположное тому, что вывела Каз. суд. палата изъ цитированныхъ трехъ статей.

Московская судебная палата.

Законное препятствіе вырубкѣ лѣса покупщикомъ влечетъ за собою уплату ему продавцомъ неустойки, обусловленной сторонами на случай, если при сводѣ лѣса послѣдуетъ покупщику отъ кого либо воспрещеніе.

20-го мая 1891 г. Ф—ва продала А—ву на срубъ лѣсъ при селѣ Параховѣ-Спасское тожъ, въ количествѣ 27 дес. 225 саж. „или сколько его въ поименованныхъ участкахъ по лугу Озерки есть, болѣе или менѣе, все безъ остатка" за 1,400 р., причемъ А—въ получаетъ право раздѣлывать этотъ лѣсъ въ продолженіе 7 лѣтъ, какъ онъ найдетъ для себя удобнымъ, начавъ сводить изъ одного какого-нибудь участка по своему усмотрѣнію, причемъ если понадобится, то имѣетъ право вырубить что-либо и въ другомъ участкѣ. За неплатежъ покупной цѣны въ сроки, указанные въ договорѣ, была назначена неустойка въ 1,000 р. и такую же неустойку обязалась уплатить Ф—ва, „если при сводѣ... послѣдуетъ покупщику отъ кого-либо запрещеніе" 11 апр. 1894 г. Ф—ва получила послѣдній платежъ, а 10 марта того же года состоялось журнальное постановленіе лѣсоохранительнаго комитета о прекращеніи дальнѣйшей рубки лѣса, причемъ изъ копіи журнала видно, что въ засѣданіе комитета явилась Ф—ва и объяснила, что рубка происходила опустошительная и просила ее прекратить. Въ виду этого А—въ предъявилъ искъ о взысканіи съ Ф—ой неустойки въ 1,000 р. Ф—ва просила въ искѣ отказать, утверждая, что если бы А—въ производилъ рубку лѣса согласно договору и лѣсоохранительному закону, то не навлекъ бы на себя запрещенія сводить лѣсъ.

Окружный Судъ въ искѣ отказалъ. Судебная палата, признавъ его подлежащимъ удовлетворенію, слѣдующимъ образомъ мотивировала свой выводъ:

„Окружный судъ нашелъ, что 10 п. договора, заключеннаго при дѣйствіи закона 4 апрѣля 1888 года, не могъ подразумѣвать воспрещеніе рубки со стороны органовъ лѣсоохранительнаго управленія, а относился лишь къ случаямъ воспрепятствованія вступщиками или другими лицами, имѣющими или предполагающими какія-либо права на проданный лѣсъ, причемъ на основаніи данныхъ, заключающихся въ журналѣ лѣсохранительнаго комитета, судъ вывелъ, что по п. *б* параграфа 7 правилъ для составленія упрощенныхъ плановъ хозяйства, утвержденныхъ 1 мая 1893 года, А—въ въ продолженіе всего условленнаго договоромъ срока могъ вырубить всего 13½ десятинъ, тогда какъ имъ въ первые же три года вырублено 30 десятинъ, то есть произведена опустошительная рубка, законнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чего и было воспрещеніе дальнѣйшей рубки; посему судъ отказалъ истцу въ требованіи неустойки по договору.

Такое рѣшеніе оказывается несогласнымъ съ точнымъ смысломъ договора 20 мая 1891 года, который, будучи заключенъ при дѣйствіи закона 4 апрѣля 1888 года, долженъ былъ имѣть въ виду какъ этотъ законъ, такъ и воспрещеніе по оному опустошительной рубки. Заключая при дѣйствіи сего закона съ А—вымъ договоръ, Ф—ва не могла не знать обязанности, лежащей на ней по ст. 16 положенія о сбереженіи лѣсовъ (нынѣ ст. 808 уст. лѣс. изд. 1893 г.), какъ на лѣсовладѣлицѣ, и если при этомъ она добровольно приняла на себя обязанность отвѣчать передъ А—вымъ неустойкою въ 1,000 руб. на случай послѣдовавшаго ему отъ кого-либо запрещенія, то это слово „запрещеніе" слѣдуетъ понимать именно въ томъ смыслѣ, что и въ случаѣ прекращенія рубки въ ея, Ф—ой, имѣніи, по распоряженію лѣсохранительнаго комитета, предъ А—вымъ является отвѣтственною сама владѣлица,

которой при продажѣ лѣса въ 1891 году было вполнѣ извѣстно, на какую рубку она, по закону 4 апрѣля 1888 года, имѣетъ право, и которая обязалась ограждать покупщика отъ всякихъ препятствій къ осуществленію предоставленнаго ему по договору пользованія лѣсомъ и другими угодьями.

Такимъ образомъ, Ф—ва, продавъ А—ву на срубъ лѣсъ въ извѣстныхъ урочищахъ мѣрою 27 десятинъ 225 саженъ *или сколько въ поименованныхъ* въ договорѣ *участкахъ есть, болѣе или менѣе, весь безъ остатка*, не можетъ слагать съ себя отвѣтственность въ неустойкѣ по обнаруженному дознаніемъ лѣсоохранительнаго комитета превышенію со стороны А—ва дозволеннаго размѣра рубки, ибо въ договорѣ съ А—вымъ Ф—ва не выговорила себѣ этого права и не возложила на А—ва отвѣтственности за нарушеніе лѣсоохранительнаго закона.

Независимо отъ сего, уже послѣ заявленія, сдѣланнаго Ф—вою въ засѣданіи комитета 10 марта 1894 года, она сама получила отъ А—ва послѣдній по договору платежъ и росписалась въ немъ 11 апрѣля 1894 года.

При приведенномъ содержаніи договора 20 мая 1891 года и при изложенныхъ обстоятельствахъ требованіе А—ва о взысканіи съ Ф—вой условленной по п. 10 онаго неустойки является подлежащимъ удовлетворенію на точномъ основаніи 570, 1528, 1530, 1536 и 1538 ст. т. X ч. I зак. гр."

Выводъ, къ которому пришла судебная палата, представляется вполнѣ соотвѣтствующимъ точному смыслу договора, между сторонами состоявшемуся. Аргументацію судебной палаты можно было бы подкрѣпить указаніемъ на то, что владѣлецъ лѣса, продавъ таковой на срубъ, принимаетъ на себя тѣмъ самымъ предъ покупателемъ отвѣтственность за то, что вырубка всего проданнаго на срубъ лѣса возможна, согласно закону, въ срокъ, установленный договоромъ для вырубки лѣса, такъ какъ въ противномъ случаѣ у покупателя нѣтъ объекта договора, который долженъ передать покупателю продавецъ, обязанный соблюдать установленныя закономъ мѣры охраненія лѣсовъ.

Одесская судебная палата.

Право залогодержателя оставить имущество за собой послѣ первыхъ несостоявшихся торговъ; разногласіе между ипотечнымъ и личными кредиторами по вопросу о производствѣ новаго торга.

Вопросъ о столкновеніи правъ залогодержателя и личныхъ кредиторовъ при несостоявшемся публичномъ торгѣ на имѣніе должника, въ виду огромной своей практической важности, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Наша судебная практика стояла до сихъ поръ всегда на почвѣ строгаго толкованія 1187 ст. уст. гр. суд., изъясняя ее въ смыслѣ преимущественнаго права залогодержателя передъ личными кредиторами на оставленіе за собой недвижимыхъ имѣній во *всѣхъ* случаяхъ несостоявшихся торговъ (1876/93, 1889/29 и др.). Основываясь на точномъ смыслѣ 2 п. 1068 ст. уст. гр. суд., согласно которой второй торгъ по требованію взыскателей можетъ быть назначенъ только въ случаѣ нежеланія залогодержателя оставить непроданное имущество за собой, Правительствующій Сенатъ высказалъ тотъ взглядъ, что „все постановленное въ ст. 1068 и 1187 уст. гр. суд." имѣетъ въ виду *лишь* охраненіе интересовъ залогодержателя, и изъ содержанія означенныхъ статей нѣтъ возможности выводить какія либо права для личныхъ кредиторовъ".

Противъ такого—на нашъ взглядъ совершенно правильнаго—толкованія высказался въ литературѣ А. Лонгиновъ (Ж. Спб. Юрид. О-ва 1897, кн. 10, стр. 29—41), доказывавшій, что общее правило, содержащееся въ 1063, 1171 и 1174 ст. уст. гр. суд., распространяется и на случай наличности ипотечнаго кредитора, и что если сумма претензій личныхъ кредиторовъ больше суммы долга залогодержателю, то разногласіе между первыми и послѣднимъ о назначеніи новаго торга должно быть разрѣшено въ пользу первыхъ, несмотря на то, что залогодержателемъ изъявлено желаніе оставить имущество за собой.

7 сентября настоящаго года Одесской судебной палатѣ пришлось высказаться еще разъ по разсматриваемому вопросу. Species facti была такова. Первый публичный торгъ на имѣніе г-жи К. К-ой не состоялся, и имѣніе было Каменецъ-Подольскимъ окружнымъ судомъ укрѣплено за залогодержателемъ Б., причемъ сумма претензій личныхъ кредиторовъ, требовавшихъ назначенія второго торга, была *меньше* долга по закладной.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Одесская судебная палата нашла:

1) что 1174 ст. уст. гр. суд. нормируетъ *всѣ* случаи разногласія кредиторовъ послѣ перваго несостоявшагося публичнаго торга, независимо отъ того, участвуетъ-ли въ дѣлѣ ипотечный кредиторъ, или нѣтъ; 2) что изъ сопоставленія смысла и значенія 1215, 1175, 1029, 1063, 1064, 1069 и 1094 ст. уст. гр. суд. слѣдуетъ прійти къ заключенію, что выраженіе „по большинству голосовъ" необходимо понимать въ смыслѣ обыкновеннаго, простаго большинства голосовъ, а не въ смыслѣ размѣра претензій, и что не суммой предъявленныхъ личными кредиторами взысканій разрѣшается разногласіе въ порядкѣ 1174 ст., а числомъ кредиторовъ, какъ физическихъ лицъ.

Такое толкованіе понятія большинства кредиторскихъ голосовъ является совершенно новымъ и чуждымъ общему принципу, нашедшему выраженіе въ аналогичныхъ статьяхъ 2 ч. XVI т. (305 ст. и др.) и родственныхъ законоположеніяхъ 2 ч. XI т. (490, 526 ст. уст. торг. несост).

Въ виду этого особенно интереснымъ явится рѣшеніе Правительствующаго Сената по указанному вопросу, почему подробное критическое разсмотрѣніе его мы позволимъ себѣ отложить на нѣкоторое время.

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18.

Редакторы-издатели:
Приватъ-доцентъ *В. М. Гессенъ*,
Н. И. Лазаревскій.

„МІРЪ ИСКУССТВА“

Съ 1 января 1899 года будетъ выходить въ свѣтъ иллюстрированный художественный журналъ подъ названіемъ:

„Міръ Искусствa“.

Журналъ будетъ состоять изъ отдѣловъ: 1) художественнаго, 2) художественно-промышленнаго и 3) художественной хроники.

Первый отдѣлъ посвящается произведеніямъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ мастеровъ всѣхъ эпохъ исторіи искусствъ, насколько означенныя произведенія имѣютъ интересъ и значеніе для современнаго художественнаго сознанія.

Во второмъ отдѣлѣ особенное значеніе придается вопросамъ самостоятельной русской художественной промышленности, причемъ обращено особенное вниманіе на великіе образцы стараго русскаго искусства. Съ цѣлью поднятія художественно-прикладного искусства въ самобытномъ русскомъ духѣ призваны къ участію въ этомъ дѣлѣ всѣ объединенные общей задачей русскіе художники.

Статьи въ обоихъ отдѣлахъ будутъ главнымъ образомъ посвящены вопросамъ художественной критики.

Художественная хроника будетъ слѣдить за всѣми событіями художественной жизни Россіи и Запада, давать обзоры выставокъ, отчеты о музыкальныхъ собраніяхъ, разборъ новыхъ художественныхъ изданій и проч.

Изъ русскихъ художниковъ обѣщали свое участіе въ журналѣ: **И. Рѣпинъ, В. Васнецовъ, А. Васнецовъ, В. Полѣновъ, Е. Полѣнова, П. Соколовъ, В. Сѣровъ, М. Нестеровъ, И. Левитанъ, И. Остроуховъ, К. Коровинъ, С. Коровинъ, М. Якунчикова, Алекс. Бенуа, С. Малютинъ, Л. Бакстъ, М. Врубель, К. Сомовъ, А. Головинъ,** князь **П. Трубецкой, Н. Давыдова** и проч.

Участіе въ журналѣ примутъ также финляндскіе художники: **Эдельфельдъ, Ернефельдъ, Галленъ, Бломстедъ** и др. Въ первыхъ нумерахъ журнала появятся статьи **П. Д. Боборыкина**, проф. **А. Прахова**, князя **С. Волконскаго, Д. Мережковскаго** и друг. Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ (24 нумера въ годъ) тетрадями in 4° съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ на отдѣльныхъ листахъ фототипій и хромолитографій.

Иллюстраціи будутъ воспроизводиться по фотографіямъ **Брауна, А. Ержемскаго** и **Фишера**. Цинкографіи изготовляются у **Мейзенбаха** и **Риффарта** въ Берлинѣ, фототипіи у **Альберта Фриша** въ Берлинѣ, хромоцинкографіи у **А. И. Мамонтова** въ Москвѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ:

	На годъ.	На ½ года.
Въ С.-Петербургѣ	**10** р.	**5** р.
Съ пересылкой иногороднимъ . . .	**12** »	**6** »
» » заграницу	**14** »	**7** »

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится городскими подписчиками **2** р. **50** к., иногородними **3** р. Остальныя деньги уплачиваются ежемѣсячно по одному рублю.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Главная контора журнала находится при книжномъ магазинѣ Высочайше утвержденнаго товарищества **М. О. Вольфъ** (С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, 18. Москва, Кузнецкій Мостъ, 12).

Подписной годъ начинается съ 1-го Января, но первый двойной нумеръ выйдетъ ранѣе срока, въ началѣ Ноября 1898 г.

Изданіе княгини ***М. К. Тенишевой*** и ***С. И. Мамонтова.***

Редакторъ ***С. П. Дягилевъ.***

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ въ 1881 году

въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, № 37.

Основной и запасные капиталы свыше 32,000,000 руб.

Общество заключаетъ:

Страхованія жизни,

т. е. капиталовъ и доходовъ **для обезпеченія семьи** или **собственной старости, приданаго для дѣвушекъ, стипендій для мальчиковъ** и т. п., на особо выгодныхъ условіяхъ и съ участіемъ страхователей въ прибыляхъ общества.

Къ 1 января 1898 г. въ обществѣ „Россія“ было застраховано **49,736 лицъ** на **капиталъ въ 117.356,600 руб.**

Страхованія отъ несчастныхъ случаевъ

какъ **отдѣльныхъ лицъ**, такъ и **коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ** на фабрикахъ; страхованія пассажировъ пожизненныя, годичныя или на меньшіе сроки.

Страхованія отъ огня

движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода (**строеній, машинъ, товаровъ, мебели и проч.**);

Страхованія транспортовъ

рѣчныхъ, сухопутныхъ и морскихъ; страхованіе **корпусовъ судовъ.**

Заявленія о страхованіи принимаются **и всякаго рода свѣдѣнія** сообщаются въ правленіи въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. д., № 37) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.**

Страхованія пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ заключаются также **на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ.**

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Выходитъ безъ предварительной цензуры.

1898 г. **№. 2.** **Воскресенье 22 ноября.**

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента *В. М. Гессена* и *Н. И. Лазаревскаго* и при ближайшемъ сотрудничествѣ: прив.-доц. *Ф. А. Вальтера*, *І. В. Гессена*, *О. О. Грузенберга*, прив.-доц. *А. И. Каминка*, *А. А. Левенстима*, прив.-доц. *Л. І. Петражицкаго* и *В. М. Устинова*.

Въ газетѣ будутъ принимать участіе: *Я. З. Алапинъ*, *К. К. Арсеньевъ*, *А. М. Берлинъ*, *В. Л. Бинштокъ*, *А. Л. Боровиковскій*, *Н. К. Бржескій*, *М. И. Брунъ*, *П. И. Бѣляевъ*, *Г. Л. Вербловскій*, *В. И. Вильсонъ*, *М. М. Винаверъ*, проф. *А. К. Вульфертъ*, *Л. В. Гантоверъ*, *В. Н. Герардъ*, *М. Э. Гильчеръ*, *О. Б. Гольдовскій*, проф. *А. Х. Гольмстенъ*, *А. О. Гордонъ*, *Я. К. Городысскій*, прив.-доц. *Д. Д. Гриммъ*, Dr *Hans Gross* (*Graz*), *М. О. Грузенбергъ*, проф. *В. Ѳ. Дерюжинскій*, *В. И. Добровольскій*, *А. І. Дукмасовъ*, *К. К. Дыновскій*, проф. *Н. Л. Дювернуа*, прив.-доц. *А. А. Жижиленко*, *С. В. Завадскій*, *С. А. Зарудный*, *К. П. Змирловъ*, проф. *И. А. Ивановскій*, Dr Phil. *Jeserich* (*Berlin*), *Г. Б. Іоллосъ*, проф. *П. Е. Казанскій*, *Н. П. Карабчевскій*, проф. *П. И. Ковалевскій*, *А. Ѳ. Кони*, проф. *Н. М. Коркуновъ*, *А. А. Крыловъ*, *Б. П. Куликовъ*, *М. И. Кулишеръ*, *Н. Г. Кулябко-Корецкій*, *В. И. Леонтьевъ*, *М. А. Лозино-Лозинскій*, *В. О. Люстихъ*, *Э. С. Маргулісъ*, *А. А. Миндеръ*, *Р. Р. Минцловъ*, *П. Г. Мироновъ*, *Э. М. Моргулисъ*, проф. *С. А. Муромцевъ*, *И. В. Мѣщаниновъ*, *В. Д. Набоковъ*, проф. *В. М. Нечаевъ*, прив.-доц. *С. П. Никоновъ*, *А. Я. Пассоверъ*, прив.-доц. *М. Я.* и *О. Я. Пергаментъ*, *А. А. Пиленко*, проф. *А. А Піонтковскій*, *В. А. Плансонъ*, *И. В. Платоновъ*, проф. *І. А. Покровскій*, *И. М. Рабиновичъ*, *А. К.* фонъ-*Резонъ*, прив.-доц. *С. Е. Сабининъ*, прив.-доц. *М. И. Свѣшниковъ*, проф. *Н. Д. Сергѣевскій*, *В. Ю. Скалонъ*, *Г. Б. Сліозбергъ*, проф. *В. К. Случевскій*, *В. Д. Спасовичъ*, *И. М. Тютрюмовъ*, *В. Д. Философовъ*, проф. *И. Я. Фойницкій*, *Н. М. Цытовичъ*, *С. А. Чагинъ*, *Л. В. Шалландъ*, *В. П. Шеинъ*, проф. *Г. Ф. Шершеневичъ*, *М. И. Шефтель*, *В. Эльяшевичъ*, проф. *В. Г. Ярошкій* и *др.*

Программа газеты слѣдующая: 1) Новые законы и правительственныя распоряженія. Судебная и судебно-административная практика. 2) Комментарій къ новымъ законамъ и правительственнымъ распоряженіямъ. Разборъ и комментарій важнѣйшихъ рѣшеній Правительствующаго Сената, а также рѣшеній и приговоровъ судовъ I и II инстанцій. Обзоръ практики установленій, состоящихъ при судѣ, поскольку эта практика съ юридической точки зрѣнія представляетъ принципіальный интересъ. Обзоръ съ той же точки зрѣнія распоряженій административныхъ властей и органовъ общественнаго управленія. Въ концѣ года будетъ даваться алфавитный и постатейный указатель вопросовъ, разсмотрѣнныхъ въ напечатанныхъ рѣшеніяхъ и приговорахъ. 3) Еженедѣльное обозрѣніе. Статьи по имѣющимъ ближайшее отношеніе къ практикѣ вопросамъ гражданскаго, уголовнаго и административнаго права; обсужденіе желательныхъ реформъ. 4) Важнѣйшіе иностранные законы, выдающіяся судебныя дѣла и случаи въ практикѣ судебно-административныхъ учрежденій. 5) Отчеты о важнѣйшихъ процессахъ. 6) Хроника и смѣсь. 7) Литературное обозрѣніе. 8) Диспуты и засѣданія юридическихъ обществъ. 9) Справочный отдѣлъ. 10) Объявленія. Приложенія: оригинальныя и переводныя сочиненія по юридическимъ наукамъ.

Сборникъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ и общаго собранія I-го и кассаціонныхъ департаментовъ и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, а также важнѣйшіе законы изъ Собранія узаконеній и распоряженій Правительства будутъ печататься отдѣльными листами и разсылаться годовымъ подписчикамъ.

Лица, подписавшіяся на 1899 г., получатъ также **4 нумера, которые выйдутъ 8, 22 Ноября, 6 и 20 Декабря 1898 г.**

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ **1** ч. до **3** ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Непапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой **7** руб., на полгода **4** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ **4** р. и къ первому мая **3** рубля. За границу за годъ—**10** руб. Отдѣльные нумера продаются по **20** коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ **11** час. до **4** час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ С.-Петербургѣ: 1) въ помѣщеніи Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ; 2) въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова, рядомъ съ Публичной Библіотекой; Н. К. Мартынова, Невскій пр., уг. Садовой, № 50—15; „Новое Время“ А. С. Суворина, Невскій, 40; Общества французской книжной торговли бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр., 20; Н. П. Карбасникова, Литейный пр., 46.—**Въ Москвѣ:** 1) въ помѣщеніи Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ у В. А. Румянцевой 2) въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова, Никольская ул., домъ Заиконоспасскаго монастыря; А. Ф. Скорова, Никольская ул., домъ Славянскаго Базара; у пом. прис. пов. О. Б. Гольдовскаго, Петровскія линіи.—**Въ Варшавѣ:** въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, 69.—**Въ Одессѣ:** въ книжныхъ магазинахъ И. А. Розова и Б. Распопова, у пом. прис. пов. О. Я. Пергамента, Почтовая, 12.—**Въ Харьковѣ:** у прис. пов. Б. П. Куликова, Донецъ-Захаржевская ул., соб. домъ.—**Въ Вильнѣ:** въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Большая ул., д. Гордона.—**Въ Кіевѣ:** въ книжномъ магазинѣ И. А. Розова, Крещатикъ, 47.—**Въ Казани:** въ книжномъ магазинѣ „Бр. Башмаковыхъ“, Городской Пассажъ; у пом. прис. пов. С. Н. Нелидова, Попова гора, д. Вермана, кв. № 52.—**Въ Тифлисѣ:** у пом. прис. пов. М. О. Грузенберга, Садовая ул., № 23, уголъ Вельяминовской.

Содержаніе: 1) Отъ редакціи. 2) Административное право. **Н. И. Лазаревскаго.** 3) О значеніи въ Россіи иностранныхъ судебныхъ приговоровъ (окончаніе). Проф. **И. А. Ивановскаго.** 4) Къ вопросу о проектѣ законопол. объ авторскихъ правахъ на музыкальн. произведенія. **А. А. Пиленко.** 5) Обозрѣніе практики гр. кас. департ. Пр. Сената за 1897 г. 6) Письмо изъ Берлина (съѣздъ нѣмецкихъ юристовъ). **В. Э.** 7) Хроника. 8) Курское юрид. общество. 9) Библіографія.

10) Судебная и судебно-административная практика.

11) Объявленія. 12) Прибавленіе: Справочный отдѣлъ.

Безъ знанія судебной и административной практики—нѣтъ истиннаго знанія законовъ.

Поэтому, редакція надѣется отвѣтить насущной потребности всѣхъ, какъ примѣняющихъ наше право, такъ и разрабатывающихъ его, поставивъ своею задачею давать статьи, которыя будутъ или разъяснять отдѣльные практическіе вопросы, съ правовой точки зрѣнія особенно сложные или трудные, или же устанавливать и при помощи науки анализировать руководящія начала дѣйствующаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ, редакція желаетъ дать возможно большее число судебныхъ рѣшеній и приговоровъ, а также постановленій административныхъ присутствій по дѣламъ, въ которыхъ проявилась правотворческая роль суда или администраціи, въ которыхъ разрѣшается вопросъ, на практикѣ или въ наукѣ признаваемый спорнымъ, или же наконецъ по дѣламъ, представляющимъ интересъ по своей юридической сложности или бытовой обстановкѣ.

Но для того, чтобы газета имѣла дѣйствительное практическое значеніе, необходимо, чтобы на страницахъ „Права“ обсужденіе вопросовъ и сомнѣній, возникающихъ въ дѣятельности юристовъ практиковъ, носило характеръ живаго обмѣна мыслей между ними.

Разсылка въ весьма значительномъ числѣ экземпляровъ четырехъ №№ въ теченіе 1898 г. имѣетъ цѣлью познакомить съ задачами газеты возможно болѣе широкій кругъ лицъ. И если бы редакціи удалось привлечь къ газетѣ людей практики, — дѣятелей въ области суда, администраціи и самоуправленія, — которые приняли бы въ ней участіе или самостоятельною разработкою отдѣльныхъ вопросовъ, изученныхъ ими при ихъ дѣятельности, или даже сообщеніемъ сыраго юридическаго матеріала, даваемаго практикой, то дѣло выясненія, единообразнаго примѣненія нашего права и разработки его могло бы быть поставлено на болѣе твердую почву, чѣмъ та, на какой оно стоитъ теперь, когда мы большею частью ничего не знаемъ о затрудненіяхъ, возникающихъ для исполнителей того или другаго закона, и когда практика судовъ, разсматривающихъ дѣло по существу, равно какъ практика судебно-административныхъ присутствій не только не разработана, но и почти вовсе оставляется безъ вниманія какъ научными, такъ и практическими дѣятелями.

Административное право.

Терминъ „административное право“ въ смыслѣ системы *юридическихъ нормъ*, опредѣляющихъ взаимныя отношенія частныхъ лицъ и органовъ исполнительной власти, а также отношенія этихъ органовъ другъ къ другу, у насъ еще не сдѣлался достояніемъ ни официальной науки ни публики. Въ виду крайне своеобразныхъ особенностей правоотношеній, возникающихъ на почвѣ административной дѣятельности, большинство еще весьма недавно отрицало ихъ юридическій характеръ.

Говорили, что въ дѣятельности администраціи юридическій элементъ отступаетъ на второй планъ передъ соображеніями цѣлесообразности, передъ тѣми или другими чисто техническими требованіями; на то и дается администратору во многихъ дѣлахъ дискреціонная власть, чтобы онъ могъ руководствоваться исключительно соображеніями цѣлесообразности, политическаго такта; самое существо администраціи требуетъ до извѣстной степени свободнаго отношенія къ закону. Даже о юридическомъ образованіи говорили, что оно, развивая узкій формализмъ, для администратора можетъ быть только вредно.

Въ самихъ законахъ вмѣсто юридическихъ нормъ заключались предписанія чисто техническаго характера. Въ Сводѣ Законовъ 1857 г. не мало статей вродѣ слѣдующей: „Вырубка въ одномъ году ближнихъ и дальнихъ подраздѣленій лѣсосѣкъ есть самое необходимое условіе добраго лѣсного хозяйства... Здѣсь должно однако опровергнуть тотъ предразсудокъ, будто бы лѣса можно сохранить главнѣйше тѣмъ, чтобы вовсе не дѣлать въ нихъ порубокъ“ (ст. 62 п. 5. Прил. къ ст. 1236 Уст. Лѣсн.).

Такой взглядъ на отношеніе администраціи къ праву опредѣлилъ характеръ той науки, которая разсматривала дѣятельность государства по внутреннему управленію, т. наз. полицейскаго права. Хотя наука эта читалась на юридическихъ факультетахъ, но въ ней сообщались преимущественно практическія и техническія свѣдѣнія, заимствованныя изъ спеціальныхъ наукъ, а въ связи съ ними излагались и тѣ юридическіе вопросы, которые затрагиваются при данной административной дѣятельности.

Такимъ образомъ, полицейское право, хотя и давало нѣкоторыя юридическія свѣдѣнія, но не было юридическою наукою въ смыслѣ закон-

ченной системы своеобразныхъ юридическихъ институтовъ, связанныхъ единствомъ ихъ юридической природы; напротивъ того, устанавливая свои рубрики по практическимъ задачамъ управленія, оно постоянно разъединяло вопросы, съ правовой точки зрѣнія тѣсно связанные, и соединяло воедино разнородные. Поэтому полицейское право, будучи безсильнымъ въ самостоятельномъ разрѣшеніи вопросовъ техническихъ, ничего не могло давать и въ смыслѣ выясненія юридической природы административныхъ правоотношеній.

Время такихъ наукъ прошло, и хотя выдающіеся представители полицейскаго права, Р. Моль въ Германіи, И. Е. Андреевскій въ Россіи, сошли со сцены лишь на нашей памяти, но теперь полицейское право уже пало окончательно: развитіе его литературы остановилось, наука эта повсемѣстно, кромѣ Россіи, исчезла изъ университетскихъ программъ и замѣнилась наукою административнаго права, которая изучаетъ тотъ же юридическій матерьялъ, но уже пріемами спеціальной юридической науки, оставляя въ сторонѣ всѣ вопросы политики и техники.

Вытѣсненіе полицейскаго права наукою чисто юридическою обусловливалось главнымъ образомъ выясненіемъ и усиленіемъ юридическаго момента въ самой дѣятельности администраціи, что въ свою очередь обусловливалось выясненіемъ того значенія, которое начало законности имѣетъ для интересовъ какъ власти, такъ и частныхъ лицъ. Теперь никто не сомнѣвается въ необходимости точно опредѣлить не только предметы вѣдомства и степень власти каждаго органа, но и его обязанности какъ по отношенію къ другимъ органамъ администраціи, такъ и по отношенію къ частнымъ лицамъ. Даже предоставленныя многимъ органамъ дискреціонныя полномочія не лишаютъ власти ихъ вообще подзаконнаго правоваго характера. Конечно, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ данному органу предоставлено руководиться своимъ усмотрѣніемъ, его дѣятельность можетъ обсуждаться лишь съ точки зрѣнія ея цѣлесообразности, а не права; но тѣмъ рѣзче проявляется юридическая сторона дѣла, когда вопросъ ставится о предѣлахъ дискреціонныхъ полномочій даннаго органа.

Къ тому же съ развитіемъ начала законности и сознанія необходимости устойчивости гражданскаго оборота вѣдѣніе вопросовъ внутренней политики все болѣе и болѣе сосредоточивается въ рукахъ верховной власти и ея непосредственныхъ органовъ, и дѣятельность администраціи все болѣе пріобрѣтаетъ подзаконный, правовой характеръ. Что же касается вопросовъ техническихъ, нѣкогда дѣйствительно заслонявшихъ правовую сторону управленія, то съ усложненіемъ законодательства и въ особенности при современныхъ успѣхахъ техническихъ знаній разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ пришлось предоставить юристу, техническихъ—технику.

При такихъ условіяхъ нельзя не признать строго юридическаго характера взаимныхъ отношеній административныхъ органовъ и населенія. Изученіе юридической стороны этихъ отношеній, начавшееся во Франціи около первой четверти нашего столѣтія, въ Германіи лѣтъ на 30 позже, имѣло громадное практическое значеніе: не только были разрѣшены юридическіе вопросы, самаго существованія которыхъ не подозрѣвалъ никто, кромѣ страдавшихъ отъ невыясненности своихъ правъ, появились также совершенно дотолѣ неизвѣстные способы охраны какъ правъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и объективнаго начала законности. Вмѣсто неопредѣленности юридической природы прежнихъ институтовъ, во вновь созданныхъ видна сознательная работа образованныхъ юристовъ.

Это взаимодѣйствіе науки и практики должно обновить и наше дѣйствующее административное право, которое и съ точки зрѣнія чисто практическихъ нуждъ управленія и управляемыхъ является во многихъ своихъ частяхъ совершенно неизвѣданнымъ сырымъ матерьяломъ. Нѣкоторые основные его принципы только намѣчены законодательствомъ и далеко не выяснены на практикѣ; такова напр. возможность примѣненія давности въ требованіяхъ, обращаемыхъ къ администраціи. По многимъ предметамъ отысканіе въ нашемъ Сводѣ „приличныхъ дѣлу законовъ“ является задачею почти неразрѣшимою. Очевидно, что и начало законности, и твердость правъ отдѣльныхъ лицъ и даже самой администраціи терпятъ отъ этого огромный ущербъ. Помочь дѣлу можетъ только наука, ибо она одна, расположивъ весь матерьялъ въ строгую систему, дѣлаетъ его обозримымъ, понятнымъ, облегчаетъ его усвоеніе и критику.

Но трудно указать область права, гдѣ матерьялъ былъ бы менѣе способенъ послужить предметомъ столь для него необходимой научной обработки. Если мы сравнимъ въ Сводѣ Законовъ уставы, содержащіе въ себѣ наше административное право, напр. съ гражданскими законами, то увидимъ, какая громадная пропасть лежитъ между ними въ смыслѣ законодательной техники, полноты, послѣдовательности проведенія того или другого начала. Но вспомнимъ какую колоссальную творческую дѣятельность пришлось проявить гражданскому кассаціонному департаменту въ первые годы его существованія, и представимъ себѣ, передъ какими пробѣлами въ этой, сравнительно наиболѣе старательно составленной, части Свода мы бы теперь стояли, если бы эта дѣятельность сената вовсе не имѣла мѣста, или если бы она никому не была извѣстна. Между тѣмъ таково наше положеніе относительно тѣхъ частей Свода, въ которыхъ содержится наше административное право.

Конечно, пробѣлы административныхъ законовъ такъ или иначе восполнялись практикою административныхъ учрежденій; однако, благо-

даря царившей въ нихъ канцелярской тайнѣ, создаваемыхъ ими административныхъ обычаевъ наука долгое время не знала, не считалась съ ними и поэтому, игнорируя въ своей работѣ иногда твердо установившіяся на практикѣ положенія, тѣмъ самымъ лишала свои выводы практическаго значенія.

Старые нѣмецкіе юристы признавали дѣятельность администраціи источникомъ особаго обычнаго права (называвшагося ими die Observanz) и всегда старались считаться съ нимъ. Но въ первой половинѣ нашего вѣка, когда на западѣ вниманіе политическихъ наукъ было поглощено конституціоннымъ движеніемъ, тайная, незамѣтная работа администраціи если и обращала на себя чье либо вниманіе, то, конечно, какой либо своей ошибкою, а не регулярнымъ, не возбуждающимъ споровъ исполненіемъ текущихъ дѣлъ; и юристы въ ней видѣли, часто не безъ основанія, скорѣе послѣдовательную систему правонарушеній, чѣмъ созданіе какого либо права. Практика административныхъ учрежденій была для нихъ предметомъ скорѣе политическихъ и публицистическихъ нападокъ, чѣмъ юридической обработки и юридическаго изученія. И этотъ взглядъ въ значительной степени до сихъ поръ остался достояніемъ публики.

Между тѣмъ, отдѣльныя распоряженія администраціи, разрѣшающія существующія въ законахъ затрудненія и восполняющія его пробѣлы, слагаются въ каждомъ учрежденіи въ извѣстные обычаи; обычаи эти примѣняются администраціей и потому входятъ въ жизнь и практически становятся обязательными для подданныхъ, подобно судебной практикѣ разъясняя и восполняя право, созданное законодателемъ. Поэтому юридическое значеніе и юридическая природа этихъ обычаевъ должны стоять внѣ всякихъ сомнѣній.

Отношеніе науки къ этому обычному праву или, по выраженію барона М. Корфа, къ „преданію, существующему въ присутственныхъ мѣстахъ и вездѣ составляющему необходимое живительное дополненіе къ законамъ“, постепенно измѣнялось въ отдѣльныхъ государствахъ съ появленіемъ и развитіемъ въ нихъ административной юстиціи.

Постановленія административно-судебныхъ учрежденій, мотивированныя, состоявшіяся по выслушаніи показаній сторонъ, съ установленнымъ порядкомъ обжалованія, почти всегда съ гласною процедурою, внушали, конечно, гораздо болѣе довѣрія, чѣмъ административныя распоряженія почти безъ мотивовъ, подписанныя хотя бы и министромъ, но составленныя невѣдомымъ для просителя и фактически безотвѣтственнымъ чиновникомъ. Къ тому же рѣшенія административныхъ судовъ, разрѣшающихъ каждое данное дѣло единственно силою дѣйствующихъ законовъ, и по содержанію своему представляютъ такой матерьялъ, изъ котораго можетъ выработаться практика, почти не уступающая, какъ источникъ права, раскрывающаго смыслъ законовъ, практикѣ судебной. Но для того, чтобы эта практика въ дѣйствительности выработалась и принесла дѣйствующему административному праву всю ту пользу, которую она можетъ принести, необходимо, чтобы отдѣльныя рѣшенія становились общеизвѣстными.

Въ Австріи и Пруссіи, гдѣ административные суды появились во второй половинѣ нашего вѣка, когда никто уже не считалъ нужнымъ стѣснять оглашеніе рѣшеній и по административнымъ дѣламъ, наука и органы чисто административные немедленно приняли къ своему руководству тотъ матерьялъ, который имъ давали рѣшенія административныхъ судовъ. Между тѣмъ во Франціи и южно-германскихъ государствахъ, гдѣ эти суды появились въ самомъ началѣ вѣка, рѣшенія ихъ въ первое время хотя и объявлялись сторонамъ, но во всеобщее свѣдѣніе не оглашались.

Это время называется французскими юристами эпохою тайнаго образованія права.

Въ этотъ періодъ хотя въ самихъ административныхъ судахъ и установилась извѣстная болѣе или менѣе твердая практика, но неоглашаемыя рѣшенія почти не могли содѣйствовать ни научной разработкѣ права, ни даже правильности и единообразію его примѣненія чисто административными органами. Достаточно сказать, что напр. во Франціи, въ странѣ съ самымъ развитымъ административнымъ правомъ и съ самою богатою литературою его, къ эпохѣ тайнаго образованія права не относится по этому предмету ни одного сочиненія, представляющаго какой либо практическій или научный интересъ. Дѣйствительные успѣхи въ развитіи какъ самого административнаго права, такъ и науки о немъ во Франціи наблюдаются лишь послѣ того, какъ газета Thémis, а затѣмъ и другіе періодическіе органы начали систематически оглашать постановленія административныхъ судовъ.

Теперь мы переживаемъ періодъ совершенно аналогичный тому, какой прошла Франція. У насъ есть теперь сложная система административныхъ судовъ въ видѣ губернскихъ по разнымъ дѣламъ присутствій, завершенныхъ и объединенныхъ правительствующимъ сенатомъ. Однако, благодаря недостаточной гласности ихъ рѣшеній, тайны которыхъ законъ, однако, отнюдь не требуетъ, многія руководящія начала нашего административнаго права, установленныя административными судами, остаются неизвѣстными не только наукѣ и населенію, подчиненному нашему административному праву, но и примѣняющимъ его исполнительнымъ органамъ.

Въ послѣднее время въ нашей юридической литературѣ появляется не мало работъ, старающихся огласить сенатскую практику по тому или иному роду дѣлъ. Укажемъ на наиболѣе извѣстные сборники Горемыкина, Рычкова, Тимофѣевскаго, безъ пользованія которыми въ затронутыхъ ими областяхъ права теперь невозможны ни практическая, ни научная дѣя-

тельность. Но такіе сборники существуютъ лишь по весьма немногимъ вопросамъ, это капля въ морѣ, и въ огромнѣйшей части своей наше право остается тайнымъ. Къ тому же такіе сборники по самому существу своему неспособны слѣдить за текущею практикою.

Поэтому, нельзя не признать насущною потребностью настоящаго времени систематическое оглашеніе по возможности всей практики сената и другихъ судебно-административныхъ присутствій, а также тѣхъ чисто административныхъ распоряженій, въ которыхъ выражаются наши административные обычаи или которыми привносится въ дѣйствующее право что либо новое.

Только послѣ того, какъ наша административная практика станетъ извѣстною, возможно будетъ правильное и единообразное примѣненіе нашего административнаго права, его научная разработка и дальнѣйшее его развитіе согласно совмѣстнымъ указаніямъ практики и науки.

Н. Лазаревскій.

О значеніи въ Россіи иностранныхъ судебныхъ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ.

(Окончаніе). [1])

Правительствующій Сенатъ утверждаетъ, будто статьи 172, 173 и 174 „не опредѣляютъ ни порядка ни самыхъ условій“ привлеченія къ отвѣтственности лицъ, виновныхъ въ совершеніи предусмотрѣнныхъ въ этихъ статьяхъ дѣяній и что, поэтому, какъ порядокъ, такъ и *условія* такого привлеченія „должны быть установляемы сообразно съ прямыми на сіе указаніями нашихъ судопроизводственныхъ законовъ или по соображеніи съ принятыми въ нихъ основными началами“. Тутъ допущена неточность въ изложеніи закона, такъ какъ въ ст. 174 говорится, что русскій подданный подлежитъ дѣйствію уголовнаго уложенія за совершенныя имъ за границей преступленія противъ верховной власти иностраннаго государства или его подданныхъ лишь въ томъ случаѣ, если „*будетъ тамошнимъ правительствомъ для сужденія препровожденъ въ Россію или же, по добровольномъ возвращеніи его въ отечество, на него поступятъ жалобы или обвиненія*“, т. е. иными словами, въ ней опредѣляются *условія* привлеченія къ отвѣтственности русскаго подданнаго за извѣстныя преступленія его за границей. Ст. 172 и 173 ставятъ *условіемъ* преслѣдованія возвращеніе или выдачу Россіи лица, виновнаго въ совершеніи означенныхъ въ нихъ преступныхъ дѣяній. Но о другихъ условіяхъ привлеченія къ суду онѣ дѣйствительно не упоминаютъ. Этотъ пробѣлъ Сенатъ находитъ возможнымъ восполнить постановленіями уст. уг. судопр. и обращается къ 22 его статьѣ о вторичной несудимости лицъ, отбывшихъ наказаніе по тому же дѣлу. При этомъ Сенатъ, совершенно правильно находя, что статья эта, закрѣпляющая непоколебимое значеніе вошедшихъ въ законную силу приговоровъ, „имѣетъ въ виду приговоры, постановленные *нашими* судами“, въ то же самое время неожиданно даетъ ей распространительное и неправильное толкованіе и утверждаетъ, что выраженное въ ней основное юридическое положеніе: non bis in idem, не можетъ не быть принимаемо къ руководству и при установленіи условій отвѣтственности за преступленія, учиненныя за границей“. Естественно рождается вопросъ, почему, на какомъ основаніи дается ст. 22 такой широкій, незаключающійся въ ней смыслъ? Сенатъ старается отстоять свое мнѣніе тѣмъ соображеніемъ, что огражденіе интересовъ государственныхъ и отдѣльныхъ гражданъ отъ преступныхъ посягательствъ на нихъ, учиненныхъ и внѣ предѣловъ Россіи, путемъ примѣненія ст. 172—174 улож. о наказ. „становится *излишнимъ*, какъ скоро *соотвѣтственная* охрана и защита *вполнѣ* оказаны судебною властью мѣста учиненія дѣянія, когда виновный понесъ заслуженное имъ наказаніе, усиленіе коего новымъ осужденіемъ было бы нарушеніемъ справедливости“. Но при такомъ воззрѣніи судья обращается въ политика, который слѣдитъ, „*вполнѣ*“ ли оказана *иностраннымъ* судомъ „*соотвѣтственная*“ охрана и защита государственныхъ интересовъ Россіи и частныхъ лицъ и, смотря по обстоятельствамъ, безъ малѣйшаго на то полномочія въ законѣ, то руководствуется началомъ non bis in idem, то вчинаетъ новое преслѣдованіе. Доводы Сената понятны еще съ точки зрѣнія legis ferendae, но въ законѣ дѣйствующемъ они не имѣютъ опоры. Тоже слѣдуетъ замѣтить и о другомъ аргументѣ Сената, по которому, если русскій судъ, при опредѣленіи отвѣтственности виновнаго, долженъ, на основаніи 174 ст. уложенія, имѣть въ виду размѣръ наказанія, коему виновный подлежалъ бы по иностраннымъ законамъ, то тѣмъ болѣе судъ не можетъ признать безразличнымъ состоявшійся о немъ иностранный судебный приговоръ и отбытое за границей наказаніе.

Въ подкрѣпленіе своего тезиса Сенатъ указываетъ далѣе на то обстоятельство, что и иностранные кодексы важнѣйшихъ европейскихъ державъ признаютъ начало вторичной несудимости за преступленія, учиненныя за предѣлами государства и покрытыя иностраннымъ судебнымъ приговоромъ и отбытымъ наказаніемъ, и что отступленія отъ этого начала оговорены прямо въ нѣкоторыхъ законахъ (германскій, венгерскій). Это совершенно вѣрно. Но фактъ внесенія законодателями почти всѣхъ европей-

[1]) Въ предыдущемъ №, въ ст. проф. Ивановскаго вкралась существенная опечатка: на стр. 19, стр. 17 сверху, вмѣсто словъ „лицо не несетъ“, слѣдуетъ читать „лицо несетъ“

скихъ государствъ въ ихъ уголовные кодексы постановленій объ извѣстномъ значеніи иностранныхъ судебныхъ приговоровъ указываетъ на существованіе общаго убѣжденія въ томъ, что безъ такого спеціальнаго постановленія закона иностранный судебный приговоръ значенія не имѣетъ. Что же касается до дѣлаемаго нѣкоторыми кодексами (германскимъ и венгерскимъ) изъятія изъ признаваемаго ими общаго правила о значеніи иностранныхъ судебныхъ приговоровъ, то оно годилось бы для доказательства мысли Сената лишь въ томъ случаѣ, если бы стояло самостоятельно, безъ точно формулированнаго въ томъ же законѣ общаго правила.

Затѣмъ Сенатъ ссылается на наши договоры о выдачѣ преступниковъ, между прочимъ и съ Швейцаріей, и на опредѣленіе 1-го департамента по дѣлу Никитченкова, будто бы заключающіе тоже признаніе начала non bis in idem и въ международныхъ сношеніяхъ. Но постановленіе конвенцій о томъ, что выдача не производится, когда она требуется по поводу того же преступленія или проступка, за которые требуемое лицо несетъ или уже понесло наказаніе, — очевидно толкуется Сенатомъ неправильно. Оно не заключаетъ въ себѣ признанія за иностраннымъ судебнымъ приговоромъ значенія rei judicatae для *всѣхъ* случаевъ, но лишь разсматриваетъ судебный приговоръ и отбытое или даже отбываемое только наказаніе въ мѣстѣ пребыванія преступника, какъ достаточное *основаніе* и *оправданіе его невыдачи. Другого* значенія оно не имѣетъ. Поэтому, если бы преступникъ, не выданный иностраннымъ государствомъ по указанной причинѣ, появился бы добровольно въ предѣлахъ государства, требовавшаго его выдачи, и былъ привлеченъ здѣсь къ суду, то въ послѣднемъ актѣ нельзя было бы видѣть нарушенія международнаго договора, какъ нельзя было бы, напр., видѣть такое нарушеніе и тогда, когда бы преступникъ, не выданный иностранной державой, потому что былъ обвиняемъ въ политическомъ преступленіи,—оказался впослѣдствіи въ рукахъ требовавшей его выдачи страны и былъ бы ею судимъ.

Отказываясь настаивать на выдачѣ преступника по причинѣ суда надъ нимъ, или осужденія, или оправданія въ иностранномъ государствѣ, данная держава отнюдь не отказывается отъ своего права возбудить у себя новое преслѣдованіе за то же преступленіе, если этого требуетъ ея законъ. Чтобы въ этомъ не сомнѣваться, слѣдуетъ обратить вниманіе на практику той же Швейцаріи по интересующему насъ вопросу. По словамъ J. Berney [1]), Бельгія и Германія заявили Швейцаріи о томъ, что преслѣдованіе и осужденіе преступника въ отечествѣ не будетъ останавливать преслѣдованія его въ государствѣ, гдѣ имъ совершено было данное преступленіе. А между тѣмъ, въ конвенціи Швейцаріи съ Германіей 1874 г. о выдачѣ преступниковъ есть такое же постановленіе (ст. 3), какъ и въ конвенціи ея съ Россіей, по которому выдача требуемаго лица не можетъ послѣдовать, если оно въ мѣстѣ своего пребыванія предано суду за то же дѣяніе или было осуждено и понесло уже наказаніе [1]). Ясно, что въ данномъ случаѣ судебный приговоръ, состоявшійся въ странѣ, отъ которой требуется выдача преступника, оказывается достаточнымъ оправданіемъ отказа въ выдачѣ, но онъ не устраняетъ возможности новаго преслѣдованія въ странѣ, требующей выдачи. Вслѣдствіе заявленія Бельгіи и Германіи, швейцарскія власти стали отклонять требованія иностранныхъ державъ относительно преслѣдованія швейцарцевъ за преступленія, желая избавить своихъ гражданъ отъ возможности двойной кары за одно и тоже дѣяніе. Но изъ одной крайности легко можно попасть въ другую: подобная защита отъ двойной кары легко можетъ привести къ безнаказанности преступника. Чтобы избѣжать послѣдняго явленія, швейцарскій союзный совѣтъ постарался добиться принятія въ нѣкоторыхъ конвенціяхъ о выдачѣ преступниковъ (съ Испаніей 1883 г., С. Сальвадоромъ 1883 г., Монако 1885 г., Сербіей 1887 г.) постановленія, обязывающаго контрагентовъ не вчинать вторичнаго преслѣдованія за то же дѣяніе, за которое преступникъ былъ судимъ по требованію одного изъ нихъ судами другого, если только имъ отбыто назначенное судомъ наказаніе [3]).

Такимъ образомъ, Швейцарія, чтобы обезпечить своихъ гражданъ отъ новаго преслѣдованія въ иностранномъ государствѣ за то же дѣяніе, за которое они уже были судимы и понесли кару въ отечествѣ, признала необходимымъ спеціально оговорить это въ международныхъ конвенціяхъ, правильно полагая, что безъ подобной оговорки новое преслѣдованіе въ иностранной державѣ можетъ имѣть мѣсто, если этого требуютъ ея законы. Но такой оговорки въ конвенціи Швейцаріи съ Россіей не имѣется.

Столь же слабо, какъ аргументъ, подкрѣпляющій защищаемое Сенатомъ мнѣніе, дол-

---

[1]) *Jacques Berney*—De la procédure suivie en Suisse pour l'extradition des malfaiteurs aux pays étrangers. Bâle 1889, p. 87—88.

[1]) См. швейцарско-германскую конвенцію у *F. I. Kirchner*'a—L'extradition. Recueil renfermant in-extenso tous les traités conclus jusqu'au 1-er Janvier 1883 entre les nations civilisées, London 1883, p. 39.

[3]) Въ конвенціи Швейцаріи съ Сербіей 1887 г. (см. X) разсматриваемое постановленіе формулировано такъ: De son côte, l'Etat *à la demande duquel* un citoyen de l'autre Etat aura été poursuivi et jugé, s'engage à ne pas exercer une seconde poursuite contre le même individu et pour le même fait, à moins que l'individu n'ait pas subi la peine à laquelle il aurait été condamné dans son pays. См. *G. F. Martens* (F. Stoerk) N. R. G. des traités, 2-e série, t. XIV, p. 387.

жно быть признано и опредѣленіе 1-го его департамента по дѣлу Никитченкова. Дѣйствительно, изъ того обстоятельства, что правило 21 и 22 ст. нашего уст. уг. суд. (о недопустимости вторичнаго суда по тому же дѣлу надъ лицомъ, оправданнымъ или осужденнымъ вошедшимъ въ законную силу судебнымъ приговоромъ)—является общимъ всѣмъ законодательствамъ образованныхъ народовъ, отнюдь не слѣдуетъ, что безъ опредѣленнаго на этотъ счетъ постановленія законовъ оно должно быть распространено и на иностранные судебные приговоры, такъ какъ каждый уставъ уголовнаго судопроизводства издается только для извѣстнаго государства и имѣетъ въ виду юридическую силу актовъ, совершенныхъ судами лишь этого государства; судебнымъ же актамъ иностранной державы можетъ быть придано юридическое значеніе не иначе, какъ вслѣдствіе спеціальнаго постановленія закона.

Наконецъ, въ разсматриваемомъ рѣшеніи есть ссылка на то, что наши интересы при разборѣ дѣла Іолко были охраняемы на Цюрихскомъ судѣ особымъ лицомъ, „уполномоченнымъ на то по порученію нашего министра финансовъ". И это не аргументъ въ пользу тезиса, поддерживаемаго Сенатомъ. Министръ финансовъ поступилъ совершенно правильно, позаботившись на всякій случай о защитѣ нашихъ интересовъ предъ Цюрихскимъ судомъ; но это представительство русскихъ интересовъ едва-ли можетъ быть почитаемо равносильнымъ отказу отъ производства впослѣдствіи суда надъ преступникомъ въ Россіи, ибо министръ, органъ власти административной, не могъ однимъ своимъ распоряженіемъ освобождать русскій судъ отъ исполненія обязаностей, возложенныхъ на него закономъ. Это могло бы имѣть мѣсто лишь при условіи, если бы министръ финансовъ дѣйствовалъ на основаніи спеціальнаго на этотъ счетъ разрѣшенія закона или соотвѣтственнаго Именного Высочайшаго указа. Но въ такомъ случаѣ вмѣсто всей аргументаціи достаточно было бы просто сослаться на этотъ законъ или указъ, чего въ дѣлѣ Іолко не имѣется.

Итакъ, съ точки зрѣнія смысла дѣйствующаго закона, начало, защищаемое Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи его по дѣлу Іолко, не можетъ быть принято.

Чтобы правильно истолковать смыслъ молчанія законовъ о значеніи иностранныхъ судебныхъ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ, необходимо руководствоваться слѣдующими началами.

Уголовный законъ долженъ примѣняться къ наказуемымъ имъ преступнымъ дѣяніямъ. Отступленія отъ этого общаго правила, т. е. случаи, когда не можетъ имѣть мѣсто примѣненіе уголовнаго закона къ преступленіямъ, вообще имъ наказуемымъ, должны быть точно указаны и обыкновенно указываются въ самомъ этомъ законѣ (малолѣтство или психическая болѣзнь преступника, давность, состояніе крайней необходимости или необходимой обороны и т. п.). Такія указанія, какъ вообще всякія исключенія, должны быть толкуемы ограничительно. Къ числу изъятій можно несомнѣнно отнести и непримѣненіе уголовнаго закона къ тѣмъ наказуемымъ имъ преступленіямъ, по которымъ состоялся иностранный судебный приговоръ. Но для того, чтобы такое ограниченіе дѣйствія уголовнаго закона могло быть допущено, необходимо соотвѣтственное постановленіе объ этомъ въ самомъ законѣ. Безъ такого постановленія нѣтъ и ограниченія примѣненія уголовнаго закона и дѣйствія карательной власти. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи уголовный судъ, обязанный стоять на стражѣ интересовъ, защищаемыхъ уголовнымъ закономъ, и, слѣдовательно, обязанный примѣнять этотъ законъ къ наказуемымъ имъ дѣяніямъ, можетъ освободить себя отъ этой обязанности, если въ самомъ законѣ нѣтъ на это соотвѣтственнаго уполномочія?

Но можно посмотрѣть на дѣло еще и съ другой стороны. Въ законахъ уголовныхъ и въ уставахъ уголовнаго судопроизводства опредѣляются мѣра и способы защиты разнообразныхъ интересовъ государственныхъ и частныхъ и, между прочимъ, устанавливаются границы законной свободы и неприкосновенности лица. Всѣ эти блага находятъ прочную охрану лишь въ томъ случаѣ, если названные законы исполняются точно и если не допускается отступленія отъ нихъ или ихъ произвольнаго толкованія. Лучше точнымъ примѣненіемъ закона обезпечить небольшую, но опредѣленную мѣру личной свободы и неприкосновенности, чѣмъ рисковать потерять ее, стремясь достигнуть бо́льшаго путемъ отступленія отъ истиннаго духа закона. Новый разборъ дѣла въ отечествѣ, послѣ рѣшенія его въ иностранномъ государствѣ и отбытія тамъ виновнымъ наказанія, можетъ соотвѣтствовать во многихъ случаяхъ интересамъ осужденнаго, который пожелалъ бы оправдаться въ глазахъ соотечественниковъ и нашелъ бы въ отечествѣ, гдѣ имъ совершено было преступленіе, — больше средствъ для доказательства своей невиновности. Какимъ образомъ, при молчаніи закона о значеніи иностраннаго судебнаго приговора, можно вслѣдствіе существованія такого приговора лишить подсудимаго права защищаться при помощи суда, если законъ не лишилъ его этого права опредѣленнымъ постановленіемъ?

Кромѣ того, новый разборъ дѣла при такихъ условіяхъ можетъ быть интересенъ и съ точки зрѣнія рѣшенія вопроса о правахъ преступника, возвратившагося въ отечество послѣ отбытія наказанія за границей. Было бы совершенно несправедливо оставлять тяжкому преступнику, отбывшему наказаніе заграницей, неприкосновенное пользованіе всѣми гражданскими и политическими правами по возвращеніи его

въ отечество, и въ тоже самое время поражать права лицъ, виновныхъ въ менѣе тяжкихъ преступныхъ дѣяніяхъ, но судившихся дома.

Наконецъ, если толковать молчаніе уголовныхъ законовъ о значеніи иностранныхъ судебныхъ приговоровъ въ смыслѣ молчаливаго признанія за ними такой же силы, какъ и за приговорами данной страны, то придется допустить цѣлый рядъ совершенно невѣроятныхъ послѣдствій, именно, что такая сила присвоивается иностраннымъ приговорамъ безъ различія, состоялись-ли они по преступленіямъ, совершеннымъ въ иностранномъ государствѣ или въ данной державѣ (напр. Россіи), а также содержатъ ли они обвиненіе или оправданіе подсудимаго. Но такого широкаго рѣшенія вопроса мы не найдемъ ни въ одномъ изъ тѣхъ кодексовъ, которые опредѣленно придаютъ извѣстное значеніе иностраннымъ судебнымъ приговорамъ. Всѣ они признаютъ необходимымъ вторичное разслѣдованіе нѣкоторыхъ преступленій (именно—совершенныхъ въ предѣлахъ даннаго государства или же направленныхъ противъ него), несмотря на состоявшійся по нимъ иностранный приговоръ и отбытіе наказанія. Вводить же исключенія для тѣхъ или иныхъ преступленій, или тѣхъ или иныхъ иностранныхъ судебныхъ приговоровъ, при молчаніи закона объ этомъ, нѣтъ никакихъ основаній.

Итакъ, съ точки зрѣнія самостоятельности (суверенитета) государствъ, съ точки зрѣнія задачъ, значенія, условій и порядка карательной ихъ дѣятельности, съ точки зрѣнія обязанностей суда, какъ органа власти, призваннаго опираться въ своей дѣятельности на законъ, а также съ точки зрѣнія законной охраны правъ личности въ государствѣ и интересовъ самого государства молчаніе уголовныхъ законовъ о значеніи иностранныхъ судебныхъ приговоровъ должно быть понимаемо въ смыслѣ совершеннаго ихъ игнорированія, какъ основанія для устраненія новаго преслѣдованія, и о non bis in idem въ смыслѣ *несудимости* дважды тутъ не можетъ быть рѣчи. Иное дѣло *наказуемость* дважды. Было бы явно несправедливо и жестоко къ наказанію, отбытому за границей, прибавлять еще новое въ полной его мѣрѣ. Понесенная виновнымъ въ иностранномъ государствѣ кара должна быть принята въ разсчетъ при опредѣленіи ему наказанія въ данной странѣ, и, смотря по обстоятельствамъ, она можетъ послужить основаніемъ къ значительному смягченію новаго наказанія или даже къ ходатайству суда о помилованіи.

Разсмотрѣнный нами пробѣлъ въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ довольно удачно устраняется постановленіями проекта новаго уголовнаго уложенія, разсматриваемаго нынѣ Государственнымъ Совѣтомъ*). Но оцѣнка съ этой стороны проекта уложенія выходитъ за предѣлы настоящей статьи.

*) Уголовное уложеніе. Проектъ, измѣненный министромъ юстиціи по соглашенію съ предсѣдателемъ Высочайше учрежденной редакціонной комиссіи С.-Пб. 1898 г., ст. 5—7.

Профессоръ С.-Петербургскаго университета
И. Ивановскій.

Къ вопросу о проектѣ законоположеній объ авторскихъ правахъ на музыкальныя произведенія.

Помѣщенное въ октябрьской книжкѣ „Журнала Министерства Юстиціи“ сообщеніе А. А. Герке относительно составленнаго Императорскимъ русскимъ музыкальнымъ обществомъ проекта статей о защитѣ музыкальныхъ произведеній невольно обращаетъ на себя вниманіе. Одинъ уже списокъ лицъ, участвовавшихъ въ разработкѣ проекта, блещетъ такими именами, которыя сами по себѣ ручаются за успѣхъ дѣла; подробное ознакомленіе съ самыми статьями еще болѣе убѣдило насъ въ томъ, что общество взялось за поставленную ему задачу умѣло и выполнило ее чрезвычайно удачно. Въ настоящей замѣткѣ мы не будемъ, поэтому, распространяться о достоинствахъ проекта: они настолько крупны, что всякій сразу сумѣетъ ихъ найти; для этого достаточно прочесть текстъ статей. Но авторы проекта сами обращаются къ публикѣ (въ примѣчаніи къ цитированному сообщенію), прося „возраженій и заявленій на проектъ.“ Нѣсколько такихъ замѣчаній мы и позволимъ себѣ формулировать ниже, считая долгомъ каждаго содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, успѣху столь важнаго начинанія.

Съ техническо-законодательной точки зрѣнія, текстъ проекта представляетъ интересную особенность. Изъ общаго числа 36 статей имѣютъ спеціальное отношеніе къ музыкѣ только одиннадцать, т. е. меньше трети; ст. 10—15, 17, 20 *), 21, 25 и 31 а, г, д. Всѣ остальныя не содержатъ ничего специфически-музыкальнаго и могли бы, послѣ нѣсколькихъ вербальныхъ измѣненій, спокойно занять мѣсто въ законѣ о литературныхъ или художественныхъ произведеніяхъ. Напримѣръ: „Ст. 3. Авторское право можетъ быть уступлено *композиторомъ*, вполнѣ или въ части, по договору другимъ лицамъ, а послѣ смерти *композитора* переходитъ“ ит. д. Въ этой статьѣ, такъ же какъ и во многихъ другихъ, о музыкѣ напоминаетъ только „композиторъ,“ поставленный вмѣсто родового понятія „авторъ“. Въ другихъ статьяхъ эта couleur locale сохранена еще болѣе искусственными способами: „Ст. 8. *Консерваторіи*, общества, ученыя и учебныя заведенія имѣютъ право„ и т. д. Вполнѣ ясно, что „консерваторія“ въ этой статьѣ совершенно излишня,

*) Мы не вносимъ въ этотъ перечень статей 18 и 19, ибо публично исполняются и драматическія произведенія.

ибо она, во всякомъ случаѣ, или общество, или учено-учебное заведеніе.

Все это, въ переводѣ на языкъ практическихъ нуждъ, можетъ имѣть слѣдующее значеніе. Мы уже имѣли разъ случай указать („Ж. Юрид. Общ.“ 1897, № 10, стр. 57—58) на неудобства принятой нынѣ систематизаціи законовъ объ авторскихъ правахъ: приложеніе къ ст. 420 т. X. ч 1. составилось, какъ извѣстно, изъ трехъ разновременныхъ законовъ (литература, изобразительныя искусства, музыка) и распадается, поэтому, на три главы, ничѣмъ другъ съ другомъ не связанныя. Комиссія по составленію проекта новаго гражданскаго уложенія и, повидимому, рус. муз. общество собираются и впредь держаться такой же системы, проектируя для каждаго изъ видовъ творчества отдѣльную новеллу. Достигнуто это можетъ быть только въ ущербъ краткости и точности закона: три раза на протяженіи нѣсколькихъ страницъ придется изложить постановленія о субъектахъ права, о срокахъ, о соавторствѣ, объ анонимныхъ и псевдонимныхъ работахъ и т. д. Мы считали бы, поэтому, болѣе удобнымъ выдѣлить всѣ подобныя нормы въ одну *общую часть*, къ которой, затѣмъ, были бы присоединены три спеціальныя главы, и изъ нихъ каждая содержала бы нормы особенныя для трехъ отдѣльныхъ видовъ творчества. Этимъ путемъ, кромѣ компактности, были бы достигнуты и болѣе важные результаты: законодательство о всѣхъ видахъ творчества слилось бы въ одно органическое цѣлое; судья и комментаторъ имѣли бы въ рукахъ доказательство цѣлостности, послѣдовательности и единства взглядовъ законодателя; нормы, подлежащія аналогическому толкованію, были бы рѣзкою чертою отдѣлены отъ не подлежащихъ; да и самъ законъ былъ бы избавленъ отъ необходимости съ серьезнымъ видомъ посвящать *отдѣльную* статью (9-ю въ разбираемомъ проектѣ) защитѣ псевдонимныхъ и анонимныхъ *музыкальныхъ* произведеній. Гдѣ это видано анонимное изданіе увертюры, романса, оперы, вальса? Вѣдь это же не политическіе памфлеты! А созданіе общей части позволило бы и для такихъ исключительныхъ случаевъ имѣть юридическую норму, безъ особаго спеціальнаго упоминанія о ней въ отдѣлѣ музыкальномъ.

Мы считали бы, поэтому, наиболѣе цѣлесообразнымъ, чтобы при будущей переработкѣ проекта перечисленныя нами выше одиннадцать статей были взяты въ ихъ теперешнемъ видѣ; статьи же 1—9, 16, 18, 19, 22—24 и 26—36 были бы разсматриваемы только, какъ согласіе представителей музыки на внесеніе въ общую часть новеллы извѣстнаго количества руководящихъ принциповъ. Что эти статьи суть только согласіе на принципы, а не самые принципы, годные для общей части,—доказываетъ, напримѣръ, слѣдующее обстоятельство. Въ разбираемомъ проектѣ 8 статей посвящено ученію о субъектѣ и срокахъ, а нѣтъ *ни одной* по вопросу объ *объектѣ* права. А. А. Герке въ оглавленіи, предпосланномъ проекту, указываетъ на статьи 10—12, какъ на содержащія ученіе объ объектѣ. Но это не совсѣмъ точно. Статья 10-я трактуетъ о томъ, что „композитору принадлежитъ исключительное право на составленіе и изданіе сокращеній, извлеченій, попурри, переложеній и т. д.“. Очевидно, что это постановленіе излагаетъ ученіе объ *объемѣ* авторскаго права, а вовсе не объ *объектѣ*. Статья 11-я воспроизводитъ ту же самую мысль, но только въ отрицательной формѣ: „Не признается нарушеніемъ чужого авторскаго права“: 1) самостоятельное творчество на почвѣ чужого произведенія и 2) умѣренное цитированіе. Но здѣсь, опять-таки, идетъ рѣчь объ *объемѣ* права или, пожалуй, о *нарушеніи*, а вовсе не объ объектѣ. Наконецъ, статья 12-я излагаетъ въ отрицательной формѣ одинъ частный казусъ изъ области ученія объ объектѣ: „мелодіи народныхъ пѣсенъ“ не могутъ быть объектомъ авторскаго права.

Практическое значеніе этотъ недосмотръ можетъ имѣть громадное. Изъ сотенъ примѣровъ выбираемъ одинъ. Каковы права составителя музыкальной хрестоматіи? Авторы проекта взглянули на составителей хрестоматіи, только какъ на любителей воспользоваться тѣмъ, что̀ плохо лежитъ (ст. 31 п. е). Мы вполнѣ присоединяемся къ ихъ мнѣнію и думаемъ, что кассаціонное рѣшеніе 1896 г. № 30 основано на недоразумѣніи. Но мы считаемъ, однако, что хрестоматія, какъ таковая, все-таки заслуживаетъ защиты; проектъ не содержитъ постановленій въ этомъ смыслѣ (не подойдутъ сюда ни ст. 7, ни ст. 11, п. 1).

Всѣхъ подобныхъ недосмотровъ можно будетъ избѣжать только тогда, когда общая часть ожидаемой новеллы будетъ составлена на основаніи матеріала, собраннаго спеціалистами не одной, а всѣхъ трехъ областей творчества. Только тогда фундаментъ будетъ достаточно широкъ для возведенія цѣлостнаго юридическаго института.

Обращаясь къ тѣмъ одиннадцати статьямъ, которыя мы позволили себѣ назвать специфически-музыкальными, мы прежде всего должны отмѣтить, что главное мѣсто среди нихъ (5 статей) занимаютъ постановленія, регулирующія отношенія композитора къ либреттисту (ст. 13—15, 17 и 20). Не всѣ изъ этихъ постановленій удачны. Прежде всего отмѣтимъ противорѣчіе между ст. 14 и 17. Ст. 14: „Композиторъ можетъ воспользоваться для своего музыкальнаго произведенія текстомъ изъ литературнаго произведенія, опубликованнаго его авторомъ, подъ условіемъ изданія этого текста вмѣстѣ съ музыкальнымъ произведеніемъ, а не отдѣльно“. Юридическое отношеніе представляется таковымъ: между композиторомъ и авторомъ не существуетъ договорныхъ отно-

шеній; композиторъ *не имѣетъ* права печатать текстъ отдѣльно.—Ст. 17: „Отдѣльное печатаніе текста оперъ... и прочихъ музыкальныхъ произведеній, *если не состоялось иного соглашенія* между композиторомъ и авторомъ текста, принадлежитъ *лишь композитору*“. Слѣдовательно, по ст. 17-й, при отсутствіи договора *только* композиторъ имѣетъ право и т. д. Конечно, если вникнуть въ самую суть дѣла, то противорѣчіе можетъ быть уничтожено. Вѣроятно, авторы проекта въ ст. 14 имѣли въ виду случай заимствованія текста *безъ* согласія, а въ ст. 17-й *съ* согласія автора; но вѣдь это только догадка, самый же текстъ редактированъ очень неудачно.

Впрочемъ, ст. 14-я представляется намъ неудачною даже и по существу. Очевидно, авторы проекта слишкомъ увлеклись своими музыкальными симпатіями и, сами того не замѣчая, сочинили постановленіе, могущее повести къ нарушенію пріобрѣтенныхъ правъ. Ст. 14-я разрѣшаетъ всякому музыканту положить на музыку любое напечатанное литературное произведеніе, причемъ авторъ этого послѣдняго можетъ противупоставить свое veto только въ томъ случаѣ (ст. 15), если онъ спеціально написалъ этотъ текстъ, какъ либретто. Слѣдовательно, исходнымъ моментомъ у составителей проекта является та честь, которую оказываетъ музыкантъ автору, обращая свое благосклонное вниманіе на творенія послѣдняго, и отсутствіе матеріальнаго ущерба (inde исключеніе для либреттистовъ). Конечно, переложеніе стиховъ на музыку обыкновенно бываетъ очень пріятно для самолюбія автора: Надсонъ даже въ дневникѣ своемъ отмѣчалъ подобные случаи. Но всегда-ли это будетъ такъ? Не можетъ-ли подобное переложеніе на музыку задѣть иногда не денежные, конечно, но другого порядка интересы автора? У пишущаго эти строки былъ товарищъ, который серьезно носился съ мыслью положить на музыку извѣстную тираду Канта о долгѣ—въ видѣ католическаго канона, а систему Гегеля—въ видѣ вальса à trois temps. Переложеніе на музыку можетъ быть честью, но можетъ быть и профанаціей. И мы совершенно свободно представляемъ себѣ случай, когда враги какого-нибудь серьезнаго поэта воспользуются ст. 14-ю и, положивъ вопли больного любящаго сердца на канканную музыку, станутъ выкрикивать ихъ въ „Обозрѣніи С.-Петербурга за 1900 годъ“.

Спросить разрѣшенія у автора тѣхъ стиховъ, которые собираешься выпускать въ свѣтъ съ аккомпаниментомъ, очень не трудно. Мы думаемъ, поэтому, что никто ничего не проиграетъ, если ст. 14-я вовсе исчезнетъ изъ проекта. Законъ же несомнѣнно выиграетъ, ибо онъ предназначенъ для защиты авторскаго права,—а въ теперешнемъ видѣ несомнѣнно попираетъ это же право.

Уничтоженіе ст. 14-й кажется намъ еще болѣе необходимымъ, въ виду существованія ст. 16-й. „Переводъ текста музыкальнаго произведенія на другой языкъ можетъ быть сдѣланъ лишь съ согласія композитора“. Статья эта, вообще, совсѣмъ неумѣстна въ законѣ о музыкальныхъ произведеніяхъ. Интересы композитора, нарушаемые свободою перевода, настолько ничтожны въ сравненіи съ тѣми интересами писателей, которые отданы въ жертву нынѣ принятой у насъ системѣ абсолютной свободы,—что только изъ-за композиторовъ нарушать установленные принципы невозможно. Пока право перевода въ Россіи не ограждено для литературныхъ произведеній,—ст. 16-я немыслима. Но наиболѣе курьезенъ тотъ эффектъ, который, какъ мы сказали выше, эта статья произведетъ въ связи со ст. 14-ой. Поэтъ А. печатаетъ стихи; музыкантъ Б. беретъ эти стихи самовольно (ст. 14) въ качествѣ текста для романса; А. не только не можетъ этому воспротивиться, но даже, съ выходомъ въ свѣтъ романса, лишается права переводить *свои* стихи на иностранный языкъ. Это ужъ совершенный non sens!

Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ намъ остановиться еще на нѣсколькихъ статьяхъ проекта, могущихъ быть предметомъ спора. Отмѣтимъ, въ заключеніе, нѣсколько чисто редакціонныхъ промаховъ. Статья 2 изложена весьма угловато; было бы проще сказать: „Авторское право принадлежитъ русскимъ подданнымъ на всѣ ихъ музыкальныя произведенія, а иностранцамъ—только на тѣ, которыя будутъ послѣдними изданы въ Россіи“. И по этому поводу не можемъ не сдѣлать слѣдующаго замѣчанія. Въ области литературы у насъ много шума надѣлалъ вопросъ о такъ назыв. литературныхъ конвенціяхъ. Относительно музыки дѣло обстоитъ много проще, ибо оно не усложняется контраверзой о правѣ исключительнаго перевода. Невольно, поэтому, возникаетъ вопросъ: почему иностранцу будетъ предоставлена защита только тѣхъ его произведеній, которыя онъ будетъ въ состояніи напечатать въ Россіи? Что это: протекціонизмъ типографщикамъ? месть тѣмъ композиторамъ, которые недостаточно богаты, чтобы выпустить два изданія сразу? полицейская мѣра?.. Но все это вѣдь не имѣетъ никакой связи съ авторскимъ правомъ! Не проще-ли поставить вопросъ на его естественную почву: вотъ человѣкъ, который взялъ чужой трудъ, чужой романсъ, и, зная, что онъ не сочинялъ этого романса, перепечаталъ чужое изданіе. Нравственное чувство говоритъ: этотъ человѣкъ поступилъ, дурно, безотносительно къ тому, напечатанъ-ли оригиналъ въ Эйдткуненѣ или Вержболовѣ.

Статья 6-я очень неудачно упоминаетъ объ „общей собственности“. Разъ авторы проекта—правильно—изгнали терминъ „музыкальная собственность“, вышеприведенное выра-

женіе становится логически неумѣстнымъ. Да и практически оно можетъ повести къ непріятнымъ послѣдствіямъ: вѣдь для сособственниковъ существуютъ особыя нормы, изъ коихъ многія не подойдутъ къ отношеніямъ соавторовъ. Что принужденъ будетъ сдѣлать судъ, если одинъ изъ соавторовъ станетъ ссылаться на максиму: „nul n'est tenu de rester dans l'indivision"?

Статьи 7, 12 и 15 редактированы слишкомъ казуистично; кромѣ „народныхъ пѣсенъ", общее достояніе могутъ составить и другія музыкальныя произведенія; мы увѣрены, что авторы проекта нисколько не желали лишить защиты перваго собирателя, напр., средневѣковыхъ церковныхъ пѣснопѣній, балладъ миннезингеровъ и т. п. А между тѣмъ, текстъ говоритъ какъ будто бы противное.

Статья 20-я намъ кажется излишнею въ виду существованія ст. 13-й и 1-й. Если композиторъ получаетъ полностью авторское право на музыкальное произведеніе съ текстомъ (слѣдовательно, исключая автора текста, ст. 13), и если авторское право заключаетъ два элемента: право изданія и право публичнаго исполненія (ст. 1),—то очевидно, что публичное исполненіе можетъ быть разрѣшено однимъ композиторомъ, безъ содѣйствія автора текста (ст. 20): послѣднему авторское право не принадлежитъ.

Въ ст. 36-й начало редактировано неудачно: „За самовольное *публичное* исполненіе музыкальныхъ произведеній (въ театрѣ, въ концертѣ или вообще *предъ публикой*)". Помѣщенное въ скобкахъ перечисленіе, заканчивающееся тавтологіей, по нашему мнѣнію, только затемняетъ текстъ. Слова „*публичное* исполненіе" достаточно ясны сами по себѣ: толковать же ихъ будетъ судъ, а не законодатель.

Мы позволяемъ себѣ заключить эти строки пожеланіемъ всякаго успѣха новому проекту. Нѣсколько мелочныхъ промаховъ не могутъ уменьшить его достоинства въ цѣломъ. Возможно скорое проведеніе новыхъ статей чрезъ всѣ законодательныя стадіи является намъ чрезвычайно желательнымъ.

Ал. Пиленко.

Обозрѣніе практики гражд. кассаціон. департамента Правительствующаго Сената за 1897 годъ.

I. Имущественныя права монашествующихъ.

II. Обязательственное право.

Вопросу правоспособности монашествующихъ посвящено чрезвычайно интересное рѣшеніе (№ 24) по иску Воскресенскаго къ своей теткѣ, монахинѣ, о признаніи за нимъ, какъ ея наслѣдникомъ, въ виду постриженія ея въ монашество, права собственности на капиталъ, внесенный ею въ государственный банкъ еще до постриженія. Даже и совершенно независимо отъ вопроса о правильности конечнаго вывода, къ которому приходитъ Правит. Сенатъ и съ которымъ мы вполнѣ согласны, рѣшеніе это чрезвычайно интересно въ смыслѣ всесторонности и полноты, съ которой разработанъ въ немъ возникшій въ дѣлѣ вопросъ. Не ограничиваясь толкованіемъ относящихся къ данному дѣлу статей, Сенатъ ставитъ широко вопросъ о существѣ монашества по нашимъ законамъ и для разрѣшенія его обращается къ историческому происхожденію постановленій нашего свода о монашествѣ.

Затрудненіе, возникающее при толкованіи этихъ статей, заключается въ томъ, что въ нихъ на ряду съ общимъ началомъ, признающимъ монашествующихъ людьми отрекшимися отъ міра и отъ имущества своего „единожды навсегда", имѣются два постановленія, изъ коихъ въ одномъ разрѣшается монашествующимъ властямъ завѣщать свои движимыя имущества (т. IX ст. 363 и т. X. ч. 1 ст. 1025), въ другомъ (т. IX ст. 361) разрѣшается монашествующимъ низшихъ степеней вносить денежные ихъ капиталы въ кредитныя установленія. Въ виду такого противорѣчія, Пр. Сенатъ обращается къ изслѣдованію источниковъ законовъ съ цѣлью выясненія дѣйствительнаго значенія ст. 361 и 363 т. IX и ст. 1025 т. X. Въ результатѣ этого изслѣдованія оказывается, что наши гражданскіе законы исходятъ изъ понятія о сущности монашества, какъ учрежденія духовнаго, основаннаго на принципѣ отреченія монашествующихъ отъ міра. Между тѣмъ, „постановленіе 363 ст. IX т. состоялось безъ соображенія съ общими началами нашего законодательства о монашествующихъ и представляетъ собою ничто иное, какъ актъ милости, дарованной Верховною властью".

Обращаясь далѣе къ источникамъ ст. 361, Сенатъ приходитъ къ заключенію, „что законъ, не запрещающій монашествующимъ вносить ихъ капиталы въ кредитныя установленія, при первоначальномъ его изданіи въ 1828 г. имѣлъ въ виду не опредѣленіе правъ монашествующихъ, а исключительно исполненіе банкомъ принятыхъ на себя обязательствъ предъ всякимъ вкладчикомъ, кто бы онъ ни былъ". При обсужденіи вопроса о вкладахъ монашествующихъ въ кредитныя учрежденія постановленіе это было сохранено исключительно по практическимъ соображеніямъ, хотя и было признано несогласнымъ съ общими постановленіями о монашествующихъ. Такимъ образомъ, „*не запрещая* монашествующимъ обнаружить взносомъ въ кредитныя установленія обладаніе ихъ капиталами..., законъ объявляетъ такой фактъ лишь *терпимымъ*, изъ снисхожденія къ человѣческимъ слабостямъ".

Отсюда Сенатъ приходитъ къ выводу, что вступающій въ монашество „отказывается отъ пріі-

обрѣтеннаго имъ имущества". Если же положеніе это прямо выражено только относительно недвижимаго имущества, то, однако, нельзя дѣлать обратнаго вывода, „что монашествующимъ не запрещено, слѣдовательно--дозволено, удерживать за собой... всякую движимость". Такое различеніе правъ монашествующихъ на движимое и недвижимое имущество ничѣмъ не оправдывалось бы. „Толкованіе законовъ въ томъ смыслѣ, что монашествующіе, отрекаясь отъ недвижимаго имущества, сохраняютъ права на движимое, уничтожало бы всякое значеніе произносимыхъ ими обѣтовъ и тѣмъ подрывало бы въ корнѣ самыя основы монашества".

Такимъ образомъ, въ окончательномъ выводѣ Пр. Сенатъ устанавливаетъ, что хотя отдѣльныя положенія закона и допускаютъ возможность пріобрѣтенія монашествующимъ нѣкотораго имущества въ теченіе монастырской жизни, тѣмъ не менѣе „постригающійся въ монашество отрекается отъ *всего* своего имущества — и если имъ не было до пострженія сдѣлано распоряженіе объ этомъ имуществѣ, то постриженіемъ, согласно 35 уст. IX т. и 1223 ст. I ч. X т., открывается наслѣдованіе по закону".

На основаніи тѣхъ же положеній гр. кас. департаментъ разрѣшилъ вопросъ о признаніи недѣйствительнымъ духовнаго завѣщанія начальницы Старицкой Маріинской общины, монахини Маріи, составленнаго ею еще до пострженія (№ 39).

Чрезвычайно важный для крестьянскаго землевладѣнія вопросъ разрѣшенъ Пр. Сенатомъ по дѣлу крестьянъ Терновщинскаго товарищества къ Ѳедору Химотченко (№ 2). Сущность дѣла заключалась въ слѣдующемъ. Товарищество пріобрѣло при посредствѣ крестьянскаго банка два имѣнія—одно у Анны Баклановой, другое у Алексѣя Бакланова. Согласно первоначальнымъ проектамъ двухъ письменныхъ условій, Баклановы въ доплату къ ссудѣ банка должны были получить каждый по заемному обязательству въ 3810 р. Но засимъ вмѣсто этого крестьяне выдали одно заемное письмо на 7620 р. на имя одной Баклановой, послѣ чего и была совершена купчая крѣпость, въ которой не было оговорено, что доплата получена не наличными, а обязательствомъ, причемъ, однако, существованіе этого долга было банку извѣстно. Впослѣдствіи земля, купленная крестьянами, была назначена банкомъ въ публичную продажу и по безуспѣшности торговъ оставлена за банкомъ. Химотченко, которому заемное письмо было уступлено Баклановой, предъявилъ его къ взысканію. Полтавскій окр. судъ нашелъ, что заемное обязательство есть долгъ бывшаго товарищества, обезпеченный, какъ и долгъ банку, проданнымъ товариществу имѣніемъ, и, поэтому, можетъ быть удовлетворено только изъ этого имѣнія, вслѣдствіе чего и призналъ искъ не подлежащимъ удовлетворенію.

Рѣшеніе это было основано на разъясненіи, преподанномъ Пр. Сенатомъ въ 1892 г. (№ 24). Въ рѣшеніи этомъ Сенатъ, основываясь на томъ, что залоговое право при пріобрѣтеніи земель крестьянами черезъ посредство банка устанавливается въ иномъ порядкѣ сравнительно съ тѣмъ, который предписанъ при совершеніи всѣхъ другихъ закладныхъ (положеніе о крест. банкѣ ст. 42, 56, 102), пришелъ къ выводу, что долгъ крестьянъ прежнему собственнику имѣетъ вещный характеръ. И такъ какъ „нѣтъ основанія признать существованіе въ законѣ невыраженнаго, но лишь подразумѣваемаго будто-бы правила о предоставленіи второму залогодержателю такого способа взысканія, какимъ не въ правѣ пользоваться первый привилегированный взыскатель", то Сенатъ полагаетъ, что и по отношенію къ доплатамъ крестьянъ за купленныя ими при посредствѣ крестьянскаго банка земли примѣняется коренное правило нашихъ законовъ, по которому земли, обезпеченныя залогомъ имѣнія должника, подлежатъ удовлетворенію исключительно изъ имѣнія, ихъ обезпечивающаго.

Харьковская судебная палата, разсматривая дѣло крестьянъ Терновщинскаго товарищества, нашла, что окр. судъ неправильно допустилъ распространительное толкованіе приведеннаго рѣшенія. Однако, Пр. Сенатъ не согласился съ этимъ взглядомъ судебной палаты.

Исходя изъ того соображенія, что „выдача крестьянами заемнаго письма на имя продавцовъ не можетъ быть толкуема въ смыслѣ самостоятельнаго долга, не имѣющаго связи съ доплатой по покупкѣ имѣнія", что, далѣе, не имѣетъ никакого значенія и то обстоятельство, что заемное письмо было выдано до совершенія купчей крѣпости, такъ какъ установлено, что „заемное письмо возникло изъ обязательства доплаты за купленное имѣніе", Пр. Сенатъ пришелъ къ выводу, что доплата по обязательству, выданному Баклановой, должна „слѣдовать тому правилу, которому подчинена вообще доплата долга по покупкѣ крестьянами при содѣйствіи крестьянскаго банка имѣнія, т. е. взысканіе по оному можетъ быть обращено лишь на то имѣніе".

Аргументація Сената по данному дѣлу вся направлена на опроверженіе мнѣнія судебной палаты, что данное дѣло не представляется аналогичнымъ дѣлу, разсмотрѣнному Сенатомъ въ рѣшеніи 1892 г. № 24. И за этимъ споромъ дѣйствительное существо возникавшаго въ дѣлѣ крайне интереснаго вопроса осталось не вполнѣ выясненнымъ.

Въ 1892 г. Пр. Сенатъ разъяснилъ, что обязанность доплаты продавцу носитъ вещный характеръ. Этотъ взглядъ, основанный на толкованіи положенія о крестьянскомъ банкѣ,

представляется правильнымъ, равно какъ и дальнѣйшій отсюда выводъ, что такой долгъ, обезпеченный имѣніемъ, подлежитъ удовлетворенію только этимъ имѣніемъ. Но засимъ остаются еще вопросы, можно-ли, во-первыхъ, въ дополненіе къ обезпеченію, закономъ установленному, присоединить еще и личное обезпеченіе, а во-вторыхъ, можно-ли по соглашенію продавца и покупателя имѣнія, состоявшемуся до совершенія купчей крѣпости, замѣнить установленное закономъ обезпеченіе другимъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію перваго вопроса, едва-ли возможно оспаривать допустимость съ точки зрѣнія нашихъ законовъ, въ дополненіе къ вещному обезпеченію, установленія личной отвѣтственности должника. Вопросъ этотъ разъясненъ уже Сенатомъ (1884 г. № 5) въ томъ смыслѣ, что „хотя закладная крѣпость сама по себѣ даетъ залогодержателю право на удовлетвореніе *только изъ заложеннаго имущества*, тѣмъ не менѣе залогодатель, свободно располагающій своею собственностью, *можетъ принять на себя обязательство объ удовлетвореніи кредитора до полной суммы займа, на тотъ случай, когда сумма эта не выручилась бы продажей заложеннаго имѣнія*“. Какъ извѣстно каждому, въ закладныхъ, выдаваемыхъ частнымъ лицамъ, эта дополнительная личная гарантія—совершенно обычная вещь. Поэтому непонятно, почему Сенатъ призналъ недѣйствительнымъ заемное письмо, выданное крестьянами именно для того, чтобы установить ихъ личную отвѣтственность предъ продавцомъ за доплату къ ссудѣ крестьянскаго банка. Но если бы даже и признать, что такое дополнительное обезпеченіе является недопустимымъ или что по дѣлу не установлено желаніе создать таковое, то все же трудно согласиться съ выводомъ, къ которому пришелъ Правительствующій Сенатъ. Дѣйствительно, судебной палатой выяснено, что долгъ крестьянъ Баклановой не былъ установленъ и удостовѣренъ въ томъ предварительномъ условіи, о которомъ говорятъ ст. 17—19 положенія о крестьянскомъ банкѣ, что управленію банка не было заявлено объ этомъ долгѣ, какъ подлежащемъ платежу въ опредѣленный срокъ (ст. 29) и что, слѣдовательно, этотъ долгъ товарищества за землю прежнему ея владѣльцу вовсе не былъ въ виду управленія банка въ цѣляхъ удовлетворенія онаго преимущественно предъ иными взысканіями (ст. 42, 56, 79 Положенія о крестьянскомъ банкѣ). При такихъ условіяхъ очевидно, что между крестьянами и Баклановой произошло соглашеніе, которымъ они замѣнили вещное обезпеченіе долга личнымъ. И если добровольное личное обезпеченіе въ дополненіе къ вещному нашими законами допускается, то тѣмъ болѣе возможна замѣна одного рода обезпеченія другимъ. Правда, въ рѣш. за 1892 г. № 24 Правит. Сенатъ ссылается на сужденія Государственнаго Совѣта, высказавшаго, что „порядокъ обезпеченія исправнаго поступленія слѣдующихъ банку взносовъ установленъ на началахъ, существенно отличныхъ отъ порядка обезпеченія безнедоимочной уплаты казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей: въ первомъ случаѣ взысканіе упадаетъ на одинъ залогъ, которымъ обезпечивается долгъ банку“... Такое различіе обусловливается тѣми цѣлями, „которыхъ правительство стремилось достигнуть при помощи крестьянскаго поземельнаго банка“. Правит. Сенатъ полагаетъ въ виду этого, что второму залогодержателю не могли быть предоставлены права, коими не пользуется первый залогодержатель. Но при этомъ упускается изъ виду, что частныя лица, дающія подъ закладную, вовсе не преслѣдуютъ и не обязаны преслѣдовать тѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ крестьянскій банкъ. Далѣе, крестьянскій банкъ, выдавая ссуды, тѣмъ самымъ устанавливаетъ и вещное для себя обезпеченіе. Между тѣмъ, именно такое обезпеченіе не было установлено для Баклановой, такъ какъ его установленіе предоставлено волѣ сторонъ. Но почему же въ такомъ случаѣ лишать стороны права установить вмѣсто того личное обезпеченіе долга?

Правит. Сенатъ не остановился на вопросѣ о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ можетъ привести высказанное имъ положеніе. Едва-ли возможно усомниться въ томъ, что доплата продавцу, не обезпеченная способомъ, въ положеніи о крестьянскомъ банкѣ установленномъ, не носитъ вещнаго характера, а, съ другой стороны, Сенатъ полагаетъ, что обязательство произвести доплату, выраженное въ формѣ заемнаго письма, не устанавливаетъ личной обязанности произвести доплату. Такимъ образомъ, получается совершенно неожиданный результатъ: продавецъ, не установившій въ свою пользу вещнаго обезпеченія на причитающуюся ему доплату, теряетъ право на полученіе этой части покупной цѣны, хотя законъ не только нигдѣ не связываетъ такихъ послѣдствій съ неустановленіемъ вещнаго обезпеченія, но и вообще отнюдь не предписываетъ установленія такого рода обезпеченія, лишь предоставляя продавцу особыя преимущества на полученіе удовлетворенія изъ проданнаго имѣнія.

Намъ думается, что едва ли Сенатъ желалъ создать такія послѣдствія, которыя, однако, неизбѣжно вытекаютъ изъ приведеннаго рѣшенія.

ПИСЬМО ИЗЪ БЕРЛИНА.

Съѣздъ нѣмецкихъ юристовъ.

Съ 12 по 14 сентября текущаго года въ г. Познани, на польской окраинѣ Пруссіи, происходили засѣданія 24-го съѣзда нѣмецкихъ юристовъ. 3 года отдѣляютъ нынѣшній съѣздъ отъ предыдущаго — срокъ небывалый въ исторіи

этихъ съѣздовъ, собирающихся обыкновенно черезъ годъ. Но съѣздъ, назначенный на 1897 г. въ г. Грацѣ (Австрія), былъ отмѣненъ постоянной комиссіей съѣздовъ въ виду ожесточенной національной борьбы, которая велась тамъ изъза постановленія Бадени объ языкахъ. Между тѣмъ, истекшее трехлѣтіе было чрезвычайно плодотворнымъ для развитія права *единой* Германіи. За это время изданъ цѣлый рядъ новыхъ важныхъ законовъ (объ охранительномъ судопроизводствѣ, объ исполнительномъ процессѣ по отношенію къ недвижимостямъ, положеніе о ипотечныхъ книгахъ для всей имперіи), пересмотрѣно торговое уложеніе, измѣнены и вновь изданы уставы гражданскаго и конкурснаго судопроизводства и др. Главное же—въ гражданскомъ уложеніи 18 авг. 1896 г. Германія получила единое гражданское право. Это послѣднее событіе особенно выдвигало съѣздъ нынѣшняго года изъ ряда другихъ.

Когда берлинское юридическое общество, по предложенію молодого приватъ-доцента Франца ф.-Гольтцендорфа, въ 1860 г, рѣшило созвать въ Берлинѣ первый съѣздъ нѣмецкихъ юристовъ,—главнымъ основаніемъ такого рѣшенія было стремленіе къ объединенію Германіи въ области права. Соотвѣтственно съ этимъ, въ § 1 устава съѣздовъ цѣлью ихъ было выставлено общеніе для живого обмѣна мнѣній и содѣйствіе дѣлу объединенія права. Такой формулировкой цѣли съѣздовъ надо объяснить тотъ фактъ, что въ 1867 и 1868 гг., послѣ возникновенія сѣверо-германскаго союза, было громко высказано сомнѣніе въ цѣлесообразности ихъ дальнѣйшаго существованія. Съѣзды имѣли значеніе,—утверждали многіе даже среди ихъ руководителей,—пока въ Германіи не существовало единаго законодательнаго учрежденія. Теперь же роль ихъ кончена; предстоятъ другія задачи (соединеніе Сѣверной Германіи съ Южной), выполнить которыя съѣздъ юристовъ не въ состояніи. То же самое повторилось и послѣ образованія Германской Имперіи. Даже изданіе въ 1877 г. четырехъ большихъ Justizgesetze вызвало подобный же вопросъ. Естественно, что теперь, когда объединеніе и въ сферѣ гражданскаго права сдѣлалось свершившимся фактомъ, когда, такимъ образомъ, цѣль, поставленная себѣ съѣздами, кажется достигнутой, вопросъ, не пережили-ли себя съѣзды юристовъ, могъ легко возникнуть. И если болѣе чѣмъ четвертьвѣковое ихъ существованіе послѣ событій 1867/68 гг. опровергло высказанное тогда мнѣніе, то съѣзду нынѣшняго года предстояло показать, что и съ достиженіемъ объединенія Германіи во всѣхъ главнѣйшихъ областяхъ права роль съѣздовъ далеко не кончена, что въ будущемъ имъ предстоитъ такая же плодотворная работа, какъ и до сихъ поръ.

Познанскій съѣздъ блестяще выполнилъ эту задачу. Цѣлый рядъ существенныхъ вопросовъ въ программѣ съѣзда, большое количество участниковъ со всѣхъ концовъ Германіи и Австріи, присутствіе между ними многихъ выдающихся теоретиковъ и практиковъ, оживленныя засѣданія и богатая результатами работа въ отдѣленіяхъ,—все это свидѣтельствуетъ, что о ненужности и безцѣльности дальнѣйшаго существованія съѣздовъ рѣчи быть не можетъ.

Очевидно, значеніе ихъ не исчерпывалось содѣйствіемъ объединенію права Германіи. Разсматривая дѣятельность съѣздовъ за истекшія сорокъ лѣтъ существованія, мы дѣйствительно видимъ, что она вышла далеко за предѣлы первоначально поставленной цѣли. Съ теченіемъ времени въ этой дѣятельности все болѣе и болѣе выдвигались другія стороны, которыя и сдѣлали ихъ однимъ изъ условій нормальнаго развитія правовой жизни Германіи и разсѣяли всякія сомнѣнія въ цѣлесообразности ихъ дальнѣйшаго существованія.

Въ отношеніи объединенія права заслуги съѣздовъ несомнѣнны и общепризнаны. Достаточно указать на послѣднее, важнѣйшее созданіе единой Германіи — гражданское уложеніе 1896 г. Съѣздъ горячо отозвался на опубликованіе въ 1888 г. перваго проекта уложенія. Три съѣзда (19—21) были всецѣло посвящены его критикѣ, и измѣненія, внесенныя въ первоначальные проекты, во многомъ соотвѣтствуютъ заключеніямъ съѣздовъ.

Какъ высоко цѣнило правительство дѣятельность съѣздовъ, показываетъ надпись, сдѣланная союзнымъ канцлеромъ на проектѣ уголовнаго кодекса для сѣв.-германскаго союза, препровожденномъ на обсужденіе съѣзда: „Съѣздъ юристовъ, который въ теченіе ряда годовъ принималъ столь цѣнное и плодотворное участіе во всѣхъ важныхъ законодательныхъ работахъ нашего времени, не откажетъ въ своемъ участіи и въ разсмотрѣніи проекта уголовнаго кодекса“.

Но, наряду съ содѣйствіемъ въ созданіи единаго права, шла дѣятельность съѣздовъ по усовершенствованію дѣйствующаго законодательства. Цѣлый рядъ проектовъ, направленныхъ къ этой цѣли, вышелъ изъ среды самого съѣзда или былъ подвергнутъ здѣсь обсужденію. И чѣмъ болѣе близилось осуществленіе объединенія права Германіи, чѣмъ меньше, въ силу этого, оставалось мѣста для серьезной созидательной работы, тѣмъ болѣе выдвигалась эта вторая сторона дѣятельности съѣздовъ. Здѣсь именно лежалъ залогъ ихъ прочности. Приведеніе права въ соотвѣтствіе съ требованіями науки и потребностями жизни—останется на всегда задачей съѣзда юристовъ.

Объединеніе права выдвинуло и другую нелегкую задачу—однообразнаго примѣненія новыхъ общегерманскихъ законовъ. Какую важность представляетъ эта задача, видно на примѣрѣ новаго гражданскаго уложенія. Болѣе года остается до вступленія его въ силу, а въ литературѣ возникло уже около сотни спорныхъ вопросовъ; со вступленіемъ уложенія въ

дѣйствіе ихъ появится, несомнѣнно, еще больше, и, конечно, съѣзды, на которые собираются со всѣхъ концовъ Германіи выдающіеся представители магистратуры, адвокатуры и науки, плодотворно потрудятся надъ разрѣшеніемъ этой задачи.

Взаимодѣйствіе теоріи и практики, одинаково желательное какъ для первой, такъ и для второй, здѣсь получаетъ особенную важность, и именно этому широкому взаимодѣйствію, имѣющему мѣсто на съѣздахъ, они обязаны высокимъ научнымъ авторитетомъ, который признается за ними въ Германіи. Не мало способствуетъ этому авторитету и самый способъ разработки вопросовъ,—тотъ путь, которымъ приходитъ съѣздъ къ принятію даннаго рѣшенія. Каждый вопросъ, подлежащій обсужденію съѣзда, разрабатывается предварительно спеціалистами (обыкновенно двумя) въ особыхъ „Мнѣніяхъ“. На съѣздѣ обсужденію вопроса предшествуютъ доклады заранѣе назначенныхъ референтовъ. Въ трудахъ съѣздовъ содержится масса научнаго матеріала, не разъ находившаго достойную оцѣнку въ литературѣ.

Программа съѣзда нынѣшняго года ясно отражаетъ тѣ задачи, которыя предстоятъ съѣздамъ въ будущемъ. Рядомъ съ вопросами, выдвинутыми экономическимъ развитіемъ и измѣненіемъ общественныхъ условій (напр., объ устраненіи неурядицъ въ строительномъ дѣлѣ, о т. наз. Heimstättenrecht, объ обществахъ взаимнаго страх.), въ ней поставлены вопросы чисто-юридическіе, находящіеся въ связи съ развитіемъ научныхъ взглядовъ (о dolus eventualis, объ уголовной давности и др.). Обиліе вопросовъ съ рѣзко выраженнымъ экономическимъ и соціальнымъ характеромъ составляетъ отличительную черту нынѣшняго съѣзда. Постановка однихъ вопросовъ принадлежитъ иниціативѣ самого съѣзда, другіе обсуждаются по существующимъ уже проектамъ.

Едва-ли не сильнѣе всѣхъ другихъ привлекалъ общественное вниманіе разсматривавшійся на съѣздѣ вопросъ о ссылкѣ, который въ теченіе послѣднихъ лѣтъ оживленно дебатировался въ литературѣ, особенно въ связи съ колоніальнымъ вопросомъ. Въ программѣ онъ былъ формулированъ такъ: „Рекомендуется-ли сдѣлать опытъ ссылки въ колоніи, какъ наказанія?“ Берл. профессоръ Bornhak и членъ областного управленія Freund, разрабатывавшіе этотъ вопросъ для съѣзда, рѣшили его въ положительномъ смыслѣ. Послѣдній предложилъ ссылку въ качествѣ факультативнаго наказанія параллельно существующему долгосрочному заключенію. Сосланный въ колонію (Юго-Зап. Африку) занимается тамъ принудительными работами и по отбытіи наказанія можетъ быть поселенъ тамъ, если обнаружитъ наклонность къ исправленію и трудоспособность; въ противномъ же случаѣ, онъ отправляется обратно на родину. Докладчики по этому вопросу на съѣздѣ рѣзко разошлись другъ съ другомъ. Одинъ изъ нихъ, исходя изъ общепризнаннаго несовершенства существующей системы наказаній, которая приводитъ къ поразительному росту рецидива (съ 1882 по 1893 гг. $^0/_0$ рецидивистовъ между осужденными почти удвоился), настоятельно рекомендовалъ сдѣлать опытъ ссылки. Недостатковъ, присущихъ ей въ другихъ странахъ, можно избѣжать, принявъ систему профессора Бруна; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, ссылка обойдется дешевле теперешнихъ наказаній, вызоветъ развитіе страны, въ которую она направится, и откроетъ новый рынокъ для отечественной промышленности. Обязательнымъ условіемъ опыта ставится, чтобы колонія была предназначена исключительно для ссылаемыхъ; для этого можно воспользоваться Юго-Зап. Африкой. Престижу европейцевъ у черныхъ ссылка не повредитъ, такъ какъ послѣдніе, съ тѣхъ поръ какъ пришли въ соприкосновеніе съ европейцами, знаютъ, что и бѣлые совершаютъ преступленія; напротивъ, постоянное напоминаніе о томъ, что преступника постигаетъ кара, можетъ произвести на нихъ только полезное впечатлѣніе. Впрочемъ, полагаетъ докладчикъ, ссыльные, во всякомъ случаѣ, стоятъ въ нравственномъ отношеніи выше негровъ.

Противъ положеній перваго докладчика горячо возсталъ второй. Ссылка совершенно непригодна, какъ по юридическимъ и экономическимъ соображеніямъ, такъ и съ точки зрѣнія колоніальной политики. Для колонизаціи она служить не можетъ—это доказываетъ опытъ Сахалина и Австраліи, на которые напрасно ссылаются въ подтвержденіе своихъ взглядовъ ея защитники. Своимъ возвышеніемъ Австралія обязана исключительно открытію золотыхъ розсыпей. Въ Нов. Каледоніи изъ 22 тыс. преступниковъ только 300 стали купцами или сельскими хозяевами; у громаднаго же большинства, составляющаго восемьдесять два процента общаго числа ссыльныхъ, пришлось въ наказаніе вновь отнять землю. Еще болѣе недостатковъ имѣетъ ссылка какъ наказаніе. Стоимость ея значительно больше стоимости наказаній внутри страны. Къ расходамъ на пересылку присоединяются расходы на увеличенное содержаніе служебнаго и врачебнаго персонала. Тогда какъ въ Пруссіи одинъ наказуемый обходится въ день въ 54 пф., въ Юго-Зап. Африкѣ онъ будетъ стоить по крайней мѣрѣ 3 марки. Служебному персоналу, лишенному всякаго контроля, приходится предоставить слишкомъ большую власть. Наконецъ, ссылка примѣнима только къ физически здоровымъ преступникамъ, и на этихъ она дѣйствуетъ неодинаково, смотря по ихъ психическимъ различіямъ. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы усовершенствовать существующія наказанія по англійскому образцу и ввести работы на волѣ по осушенію болотъ и др. Горячую поддержку на-

шелъ этотъ докладчикъ у оберъ-прокурора имперскаго суда Hamm'a, который назвалъ введеніе ссылки „крушеніемъ всякой реформы наказаній“, такъ какъ она дѣлаетъ невозможнымъ примѣненіе важнѣйшаго пріобрѣтенія современной теоріи — индивидуализаціи наказанія. Будучи другомъ колоній, нельзя желать, чтобы лучшее заокеанское владѣніе Германіи было открыто исключительно для преступниковъ. И кто читалъ тысячи просьбъ честныхъ людей, ищущихъ работы, о вспомоществованіи для проѣзда и пріобрѣтенія земли, у того не хватитъ рѣшимости отвѣтить имъ: „Добрые люди, совершите раньше преступленіе, тогда ваше желаніе будетъ исполнено“.

Подавляющимъ большинствомъ голосовъ и при одобреніи присутствующихъ была принята третьимъ отдѣленіемъ (уголовнаго права и процесса и тюрьмовѣдѣнія), въ которомъ обсуждался этотъ вопросъ, резолюція, выставленная вторымъ докладчикомъ: „Ссылка, какъ наказаніе, Германіи непригодна; произвести опытъ ея примѣненія не рекомендуется“. Общее собраніе, куда перешелъ вопросъ, также громаднымъ большинствомъ одобрило эту резолюцію.

В. Э.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хроника.

Въ началѣ ноября Государственный Совѣтъ приступилъ къ обсужденію проекта реформы управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и проекта реорганизаціи центральнаго управленія министерства путей сообщенія. По слухамъ, дано также движеніе законопроекту о принятіи и оставленіи русскаго подданства, и ожидается разсмотрѣніе весьма важнаго вопроса о передачѣ государственнаго квартирнаго налога городамъ.

—

Министерствомъ юстиціи, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ мы слышали, внесенъ законопроектъ объ усиленіи отвѣтственности за конокрадство. Проектъ повышаетъ наказаніе за конокрадство въ видѣ промысла съ IV степени ст. 31 ул. о нак. до первой степени этой статьи, а вторую часть ст. 931 ул. о нак., предусматривающую занятіе скупомъ или сбытомъ завѣдомо краденыхъ лошадей, въ видѣ промысла, переноситъ изъ отдѣленія I главы III (о составленіи злонамѣренныхъ шаекъ) въ ст. 1654^1, въ видѣ второй ея части, благодаря чему возможность примѣненія наказанія, установленнаго второю частью ст. 931, ставится внѣ всякой зависимости отъ существованія шайки. Размѣры наказанія за простую кражу лошади, повидимому, оставляются проектомъ безъ измѣненія.

—

Газеты ежедневно сообщаютъ о новыхъ законопроектахъ, внесенныхъ и вносимыхъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Министерство финансовъ вноситъ проекты таможеннаго и монетнаго уставовъ; проектъ измѣненія положенія и штатовъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, въ связи съ чѣмъ будетъ разсматриваться также возбужденный государственнымъ контролемъ вопросъ фактическаго контроля надъ операціями экспедиціи.

Министерство внутр. дѣлъ входитъ съ представленіемъ о введеніи института земскихъ начальниковъ въ губерніяхъ Витебской, Виленской и Могилевской, а также въ тѣхъ уѣздахъ Вологодской губ., въ которыхъ до сихъ поръ функціонируютъ мировые судьи, и объ измѣненіи п. 3 ст. 64 пол. о зем. учр. въ смыслѣ предоставленія уѣзднымъ земствамъ права непосредственнаго возбужденія предъ правительствомъ ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ.

Наконецъ, министерство юстиціи вноситъ выработанный комиссіей посоставленію гражданскаго уложенія проектъ правилъ о разрѣшеніи раздѣльнаго жительства супруговъ, объ юридическомъ положеніи незаконнорожденныхъ дѣтей, а также проектъ законоположенія объ авторскихъ правахъ.

—

12 (24) ноября въ Римѣ состоялось первое засѣданіе международной конференціи по вопросу о борьбѣ съ анархизмомъ. Итальянское правительство выработало слѣдующую программу занятій конференціи: 1) уголовно-правовое опредѣленіе анархизма, 2) мѣры противъ анархической прессы, 3) выдача анархистовъ, 4) квалификація анархическихъ преступленій, причемъ проектируется отнести ихъ къ категоріи общихъ преступленій и 5) организація полицейской службы въ видахъ упрощенія взаимнаго обмѣна сообщеніями объ анархистахъ. Независимо отъ этого, участникамъ конференціи предоставлена полная свобода возбуждать и всякіе другіе вопросы, стоящіе въ связи съ анархическимъ движеніемъ. Окончаніе занятій конференціи ожидается въ декабрѣ.

—

Въ засѣданіи 1 отдѣла комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части, состоявшемся 29 октября, предсѣдатель комиссіи Н. В. Муравьевъ, между прочимъ, сообщилъ, что комиссія совершенно закончитъ свои работы никакъ не позднѣе мая 1899 г. (Ж. М. Ю. № 9).

—

По слухамъ, почти всѣ предположенія объ увеличеніи бюджетныхъ смѣтъ министерствъ на будущій годъ отклонены, въ виду народныхъ бѣдствій, постигшихъ въ этомъ году Россію.

—

„Гражданинъ“ сообщаетъ, что министерствомъ внутреннихъ дѣлъ разработанъ проектъ расширенія столичныхъ и губернскихъ по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствій. Въ составъ этихъ присутствій вводится должность непремѣннаго члена, подобно тому, какъ это существуетъ въ губернскихъ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ.

—

Петербургская губернская земская управа постановила возбудить въ земскомъ собраніи вопросъ объ изданіи ежемѣсячнаго органа, посвященнаго земскимъ вопросамъ.

—

Журналъ юридическаго общества, вслѣдствіе отказа проф. Латкина отъ дальнѣйшаго его редактированія, будетъ съ 1 января 1899 г. по постановленію Совѣта общества, издаваться подъ редакціей Г. Б. Сліозберга. Журналъ будетъ называться „Вѣстникъ Права“. Его программа будетъ нѣсколько измѣнена. Экономическіе и финансовые вопросы исключаются, вопросамъ административнаго права будетъ удѣлено значительно большее вниманіе.

—

По поводу предполагаемаго введенія въ Сибири института присяжныхъ засѣдателей, сибирскія газеты единодушно выражаютъ сожалѣніе о проектируемомъ дальнѣйшемъ повышеніи имущественнаго ценза, дающаго право на занесеніе въ списки присяжныхъ засѣдателей. Цензъ этотъ — служба въ учрежденіяхъ городского управленія, обладаніе недвижимымъ имуществомъ въ 10 т. р. или годовымъ доходомъ въ 1,000 р., высшее и среднее образованіе. Но если по мѣстнымъ условіямъ такой цензъ будетъ признанъ слишкомъ высокимъ, допускается пониженный цензъ: служба въ высшихъ должностяхъ крестьянскаго управленія, недвижимая собственность въ 5 т. р. или годовой доходъ въ 500 р. и окончаніе курса уѣзднаго училища.

Замѣтимъ, что и этотъ пониженный цензъ въ общемъ значительно выше установленнаго 84 ст. учр. суд. уст.

—

13 ноября въ 4-мъ отдѣленіи угол. кас. департамента, подъ предсѣдательствомъ сенатора Г. К. Рѣпинскаго, слушалось, по протесту прокурора Харьк. суд. палаты, дѣло по обвиненію братьевъ Скитскихъ въ убійствѣ секретаря Полтавской духовной консисторіи Комарова. Дѣло это, слушавшееся въ Полтавѣ въ особомъ присутствіи Харьк. с. палаты, обратило на себя всеобщее вниманіе какъ страстнымъ отношеніемъ мѣстнаго общества къ участи подсудимыхъ, такъ и исключительнымъ инцидентомъ, имѣвшимъ мѣсто во время судебнаго засѣданія. Уже по окончаніи судебнаго слѣдствія, когда судьи удалились въ совѣщательную комнату, въ нее вошелъ волостной старшина и передалъ члену палаты карточку почтово-телеграфнаго чиновника Воробьевскаго съ надписью о томъ, что онъ и еще одинъ чиновникъ могутъ дать существенное показаніе по дѣлу. Судебное слѣдствіе было возобновлено, означенныя лица допрошены въ качествѣ свидѣтелей, и подсудимымъ вынесенъ оправдательный приговоръ, встрѣченный громомъ аплодисментовъ присутствовавшей въ залѣ публики и восторженными кликами тысячной толпы, которая окружала зданіе суда.

Въ протестѣ своемъ прокуроръ указывалъ, какъ на поводы къ отмѣнѣ приговора: 1) на неогражденіе совѣщательной комнаты судей отъ доступа посторонней публики, 2) на возобновленіе судебнаго слѣдствія по собственной иниціативѣ суда, безъ требованія о томъ сторонъ, вмѣсто обращенія дѣла къ дослѣдованію и 3) на постановленіе приговора подъ давленіемъ явно выраженнаго мнѣнія присутствовавшей въ залѣ публики.

Товарищъ оберъ-прокурора И. Я. Фойницкій, дававшій заключеніе по этому дѣлу, находилъ, что первые два пункта не содержатъ указанія на нарушеніе судомъ процессуальныхъ законовъ. Что же касается третьяго пункта, то, по мнѣнію товарища оберъ-прокурора, въ приговорѣ, дѣйствительно, сказались симпатіи и антипатіи, окружавшія это дѣло съ самаго возникновенія его, подтвержденіемъ чему служитъ, напримѣръ, слѣдующая цитата изъ приговора: „во всякомъ случаѣ, дѣлать братьевъ Скитскихъ отвѣтственными за пробѣлы слѣдствія представляется невозможнымъ, и если нынѣ Особое Присутствіе лишено возможности указать слѣдственной власти путь, по которому слѣдуетъ идти, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что на каторгу должны быть отправлены братья Скитскіе, невиновность которыхъ глубоко проникла даже въ сознаніе общественной совѣсти жителей Полтавы, выразившейся въ тѣхъ потрясающихъ кликахъ восторга, которые раздались по провозглашеніи о нихъ оправдательнаго приговора со стороны нѣсколькихъ сотъ лицъ, находившихся въ стѣнахъ суда, и тысячной толпы, ожидавшей объявленія приговора на улицѣ“. Поэтому, товарищъ об. прокурора полагалъ, что приговоръ долженъ быть отмѣненъ за нарушеніемъ 766 и 797 ст. уст. угол. судопроизводства.

Резолюціей Сената, объявленной 20 ноября, приговоръ палаты за наруш. 733, 734 и 797 ст. у. у. с., отмѣненъ, а о неправильныхъ дѣйствіяхъ члена палаты Губерта, изложившаго приговоръ въ оконч. формѣ, постановлено сообщить соед. присутствію 1-го и кас. деп. Пр. Сената.

—

Въ Правит. Сенатѣ по III отдѣл. угол. кас. департамента слушалась 7 октября кассаціонная жалоба на приговоръ Московскаго окр. суда по II отдѣленію отъ 5 іюня с. г. по дѣлу по обвиненію мѣщанина Максима Мейера по 1681 ст. ул. о нак. Резолюція Пр. Сената, между прочимъ, гласитъ: „для разсмотрѣнія дѣйствій товарища предсѣдателя, обозначенныхъ въ пп. V—VII жалобы и не опровергаемыхъ протоколомъ суд. засѣданія, кас. жалобу передать въ соединенное присутствіе I и кассац. департаментовъ“.—Въ этихъ пунктахъ жалобы указывается на поведеніе товарища предсѣдателя во время допроса свидѣтелей. Роль свидѣтелей сводилась къ роли обвиняемаго. На просьбу защитника занести въ протоколъ, что свидѣтелю предлагались вопросы, клонившіеся къ уличенію его въ неблаговидномъ дѣяніи, предсѣдатель отвѣчалъ, что онъ самъ знаетъ, какіе вопросы можно предлагать свидѣтелямъ. Когда защитникъ обратился къ одному изъ свидѣтелей со словами: „не смущайтесь тѣмъ, что здѣсь кричатъ на васъ, а показывайте правду“, товарищъ предсѣдателя рѣзко замѣтилъ ему: „защитникъ, какъ вы *смѣете* (!) говорить, что я грубо обращаюсь съ свидѣтелями?“—Наконецъ, объясненіе свое присяжнымъ засѣдателямъ товар. предсѣдателя началъ такимъ образомъ: „Вамъ, гг. присяжные, приходилось уже замѣчать, что по дѣламъ о растратахъ, *какъ было и въ настоящемъ дѣлѣ*, для оправданія, готовы прибѣгать подсудимые и *ихъ защитники* (!) даже къ инсинуаціямъ на свидѣтелей, являющихся потерпѣвшими по дѣлу“. Послѣ этихъ словъ защитникъ заявилъ суду, что, дорожа личнымъ достоинствомъ и честью сословія, онъ не можетъ оставаться въ залѣ засѣданія, и удалился.

Съ трудомъ вѣрится, что такія нарушенія закона и судебныхъ приличій могли имѣть мѣсто въ судѣ, призванномъ укрѣплять правосознаніе въ обществѣ.

—

28 октября въ Казанской судебной палатѣ разсматривалось, по словамъ „Каз. Тел.“, дѣло объ урядникѣ Мельниковѣ, состоявшемъ на службѣ въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи, по обвиненію его въ причиненіи истязаній, побоевъ и мученій башкиру Хабилову. Башкиръ этотъ, заподозрѣнный въ кражѣ, былъ приведенъ сотскимъ къ уряднику. Узнавъ, что башкиръ въ кражѣ не сознается, Мельниковъ тотчасъ же раздѣлъ его и началъ сѣчь нагайкой. Но такъ какъ Хабиловъ все таки упорствовалъ, то Мельниковъ наполнилъ чашку водкой, всыпалъ туда горсть соли и, размѣшавъ старательно эту смѣсь, началъ натирать ею спину Хабилова, на которой отъ ударовъ нагайки образовались ссадины и раны. Потомъ Мельниковъ положилъ Хабилова вверхъ лицомъ и насыпалъ ему въ ротъ мелко истолченнаго перцу.

Судебная палата утвердила приговоръ окр. суда, коимъ Мельниковъ присужденъ къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ.

—

„Орл. Вѣстн.“ передаетъ любопытный случай примѣненія на практикѣ 55 ст. пол. о видахъ на жительство: въ Елецкое мѣщанское общество поступило отъ мѣщанки Н. Л. Барыкиной прошеніе объ отобраніи паспорта отъ мужа ея, елецкаго мѣщанина Барыкина, который жительствуетъ въ г. Орлѣ, занимаясь здѣсь сапожнымъ мастерствомъ. Живя въ Орлѣ, Барыкинъ оставилъ жену и дѣтей своихъ безъ всякой матеріальной помощи, что и послужило причиной жалобы со стороны Барыкиной. Мѣщанское общество, на основаніи 55 и 56 ст. полож. о видахъ на жительство, постановило отобрать паспортъ отъ Барыкина. Дѣло это затѣмъ перешло въ Орловское губернское правленіе, которое, провѣривъ мотивы, представленные Барыкиной, постановило: въ виду дѣйствительнаго оставленія Барыкинымъ жены и дѣтей своихъ безъ матеріальной помощи, приговоръ мѣщанскаго общества утвердить.

—

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ разъяснено, что для земскихъ начальниковъ обязательно представленіе въ уѣздный съѣздъ всѣхъ жалобъ на оправдательные приговоры волостныхъ судовъ.

—

Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ Московскаго округа, въ засѣданіи 6 ноября 1898 года, слушалъ докладъ члена совѣта, князя А. И. Урусова по вопросу о вознагражденіи присяжныхъ повѣренныхъ и помощниковъ за ходатайство по дѣламъ о вознагражденіи за смерть и увѣчье (ст. 683 т. X зак. гр.).

Находя, что присяжные повѣренные и помощники должны соблюдать особую по этимъ дѣламъ осторожность, чтобы не подать поводовъ къ нареканіямъ, могущимъ повредить чести и доброму имени сословія, совѣтъ постановилъ: объявить циркулярно по округу, что въ дѣлахъ о вознагражденіи за смерть и увѣчье, по ст. 683 т. X ч. 1, при заключеніи условія о вознагражденіи слѣдуетъ гонораръ исчислять не свыше 10% съ присужденной суммы.

Какъ извѣстно, Петербургскій Совѣтъ въ минувшемъ году постановилъ, чтобы вознагражденіе по этимъ дѣламъ не превышало установленнаго таксой.

—

13 ноября начались „пятницы“ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Въ этомъ первомъ товарищескомъ собраніи текущаго сезона предсѣдатель совѣта присяжныхъ повѣренныхъ А. П. Турчаниновъ сдѣлалъ сообщеніе о французскомъ адвокатѣ Каррелѣ. Сообщеніе было основано на рѣчи bâtonnier Канскаго суда, произнесенной при открытіи Каррелю памятника въ зданіи этого суда.

Имя Карреля едва-ли кому-либо извѣстно за предѣлами Франціи. Оно было неизвѣстно и референту до полученія рѣчи Канскаго батонье. Между тѣмъ, почесть, оказанная Каррелю, явленіе совершенно исключительное. Насколько извѣстно, кромѣ Карреля, одинъ Берье удостоился такой же чести за свою адвокатскую дѣятельность.

Въ заключеніе своего сообщенія А. П. Турчаниновъ указалъ на различія условій дѣятельности французской и русской адвокатуры и выразилъ пожеланіе, чтобы дѣятельность русскихъ адвокатовъ стала болѣе благодарной, чтобы и у насъ когда-нибудь стало возможнымъ такое же чествованіе выдающагося адвоката, какимъ почтилъ Карреля французскій судъ.

Сообщеніе было горячо привѣтствовано всѣмъ собраніемъ.

КУРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(Отчетъ о дѣятельности и протоколы собраній за $189^{7}/_{8}$ г. Курскъ. 1898 г.).

Курское юридическое общество заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что такія общества существуютъ даже не во всѣхъ городахъ, гдѣ имѣются судебныя палаты, и всего ихъ насчитывается въ Россіи восемь.

Мысль объ основаніи юридическаго общества въ Курскѣ возникла еще въ 1864 г. по почину предсѣдателя Курской палаты угол. и гражд. суда П. А. Устимовича, но утвержденіе устава затянулось на 10 л. и состоялось только 10 апрѣля 1875 г. Послѣ недолгаго существованія общество по причинамъ, остающимся въ отчетѣ невыясненными, прекратило свою дѣятельность и возобновилось лишь въ прошломъ году. Къ 1 октября 1898 г. въ обществѣ состояло 117 членовъ дѣйствительныхъ и одинъ почетный. По § 1 уставъ — общество имѣетъ цѣлью разработку юридическихъ вопросовъ съ практической и теоретической стороны, разработку мѣстнаго обычнаго права, мѣстныхъ правовыхъ особенностей и распространеніе въ обществѣ необходимыхъ свѣдѣній въ законахъ. За отчетный періодъ дѣятельность общества развивалась во всѣхъ этихъ направленіяхъ. Съ ноября 1897 г. по май 1898 г. общество имѣло 9 засѣданій, въ коихъ присутствовало отъ 35 до 52 членовъ, т. е. столько, сколько далеко не всегда собирается даже на засѣданія С.-Петербургскихъ ученыхъ обществъ. Послѣ обсужденія реферата—вопросъ, поставленный докладчикомъ, вотируется, и общество принимаетъ опредѣленное рѣшеніе. Такимъ образомъ, всѣ работы общества оставляютъ прочный слѣдъ и, очевидно, не мало выигрываютъ въ своемъ значеніи. Укажемъ для примѣра на докладъ предсѣдателя И. М. Тютрюмова объ условномъ осужденіи, по которому общество выработало основныя начала этого института, признавъ настоятельную необходимость введенія его въ Россіи съ тѣмъ, чтобы суду было предоставлено разрѣшеніе вопроса о примѣнимости условнаго осужденія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Далѣе — общество приступило къ устройству публичныхъ лекцій по разнымъ юриди-

ческимъ вопросамъ и въ отчетномъ году дѣйствительными членами было прочтено девять лекцій: означеніи суевѣрій въ уголовномъ правѣ, о вознагражденіи жертвъ судебныхъ ошибокъ, о значеніи судебной реформы 1864 г., объ алкоголизмѣ и преступности и др. (Между прочимъ, была также одна лекція, посвященная поэзіи Некрасова. Въ какомъ смыслѣ эта поэзія можетъ составлять юридическій вопросъ?). Съ цѣлью распространенія въ населеніи свѣдѣній въ законахъ общество издало брошюру о порядкѣ составленія домашнихъ духовныхъ завѣщаній и разослало ее въ количествѣ 3 тысячъ экземпляровъ во всѣ волостныя правленія, всѣмъ священникамъ и народнымъ учителямъ Курской губ. Наконецъ, отмѣтимъ, что общество принимаетъ чрезъ своихъ членовъ участіе въ устройствѣ чтеній въ тюрьмѣ и арестантскихъ отдѣленіяхъ. Въ настоящее время общество разрабатываетъ проектъ организаціи консультаціи для оказанія юридической помощи населенію въ защитѣ его правовыхъ интересовъ.

Изъ этого краткаго перечня занятій общества ясно видно, что оно живетъ полной жизнью и что предъ нимъ открыто широкое поле для плодотворной дѣятельности. Было бы, поэтому, весьма отрадно, если бы это общество послужило примѣромъ для образованія подобныхъ ему въ нашихъ другихъ губернскихъ городахъ.

Библіографія.

Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. *Т. 1. Спб. 1898. Ц. 2 р. 50 к.*

Изданіе перваго тома собранія сочиненій покойнаго профессора С.-Петербургскаго Университета А. Д. Градовскаго является крупнымъ событіемъ въ умственной жизни нашихъ дней.

Имя Градовскаго—одно изъ лучшихъ именъ, которыми можетъ справедливо гордиться наша молодая наука. Изданіе его трудовъ—не только дань уваженія и благодарности покойному, достойный памятникъ надъ его могилой, но въ тоже время въ высокой степени полезное дѣло, за которое русское общество должно быть благодарно издателямъ.

По выходѣ въ свѣтъ остальныхъ томовъ мы постараемся дать, по возможности, полную характеристику научной и литературной физіономіи А. Д. Градовскаго; въ настоящее время ограничимся нѣсколькими замѣчаніями о только что вышедшемъ первомъ томѣ.

Характеръ его содержанія, по преимуществу, историческій; въ него вошли диссертація о высшей администраціи Россіи XVIII ст. и о генералъ-прокурорахъ; затѣмъ, историческій очеркъ учрежденія генералъ-губернаторствъ въ Россіи, и, наконецъ, двѣ обширныя рецензіи, посвященныя вопросамъ о государственномъ строѣ древней Россіи (по поводу книги В. И. Сергѣевича: Вѣче и князь) и объ исторіи церковнаго управленія (по поводу книги М. И. Горчакова: Монастырскій приказъ).

Этимъ общеизвѣстнымъ историческимъ трудамъ издатели предпослали двѣ менѣе извѣстныхъ статьи, изъ которыхъ первая является вступительной лекціей по государственному праву, читанной Градовскимъ въ Петербургскомъ университетѣ въ октябрѣ 1866 г., вторая—актовою рѣчью, читанной въ февралѣ 1873 г. Изъ этихъ рѣчей значительный интересъ представляетъ вторая, посвященная вопросу о современномъ направленіи государственныхъ наукъ. Мы позволимъ себѣ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе, въ виду того, что разсматриваемая въ ней проблема нисколько не утратила своего значенія и для нашего времени.

Градовскій ставитъ вопросъ: чѣмъ объясняется признаваемый всѣми разрывъ между *теоріей* и *практикой*, составляющій печальный удѣлъ государственныхъ наукъ. Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, онъ обращается къ изученію той эпохи, когда указанный разрывъ проявился въ наиболѣе безусловной и рѣзкой формѣ,—той эпохи, когда въ области практики господствовалъ старый режимъ, а въ области теоріи—философія естественнаго права.

Дѣйствительно, естественное право не считалось и не хотѣло считаться съ относительными и преходящими условіями политической жизни; съ безпощаднымъ догматизмомъ оно стремилось превратить общественный и нравственный міръ въ логическую систему, выводимую изъ всеобщихъ и неизмѣнныхъ апріорныхъ началъ. Но само собою разумѣется, что подобное отношеніе теоріи къ практикѣ никоимъ образомъ не можетъ быть приписано какой то „прирожденной испорченности“ теоріи; истинная причина этого явленія заключается въ ненормальности тѣхъ условій, къ которыя поставлена была старымъ режимомъ политическая доктрина. Отрѣшенная отъ государственной жизни и ея практическихъ условій, образованная часть общества въ вынужденномъ своемъ „философскомъ досугѣ“ привыкла поневолѣ жить отвлеченною мыслью. Благодаря тому, что путь наблюденія и опыта, путь индукціи былъ для науки закрытъ, она пошла другимъ путемъ,—путемъ дедукціи изъ апріорныхъ и сверхъ-опытныхъ началъ. Она не могла, конечно, провѣрять возможность и пригодность своихъ теорій, не зная, что такое государственная жизнь, скрытая отъ всѣхъ глазъ въ тайникахъ канцелярій.

Такимъ образомъ, „непрактичность“ теорій естественнаго права явилась не причиной, а слѣдствіемъ высокомѣрнаго презрѣнія къ научной доктринѣ, характеризующаго политическихъ дѣятелей стараго режима.

Въ наше время прежняя отчужденность общества отъ государства постепенно исчезаетъ. Участіе общества въ жизни государствъ, говоритъ Градовскій, обезпечиваетъ правильное и прочное *политическое воспитаніе* общества. У современныхъ обществъ нѣтъ уже того—невольнаго, конечно — философскаго досуга, который въ XVIII в. давалъ отвлеченной теоріи возможность увлекать общественную мысль въ область несбыточныхъ утопій; современная жизнь даетъ наукѣ положительный матеріалъ, надъ которымъ она можетъ и должна работать.

Въ настоящее время *полный* разрывъ между теоріей и практикой невозможенъ; онъ не существуетъ нигдѣ. Но если, тѣмъ не менѣе, и теперь между наукой и практикой въ области публичнаго права наблюдается извѣстный разладъ, если и теперь люди практики опасливо сторонятся науки, то этому причиной—теперь, какъ и прежде—отнюдь не „испорченность“ науки, а неправильное отношеніе къ ней практики. Презрительно называя науку *теоретичной*, практическіе дѣятели, очевидно, желаютъ этимъ сказать, что научныя системы создаются безъ помощи тѣхъ орудій, которыя одни только могутъ сдѣлать науку практичной, т. е. безъ наблюденія и опыта; они возстаютъ не противъ науки вообще, а противъ науки умозрительной, апріорной. Но осуждая, такимъ образомъ, теоретичность науки, тѣмъ самымъ они осуждаютъ, сами того не замѣчая, то отношеніе, въ которое практика часто становится къ наукѣ. Для того, чтобы политическая доктрина могла обратиться, подобно естествознанію, въ опытную, положительную науку, политическая жизнь должна быть для нея точно также *открыта*, какъ жизнь природы открыта для естествознанія. А между тѣмъ, спрашиваетъ Градовскій, можемъ ли мы похвалиться, что и для политическихъ наукъ доступно наблюденіе и опытъ. Дѣйствительно-ли обезпечены необходимыя условія общеизвѣстности фактовъ политической жизни и возможность ихъ безпристрастнаго, свободнаго обсужденія? Доходитъ ли до насъ историческій опытъ въ своемъ истин

номъ, не искаженномъ видѣ? Имѣемъ-ли мы настоящую исторію, объективно излагающую правду?

Практика государственной жизни должна быть извѣстна наукѣ. Только тогда прекратится разладъ между *теоріей* и *дѣломъ*; только тогда наука станетъ *теоріей дѣла*.

Такова, въ общемъ, основная мысль разсматриваемой статьи. Мысль эта можетъ быть названа руководящей для всѣхъ, безъ исключенія, работъ А. Д. Градовскаго. Путемъ глубокаго и всесторонняго изученія исторіи и догмы дѣйствующаго права онъ стремится создать безусловно необходимую для государственной жизни „теорію государственнаго дѣла“. Вѣрная завѣтамъ Градовскаго, къ этой же цѣли стремится и современная наша наука государственнаго права. Чуждая невозможныхъ утопій, она хочетъ учиться у жизни, для того чтобы, въ свою очередь, учить жизнь. Успѣхъ ея стремленій зависитъ отъ того, разсѣется ли когда нибудь тайна политическаго священнодѣйствія, станетъ-ли ей доступнымъ изученіе фактовъ дѣйствительной жизни.

В. Гессенъ.

Судебная и судебно-административная практика.

Первый департаментъ Правительствующаго Сената.

Назначеніе пенсій по 41 ст. пенс. уст.

Министерство Финансовъ отказало въ назначеніи пенсіи совершеннолѣтней дочери чиновника, представившей требуемыя 41 ст. удостовѣренія о своей неизлечимой болѣзни и совершенной бѣдности, на томъ основаніи, что при испрошеніи матери этой дѣвицы, вдовѣ З., годомъ раньше усиленной пенсіи „было принято во вниманіе обстоятельство нахожденія на ея попеченіи названной дочери, сообразно чему необходимо придти къ заключенію, что пожалованіемъ этой вдовѣ усиленной пенсіи на нее вмѣстѣ съ тѣмъ возложена нравственная обязанность поддерживать существованіе дѣтей“. Вопросъ этотъ восходилъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената по 1-му департаменту, и Сенатъ нашелъ, „что 1) по ст. 41 уст. пенс. св. зак. т. III изд. 1896 г. пожизненныя пенсіи могутъ быть назначаемы такимъ дѣтямъ чиновниковъ и служителей, кои во время кончины своихъ родителей, хотя были въ лѣтахъ, не допускающихъ уже по общему правилу назначенія пенсіи, но, находясь въ совершенной бѣдности, одержимы неизлечимыми болѣзнями или же впослѣдствіи подверглись увѣчью или такимъ неизлечимымъ болѣзнямъ, которыя лишаютъ ихъ средствъ снискивать пропитаніе собственными трудами безъ пособія и призрѣнія со стороны правительства, что 2) В. З. при ходатайствѣ своемъ о назначеніи ей пенсіи представила утвержденное медицинскимъ инспекторомъ Кронштадтскаго порта медицинское свидѣтельство о состояніи ея здоровья и свидѣтельство отъ полиціи, коими удостовѣряется, что она одержима неизлечимыми болѣзнями, лишающими ее возможности снискивать себѣ пропитаніе личнымъ трудомъ и, находясь въ бѣдности, собственности, приносящей доходъ, и средствъ къ жизни не имѣетъ, и что въ виду сего нельзя не признать, что просительница удовлетворяетъ условіямъ, требуемымъ ст. 46 пенс. уст. т. III изд. 1876 г. (ст. 41 уст. пенс. изд. 1896 г.) для назначенія пенсій совершеннолѣтнимъ дѣтямъ умершихъ чиновниковъ. Посему и принимая во вниманіе, что назначеніе матери ея пенсіи въ 600 руб. въ годъ не можетъ служить препятствіемъ къ назначенію просительницѣ пенсіи, на которую она имѣетъ право по закону, и что неисполненіе матерью нравственной обязанности поддерживать существованіе дѣтей не можетъ повлечь за собой никакихъ невыгодныхъ юридическихъ послѣдствій для дочери, ни въ чемъ не умаляя правъ, предоставленныхъ ей закономъ, въ томъ числѣ и права на полученіе пенсіи независимо отъ производящагося матери ея пенсіоннаго оклада, какъ несоставляющаго въ какой-либо части достоянія первой и испрошеннаго и назначеннаго не всѣмъ членамъ семейства умершаго З., а лишь вдовѣ его“, Правительствующій Сенатъ находитъ, что совершеннолѣтняя дочь д. стат. сов. З. дѣвица В. имѣетъ право воспользоваться за службу своего отца на основаніи ст. 41 уст. пенс. изд. 1896 г. пенсіею.

Высказанный Правительствующимъ Сенатомъ взглядъ кажется намъ вполнѣ соотвѣтствующимъ точному смыслу закона, который не ставитъ ни въ какую зависимость назначенія пенсіи по 14 ст. уст. пенс. отъ пенсій, опредѣленныхъ другимъ членамъ семейства. Поэтому пожалованіе вдовѣ чиновника пенсіи внѣ правилъ ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ умалять права, предоставляемаго закономъ совершеннолѣтней дочери чиновника, находящейся въ болѣзни и бѣдности.

Первый Департаментъ Правительствующаго Сената.

Замѣна постановленія гор. думы распоряженіемъ админ. власти.

Высочайше утв. комиссіи по постройкѣ въ С.-Петербургѣ дома офицерскаго собранія обратилась въ Спб. городскую думу съ ходатайствомъ о разрѣшеніи поставить по Потемкинской улицѣ у тротуара Таврическаго сада 14 деревянныхъ столбовъ для укрѣпленія воздушныхъ электрическихъ проводовъ. Городская дума, разсмотрѣвъ докладъ городской управы и заключеніе комиссіи по надзору за освѣщеніемъ столицы, признала невозможнымъ допустить постановку деревянныхъ столбовъ для частнаго освѣщенія въ незарѣчныхъ частяхъ города, а потому предложила комиссіи проложить отъ новой электрической станціи военнаго вѣдомства подземный кабель и устроить воздушную линію по крышамъ домовъ.

Вслѣдъ за симъ, спб. градоначальникъ увѣдомилъ столичнаго городскаго голову, что помощникъ предсѣдателя комиссіи по постройкѣ офицерскаго собранія обратился къ нему, градоначальнику, за содѣйствіемъ къ немедленному разрѣшенію работъ по постановкѣ 14 деревянныхъ столбовъ, и что онъ-градоначальникъ, принимая въ соображеніе, съ одной стороны, обстоятельства, приведенныя помощникомъ предсѣдателя названной комиссіи, а съ дру-

гой то, что по заключенію городской управы, бывшему въ виду думы, признавалось возможнымъ допустить установку деревянныхъ столбовъ на два года, съ тѣмъ чтобы на военномъ вѣдомствѣ оставалась обязанность по истеченіи означеннаго срока убрать эти столбы, сообщилъ помощнику предсѣдателя названной комиссіи о неимѣніи съ его, градоначальника, стороны препятствій къ постановкѣ нынѣже означенныхъ столбовъ на указанныхъ городскою управою условіяхъ. По докладѣ о такомъ распоряженіи градоначальника Спб. городской думѣ, послѣдняя постановила: обжаловать оное, какъ незаконное, Правительствующему Сенату, во исполненіе чего спб. городскимъ головою и принесена чрезъ Спб. градоначальника надлежащая жалоба Представивъ помянутую жалобу по принадлежности, Спб. градоначальникъ рапортомъ донесъ Пр. Сенату ,что по всеподданѣйшему докладу Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе: временно установленную на столбахъ по Потемкинской улицѣ воздушную линію электрическихъ проводовъ сохранить и на дальнѣйшее время, пока военное вѣдомство будетъ встрѣчать въ томъ надобность. Пр. Сенатъ нашелъ, что по ст. 8 гор. пол. 1892 г. состоящія въ предѣлахъ городскаго поселенія земли, находящіяся по плану подъ площадями, улицами, переулками, тротуарами и бечевниками, состоя въ общемъ всѣхъ пользованіи, остаются городскою собственностью, и посему только городъ, какъ собственникъ этихъ земель, имѣетъ право распоряжаться оными и постановлять опредѣленія объ изъятіи той или другой части оныхъ изъ общаго пользованія въ чье-либо исключительное вѣдѣніе и разрѣшать постройку на нихъ какихъ-либо столбовъ или сооруженій. Признавая посему, что и въ разсматриваемомъ дѣлѣ лишь отъ Спб. городской думы могло зависѣть разрѣшеніе постановить для электрическаго освѣщенія строющагося въ г. С.-Петербургѣ общаго офицерскаго собранія 14 деревянныхъ столбовъ для укрѣпленія воздушныхъ проводовъ, по Потемкинской улицѣ, и что состоявшееся въ іюнѣ 1897 года постановленіе Спб. городской думы, коимъ она не признала возможнымъ, по соображеніямъ городскаго благоустройства и безопасности, дать названное разрѣшеніе, не можетъ не считаться воспослѣдовавшимъ вполнѣ въ предѣлахъ вѣдомства и власти городскаго общественнаго управленія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что Спб. градоначальникъ, который, по правиламъ городоваго Положенія 1892 года, могъ, если признавалъ названное постановленіе неудобнымъ и нарушающимъ интересы казны, пріостановить оное и направить его къ отмѣнѣ, въ порядкѣ ст. 86 гор. пол., не имѣлъ законнаго основанія, вопреки названному постановленію думы, собственною властью разрѣшить постановку означенныхъ столбовъ, и что такого рода распоряженіе градоначальника является совершенно неправильнымъ вмѣшательствомъ его въ дѣла городскаго самоуправленія, не предоставленнымъ ему въ установленномъ порядкѣ. Но, засимъ, Правительствующій Сенатъ, за воспослѣдовавшимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, коимъ разрѣшено сохранить установленную съ разрѣшенія градоначальника на столбахъ по Потемкинской улицѣ воздушную линію электрическихъ проводовъ для освѣщенія спб. военнаго собранія и на будущее время, не усматриваетъ надобности въ какомъ-либо въ настоящее время распоряженіи къ отмѣнѣ приведеннаго неправильнаго распоряженія спб. градоначальника, а потому опредѣляетъ: признавъ жалобу спб. городскаго головы не требующей разрѣшенія, разъяснить градоначальнику допущенную по настоящему дѣлу неправильность его дѣйствій. (указъ 26 Іюня 1898 года).

Единственнымъ мотивомъ разсматриваемаго постановленія спб. градоначальника — если не считать, очевидно, не имѣющей юридическаго значенія ссылки на обстоятельства, приводимыя помощникомъ предсѣдателя коммиссіи по постройкѣ офицерскаго собранія—является мнѣніе, будто административная власть уполномочена утверждать и приводить въ исполненіе заключенія городской управы, хотя бы и не принятыя послѣдовавшимъ рѣшеніемъ думы. Такое мнѣніе не находитъ, однако, ни малѣйшаго основанія въ законѣ, смыслъ коего весьма точно разъясненъ въ приведенномъ рѣшеніи.

С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ.

Возвращеніе купленной вещи вслѣдствіе несоразмѣрности цѣны съ ея достоинствомъ.

Т. заказала осенью 1897 г. въ мѣховомъ магазинѣ Г. мѣховую соболью шейчатую ротонду за 460 р. Получивъ ротонду (по почтѣ), покупательница вернула ее затѣмъ обратно въ магазинъ, указывая на то, что ротонда изготовлена не изъ собольихъ шеекъ, какъ это было условлено, а изъ старыхъ собольихъ шкурокъ цѣнностью въ нѣсколько десятковъ рублей, а потому просила вернуть обратно уплаченныя ею 460 р. Мировой судья призналъ предъявленный Т. искъ не подлежащимъ удовлетворенію; по ап. жалобѣ истицы дѣло перешло въ мировой съѣздъ, который и вынесъ слѣдующее рѣшеніе.

Какъ выяснилось изъ дѣла, торговый домъ Г. продалъ истицѣ за 445 руб. и выслалъ ей въ Новочеркаскъ соболью шейчатую ротонду, крытую шелковымъ плюшемъ, каковая ротонда, въ томъ видѣ, въ какомъ она была продана, оцѣнена экспертами въ 200 руб. Эти обстоятельства и положены въ основаніе настоящаго иска, имѣющаго предметомъ требованіе о возвратѣ уплаченной за ротонду цѣны.

Останавливаясь на вопросѣ о томъ, можетъ ли несоразмѣрность цѣны съ достоинствомъ купленнаго предмета служить основаніемъ къ признанію договора недѣйствительнымъ, Съѣздъ находитъ, что разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ обстоятельствъ каждаго даннаго случая и что отрицать возможность расторженія договора по упомянутой причинѣ, въ видѣ общаго правила, нѣтъ основаній. Если качество вещи опредѣляетъ ея цѣну, то одинаково должно быть признано, что цѣною вещи опредѣляются и ея качество; ибо цѣна и качество составляютъ лишь двѣ стороны одного и того-же понятія экономической стоимости вещи. Посему, условіемъ о цѣнѣ устанавливается соотвѣтствующее этой цѣнѣ достоинство предмета купли-продажи, и, если затѣмъ окажется полная несоразмѣрность между упомянутыми двумя факторами (цѣною и достоинствомъ вещи), существенно вліяющими на образованіе вза-

имнаго согласія договаривающихся лицъ, то въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не усмотрѣть того несоотвѣтствія проданнаго движимаго имущества „условію“, которое, по буквальному смыслу 1518 ст. X т. 1 ч., служитъ основаніемъ къ расторженію договора купли-продажи. Такимъ образомъ, слѣдуетъ допустить, что и относительно цѣны, какъ показателя качества вещи, могутъ быть ошибка или заблужденіе, дающія достаточное основаніе для признанія недѣйствительности договора (рѣш. гр. касс. деп. 1875 г. № 858, 1883 г. № 78 и др.).

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, съѣздъ находитъ, что Т., покупая вещь за 445 руб., не могла имѣть намѣренія совершить сдѣлку относительно вещи, стоящей, по оцѣнкѣ экспертовъ, не болѣе 200 руб.; если же, въ дѣйствительности, она приняла ротонду въ 200 руб., то, конечно, не потому, что она согласилась на полученіе вещи, по качеству соотвѣтствующей этой цѣнѣ, а потому что была введена въ заблужденіе относительно достоинства покупаемой вещи магазиномъ, фирма котораго служила для нея ручательствомъ доброкачественности при продажѣ предмета, внутренніе недостатки котораго не могутъ быть обнаружены въ моментъ купли лицомъ несвѣдущимъ (рѣш. гр. касс. деп. 1891 г. № 12). Свободная воля договаривающихся подрывается, между прочимъ, введеніемъ одной изъ сторонъ въ заблужденіе для склоненія ея къ заключенію невыгодной сдѣлки какъ посредствомъ ложныхъ увѣреній, такъ и черезъ умолчаніе (рѣш. гр. касс. деп. 1883 г. № 78 и 1890 г. № 9). Если бы торговый домъ Г., при продажѣ ротонды, не умолчалъ объ истинномъ достоинствѣ ея, то истица, конечно, не согласилась бы на уплату за нее несоразмѣрно высокой цѣны въ 445 руб. и отказалась бы отъ пріобрѣтенія этой ротонды, какъ не соотвѣтствующей по добротѣ той вещи, которую она намѣревалась пріобрѣсти. При такихъ условіяхъ, не можетъ быть рѣчи ни о свободномъ произволѣ и согласіи со стороны истицы въ моментъ заключенія договора ни объ исполненіи этого договора по намѣренію его и доброй совѣсти. Засимъ, Съѣздъ признаетъ искъ Т. по праву доказаннымъ. Что касается размѣра иска, то въ виду признанія на судѣ экспертами, что ротонда потеряла въ цѣнѣ, вслѣдствіе ея носки, на 115 руб., независимо отъ качества мѣха ротонды, съѣздъ находитъ, что исковыя требованія подлежатъ удовлетворенію лишь въ суммѣ 330 руб., а посему, руковод. ст. 81, 102, 129 и 138 уст. гр. суд. и ст. 1518 т. X ч. I, *опредѣляетъ*: рѣшеніе мироваго судьи отмѣнить; взыскать съ Г. въ пользу Т. триста тридцать рублей.

Мировой съѣздъ, разрѣшая данное дѣло на основаніи положеній, установленныхъ Прав. Сенатомъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній, формулируетъ ихъ, однако, не совсѣмъ точно и недостаточно расчленяетъ различныя положенія. Едва ли можно согласиться съ первымъ положеніемъ, высказаннымъ съѣздомъ, что „условіемъ о цѣнѣ устанавливается соотвѣтствующее этой цѣнѣ достоинство предмета купли и продажи“. Намъ представляется болѣе правильнымъ, какъ общее положеніе нашего права, выставленный К. Побѣдоносцевымъ (Курсъ, т. I § 42) принципъ: „совершенная продажа почитается у насъ вообще безусловно и безповоротно дѣйствительною относительно тѣхъ лицъ, которыя въ ней участвовали. Покупщикъ уже, напр., не можетъ жаловаться, что далъ слишкомъ дорого за имѣніе, когда оно по обозрѣніи оказалось дешевле стоящимъ“.

Но для разрѣшенія возникшаго въ дѣлѣ вопроса вовсе и не представлялось надобности устанавливать такое положеніе, и съѣздъ, дѣйствительно, суживаетъ его, указывая, что „относительно цѣны, какъ *показателя* качества вещи, могутъ быть ошибки или заблужденія, дающія достаточное основаніе для признанія договора недѣйствительнымъ“. Так. обр., весь споръ совершенно правильно сводится не къ несоотвѣтствію цѣны вещи ея достоинству, а къ ошибкѣ при ея покупкѣ, несоотвѣтствіе же засимъ цѣны является лишь доказательствомъ наличности ошибки, которую и устанавливаетъ мир. съѣздъ.

Установивъ такую ошибку, мировой съѣздъ долженъ былъ обратиться къ вопросу о томъ, существенна-ли эта ошибка. Ея существенность доказывается не только полнымъ несоотвѣтствіемъ купленной вещи ея дѣйствительной стоимости, далеко превосходящимъ возможныя рыночныя колебанія въ зависимости отъ разныхъ условій, но и тѣмъ, что Т. покупала „соболью шейчатую ротонду“, а получила шубу изъ старыхъ собольихъ шкурокъ. При существенности ошибки въ свойствахъ получаемой вещи, договоръ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ.

Вмѣсто того мир. съѣздъ обратился къ разсужденіямъ о вовлеченіи въ невыгодную сдѣлку, о ложныхъ увѣреніяхъ и умолчаніи о дѣйствительныхъ качествахъ вещи. Примѣнять такія положенія въ столь общей формулировкѣ къ торговому обороту едва-ли представляется правильнымъ; едва-ли возможно, напр., признавать сдѣлку недѣйствительной только потому, что продавецъ завѣрялъ покупателя въ томъ, что товаръ обладаетъ достоинствами, далеко превосходящими просимую имъ цѣну.

Обстоятельствами настоящаго дѣла возбуждается также любопытный вопросъ, на которомъ не остановился судъ, о своевременности возврата Т—ой купленной ею ротонды. Между тѣмъ, вопросъ этотъ представляется существеннымъ. Нельзя же предоставить покупателю, когда угодно, возбуждать споръ о несоотвѣтствіи купленной и принятой имъ вещи той цѣнѣ, которая за вещь уплачена. А между тѣмъ, эксперты показали, что „ротонда потеряла въ въ цѣнѣ, вслѣдствіе ея носки, на 115 р., независимо отъ качества мѣха“. Правда, законъ нашъ не устанавливаетъ никакихъ сроковъ, такъ какъ вообще прямо не предусматриваетъ такихъ случаевъ. И если, поэтому, признаніе своевременности раскрытія ошибки и права на возвращеніе купленной вещи зависитъ отъ усмотрѣнія суда, то все же въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ судъ долженъ остановиться на разрѣшеніи этого вопроса прежде чѣмъ признать право возврата вещи. Иностранныя законодательства правильно ограничиваютъ право предъявленія такого рода споровъ извѣстнымъ срокомъ. Такъ, нѣм. гражд. ул. (§ 477) и австр. торг. ул. (§ 349) 6-ти мѣс. срокомъ, швейц. общ. пр. (§ 958) годовымъ срокомъ.

С.-Петербургская судебная палата.

Предѣлы разсмотрѣнія суд. палатой рѣшенія, обжалованнаго по вопросу о распредѣленіи судебныхъ издержекъ между отвѣтчиками.

По иску, предъявленному истцомъ И. къ отвѣтчикамъ Т. банку и Ш. о признаніи недѣйствительнымъ публичнаго торга на недвижимое имѣніе, а также данной крѣпости, окр. судъ удовлетворилъ исковыя требованія, возложивъ всѣ судебныя и за

веденіе дѣла издержки на одного изъ отвѣтчиковъ Ш., который и принесъ ап. жалобу на рѣшеніе окр. суда въ части, касающейся распредѣленія судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ.

Судебная палата нашла, что на основаніи 773 ст. уст. гр. суд. ея обсужденію подлежитъ только вопросъ, правильно или неправильно распоряженіе суда о возложеніи на Ш. судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ, и если правильно, то въ какомъ именно размѣрѣ таковыя должны быть возложены на апеллятора.

Въ принципѣ распоряженіе окр. суда о возложеніи и на отвѣтчика Ш. издержекъ производства по иску И. является вполнѣ отвѣчающимъ общимъ началамъ, выраженнымъ въ ст. 868—871 уст. гр. суд... Что же касается до размѣра отвѣтственности Ш. въ издержкахъ производства, то по свойству раздѣляющихъ его отъ банка интересовъ, издержки производства должны быть поровну распредѣлены между банкомъ — съ одной, и Ш. — съ другой стороны. — Съ установленіемъ этихъ положеній, судебная палата находитъ, что по производству дѣла въ первой инстанціи судебныя и за веденіе дѣла издержки могутъ быть возложены на Ш. лишь въ одной половинной долѣ, по апелляціонному же производству таковыя должны быть распредѣлены въ равныхъ частяхъ между апелляторомъ и истцомъ, но не могутъ быть относимы на банкъ, въ виду освобожденія его отъ платежа издержекъ рѣшеніемъ окружнаго суда и необжалованія рѣшенія суда въ этой части, а засимъ и не подлежащаго нынѣ обсужденію палаты на основаніи вышеприведенной ст. 773 уст. гр. судопр. По всѣмъ изложеннымъ выше соображеніямъ суд. пал. опредѣляетъ: рѣшеніе С.-Петербургскаго окружнаго суда измѣнить въ части, касающейся судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ, которыя по производству дѣла въ окружномъ судѣ возложить въ одной половинной долѣ въ пользу истца, а по апелляціонному производству судебныя и за веденіе дѣла издержки возложить поровну на И.—съ одной стороны, и на Ш. съ другой.

Въ основаніе своего вывода судебная палата положила 773 ст. уст. гр. суд., согласно которой Палата входитъ въ разсмотрѣніе тѣхъ только частей рѣшенія окр. суда, которыя тою или другою стороною обжалованы. Эта статья составляетъ развитіе основнаго начала нашего устава, начала состязательности, въ силу котораго судъ не приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣла безъ просьбы о томъ заинтересованныхъ лицъ. Между тѣмъ — состязательное начало не примѣняется во всей своей силѣ къ судебнымъ издержкамъ. По ст. 871, если въ дѣлѣ участвуетъ нѣсколько лицъ, то обязанность каждаго вознаградить за судебныя издержки опредѣляется судомъ соразмѣрно тому, что каждымъ было отыскиваемо и оспариваемо. Слѣд., независимо отъ распредѣленія издержекъ, составленнаго выигравшей стороной, судъ долженъ произвести это распредѣленіе самостоятельно, ex officio, и можетъ присудить съ одного изъ тяжущихся больше судебныхъ издержекъ, чѣмъ съ него причиталось бы по распредѣленію выигравшей стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стороны не обязаны представлять доказательства для опредѣленія размѣра причитающихся съ каждаго судебныхъ издержекъ. Судъ руководствуется при распредѣленіи издержекъ отношеніемъ сторонъ къ исковому требованію обнаружившимся въ процессѣ. Затѣмъ—по ст. 771, въ случаѣ измѣненія рѣшенія суда, палата возлагаетъ судебныя издержки по производству на обвиненную сторону или распредѣлятъ ихъ между сторонами, при чемъ, однако, законъ не упоминаетъ о томъ, чтобы эта обязанность палаты находилась въ зависимости отъ просьбы стороны. Въ соотвѣтствіе съ этимъ Пр. Сенатъ въ рѣшеніи 1871 г. № 82 разъяснилъ, что въ случаѣ измѣненія рѣшенія 1-й инстанціи новое распредѣленіе судеб. издержекъ *само по себѣ* представляется уже послѣдствіемъ сего измѣненія, хотя бы принесшій апелляцію на это рѣшеніе не упоминалъ особливо объ освобожденіи его отъ наложенныхъ на него окр. судомъ судебныхъ издержекъ. Поэтому, правило ст. 773 само по себѣ не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ того, чтобы, при отсутствіи жалобы на освобожденіе одного изъ отвѣтчиковъ отъ платежа судебныхъ издержекъ, суд. палата, разрѣшая вопросъ о правильности сдѣланнаго судомъ распредѣленія ихъ, должна была оставить вопросъ о такомъ освобожденіи безъ всякаго разсмотрѣнія.

Въ данномъ случаѣ—истецъ просилъ о присужденіи ему судебныхъ издержекъ. Съ другой же стороны, было ли у истца какое-либо юридическое основаніе для принесенія апелляц. жалобы на рѣшеніе суда? Такимъ основаніемъ можетъ служить лишь неудовлетвореніе его требованій окр. судомъ. Между тѣмъ, исковыя требованія его были вполнѣ удовлетворены; точно также присуждены ему и судебныя издержки, при чемъ, въ исполненіе требованія 871 ст., судъ распредѣлилъ эти издержки между отвѣтчиками. — Слѣд., отсутствіе жалобы со стороны истца является юридически вполнѣ нормальнымъ и потому не должно влечь за собою тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, какія создаются взглядомъ палаты. Рѣшеніемъ окр. суда нарушены были только интересы отвѣтчика, на котораго возложены всѣ судебныя издержки; слѣд., только этотъ отвѣтчикъ и могъ принести апел. жалобу. Но при этомъ, жалуясь на рѣшеніе суда, онъ не оспаривалъ присужденія истцу издержекъ, а доказывалъ лишь, что на него неправильно возложили обязанность уплатить ихъ, иначе говоря, что издержки должны быть возложены на другого отвѣтчика, который, въ свою очередь, принималъ участіе въ апелляц. производствѣ, оспаривая это домогательство. Поэтому, какъ разъяснилъ Пр. Сенатъ въ рѣшеніи № 379 за 1869 г., отвѣтчики въ такомъ случаѣ являются по отношенію другъ къ другу *сторонами*, участвующими въ дѣлѣ, и возникшій между ними въ окр. судѣ споръ подлежалъ разрѣшенію суд. палаты по апелляціи одного изъ нихъ. Признавъ, что окр. судъ разрѣшилъ этотъ споръ неправильно, палата должна была произвести новое распредѣленіе установленной судомъ цифры издержекъ, никѣмъ изъ участвующихъ въ дѣлѣ не оспоренной. Отсюда, вмѣстѣ съ тѣмъ, вытекаетъ, что издержки апел. производства должны быть возложены на проигравшую сторону, т. е. на одного изъ отвѣтчиковъ, но ни въ какомъ случаѣ не на истца, который въ этомъ спорѣ никакого участія не принималъ.

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18.

Редакторы-издатели:
Приватъ-доцентъ *В. М. Гессенъ.*
Н. И. Лазаревскій.

Объявленія.

Печатается и въ декабрѣ текущаго года выйдетъ въ свѣтъ:

СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА
РАСТЛѢНІЯ
Е. Ф. Беллина.

Атласъ изъ 20 хромолитографированныхъ таблицъ съ поясненіями автора. Къ атласу будетъ приложено предисловіе **М. Д. Никитина**.

Изданіе **медицинскаго департамента**; цѣна **3** рубля безъ пересылки, для подписчиковъ «**Вѣстника Общественной Гигіены, Судебной и Практической Медицины**» цѣна **1** р. **50** к. безъ пересылки. Пересылка за **2** фунта.

Въ виду ограниченнаго количества экземпляровъ **открыта подписка** при редакціи «**Вѣстника**» (**Театральная, 3. Медицинскій департаментъ**).

МОСКОВСКІЙ
ЗЕМЕЛЬНЫЙ БАНКЪ

Правленіе (Москва, Тверской бульваръ, д. Полякова).
Главное Агентство (С.-Петербургъ, Большая Морская, № 29).

ВЫДАЕТЪ ССУДЫ ПОДЪ ЗАЛОГЪ:

1) **ДОМОВЪ** въ Москвѣ и С.-Петербургѣ;

2) **ЗЕМЕЛЬ** въ губерніяхъ: Витебской, Воронежской, Калужской, Курской, Минской, Могилевской, Московской, Новгородской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, С.-Петербургской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской и Ярославской.

3) **ГОРОДСКИХЪ НЕДВИЖИМЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ** во всѣхъ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ вышеуказанныхъ губерній.

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1898 г. **№. 3.** **Воскресенье 6 декабря.**

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента *В. М. Гессена* и *Н. И. Лазаревскаго* и при ближайшемъ сотрудничествѣ: прив.-доц. *Ф. А. Вальтера*, *І. В. Гессена*, *О. О. Грузенберга*, прив.-доц. *А. И. Каминка*, *А. А. Левенстима*, прив.-доц. *Л. І. Петражицкаго* и *В. М. Устинова*.

Содержаніе: 1) Къ вопросу о новомъ гражданскомъ уложеніи. **А. Каминка**. 2) «Полицейское» право **Л. Петражицкаго**. 3) Проектъ устава о служебныхъ провинностяхъ. **Влад. Набокова**. 4) Семья и ссылка. **А. Левенстима**. 5) Порядокъ исчисленія крѣп. пошлинъ съ имуществъ, продаваемыхъ съ публичнаго торга въ губ. Ц. Польскаго. **С. Д.** 6) Письмо изъ Берлина (окончаніе). **В. Э.** 7) Хроника. 8) Юридическія общества. 9) Библіографія.

10) Судебная и судебно-административная практика.

11) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ **1** ч. до **3** ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой **7** руб., на полгода **4** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ **4** р. и къ первому мая **3** рубля. За границу за годъ—**10** руб. Отдѣльные нумера продаются по **20** коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ **11** час. до **4** час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Къ вопросу о новомъ гражданскомъ уложеніи.

Кодификація права, видомъ которой является кодификація гражданскаго права, составляетъ одинъ изъ наиболѣе спорныхъ вопросовъ теоріи, одну изъ самыхъ сложныхъ задачъ въ области политики права. Теоретическія трудности вопроса обусловливаются тѣмъ, что онъ находится въ тѣсной связи съ вопросами о происхожденіи права, о творческихъ факторахъ въ процессѣ праворазвитія. Разрѣшеніе его значительно осложняется благодаря тому, что объективность, необходимая въ научномъ изслѣдованіи, неизбѣжно сталкивается съ политическими и общественными идеалами изслѣдователей. Подъ вліяніемъ этихъ идеаловъ одни, преувеличивая дѣйствительную роль законодателя въ правообразованіи, мечтаютъ о мощномъ его вмѣшательствѣ въ народную жизнь, другіе, напротивъ, робко отступаютъ передъ сколько-нибудь энергичнымъ воздѣйствіемъ, предпочитая медленное, свободное развитіе глубоко, по ихъ мнѣнію, заложенныхъ въ основахъ народнаго духа, но несомнѣнно мало извѣстныхъ началъ. Различіе взглядовъ становится особенно рѣзкимъ, когда споръ изъ академическаго обращается въ практическій. Недовольство настоящимъ, проистекающее частью изъ сознанія его недостатковъ, частью изъ вполнѣ естественнаго стремленія къ лучшему, сталкивается со свойственнымъ человѣку консерватизмомъ, какъ результатомъ неизбѣжнаго процесса приспособленія къ окружающей средѣ. Стремленіе къ общеизвѣстности права, къ опредѣленности правоваго порядка заставляетъ желать кодификаціи. Это желаніе должно быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ несовершеннѣе система дѣйствующихъ нормъ, чѣмъ труднѣе судамъ, вслѣдствіе низкаго уровня юридическаго образованія, обходиться безъ вполнѣ опредѣленныхъ и ясныхъ законовъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ серьезнѣе недостатки дѣйствующей системы права и чѣмъ болѣе, поэтому, кодификація должна повлечь за собою радикальную ломку существующаго, тѣмъ она опаснѣе и труднѣе, чѣмъ ничтожнѣе уровень юридическихъ знаній, тѣмъ менѣе шансовъ на удачное ея выполненіе.

Съ другой же стороны, стремленіе къ кодификаціи права, очевидно, должно возрастать по мѣрѣ того, какъ увеличиваются научныя силы страны. И если въ первомъ случаѣ низкій уровень юридическаго образованія до крайности затрудняетъ осуществленіе задачъ кодификаціи, хотя бы и въ самомъ несовершенномъ видѣ, то во второмъ богатство ученыхъ силъ также вызываетъ затрудненія: законодательные проекты встрѣчаютъ всестороннюю умѣлую критику, къ нимъ предъявляются чрезмѣрныя требованія, поддерживаемыя сознаніемъ возможности обойтись безъ помощи законодателя при посредствѣ научной разработки права. Такимъ образомъ, стремленіе къ кодификаціи права было въ одинаковой мѣрѣ сильно въ Россіи и въ эпоху Петра В. и напр. въ Германіи въ теченіе XIX ст., несмотря на все несходство этихъ столь различныхъ странъ и эпохъ. Вотъ почему при всякихъ усло-

віяхъ вопросы кодификаціи возбуждаютъ самыя разнородныя мнѣнія, служатъ предметомъ самыхъ страстныхъ споровъ.

Едва-ли не самой трудной и спорной областью кодификаціи является кодификація гражданскаго права. Въ сферѣ публичнаго права отношенія нормируются преимущественно законодательною властью, нормы отличаются большею извѣстностью; вопросъ идетъ здѣсь главнымъ образомъ о сведеніи всего этого матеріала въ одно стройное цѣлое, и поэтому кодификація представляется дѣломъ болѣе легкимъ. Напротивъ, въ области гражданскаго права предоставленъ широкій просторъ частной иниціативѣ, многія отношенія регулируются исключительно обычаемъ, законы по большей части не имѣютъ безусловнаго характера, соглашеніе сторонъ можетъ устранить ихъ примѣненіе. Такимъ образомъ, въ этой сферѣ отношеній легче обойтись безъ законодателя, здѣсь обычному праву принадлежитъ несомнѣнно огромное вліяніе и поэтому кодификація гражданскаго права представляетъ весьма серьезныя опасности, грозя подавить уже сложившіяся нормы обычнаго права, вторгнуться въ сферу личной иниціативы индивида, подорвать самые источники дальнѣйшаго нормальнаго правоваго развитія. И если все это заставляетъ съ особой осторожностью относиться къ кодификаціи гражданскаго права, то, съ другой стороны, необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что серьезныя причины заставляютъ стремиться къ ней. Сфера вмѣшательства законодателя въ частно-правныя отношенія, подъ вліяніемъ все расширяющихся его задачъ въ области соціальной политики, становится все болѣе значительной. Законы гражданскіе, сложившіеся среди давно отжившихъ экономическихъ и обще-культурныхъ условій, все болѣе и болѣе старѣютъ, разладъ между требованіями жизни и существующими кодексами становится все болѣе сильнымъ, и судебная практика, несмотря на широкій просторъ, предоставляемый ея творческой дѣятельности, оказывается не въ состояніи заполнить этотъ пробѣлъ, не подрывая въ основѣ принципа законности, безъ котораго немыслимо нормальное развитіе права. Все болѣе и болѣе тѣсное единеніе разнообразныхъ слоевъ населенія заставляетъ стремиться отъ партикуляризмовъ къ общему праву путемъ кодификаціи. Наконецъ, стремленіе это поддерживается тѣмъ, что имущественныя отношенія, составляющія главное содержаніе гражданскаго права, слагаются во всѣхъ культурныхъ странахъ въ болѣе или менѣе одинаковыя формы, вслѣдствіе чего задачи законодателя здѣсь становятся болѣе или менѣе схожими, и является возможность заимствованія безъ вреда для дѣла.

Все это достаточно объясняетъ, почему рядомъ съ рѣшительными противниками кодификаціи въ области гражданскаго права мы встрѣчаемъ не менѣе горячихъ ея защитниковъ. Каждый новый примѣръ кодификаціи этого права увеличиваетъ число ея сторонниковъ въ другихъ странахъ, не только въ силу естественнаго чувства національнаго соревнованія, но и потому, что этимъ значительно облегчается трудъ кодификаціи. Поэтому и завершенное въ Германіи составленіе гражданскаго уложенія, почти столѣтіе составлявшее предметъ страстнаго желанія однихъ, ожесточенныхъ нападокъ другихъ, должно несомнѣнно отразиться и у насъ увеличеніемъ числа сторонниковъ новаго гражданскаго уложенія.

Но и вообще возможны-ли у насъ серьезныя сомнѣнія въ необходимости новаго уложенія въ виду общепризнанныхъ недостатковъ X т.? Въ самомъ дѣлѣ, согласно плану, положенному въ основу Свода Законовъ, X томъ имѣлъ лишь цѣлью привести въ извѣстность, изложить въ нѣкоторой системѣ дѣйствующіе законы, безъ всякаго ихъ измѣненія. По мысли Сперанскаго, Сводъ являлся лишь первой стадіей въ процессѣ выработки русскаго гражданскаго уложенія. И если уже въ 1832 г. X т. признавался въ такой мѣрѣ неудовлетворяющимъ потребностямъ русской жизни, что ему предназначалась лишь временная роль—переходнаго фазиса на пути къ созданію настоящаго уложенія, то едва-ли необходимо еще доказывать, что въ настоящее время, такъ неизмѣримо далеко ушедшее отъ эпохи Сперанскаго во всѣхъ областяхъ жизни и особенно въ сферѣ экономическихъ отношеній, этотъ томъ Свода является анахронизмомъ, совершенно несоотвѣтствующимъ современнымъ потребностямъ, къ которымъ онъ не можетъ быть приспособленъ даже и помощью самой искусной и смѣлой судебной интерпретаціи. Онъ обладаетъ почти всѣми недостатками, какими можетъ обладать гражданское уложеніе, и представляетъ, поэтому, одинъ изъ лучшихъ примѣровъ для нагляднаго выясненія того, какъ не слѣдуетъ его писать.

Итакъ, необходимость реформы въ области гражданскаго права, настоятельность ея не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Но какъ разрѣшить эту задачу? Возможны два пути:—постепенная разработка отдѣльныхъ частей гражданскаго права, которыя наиболѣе нуждаются въ реформированіи и реформа которыхъ, по условіямъ времени, представляется болѣе осуществимой, или же замѣна всѣхъ старыхъ законовъ однимъ новымъ уложеніемъ. Каждый изъ этихъ путей имѣетъ свои преимущества и свои неудобства. Въ виду общепризнанныхъ основныхъ недостатковъ X т., единственно правильный путь, казалось бы, составленіе новаго гражданскаго уложенія. Къ тому же и споръ относительно выбора пути, повидимому, устраненъ: реформа нашихъ гражданскихъ законовъ возложена на особую редакціонную комиссію, которая занята составленіемъ проекта гражданскаго уложенія, и эта комиссія приняла на себя обязанность къ 1-му

января 1902 г. закончить составленіе проекта. Такимъ образомъ, мы, какъ будто, наканунѣ новаго гражданскаго уложенія. Но уже не впервые переживаемъ мы этотъ канунъ. Когда въ 1700 г. Петръ I задумалъ кодификацію нашего права и поручилъ это дѣло комиссіи, она тоже думала, что мы находимся наканунѣ реформы и заготовила манифестъ, который возвѣщалъ изданіе новаго уложенія. Трудамъ этой комиссіи, однако, не было суждено появиться въ печати. И все же когда въ 1719 г. Петръ вновь возвращается къ проекту кодификаціи нашего права, онъ все такъ же вѣритъ въ легкую осуществимость этого дѣла и даетъ годичный срокъ для его выполненія, угрожая въ противномъ случаѣ наказаніемъ.

Правда, послѣдующія законодательныя комиссіи уже не отличались такой наивной вѣрой въ быстрое окончаніе своихъ работъ. Почти два столѣтія отдѣляютъ насъ отъ Петровской эпохи, и они прошли для насъ не безслѣдно; но все же мы и до сихъ поръ слишкомъ легко относимся къ этому вопросу, недостаточно оцѣниваемъ тѣ трудности, съ которыми связано дѣло кодификаціи русскаго гражданскаго права. Между тѣмъ, чтобы наглядно убѣдиться въ размѣрахъ этихъ трудностей, достаточно обратиться къ исторіи попытокъ реформированія отдѣльныхъ, сравнительно незначительныхъ, областей частнаго права, напр. вексельнаго и акціонернаго. Во всей области частнаго права едва ли найдется много отдѣловъ, реформа которыхъ была бы, если не болѣе необходима и своевременна,—потому что въ этомъ отношеніи выборъ довольно затруднителенъ,—но болѣе возможна; здѣсь заимствованіе изъ иностранныхъ законодательствъ не только вполнѣ умѣстно, но и неизбѣжно, и эти вопросы на западѣ разработаны съ чрезвычайной полнотой и обстоятельностью. Приступая къ реформамъ въ этихъ областяхъ, правительство было всегда твердо убѣждено, что реформа будетъ проведена въ ближайшемъ будущемъ, что это дѣло одного, много—двухъ лѣтъ, а въ дѣйствительности все дѣло въ концѣ-концовъ сдавалось въ архивъ. И затѣмъ, чрезъ десять, двадцать лѣтъ тотъ же вопросъ вновь выдвигался въ правительственныхъ сферахъ все съ той же непоколебимой вѣрой въ возможность скораго осуществленія реформы. Это—ошибка вполнѣ естественная, она обусловливается излишнею вѣрою отдѣльнаго человѣка въ значеніе его личной дѣятельности, въ возможность существеннаго вліянія на ходъ историческихъ событій. Не только у насъ, но и въ Германіи какъ въ правительственныхъ, такъ и въ ученыхъ сферахъ въ одинаковой мѣрѣ заблуждались относительно степени близости окончанія кодификаціонныхъ работъ, которыя затянулись далеко за предѣльный срокъ, первоначально установленный для ихъ завершенія. Вотъ почему и теперь, несмотря на обѣщанное окончаніе работъ къ 1-му января 1902 г., намъ кажется, что вопросъ о кодификаціи нашего гражданскаго права еще не исчерпанъ и предсказывать съ увѣренностью даже приблизительно, когда работа эта дѣйствительно будетъ приведена къ концу — представляется преждевременнымъ. Очень возможно, что комиссія закончитъ свои работы къ указанному ей сроку, но это нисколько не предрѣшаетъ судьбу проекта, который будетъ ею выработанъ. Мы думаемъ также, что нельзя еще съ увѣренностью предсказать, какимъ путемъ будетъ выполнена кодификація, не обратится-ли законодатель къ реформированію путемъ отдѣльныхъ новеллъ, которыя, удовлетворяя наиболѣе неотложнымъ потребностямъ въ преобразованіяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ подготовятъ почву для болѣе совершеннаго новаго гражданскаго уложенія. Такой путь, какъ уже замѣчено выше, представляетъ свои неудобства. Главное заключается въ томъ, что крайне трудно согласовать новый законъ съ дѣйствующимъ уложеніемъ. Для этого часто приходится суживать реформу въ большей мѣрѣ, чѣмъ это желательно, и все же легко можетъ возникнуть коллизія новаго закона со многими старыми постановленіями, упущенными изъ виду при разработкѣ новаго закона. Но потребность въ цѣломъ рядѣ реформъ въ области частнаго права такъ настоятельна, а созданіе новаго уложенія столь грандіозная и трудно выполнимая работа, что едва-ли не раціональнѣе, не увлекаясь мечтами объ окончаніи ея въ ближайшемъ будущемъ, дать рядъ наиболѣе необходимыхъ новеллъ. Насколько такой путь вызывается неотложными потребностями, видно изъ того, что законодательство, хотя и нерѣшительно, но все же дѣлаетъ попытки вступленія на этотъ путь. Такъ, укажемъ на законы объ узаконеніи и усыновленіи, на внесенные въ Государственный Совѣтъ законопроекты о разрѣшеніи супругамъ раздѣльнаго жительства, объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей. Къ 1 января 1899 г. вносится проектъ объ авторскомъ правѣ, разсмотрѣніе котораго комиссіей уже закончено. Сюда же должны быть отнесены законопроекты вексельнаго права, акціонерныхъ компаній. Конечно, разработка этихъ отдѣльныхъ законовъ сильно замедляетъ дѣло созданія новаго уложенія, но за то теперь же вноситъ рядъ существенныхъ улучшеній въ нашу жизнь и облегчаетъ переходъ впослѣдствіи къ новому уложенію.

Такъ или иначе, труды редакціонной комиссіи, несущей тяжелый трудъ разработки всѣхъ вопросовъ обширной области частнаго права съ цѣлью созданія новаго уложенія, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ и полнаго вниманія и полнаго сочувствія. Удастся-ли комиссіи разрѣшить поставленную предъ ней задачу, или нѣтъ, трудъ ея, несомнѣнно, значительно подвинетъ впередъ подготовку новаго гражданскаго уложенія. Многое въ этомъ отношеніи уже сдѣлано

ею. Кромѣ вышеуказанныхъ проектовъ [1]), представляющихъ огромный шагъ впередъ сравнительно съ дѣйствующимъ правомъ, редакціонной комиссіей выработана окончательная редакція проектовъ учрежденія вотчинныхъ установленій, вотчиннаго устава, правилъ объ обезпеченіи недвижимымъ имѣніемъ договоровъ съ казной и съ кредитными установленіями, и положеніе о порядкѣ взысканія съ недвижимыхъ имѣній, находящихся въ мѣстностяхъ, гдѣ введенъ въ дѣйствіе вотчинный уставъ, съ объяснительными записками ко всѣмъ этимъ проектамъ. Перечисленные проекты были уже разосланы всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, отзывы которыхъ было желательно имѣть въ виду, и доставленныя замѣчанія приведены въ систему. Въ такомъ же положеніи находится и проектъ опекунскій. Засимъ, какъ мы слышали, составлены проекты почти всѣхъ частей обяз. права, долженствующіе войти въ будущее гражданское уложеніе, съ объяснительными къ нимъ записками. Эти проекты, очевидно, потребовали обширныхъ подготовительныхъ работъ, изъ коихъ отмѣтимъ составившій три тома сборникъ гражданскихъ законовъ, разсѣянныхъ по всему своду законовъ, систематическіе указатели литературы по гражданскому праву и по вопросамъ судопроизводства, цѣлый рядъ переводовъ иностранныхъ гражданскихъ уложеній и т. д.

Такимъ образомъ, огромный трудъ, несомнѣнно подготовляющій и облегчающій возможность кодификаціи гражданскаго права, выполненъ; многое комиссія обѣщаетъ и несомнѣнно выполнитъ въ ближайшемъ будущемъ. Будетъ-ли ей суждено завершить свое трудное дѣло, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ работа ея не пропадетъ безслѣдно—она ляжетъ въ основу всѣхъ нашихъ послѣдующихъ законодательныхъ работъ въ области гражданскаго права, она окажетъ вліяніе и на наши научныя работы въ этой области, если только работы эти возможно скорѣй будутъ преданы широкой гласности и подвергнутся научной критикѣ. Правда, у насъ охотнѣе бранятъ, чѣмъ критикуютъ. Это естественно: наши научныя силы въ области юриспруденціи такъ незначительны, люди практики обыкновенно такъ далеки отъ теоріи, что трудно разсчитывать на многочисленныхъ серьезныхъ критиковъ. Но тѣмъ болѣе необходимо дорожить критикой, тѣмъ болѣе необходимо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы своевременно ее вызвать. Возможно скорое напечатаніе всѣхъ трудовъ комиссіи вызывается серьезными интересами самаго дѣла, которому она служитъ.

Результаты этихъ трудовъ—вопросъ будущаго, а жизнь не ждетъ. Одна возможность замѣны X т. новымъ уложеніемъ должна поддержать энергію тѣхъ, силы которыхъ направлены на разработку и примѣненіе дѣйствующаго права. Чѣмъ хуже это право, тѣмъ больше нужно искусства и умѣнья для разумнаго его примѣненія, тѣмъ болѣе тяжелы задачи научной разработки права, тѣмъ болѣе необходимо привлеченіе къ этой работѣ возможно большаго числа преданныхъ дѣлу и способныхъ работниковъ. А между тѣмъ какъ мало, какъ страшно мало сдѣлано у насъ въ этомъ направленіи. Даже наша кассаціонная практика, которая несомнѣнно внесла много новаго въ наше гражданское право сравнительно съ X т., въ сущности вовсе не изучена, если подъ этимъ разумѣть не извлеченіе изъ отдѣльныхъ рѣшеній тезисовъ, а критическую ихъ оцѣнку, сопоставленіе между собой и возведеніе къ общимъ руководящимъ началамъ. Безъ такого изученія нашей кассаціонной практики юридическій анализъ и юридическое творчество замѣняются при примѣненіи права въ судахъ механическимъ трудомъ отыскиванія необходимаго тезиса въ многочисленныхъ извлеченіяхъ изъ кассаціонной практики. И эта практика Сената, благодаря ничтожной научной разработанности ея, легко теряется въ противорѣчіяхъ, не всегда остается на высотѣ инстанціи, наблюдающей за примѣненіемъ закона, а не за правильностью рѣшенія дѣлъ, раскрывающей право, а не охраняющей справедливость. Охрана справедливости, защита правды — это важнѣйшія задачи суда, но на стражѣ этихъ благъ не поставленъ законодателемъ Правительствующій Сенатъ, для этого даны иныя гарантіи.

На долю современнаго русскаго цивилиста выпадаетъ, такимъ образомъ, неблагодарный трудъ изучать и примѣнять право устарѣлое, полное разнообразныхъ недостатковъ, обреченное на замѣну новымъ правомъ. Въ ожиданіи этой замѣны, быть можетъ не столь близкой, какъ это кажется многимъ и какъ было бы желательно, необходимо удовлетворять потребностямъ жизни при помощи всѣми справедливо критикуемыхъ дѣйствующихъ законовъ. Предъ цивилистомъ трудная задача—раскрывать въ существѣ возникающихъ отношеній дѣйствительныя правовыя начала, не противорѣчащія велѣніямъ закона,—примѣнять ихъ къ жизни, не расшатывая чувства законности. Не субъективное чувство справедливости, легко обращающееся въ благоусмотрѣніе, въ произволъ, необходимо ставить на мѣсто отживающихъ свой вѣкъ статей закона, но въ самой жизни надо отыскивать тѣ нормы, которыя наиболѣе отвѣчаютъ ея потребностямъ и примѣнять ихъ, не искажая, но примиряя ихъ съ закономъ. Въ этой дѣятельности юристъ идетъ на встрѣчу будущему кодификатору, приготовляетъ почву, создаетъ матеріалъ для реформы.

А. Камынка.

---

[1]) Въ ближайшемъ будущемъ на страницахъ «Права» этимъ законопроектамъ будутъ посвящены отдѣльныя статьи.

„Полицейское“ право.

Одна изъ статей предыдущаго, 2-го №„Права“ посвящена весьма важному вопросу о юридической разработкѣ административнаго права и о наукѣ т. н. „полицейскаго права“ *).

Всякій юристъ, сознающій значеніе юридическаго принципа, начала законности, не можетъ не согласиться съ тѣмъ защищаемымъ въ этой статьѣ требованіемъ, чтобы изученіе и разработка такъ называемаго полицейскаго (административнаго) права была поставлена на юридическую почву. Наука полицейскаго права въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь преподается въ нашихъ университетахъ, не соотвѣтствуетъ задачамъ юридическаго образованія и требованію проведенія въ жизнь и укрѣпленія начала законности. Она представляетъ какое-то mixtum compositum разнородныхъ свѣдѣній и соображеній, безъ яснаго и точнаго опредѣленія предмета и границъ, безъ единства и опредѣленности предмета и научнаго метода, какую-то смѣсь, въ которой во всякомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи объ удовлетворительной разработкѣ и изложеніи административнаго *права*, какъ такового, въ надлежащей системѣ, съ чистымъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ *юридическаго* метода.

Именно въ той области, въ которой особенно хромаетъ правовое начало, и на которую поэтому юриспруденціи слѣдовало бы обратить особое вниманіе, не замѣчается надлежащей дѣятельности научно-юридической мысли, не сообщается будущимъ исполнителямъ закона истинно юридическаго образованія и привычки относиться къ данной области права, какъ того требуетъ существо и задача *права*; здѣсь нѣтъ не только логически послѣдовательнаго и систематическаго творческаго развитія науки, но даже и приведенія въ извѣстность и систематизаціи существующаго сырого матеріала законовъ и юридическихъ обычаевъ практики.

Эта болѣзнь въ системѣ юридическаго преподаванія и въ работѣ юриспруденціи вообще должна быть устранена, и вредный пробѣлъ долженъ быть заполненъ установленіемъ юридической дисциплины—*догматики* административнаго права. Эту дисциплину, т. е. *догму* данной области права имѣетъ, очевидно, въ виду и авторъ упомянутой статьи, говоря о замѣнѣ науки полицейскаго права наукою административнаго права, и въ этомъ смыслѣ его взгляды вполнѣ соотвѣтствуютъ задачамъ юриспруденціи и тому прекрасному лозунгу и знамени—„Право“, подъ которымъ его статья появилась въ свѣтъ.

Но, съ другой стороны, отсюда вовсе не вытекаетъ, чтобы слѣдовало желать простой замѣны теперешней науки полицейскаго права наукой административнаго права въ смыслѣ *догмы* его. Это означало бы „выбросить дитя изъ ванны вмѣстѣ съ водою“, какъ говорятъ нѣмцы.

То, что мы имѣемъ здѣсь въ виду, мы можемъ выразить словами программы „Права“ (№ 1, стр. 8):

„Для того, чтобы судьи и администраторы... могли объективно примѣнять законъ, послѣдній долженъ быть непрерывно приспособляемъ законодателемъ къ матеріальнымъ и духовнымъ условіямъ текущей юридической жизни. Признавая безусловную необходимость законности, тѣмъ самымъ мы признаемъ безусловную необходимость законодательныхъ реформъ. Поэтому, на ряду съ догматической разработкой и анализомъ дѣйствующаго права, въ программу нашей газеты необходимо входятъ вопросы законодательной политики“...

Примѣняя mutatis mutandis эту мысль къ вопросу о томъ, чѣмъ слѣдуетъ замѣнить теперешніе пріемы изученія и преподаванія „полицейскаго права“, мы должны послѣдовательно отвѣтить: теперешняя научная или ненаучная смѣсь, именуемая „полицейскимъ правомъ“, должна быть замѣнена двумя науками: 1) наукою догмы и 2) наукою политики административнаго права.

Авторъ упомянутой статьи видитъ въ справедливо отвергаемой имъ наукѣ полицейскаго права изложеніе преимущественно разныхъ практическихъ и техническихъ свѣдѣній съ добавленіемъ отрывочныхъ юридическихъ сообщеній и, подобно тому, какъ не мѣсто въ сводѣ законовъ техническимъ поученіямъ въ родѣ: „Вырубка въ одномъ году ближнихъ и дальнихъ подраздѣленій лѣсосѣкъ есть самое необходимое условіе добраго лѣсного хозяйства“.., такъ и предлагаемая имъ на мѣсто теперешняго полицейскаго права наука должна предоставить разрѣшеніе вопросовъ „техническихъ—технику“, а юристы должны посвятить себя исключительно разрѣшенію юридическихъ вопросовъ.

Но если бы дѣло шло о дилеммѣ, подлежатъ-ли вѣдѣнію полицеиста и вопросы техническіе въ тѣсномъ смыслѣ, или же только вопросы юридическіе,—то никакого сомнѣнія и быть не могло бы. Если и поскольку теперь полицеисты занимаются и вопросами техники, въ тѣсномъ смыслѣ, то это, конечно, плодъ недоразумѣнія и притомъ довольно элементарнаго свойства. Эти вопросы не только не относятся къ тому спеціальному виду общественныхъ наукъ, который именуется юридическими, но они и не относятся къ наукамъ общественнымъ вообще. Даже и экономистъ, который бы счелъ эти вопросы относящимися къ вѣдѣнію своей науки и сталъ бы въ ученіи о производствѣ излагать наилучшіе техническіе пріемы производства лѣсныхъ продуктовъ, огражденія полей отъ вредныхъ животныхъ и т. п., обнаружилъ бы непониманіе существа своей науки и наукъ общественныхъ вообще, неумѣніе отличать во-

*) Н. Лазаревскій. Административное право.

просы общественно-экономическіе отъ вопросовъ техническихъ.

Но такой исчерпывающей дилеммы (1. юридическіе вопросы, 2. техническіе вопросы въ тѣсномъ смыслѣ) нѣтъ. Теперешняя наука полицейскаго права, при всѣхъ ея несомнѣнныхъ недостатках, обладаетъ тѣмъ достоинствомъ, что она заключаетъ въ себѣ и зачатки науки политики административнаго права, обсуждаетъ и вопросы политики права. И вотъ достойно было бы сожалѣнія, если бы эта полезная сторона ея теперешней дѣятельности была просто кассирована.

Напротивъ, ее слѣдуетъ укрѣпить, упорядочить и развить, создавъ изъ нея самостоятельную науку съ единымъ предметомъ, единою задачею, присущими этой задачѣ системою и методомъ—науку политики административнаго права*).

Въ отличіе отъ догмы административнаго права, изучающей и систематически излагающей содержаніе относящихся къ данной области нормъ дѣйствующаго права, политика административнаго права имѣетъ своимъ предметомъ изученіе задачъ законодательства, относящагося до внутренняго управленія и средствъ ихъ достиженія.

О вопросахъ политики права, законодательныхъ нельзя сказать, какъ о вопросахъ техническихъ, что они не относятся къ вѣдѣнію науки права, что послѣдняя должна предоставить ихъ рѣшеніе техникамъ.

Напротивъ, эти вопросы и задачи существенно отличны отъ вопросовъ техническихъ въ тѣсномъ смыслѣ, хотя политикѣ права и законодателю (какъ подчасъ и административному, уголовному или гражданскому суду) иногда приходится принимать во вниманіе указанія техники въ тѣсномъ смыслѣ, и привлеченіе представителей техники къ участію въ обсужденіи вопросовъ политики права, въ выработкѣ и критикѣ законопроектовъ и т. п. иногда можетъ оказаться полезнымъ или даже необходимымъ.

Техникъ имѣетъ дѣло съ силами природы и соотвѣтственными матеріальными средствами и пріемами обращенія этихъ силъ на служеніе человѣку; политика права имѣетъ дѣло съ человѣческою психикою и средствами психическаго воздѣйствія для достиженія желательнаго индивидуальнаго и общественнаго поведенія и желательнаго развитія самой же индивидуальной и общественной психики (культуры). Средствами этими являются нормы права, т. е. явленія, изучаемыя не технологіей, а наукой о правѣ.

Вопросъ о лучшихъ пріемахъ насажденія лѣса, охраненія его отъ вредныхъ насѣкомыхъ и раздѣленія на лѣсосѣки есть вопросъ, не относящійся къ наукѣ права, но уже вопросъ о раціональномъ лѣсномъ законодательствѣ, хотя онъ и особенно близко соприкасается съ техникою, есть тѣмъ не менѣе существенно отличный отъ перваго вопросъ,—вопросъ политики права; успѣшное рѣшеніе его предполагаетъ знакомство съ существомъ и дѣйствіемъ нормъ права, съ общими спеціальными задачами права и государства, условіями и пріемами успѣшнаго ихъ рѣшенія путемъ правовой нормировки поведенія органовъ власти и частныхъ лицъ.

Ограниченность мѣста не позволяетъ намъ входить въ подробное изложеніе существа и метода науки политики права и отношенія ея къ другимъ наукамъ, а равно ея важности и цѣнности для успѣшнаго развитія и разумнаго примѣненія права *), но нельзя здѣсь не отмѣтить того обстоятельства, что въ области административнаго права существуютъ *особыя, спеціальныя* причины и основанія настоятельной необходимости развитія и укрѣпленія соотвѣтственной отрасли науки правовой политики.

Въ другихъ отдѣлахъ права существуютъ такіе факторы, отсутствующіе въ отдѣлѣ административнаго права, которые до извѣстной степени замѣняютъ свѣтъ и руководство науки правовой политики какъ въ области созданія новаго права, такъ и въ области примѣненія существующаго, такъ что обѣ эти правовыя функціи могутъ, если и не вполнѣ удовлетворительно, то по крайней мѣрѣ и не особенно безобразно осуществляться безъ просвѣщеннаго руководства политики права, ея научнаго мышленія и изслѣдованія.

Такъ, въ области уголовнаго права развитіе позитивнаго законодательства въ значительной степени опредѣляется и направляется интуитивнымъ правомъ, непосредственно данными правовыми убѣжденіями относительно преступности извѣстныхъ дѣяній и кары, которой они „заслуживаютъ“. По причинамъ, изложеніе которыхъ здѣсь потребовало бы слишкомъ много мѣста, сознательная политика права съ одной стороны, встрѣчаетъ въ этой области особыя затрудненія методологическаго свойства, съ другой же, весьма важное и въ общемъ благопріятное руководящее значеніе имѣетъ безсознательное, инстинктивное чутье справедливости. Лишь нѣкоторыя, сравнительно небольшія части уголовнаго права лишены этого суррогата сознательной политики права. Но и здѣсь законодатель можетъ до извѣстной степени пользоваться другимъ ея суррогатомъ—заимствова-

---

*) Для сокращенія термина можно предпочесть условное названіе „административная политика“ (имѣющее, впрочемъ, свои неудобства).

*) Намѣченныя въ текстѣ положенія обстоятельнѣе развиваются въ разныхъ направленіяхъ и обосновываются въ раньше изданныхъ трудахъ автора сей статьи, впервые въ соч. «Lehre vom Einkommen» (въ томѣ первомъ, 1893 г., стр. 327 и въ томѣ второмъ 1895 г, стр. 437—628). О психологической почвѣ и природѣ политики права, См. соч. „Акціонерная компанія“. 1898 г.

ніемъ соотвѣтственныхъ положеній и учрежденій изъ чужихъ кодексовъ, которые по какимъ бы то ни было причинамъ достигли уровня достойныхъ подражанія образцовъ. Первымъ суррогатомъ научной политики права можно въ значительной степени пользоваться въ особенной части, вторымъ при составленіи общей части національнаго уголовнаго кодекса.

Подобные суррогаты сознательной и раціональной политики права имѣются и въ области гражданскаго законодательства. Читая мотивы гражданскихъ кодексовъ, въ томъ числѣ, напр., и новѣйшаго германскаго уложенія, не трудно убѣдиться, сколь малую роль до сихъ поръ играетъ здѣсь сознательное правно-политическое мышленіе (не говоря уже о истинной правно-политической научности соотвѣтственныхъ соображеній, поскольку они спорадически встрѣчаются). Рѣшительно преобладающее, почти исключительное значеніе имѣютъ здѣсь разные суррогаты научной политики права. По основному преобладающему своему составу и характеру упомянутый новѣйшій кодексъ этотъ является компиляціей; главнѣйшій оригиналъ для копированія — римское право. Поскольку же дѣло идетъ о самостоятельно составленныхъ положеніяхъ и соображеніяхъ, приводимыхъ для ихъ оправданія, то здѣсь подъ видомъ сознательныхъ разсужденій и соображеній скрывается главнымъ образомъ безсознательное, наивное правовое творчество, выраженіе интуитивныхъ правовыхъ убѣжденій, инстинктивнаго правоваго такта, чувства справедливости и т. п., причемъ очень часто нормы такого безсознательнаго происхожденія гораздо толковѣе тѣхъ „мотивовъ“, которыми ихъ законодательная комиссія подкрѣпляетъ *). Сказанное относится вообще къ развитію гражданскаго права въ новой Европѣ. И въ области другихъ новыхъ гражд. кодексовъ упомянутые суррогаты науки политики, а главнымъ образомъ болѣе или менѣе удачное копированіе великаго древняго образца—римскаго права, являлось замѣною научной цивильной политики, давало въ общемъ болѣе или менѣе сносное руководство въ области правосозданія. Мало того, въ области гражданскаго права можно до извѣстной степени довольствоваться суррогатомъ вообще всякой государственной дѣятельности на почвѣ политики права — допущеніемъ дѣйствія и развитія обычнаго права въ разныхъ его видахъ, въ томъ числѣ въ видѣ судебной практики. Сравнительно незначительною была роль законодательства, напр., въ развитіи древняго римскаго, изъ новыхъ—англійскаго гражд. права.

Мы отнюдь не желаемъ этимъ сказать, что-бы подобные суррогаты могли при теперешнемъ состояніи народной экономіи и культуры и вообще при современныхъ условіяхъ развитія права служить вполнѣ удовлетворительнымъ руководствомъ, дѣлающимъ научную работу политики права излишнею роскошью. Напротивъ, доказательству противнаго были посвящены упомянутые выше въ примѣч. литературные труды и будутъ посвящены будущіе. Мы только думаемъ, что эти суррогаты „съ бѣдой пополамъ“ замѣняютъ отсутствующую, къ сожалѣнію, *науку* политики гражданскаго законодательства, и утверждаемъ далѣе, что исключеніе правно-политическаго, сознательнаго мышленія и научнаго изслѣдованія въ области административнаго законодательства или замѣна его подобными суррогатами была бы уже не полу-бѣдою, а цѣлою бѣдою, или вообще невозможна.

Прежде всего, что касается возможности предоставленія не только исключительнаго, но и болѣе или менѣе широкаго поля развитію обычнаго права въ области административной дѣятельности органовъ управленія, особенно главной и преобладающей массы этихъ органовъ —нижнихъ и мелкихъ чиновъ, напр. урядниковъ, становыхъ и т. п., то достаточно понять этотъ вопросъ, чтобы сдѣлать излишнимъ отвѣтъ. Довольствоваться развитіемъ обожаемаго многими, особенно германистами, обычнаго права значило бы вообще слѣдовать принципу laisser faire, а въ области административнаго права такое бездѣйствіе со стороны законодателя теперь положительно немыслимо.

Но точно также не можетъ быть рѣчи о замѣнѣ сознательной политики права въ нашей области и другими, указанными по поводу уголовнаго и гражданскаго права суррогатами. Никакой ratio scripta и вѣчнаго источника для копированія, въ родѣ римскаго права, здѣсь нѣтъ, а равно и невозможно простое копированіе новыхъ иностранныхъ законодательствъ, ибо здѣсь дѣло не идетъ, какъ въ области многихъ положеній гражданскаго или уголовнаго права, о такихъ психическихъ условіяхъ и соотвѣтственныхъ средствахъ правового воздѣйствія, которыя коренятся въ болѣе или менѣе общихъ, „космополитическихъ“ чертахъ человѣческаго характера, и потому дѣлаетъ возможнымъ простое заимствованіе положеній иностранныхъ кодексовъ или даже рецепцію цѣлой системы права. Не даетъ здѣсь готоваго правильнаго рѣшенія и инстинктивное „правосознаніе“, нѣтъ готовой интуитивной нормы.

Какъ въ области техники строенія желѣзныхъ дорогъ и т. п. нѣтъ возможности руководствоваться инстинктивнымъ чутьемъ или копированіемъ, а необходимо сознательно руководствоваться данными и положеніями соотвѣтственной технической науки для сознательнаго же примѣненія ихъ къ мѣстнымъ условіямъ почвы и т. п., такъ и въ области администра-

*) Обоснованіе этихъ положеній и классификацій и критика разныхъ видовъ „мотивовъ“ кодификаціонной комиссіи находится въ Lehre v. Eink., главнымъ образомъ во второмъ томѣ, стр. 438 и сл., но и passim.

тивнаго законодательства, этой сложной и тонкой технической (въ общемъ смыслѣ этого слова) дѣятельности особаго рода, тоже требующей внимательнаго изслѣдованія и принятія во вниманіе разныхъ условій „почвы“, не можетъ быть и рѣчи о простомъ копированіи или о выработкѣ законопроектовъ по указаніямъ правовой интуиціи.

Отсутствіе школы и науки политики административнаго права означаетъ, такимъ образомъ, полное отсутствіе указателя и руководителя въ одномъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ, въ дѣлѣ правового устроенія и улучшенія внутренняго управленія государства. Правда, въ этой области, какъ и вообще въ области придумыванія и рекомендованія разныхъ реформъ и законодательныхъ мѣръ, весьма распространено воззрѣніе, будто здѣсь достаточно, такъ сказать, личной опытности, толковости, здраваго смысла и т. п. для того, чтобы понять и указать, въ чемъ нуждается общественный и государственный организмъ. Всякій понимаетъ, что безъ точнаго изученія данныхъ и положеній механики, электротехники, техники даннаго химическаго производства или т. п. онъ не можетъ выступать въ данной области съ проектами техническихъ реформъ и улучшеній. Но въ области предложенія реформъ и новыхъ законовъ всякій, кто себя считаетъ вообще „умнымъ“ и „образованнымъ“, приписываетъ себѣ возможность сужденія и указанія рецептовъ и „мѣръ“.

Здѣсь не мѣсто входить въ объясненіе психическихъ причинъ этого самообмана и не требуется, конечно, доказательства вреда этого явленія. Аномалія эта во всякомъ случаѣ есть фактъ весьма распространенный, если не общечеловѣческій. Уже древній мудрецъ—Сократъ его подмѣтилъ и постоянно возмущался по этому поводу. Что точное и глубокое изученіе медицины необходимо для успѣшнаго занятія лѣчебною практикою, это всякій знаетъ, а въ государственныхъ дѣлахъ наука, глубокое и точное изученіе дѣла считаются излишними.

Возвращаясь къ наукѣ политики административнаго права, мы утверждаемъ: уже по той причинѣ слѣдуетъ ожидать великой пользы отъ такой науки и ея преподаванія, что будущіе участники въ предложеніи административныхъ улучшеній и составители законопроектовъ по разнымъ вѣдомствамъ внутренняго управленія, научились бы понимать, что дѣло это весьма сложное и трудное, что тѣ или иные вопросы политики права, кажущіеся до научнаго ихъ изученія весьма простыми и легкими, несмотря на научную работу многихъ спеціалистовъ-мыслителей или именно вслѣдствіе такой коллективной методической работы мысли—оказываются столь сложными и трудными, а мѣра, съ перваго взгляда резонная, столь грубою и невѣжественною, что въ данной области требуется величайшая осторожность, чтобы не нанести серьезнаго ущерба общему благу.

Еще цѣннѣе, конечно, будутъ тѣ результаты защищаемой науки, которые не сводятся къ такому отрицательному и скептическому выводу, а являются положительными указаніями правильныхъ путей и пріемовъ частныхъ раціональныхъ мѣръ или общаго прогресса.

Изученіе же какъ тѣхъ, такъ и другихъ продуктовъ коллективной научной мысли, доводовъ pro и contra, пріемовъ изслѣдованія и аргументаціи, приводимыхъ историческихъ примѣровъ и иныхъ важныхъ въ данной области фактовъ etc. etc.—должно дать тотъ драгоцѣнный результатъ, что будущій дѣятель пройдетъ извѣстную *школу* работы и мышленія въ области обсужденія вопросовъ административнаго законодательства, пріобрѣтетъ болѣе или менѣе прочный навыкъ примѣнять правильные пріемы мышленія и изслѣдованія въ этой сложной и трудной области государственной дѣятельности.

Но если оставить въ сторонѣ область законодательной дѣятельности въ тѣсномъ смыслѣ и предварительныхъ стадій выработки законовъ, въ каковомъ дѣлѣ участвуютъ (и, слѣдовательно, нуждаются въ соотвѣтственномъ образованіи) сравнительно немногіе избранные, то, какъ мы намекнули уже выше, и въ области примѣненія дѣйствующаго положительнаго права существуютъ особыя основанія, вытекающія изъ особенностей природы самого административнаго права, желательности и даже необходимости свѣта и руководства со стороны науки политики административнаго права.

Дѣло въ томъ, что административное право даетъ обыкновенно не строго опредѣленное рѣшеніе предусматриваемыхъ имъ случаевъ и вопросовъ, а лишь болѣе или менѣе широкія рамки, въ предѣлахъ коихъ исполнитель закона можетъ и по праву обязанъ руководствоваться соображеніями конкретной цѣлесообразности, можетъ и обязанъ въ предѣлахъ этихъ рамокъ выступить, такъ сказать, въ роли политика. Иногда эти рамки столь обширны, что для нихъ составился въ наукѣ терминъ „дискреціонная власть“.

Положимъ, частая замѣна точно опредѣленныхъ рѣшеній указаніемъ рамокъ, въ предѣлахъ которыхъ исполнитель закона можетъ свободно двигаться, не представляетъ исключительной особенности административнаго права. То же явленіе замѣчается въ особенности въ уголовныхъ кодексахъ. Но есть и весьма существенное различіе. Мы имѣемъ въ виду не то великое начало уголовнаго права культурныхъ народовъ, которое выражается формулою nulla poena sine lege (точнѣе sine certa lege) и которое исключаетъ законную возможность и необходимость „политики“ и усмотрѣнія въ области рѣшенія вопроса о гипотезѣ примѣненія имѣющихся въ распоряженіи мѣръ, чего нѣтъ въ административномъ правѣ. Важнѣе здѣсь для насъ другое

обстоятельство. Въ томъ направленіи и въ той области, гдѣ примѣнителю уголовнаго закона предоставлена свобода выбора, это предоставленіе свободы отнюдь не имѣетъ смысла дозволенія и возложенія обязанности руководствоваться соображеніями цѣлесообразности, политики. Мѣра наказанія должна опредѣляться судьею по его интуитивно-правовому убѣжденію, по „справедливости“, т. е. по такимъ началамъ, которые техническою (въ общемъ смыслѣ) наукою—политикою права-не даются, которые присущи всѣмъ нормально воспитаннымъ людямъ, независимо отъ того, обучены-ли они наукѣ политики права или вообще какимъ-либо „наукамъ“, или нѣтъ. „Доброе и честное воспитаніе“ (хотя бы только въ крестьянской хатѣ) здѣсь можетъ замѣнить и даже, пожалуй, важнѣе, чѣмъ университетское образованіе при недостаточномъ этическомъ развитіи *).

Совсѣмъ иного рода тѣ соображенія, которыми обыкновенно могутъ и обязаны руководствоваться органы администраціи. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, quod rei publicae interest, о пониманіи общихъ и спеціальныхъ задачъ внутренняго государственнаго управленія и о выборѣ (поскольку законъ предоставляетъ выборъ) наилучшихъ средствъ для ихъ рѣшенія. Сколь цѣнна и необходима серьезнѣйшая научная подготовка въ этой области, какъ въ смыслѣ школы мышленія, такъ и положительныхъ научныхъ познаній! Мудрѣйшіе законы, направляющіе и регулирующіе внутреннее управленіе, самыя благія и дальновидныя начинанія высшихъ законодательныхъ сферъ потерпятъ на дѣлѣ фіаско, будутъ испорчены и искажены въ примѣненіи, а во всякомъ случаѣ не принесутъ и половины той пользы, которую бы они могли и должны были принести, если тѣ органы, которые призваны осуществлять эти законы, лишены свѣта правно-политическаго пониманія и образованія. Поэтому, если гдѣ государство заинтересовано въ существованіи и прочной постановкѣ преподаванія науки политики права, то именно и особенно въ области т. н. полицейскаго права.

Наука догмы административнаго права и ея преподаваніе въ школахъ государственныхъ и юридическихъ наукъ указанной важной задачи, конечно, рѣшить не можетъ; эта наука, можно сказать, тѣмъ менѣе можетъ рѣшить эту (чуждую ей) задачу, чѣмъ лучше она рѣшаетъ свою задачу, чѣмъ чище и правильнѣе ея юридическій методъ, чѣмъ правильнѣе ея, приспособленная къ ея спеціальнымъ задачамъ, система и т. д.

Резюмируя вышесказанное, мы полагаемъ:

1. Теперешняя смѣсь разнородныхъ разсужденій на разныя темы безъ опредѣленнаго единаго метода, безъ ясныхъ научныхъ рамокъ и границъ, называемая „полицейскимъ правомъ“, дѣйствительно должна быть исключена изъ университетскаго преподаванія.

2. Во имя священнаго принципа правового государства весьма желательно и даже необходимо внести въ планъ юридическаго преподаванія науку догмы положительнаго административнаго права. Это, конечно, не единственная, но тѣмъ не менѣе весьма важная мѣра для того, чтобы принципъ ст. 47 основныхъ законовъ (Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ) приблизился къ своему неуклонному осуществленію.

3. Въ интересахъ разумнаго прогресса права и раціональнаго, истинно политическаго управленія въ предѣлахъ широкихъ рамокъ административныхъ законовъ, весьма желательно успѣшное развитіе и прочная постановка преподаванія на ряду съ догмою административнаго права науки политики административнаго права.

Л. Петражицкій.

*) Конечно, научное юридическое образованіе тѣмъ не менѣе весьма важно для уголовнаго судьи по разнымъ другимъ причинамъ и для исполненія другихъ функцій, въ частности нахожденія и надлежащаго толкованія «приличнаго» случаю закона, юр. квалификаціи дѣянія и т. д., но здѣсь дѣло идетъ не о правно-политическихъ, а о чисто юридическихъ соображеніяхъ. Думаемъ, что замѣчанія въ текстѣ не возбудятъ недоразумѣній.

Проектъ устава о служебныхъ провинкостяхъ.

Необходимость выработки и правильной установки основаній, предѣловъ и порядка дисциплинарной отвѣтственности служащихъ сознавалась у насъ уже давно. При учрежденіи въ 1881 году комитета для составленія проекта новаго уголовнаго уложенія необходимость эта была признана Верховной Властью, и соотвѣтственно этому, въ числѣ предстоящихъ задачъ, указывалось и на составленіе особаго дисциплинарнаго устава, въ который должны были войти „тѣ изъ проступковъ по службѣ государственной и общественной, которые заключаются въ нарушеніи *исключительно* служебныхъ обязанностей и, по маловажности своей, не подлежатъ внесенію въ общее уложеніе“.

Здѣсь, стало быть, мы уже находимъ ту мысль, что служебныя правонарушенія распадаются на двѣ категоріи, вѣрнѣе сказать, представляютъ два концентрическихъ круга, изъ коихъ большій обнимаетъ собою *всѣ* служебныя провинности, или, какъ говоритъ объяснительная записка къ проекту уголовнаго уложенія, всякую формально или матеріально незакономѣрную дѣятельность по службѣ, а меньшій заключаетъ въ себѣ тѣ проявленія такой незакономѣрной дѣятельности, которыя представляются „немаловажными“. Центръ тяжести лежалъ, разумѣется, въ разрѣшеніи вопроса о томъ, какія именно провинности слѣдуетъ при-

знать немаловажными, долженствующими влечь за собою судебное разсмотрѣніе и уголовное наказаніе. Съ разрѣшеніемъ этого вопроса значительно облегчался и отвѣтъ на непосредственно примыкающій другой вопросъ: что слѣдуетъ считать дисциплинарнымъ нарушеніемъ?

Такимъ образомъ и по существу дѣла, и по формальному опредѣленію задачи составителей проекта уголовнаго уложенія, установленіе уголовно-наказуемыхъ служебныхъ правонарушеній, образующихъ одинъ изъ отдѣловъ новаго уложенія, должно было предшествовать выработкѣ дисциплинарнаго устава. Но обѣ работы, несомнѣнно, должны были быть согласованы между собою, исходить изъ одной и той же мысли, держаться одной и той же основной точки зрѣнія.

Такъ и случилось; и въ настоящее время, съ завершеніемъ работъ по проекту уголовнаго уложенія, послѣдній уже поступилъ на разсмотрѣніе особаго совѣщанія, образованнаго въ составѣ Государственнаго Совѣта. Дисциплинарный же уставъ, или, по терминологіи составителей, уставъ о служебныхъ провинностяхъ законченъ лишь въ первой редакціи,—ему предстоитъ прежде всего подвергнуться критикѣ вѣдомствъ, которыя всѣ безъ исключенія прямо заинтересованы въ томъ или иномъ рѣшеніи многочисленныхъ вопросовъ дисциплинарной отвѣтственности. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что ко времени окончанія разсмотрѣнія Государственнымъ Совѣтомъ проекта уложенія и проектъ дисциплинарнаго устава будетъ ему предлежать, какъ нѣчто готовое. Реформѣ уголовнаго законодательства будетъ сопутствовать другая реформа, менѣе широкая, не объемлющая всѣхъ слоевъ и классовъ населенія, но несомнѣнно крупная и затрогивающая множество интересовъ самыхъ разнообразныхъ. Не говоримъ уже о томъ, что по абсолютной своей новизнѣ у насъ дисциплинарный уставъ долженъ возбудить живѣйшее вниманіе. Если въ немъ можно найти нѣкоторыя точки соприкосновенія съ настоящимъ положеніемъ вещей, то, съ другой стороны, въ большинствѣ своихъ опредѣленій и, главное, въ руководящихъ принципахъ онъ представляется крупнымъ шагомъ впередъ. Не слѣдуетъ думать,—да оно и невозможно,—чтобы этотъ шагъ былъ послѣднимъ: въ самомъ проектѣ можно указать такія начала, дальнѣйшее развитіе которыхъ желательно въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, самое объединеніе и систематизація пестрыхъ и несогласованныхъ между собою постановленій дѣйствующаго права, принятіе и проведеніе въ сжатомъ кодексѣ той мысли, что служебная дѣятельность контролируется на основаніяхъ, имѣющихъ дѣйствительную опору въ законѣ, а не личнымъ произволомъ,—все это заслуживаетъ полнаго сочувствія.

Сказаннымъ оправдывается, по нашему мнѣнію, необходимость обратиться къ болѣе внимательному изслѣдованію проекта, имѣющему цѣлью, во-первыхъ, ознакомить ближайшимъ образомъ съ его содержаніемъ, во-вторыхъ намѣтить тѣ вопросы, разрѣшенные такъ или иначе проектомъ, по поводу которыхъ могутъ возникнуть сомнѣнія, и, наконецъ, въ-третьихъ, разсмотрѣть пробѣлы, допущенные мѣстами невольно, мѣстами сознательно. Несомнѣнно, что чуткое вниманіе, съ которымъ редакціонная комиссія отнеслась ко всѣмъ, безъ исключенія, отзывамъ и обществъ и частныхъ лицъ, критиковавшихъ проектъ уголовнаго уложенія,—даже къ тѣмъ, въ коихъ полное отсутствіе положительнаго элемента невольно вызывало въ память пословицу la critique est aisée mais l'art est difficile,—что вниманіе это есть послѣдствіе стремленія вызвать гласную оцѣнку, sine ira et studio,—болѣе плодотворную, когда она предшествуетъ осуществленію законопроекта, нежели когда она имѣетъ дѣло съ получившими уже законодательную санкцію и вступившими въ силу нормами. Мы и предполагаемъ въ нѣсколькихъ статьяхъ выполнить эту задачу, принимая во вниманіе, что проектъ устава о служебныхъ провинностяхъ уже до нѣкоторой степени сталъ достояніемъ гласности, но въ спеціальныхъ юридическихъ журналахъ, насколько намъ извѣстно, предметомъ подробнаго анализа еще не былъ. Обращаясь къ этому анализу, позволимъ себѣ ему предпослать нѣкоторыя общія соображенія, имѣющія прямое отношеніе къ вопросу и могущія служить тѣмъ фономъ, на которомъ болѣе ясно и рельефно будутъ выступать отдѣльныя черты, характеризующія внутреннее значеніе проектируемаго устава.

I.

Связывая съ нарушеніемъ тѣхъ или иныхъ нормъ нежелательныя и тягостныя послѣдствія, карательный законъ заключаетъ въ себѣ implicite признаніе значенія тѣхъ благъ, защитѣ которыхъ служатъ нарушенныя нормы. Онъ и существуетъ прежде всего ради этихъ благъ, являясь, конечно, далеко не единственнымъ, съ одной стороны, а съ другой—далеко не всегда успѣшнымъ средствомъ ихъ охраны. Не единственнымъ потому, что, не говоря уже о разнообразныхъ другихъ средствахъ, находящихся въ рукахъ государства, охрана осуществляется непосредственной дѣятельностью заботящейся о своихъ благахъ личности, и большая или меньшая обезпеченность этихъ благъ находится въ прямой зависимости отъ общаго состоянія культуры и цивилизаціи. Не всегда успѣшнымъ—ибо совершеннѣйшее карательное постановленіе предполагаетъ уже происшедшее посягательство, уже пострадавшее благо; возстановить это благо карательный законъ не можетъ. Но во всякомъ случаѣ уже одна угроза наказаніемъ, дѣйствуя на психическое настроеніе тѣхъ, къ кому

она обращена, какъ бы безсознательно и неопредѣленно она ни воспринималась, является—и это давно извѣстно—могущественнымъ факторомъ, удерживающимъ отъ посягательства на благо и, стало быть, косвенной его охраной. Такъ какъ исполненіе наказанія дорого обходится государству, и тѣмъ дороже, чѣмъ выше степень его развитія, то прежде, нежели обложить какое бы то ни было посягательство карой, приходится государству ставить себѣ вопросъ: стоитъ-ли данное благо охраны такимъ именно способомъ? Уравновѣшиваются ли полученными выгодами тѣ потери экономическія и нравственныя, съ которыми неизбѣжно сопряжено примѣненіе всякаго наказанія? Отвѣчая утвердительно на этотъ вопросъ, государство какъ бы выдѣляетъ извѣстный разрядъ благъ, признавая ихъ столь цѣнными, что допустимы матеріальныя и моральныя жертвы во имя ихъ неприкосновенности.

Это—первое значеніе карательныхъ законовъ, та ихъ сторона, которая въ особенности важна и необходима для обладателей благъ, будутъ-ли то частныя лица, общество или государство. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду и другую. Нельзя забывать, что установленіе карательнаго закона есть несомнѣнный актъ самоограниченія карательной власти, имѣющій то послѣдствіе, что произвольная и безформенная репрессія превращается въ закономѣрную, всегда доступную приблизительному опредѣленію въ мѣрѣ и совершенно точною—въ формѣ. Эта сторона, въ особенности, важна для тѣхъ лицъ, которымъ приходится на себѣ испытывать послѣдствія нарушенія ими закона. Изъ безправныхъ объектовъ они превращаются въ субъектовъ, могущихъ произнести путемъ обжалованія свое nec plus ultra, если къ нимъ кара примѣнена формально или матеріально неправильно. Разумѣется, отсюда далеко до парадоксальнаго выраженія Листа, что уголовное уложеніе есть magna charta libertatum для преступника. Какъ замѣтилъ по этому поводу съ присущей ему рѣзкостью Биндингъ, только государство, состоящее изъ преступниковъ, можетъ октроировать преступникамъ великую хартію вольностей. Но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что принципъ nulla poena sine lege poenali установленъ въ интересахъ личности, а не въ собственныхъ интересахъ государства, и что наказаніе, налагаемое помимо закона или безъ закона, будучи въ иныхъ случаяхъ, пожалуй, мягче того, которое устанавливается закономъ, принципіально говоря, безконечно тягостнѣе отзывается на положеніи личности. И въ томъ случаѣ, если бы мы дожили до утопіи и прекратились бы посягательства на чужія блага, уголовныя уложенія сохранили бы то значеніе, что ими опредѣляются предѣлы и условія осуществленія карательной власти государства.

Неправильно было бы, однако, думать, что уже самый фактъ занесенія карательныхъ опредѣленій на страницы уложенія служитъ вполнѣ совершенной гарантіей закономѣрности факта наложенія наказаній. Съ формальной точки зрѣнія можно, конечно, это утверждать. При ближайшемъ же разсмотрѣніи окажется, что по существу тутъ весьма значительную роль играетъ способъ обрисовки въ законѣ преступнаго дѣянія. Все техническое совершенство, къ которому стремятся при опредѣленіи состава преступнаго дѣянія, служитъ не только къ тому, чтобы это опредѣленіе охватило всѣ разнообразныя, какъ сама жизнь, формы, въ которыхъ проявляется извѣстное преступленіе, но чтобы *только* это преступленіе можно бы было подвести подъ данное опредѣленіе. Иначе, вѣдь, легко можетъ получиться тотъ же произволъ. Если характерныя черты опредѣленія расплывчаты и неясны, всегда окажется возможность подъ флагомъ этого опредѣленія провозить какой угодно товаръ. Тогда выйдетъ, что законъ отнимаетъ одной рукой тѣ гарантіи, какія онъ даетъ другою. Явленіе въ высшей степени нежелательное.

Приведенныя положенія примѣняются ко всѣмъ уголовнымъ законамъ, въ широкомъ смыслѣ слова. Возникаетъ вопросъ, сохраняютъ-ли они силу по отношенію къ тому типу, который носитъ названіе дисциплинарнаго закона, и, въ частности, закона, примѣняемаго къ служебнымъ провинностямъ?

Мы не станемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе сложнаго и породившаго много споровъ вопроса о различіи между неправдой уголовной и дисциплинарной, между существомъ отвѣтственности уголовной и дисциплинарной. Для нашей цѣли такое разсмотрѣніе и ненужно. Намъ достаточно констатировать, что на основаніи дисциплинарнаго закона нарушеніе служебнаго долга (всякая формально или матеріально незакономѣрная дѣятельность) сопровождается точно опредѣленнымъ карательнымъ послѣдствіемъ, налагаемымъ точно опредѣленными лицами или учрежденіями и въ точно опредѣленномъ порядкѣ. Изъ этого явствуетъ, что благодаря дисциплинарному закону правильное исполненіе служебнаго долга признается интересомъ, охраняемымъ подъ страхомъ наказанія. Другими словами, здѣсь, съ одной стороны, дается толчокъ къ закономѣрному отправленію служебныхъ обязанностей,—съ другой—выдвигается карательная угроза, чреватая тѣмъ же психическимъ воздѣйствіемъ, побуждающимъ удержаться отъ учиненія служебныхъ провинностей. Замѣтимъ, что, по мнѣнію Биндинга, дисциплинарныя наказанія налагаются прежде всего съ цѣлью удержать отъ будущихъ провинностей (ne peccetur), а не какъ послѣдствіе уже учиненныхъ (quia peccatum est). И это несомнѣнно такъ. Налагая извѣстное дисциплинарное взысканіе, государство не столько заботится о томъ, чтобы винов-

ный понесъ заслуженное имъ наказаніе, сколько о поддержаніи общаго порядка службы,—о томъ, чтобы не произошло соблазна. Оттого то здѣсь не имѣютъ никакого особеннаго вліянія ни оттѣнки внутренней виновности, ни мотивы, ни всякаго рода личныя условія, а пріобрѣтаютъ такое вліяніе внѣшнія послѣдствія дѣянія, большая или меньшая его вредность.

Такимъ образомъ, и примѣненіе уголовныхъ и примѣненіе дисциплинарныхъ каръ имѣютъ тоже значеніе по отношенію къ опредѣленному интересу: значеніе обстоятельства, выдѣляющаго этотъ интересъ, подчеркивающаго необходимость его охраны не только путемъ личныхъ усилій или общаго подъема культуры и цивилизаціи, но и путемъ тягостнаго воздѣйствія на правовую сферу нарушителя этого интереса.

Обратимся теперь къ другой сторонѣ—къ нарушителю. Заключаются ли для него въ законодательной нормировкѣ дисциплинарныхъ взысканій тѣ же гарантіи противъ произвола, которыя, какъ мы видѣли, создаются для обыкновеннаго преступника самоограниченіемъ карательной власти? Иначе говоря, можно ли сказать и относительно виновныхъ въ служебныхъ провинностяхъ, что установленіе на точныхъ законныхъ основаніяхъ условій, формъ и предѣловъ дисциплинарной отвѣтственности, отнимаетъ у дисциплинарной репрессіи характеръ безапелляціонной, неограниченной силы, распоряжающейся безправнымъ, беззащитнымъ объектомъ?

Утвердительный отвѣтъ дается самъ собою. Дисциплинарный уставъ, создаваемый для пользы государства, имѣющій цѣлью охрану интереса рачительнаго и неуклоннаго выполненія служебнаго долга, въ тоже самое время оказывается источникомъ вполнѣ опредѣленныхъ правъ, принадлежащихъ служащимъ. И по отношенію къ нимъ, въ области дисциплинарной отвѣтственности, выдвигается принципъ nulla poena sine lege poenali,—и только, какъ мы ниже увидимъ, въ способѣ опредѣленія состава отдѣльныхъ провинностей проявляются нѣкоторыя различія, вытекающія изъ началъ цѣлесообразности. Отвѣтственность дисциплинарная стремится стать отвѣтственностью законной, сперва по формѣ, а потомъ и по существу, т. е. сперва довольствуются установленіемъ въ законѣ ея внѣшняго порядка, а потомъ обращаются къ разработкѣ вопроса о свойствахъ дисциплинарной вины и ищутъ возможно точныхъ и наглядныхъ ея признаковъ. Листъ сказалъ бы, что дисциплинарный уставъ долженъ стать хартіей вольностей для служащихъ. Мы ограничимся скромнымъ пожеланіемъ, чтобы созданіе дисциплинарнаго устава способствовало закономѣрности не только въ исполненіи служащими ихъ долга, но и въ примѣненіи къ нимъ взысканій.

Въ преданіе отошли, конечно, времена, описанныя Гоголемъ, когда въ гражданской палатѣ властно раздавались слова: „на, перепиши! а не то—снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня шесть сутокъ, не ѣвши“. Но еще въ восьмидесятыхъ годахъ, давая очеркъ нашего законодательства объ отвѣтственности служащихъ, Градовскій писалъ, что оно представляетъ большія несовершенства, и что содержащіяся въ немъ постановленія обусловливаютъ значительную *личную* зависимость служащихъ отъ ихъ начальствъ и далеко переступаютъ за предѣлы требованій служебной дисциплины, не обезпечивая въ тоже время интересовъ службы, государства и общества. Дальнѣйшее изложеніе, надѣемся, покажетъ, что съ этой точки зрѣнія проектъ устава о служебныхъ провинностяхъ въ значительной степени измѣняетъ прежній порядокъ вещей, и что въ частности началу личной зависимости онъ противупоставляетъ довольно исключительные и существенные коррективы.

Влад. Набоковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Семья и ссылка.

Въ числѣ вопросовъ, которые въ послѣднее время особенно часто встрѣчаются въ юридической литературѣ, ссылка преступниковъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Лица, изучавшія этотъ вопросъ, раздѣляются на два противоположныхъ лагеря: одни утверждаютъ, что ссылка есть лучшее средство борьбы съ рецидивомъ; другіе, напротивъ, заявляютъ открыто, что это мѣра безполезная, которая, не достигая своей цѣли, требуетъ отъ государства громадныхъ расходовъ. Разрабатывая главный принципіальный вопросъ: быть или не быть ссылкѣ, изслѣдователи собрали довольно богатый матеріалъ, который даетъ возможность приступить къ разрѣшенію нѣкоторыхъ частностей.

Среди нихъ, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ особаго вниманія семейныя права каторжныхъ и ссыльныхъ.

Семьи ссыльныхъ необходимо разбить на двѣ категоріи: семьи отъ браковъ, заключенныхъ на родинѣ до привлеченія къ уголовному дѣлу, и семьи, образовавшіяся въ ссылкѣ.

Остановимся сначала на первыхъ.

Въ силу ст. 25 улож. наказ., осужденіе въ ссылку на поселеніе или въ каторжную работу имѣетъ своимъ послѣдствіемъ потерю прежнихъ правъ семейственныхъ. При вступленіи такого приговора въ законную силу права осужденнаго относительно членовъ семьи считаются прекращенными. Такое правило вполнѣ понятно, потому что лицо, признанное виновнымъ въ совершеніи крупнаго преступленія, должно быть оторвано отъ общества и лишено возможности брать съ собою въ ссылку жену и дѣтей, которыя невиновны предъ закономъ.

Изъ этого общаго правила есть, однако, исключеніе: права семейныя не прекращаются, если жена осужденнаго или мужъ осужденной добровольно послѣдовали за своими супругами въ Сибирь (ст. 26 улож. наказ.). Дальнѣйшее развитіе этого положенія мы находимъ въ статьяхъ 253—269 уст. о ссыльныхъ. Жены и дѣти старше 14 лѣтъ могутъ слѣдовать за мужьями, если пожелаютъ. Дѣти же моложе 14 лѣтъ обязательно идутъ съ семьей на поселеніе.

На нашъ взглядъ эти законоположенія нецѣлесообразны и несправедливы. Если ссылка и каторга считаются наказаніемъ, то они должны поражать только виновнаго. Между тѣмъ, изложенныя правила распространяютъ участь преступника на его жену и дѣтей. Намъ, быть можетъ, возразятъ, что семья идетъ за отцомъ добровольно и что, поэтому, она не можетъ жаловаться на свою судьбу. На это необходимо, однако, отвѣтить, что о доброй волѣ можно говорить только по отношенію къ матери, а не малолѣтнимъ дѣтямъ. Но и о согласіи матери тоже надо говорить съ осторожностью. Чтобы принудить семью слѣдовать за собою, арестанты пускаютъ въ ходъ всевозможныя средства: просьбы при личномъ свиданіи въ тюрьмѣ, угрозы, передаваемыя чрезъ другихъ арестантовъ, получившихъ свободу, и, наконецъ, всевозможные обманы. Напр., съ Сахалина они пишутъ женамъ о привольномъ житьѣ, а когда бѣдная баба, повѣривъ этимъ словамъ, пріѣдетъ на каторгу, то и окажется весь ужасъ ея положенія. Такіе обманы практикуются нерѣдко, и весьма многочисленные факты показали, что разсчетъ арестантовъ на легковѣріе ихъ женъ очень часто оправдывается [1]).

Но всего этого мало. Переселеніе семействъ ссыльныхъ имѣетъ и другія темныя стороны. Если бы правило, указанное въ ст. 26 улож. наказ., существовало, какъ простое разрѣшеніе семьѣ слѣдовать за мужемъ, то оно было бы менѣе вредно, потому что большинство женъ, за отсутствіемъ средствъ, не рѣшилось бы предпринять столь далекое путешествіе. Между тѣмъ, въ настоящее время на одномъ Сахалинѣ такихъ женщинъ болѣе 400 [2]), а изъ отчета главнаго тюремнаго управленія за 1895 годъ видно, что въ русскихъ тюрьмахъ среднесуточный составъ добровольно слѣдующихъ за ссыльными женщинъ и дѣтей достигаетъ цифры въ 2,253 чел. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что главную причину этого нежелательнаго переселенія надо искать въ томъ обстоятельствѣ, что въ силу ст. 253 уст. о ссыльныхъ семьи осужденныхъ пересылаются на *казенный* счетъ наравнѣ съ арестантами.

Жена, желающая раздѣлить участь своего мужа, заявляетъ о томъ полиціи. Ее арестовываютъ и вмѣстѣ съ дѣтьми помѣщаютъ въ тюремный замокъ. Всякому, кто по обязанностямъ службы посѣщалъ тюрьму, памятны такія картины. Въ узкой, душной камерѣ женскаго отдѣленія ютятся эти люди. Вмѣстѣ съ женщинами, осужденными за развратъ и кражи, сидитъ жена и малолѣтнія дѣти арестанта. Всѣ мы знаемъ, что впечатлѣнія дѣтства особенно сильны. Зачѣмъ же дѣти должны видѣть отвратительныя картины острожной жизни и знакомиться съ обществомъ людей, большинство которыхъ испорчено до мозга костей?

Тюрьма въ городѣ содержится сравнительно въ сносномъ видѣ. Близость начальствующихъ лицъ водворяетъ хоть нѣкоторый порядокъ. Но совсѣмъ иное творится на этапахъ. Тутъ арестантская вольница—полный хозяинъ. Горе той женщинѣ, которая попала въ этотъ содомъ.

Въ 1890 г. появилась въ печати прекрасная статья [1]) о тюремныхъ порядкахъ. Авторъ ея слѣдующимъ образомъ рисуетъ положеніе женъ, которыя идутъ по этапу: „ступай тысячи верстъ, полѣзай подъ нары, подвергайся истязаніямъ и надругательствамъ долгіе мѣсяцы... а приведутъ на мѣсто слѣдованія и отпустятъ на волю... Только не всѣ туда доходятъ: иную солдатскую или поповскую „женку“ въ такомъ видѣ „доведутъ“ домой, что хоть руки на себя наложи. Когда началось у насъ „обрусеніе“ средней Азіи, тысячи солдатскихъ женъ были вытребованы по этапу со всѣхъ концовъ Россіи... Подъ Оренбургомъ есть мостикъ чрезъ рѣку Сакмару, и не мало оттуда солдатскихъ женокъ въ воду побросалось—лишь бы мужу въ глаза не глядѣть, перестать сознавать свое существованіе послѣ многомѣсячныхъ ночевокъ по этапамъ“.

Въ такомъ же положеніи находятся жены, идущія въ ссылку за мужьями.

Правда, въ послѣдніе годы главное тюремное управленіе принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы женщины и дѣти посылались отдѣльно отъ мужчинъ-арестантовъ; но эти предписанія „пока нигдѣ не исполняются вслѣдствіе противодѣйствія тюремнаго начальства всѣмъ этимъ церемоннымъ выдумкамъ, какъ оно называетъ попытки упорядочить арестантскій бытъ“.

Но вотъ путешествіе кончено, начинается послѣдній актъ этой драмы: жизнь на Сахалинѣ или въ другомъ мѣстѣ ссылки. Семья прибыла, кормить ее нечѣмъ. Тогда мужъ съ величайшей наглостью начинаетъ торговать женою и дочерьми, которыя съ 12 лѣтъ начинаютъ жить половою жизнью. Въ результатѣ мать нерѣдко бросаетъ мужа и уходитъ къ „чужому мужику“, а дочери начинаютъ переходить изъ рукъ въ руки.

---

[1]) См. Чеховъ. Островъ Сахалинъ, 1895, стр. 341.
[2]) Ст. Дриля (Ж. Мин. Юст. 1898, № 4, стр. 153).

[1]) С. У. Х. Тюремные порядки. Юрид. Вѣстникъ. 1890. т. I стр. 337.

Спрашивается послѣ этого, какой смыслъ допускать добровольное переселеніе семьи ссыльнаго на казенный счетъ? Устанавливая такую льготу, законодательная власть руководствовалась чисто гуманными соображеніями. Давая ссыльному семью, правительство надѣялось поддержать его; на самомъ же дѣлѣ такимъ путемъ масса народа погибла безвозвратно. Прежде чѣмъ говорить о гуманности относительно преступника, необходимо подумать о членахъ его семьи. Нужно поддержать ихъ на родинѣ, а не посылать въ ссылку, посвящая во всѣ ужасы тюремной жизни. Если бы тѣ деньги, которыя тратятся правительствомъ на пересылку арестантскихъ семействъ, были употреблены на устройство попечительствъ о дѣтяхъ лицъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, то такой расходъ былъ бы гораздо производительнѣе.

Поэтому, мы рѣшаемся высказать, что право семьи слѣдовать въ ссылку за осужденнымъ на казенный счетъ является мѣрою крайне вредной, которую необходимо отмѣнить—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Далѣе, нельзя также не коснуться ст. 261 уст. о ссыльныхъ, которая гласитъ, что грудные младенцы остаются при матеряхъ [1]), когда онѣ идутъ въ ссылку.

Результатъ такого законоположенія прямо ужасенъ. Мать сохраняетъ при себѣ ребенка наэтапахъ, втюрьмахъ, вкаторжномъ острогѣ. Каждому понятно, что́ выйдетъ изъ этого. Съ точки зрѣнія справедливости, нельзя допустить, чтобы грудной ребенокъ ссылался въ каторжныя работы. А съ точки зрѣнія уголовной политики, это прямо вредно, потому что въ тюремныхъ стѣнахъ, родится и воспитывается новое поколѣніе.

Не лучше-ли ст. 261 замѣнить указаніемъ, что грудные младенцы ссыльныхъ отдаются въ пріюты или воспитательные дома. Это будетъ гораздо гуманнѣе и полезнѣе.

До сихъ поръ мы говорили о бракахъ, которые были заключены при нормальныхъ условіяхъ людьми, обладавшими всѣми гражданскими правами. Но на Сахалинѣ есть семьи иного характера. Ради колонизаціи острова, администрація всячески поощряетъ основаніе хозяйствъ, давая арестантамъ женщинъ изъ числа ссыльныхъ, для „домообзаводства“. Такимъ образомъ незаконная семья основана. Но что это за семья!.. Мужъ и жена—или, какъ они тамъ называются, „сожители“—люди съ темнымъ прошлымъ; оба они ссыльно-каторжные. Заработковъ на островѣ мало; мужчины отвыкли въ каторгѣ отъ упорнаго труда и, поэтому, они очень рѣдко принимаются за серьезное дѣло.

Кромѣ того, для мужа, который всю жизнь былъ воромъ и негодяемъ, слишкомъ соблазнительно воспользоваться женой и торговать ея тѣломъ. Къ сожалѣнію, опытъ показалъ, что благородный промыселъ торговли живымъ товаромъ развитъ среди ссыльнаго населенія. Женщины, уходя отъ сожителя, прямо заявляютъ начальству, что мужъ заставляетъ ихъ заниматься проституціей.

Но бываютъ случаи, когда сожительство продолжается нѣсколько лѣтъ и результатомъ его являются дѣти.

Meine Mutter war eine Dirne, mein Vater ein Dieb. Эти слова поэта съ полной силой относятся къ сахалинскимъ уроженцамъ. Каждому понятно, какое поколѣніе должно и можетъ произойти отъ такого брака. Д-ръ Бѣляковъ [1]) говоритъ, что законъ наслѣдственности налагаетъ на государство обязанность строже относиться къ заключенію браковъ. Практика доказала вѣрность этого правила, несоблюденіе котораго всегда даетъ себя чувствовать.

Изслѣдователи французской ссылки Cor [2]) и Charvein [3]) утверждаютъ, что дѣти ссыльныхъ поражаютъ наблюдателя признаками полнаго физическаго вырожденія. Почти такую же картину мы имѣемъ на Сахалинѣ. По словамъ г. Чехова, сахалинскіе дѣти блѣдны, худы и вялы; они одѣты въ рубища и всегда хотятъ ѣсть. Умираютъ они почти всегда отъ разстройства питанія.

Ужасна физическая обстановка, но еще хуже тѣ нравственныя условія, среди которыхъ растутъ эти дѣти. Жизнь поселенцевъ, по словамъ Д. А. Дриля, „смѣсь разгула, безшабашнаго разврата, наглости, безстыдства и разнузданности съ самымъ истиннымъ горемъ. Дѣти вполнѣ знакомы съ этими условіями и свыклись съ ними, не зная нормальной жизни“ [4]). Лучшей характеристикой ребятишекъ могутъ служить слѣдующіе разговоры: „Сожитель мамку билъ, чтобы не спала съ чужимъ мужикомъ“. „Я буду твоя сожительница, и мы пойдемъ на поселье“. „Я тебя зарѣжу“, грозитъ мальчикъ. „Я будутъ Патрикъ, а ты будешь бродяжить, и я тебя буду драть“, уговариваются при играхъ дѣти и при этомъ сообщаютъ другъ другу, что „тятьку нонѣ выдрали“ или что „мамку въ карцыю взяли“.

Еще характернѣе разговоръ, который произошелъ между А. Чеховымъ и однимъ мальчикомъ 10 лѣтъ:

— Какъ по отчеству твоего отца?—спросилъ Чеховъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ.

— Какъ же такъ? Живешь съ отцомъ и не знаешь, какъ его зовутъ? Стыдно.

---

[1]) Параллельныя—ст. 959 п. 3 и 969 уст. угол. суд.

[1]) Антропологическія изслѣдованія (Архивъ психіатріи 1884 № 2, стр. 5).
[2]) La transportation. 1895.
[3]) Revue Penitentiaire 1896, № 2.
[4]) Ж. Мин. Юст. 1898, № 4, стр. 155.

— Онъ мнѣ не настоящій отецъ.
— Какъ такъ—не настоящій?
— Онъ у мамки сожитель.
— Твоя мать замужняя или вдова?
— Вдова. Она за мужа пришла.
— Что значитъ—за мужа пришла?
— Убила.
— Ты отца своего помнишь?
— Не помню. Я незаконный. Меня мамка на Карѣ родила.

При такихъ условіяхъ нельзя не согласиться, что „въ лицѣ значительной части молодаго ссыльнаго поколѣнія растетъ новая каторга“.

Такую же мысль высказываетъ нѣмецкій юристъ Л. Фульдъ. Постоянные обитатели каторжныхъ тюремъ, говоритъ онъ, передаютъ потомству свои тѣлесныя немощи и наклонность къ преступленіямъ; вслѣдствіе этого рождается поколѣніе физически и психически истрепанное и враждебное обществу; дѣти каторжныхъ столь же опасны, какъ взрывчатыя вещества, отъ которыхъ несчастіе можетъ произойти каждую минуту [1]).

Эти картины и мысли безотрадны до нельзя, но выводы приведенныхъ нами авторовъ безусловно правильны. Бракъ можетъ дать счастіе только при нормальныхъ условіяхъ жизни. Въ ссыльной же колоніи родятся только несчастныя существа, которыя еще въ колыбели предназначены заполнить кадры преступниковъ. Поэтому, необходимо не поощрять заключеніе браковъ между ссыльными, а запрещать ихъ. Сахалинъ долженъ быть превращенъ въ большую открытую тюрьму для мужчинъ, а женщинъ необходимо водворить въ совсѣмъ иномъ мѣстѣ. Намъ скажутъ, что обреченіе людей на вѣчное безбрачіе является мѣрой жестокой и противоестественной. Съ этимъ мы вполнѣ согласимся, но замѣтимъ, что въ Западной Европѣ, гдѣ каторга отбывается въ одиночныхъ тюрьмахъ, всѣ арестанты обречены на подобную участь, такъ какъ женщины содержатся не только въ особыхъ камерахъ, но даже въ другихъ городахъ.

По нашему мнѣнію, лучше провести эту жестокую мѣру и обречь на вѣчное безбрачіе лицъ, совершившихъ преступленія, чѣмъ по ложной гуманности вырастить новое поколѣніе, годное только для того, чтобы вести постоянную борьбу противъ трудящихся классовъ общества.

А. Левенстимъ.

[1]) Fuld. Das rückfällige Verbrecherthum (Deutsche Zeit. Streitfragen № 220 p. 17). Krohne См. также Lehrbuch f. Gefängnisskunde и Seyfart. Hinter eisernen Gittern. 1898, стр. 111).

Порядокъ исчисленія крѣпостныхъ пошлинъ съ имуществъ, продаваемыхъ съ публичнаго торга въ гу Царства Польскаго.

14 мая 1893 года состоялся законъ, измѣнившій общія основанія исчисленія крѣпостныхъ пошлинъ. Прав. Сенатъ въ рѣшеніи общаго собранія I-го и касс. деп. (1896 г. № 7) нашелъ, что этотъ законъ, между прочимъ, постановившій, что при продажѣ недвижимыхъ имуществъ съ публичнаго торга крѣпостная пошлина взыскивается или съ продажной цѣны имѣнія или съ законной его оцѣнки, смотря по тому, какая сумма выше, не распространяется на губерніи Царства Польскаго.

Это опредѣленіе Прав. Сената толкуется судебными установленіями варшавскаго судебнаго округа въ томъ смыслѣ, что при продажѣ въ губ. Ц. Польскаго недвижимыхъ имѣній съ публичнаго торга крѣпостныя пошлины должны исчисляться, какъ онѣ исчислялись и до закона 14 мая 1893 года, исключительно съ продажной цѣны имѣнія. Выводъ этотъ, однако, несмотря на свою кажущуюся правильность, долженъ быть отвергнутъ. По смыслу ст. VII закона 1 мая 1884 г., составляющей нынѣ ст. 213 уст. о пошл., крѣпостныя пошлины въ губерніяхъ Царства Польскаго должны быть исчисляемы на основаніи тѣхъ же правилъ, какъ и гербовый сборъ. Въ силу ст. 28 [1]) уст. о герб. сборѣ 1874 г. суммою акта о переходѣ права собственности на имущества недвижимыя признается цѣна переходящаго имущества, объявляемая лицами, участвующими въ сдѣлкѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда цѣна эта ниже законной оцѣнки, установленной въ ст. 38 [2]); въ этихъ случаяхъ цѣна гербовой бумаги опредѣляется по суммѣ законной оцѣнки имущества. „Въ частности“ же, согласно тексту той же ст. 28, „суммою акта *при соблюденіи изложеннаго правила*“ признается „по актамъ о продажѣ имуществъ съ публичнаго торга—цѣна, въ которой имущество укрѣплено за пріобрѣтателемъ“.

Особая комиссія для разсмотрѣнія вопросовъ, возникающихъ при примѣненіи устава о гербовомъ сборѣ, истолковала этотъ законъ въ томъ смыслѣ, что цѣна актовой бумаги должна опредѣляться по законной оцѣнкѣ проданнаго имѣнія, если цѣна, вырученная на торгахъ, ниже этой оцѣнки (Труды комиссіи для пересмотра податей и сборовъ Т. XX ч. V и VI; журн. особ. ком. №№ 98/282 и 252/520). Такъ же истолковалъ ст. 28 уст. о герб. сб. и Сенатъ (Рѣш. общ. собр. I и касс. д-товъ 1878, № 12).

Но впослѣдствіи рѣшеніемъ того же общаго собранія (1888 г., № 6) Сенатъ отказался

[1]) Положеніе ст. 28 уст. о герб сб. 1874 г. вошло безъ измѣненія въ ст. 37 устава изд. 1893 г.
[2]) Нынѣ ст. 47. уст. о герб. сб.

отъ этого взгляда и призналъ, что гербовый сборъ съ данныхъ на имущества, *продаваемыя съ публичнаго торга*, долженъ быть взимаемъ *исключительно* съ состоявшейся на торгахъ цѣны, по правилу, установленному ст. 404 уст. о пошл. изд. 1857 г. для взиманія крѣпостныхъ пошлинъ. Сущность соображеній Сената сводится къ слѣдующему: правила о казенныхъ оцѣнкахъ постановлены „къ вящшему предупрежденію утаекъ“, а на публичныхъ продажахъ ни утайки цѣнъ ни фиктивныя сдѣлки, вообще говоря, невозможны; это признано и самимъ закономъ, который, какъ это видно изъ ст. 404 уст. о пошл. изд. 1857 г., при исчисленіи крѣпостныхъ пошлинъ съ имуществъ, продаваемыхъ съ публичнаго торга, беретъ въ основаніе продажную цѣну. И „если законодательство по отношенію къ болѣе возвышенной пошлинѣ (крѣпостной) продолжаетъ придавать цѣнѣ, состоящейся на публичныхъ торгахъ, значеніе дѣйствительной стоимости продававшагося имущества, то нѣтъ уже повода предполагать, что въ томъ же уставѣ о пошлинахъ, но только по другому, меньшему сбору оно имѣло въ виду лишить значенія ту же самую цѣну“.

Затѣмъ Сенатъ, въ рѣшеніи того же общаго собранія 1891 г., № 2, установилъ, что въ виду такого порядка исчисленія гербовыхъ пошлинъ съ имуществъ, продаваемыхъ съ публичнаго торга въ губ. Ц. Польскаго, и *крѣпостныя* пошлины, взыскиваемыя тамъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и гербовыя (ст. 213 уст. о пошл.), должны тоже исчисляться исключительно съ продажной цѣны.

Законъ 14 мая 1893 г. установилъ исчисленіе крѣпостныхъ пошлинъ съ казенныхъ оцѣнокъ и для имуществъ, продаваемыхъ съ публичнаго торга (если продажная цѣна ниже этой оцѣнки). Такимъ образомъ, этотъ законъ, вопреки прежней ст. 404 уст. о пошл. изд. 1857, въ принципѣ признавъ возможность исчисленія крѣпостныхъ пошлинъ съ казенной оцѣнки и при публичной продажѣ, тѣмъ самымъ лишилъ силы и значенія основанное единственно на смыслѣ прежней ст. 404 рѣшеніе общ. собр. I и кас. д-товъ Пр. Сената 1888 г. № 6 объ исчисленіи *гербовыхъ* пошлинъ при публичной продажѣ исключительно съ покупной цѣны. Поэтому, необходимо признать утратившею силу и ту часть рѣшенія 1891 г. № 2, въ которой Сенатъ, единственно въ виду рѣшенія 1888 г. № 6, призналъ, что *крѣпостныя* пошлины при публичной продажѣ должны взыскиваться въ губерніяхъ Царства Польскаго тоже лишь съ покупной цѣны.

Слѣдовательно, хотя законъ 14 мая 1893 г. былъ изданъ въ отмѣну ст. 404 уст. о пошл. изд. 1857 г., имѣвшаго примѣненіе лишь въ губерніяхъ Имперіи, и, какъ то вполнѣ правильно признано въ рѣшеніи общ. собр. I и кас. д-товъ Пр. Сената 1896 г. № 7, не внесъ никакихъ измѣненій въ законоположенія о взиманіи крѣпостныхъ пошлинъ въ губ. Царства Польскаго, тѣмъ не менѣе, лишивъ на будущее время законнаго основанія рѣшенія Сената 1888 г. № 6 и 1891 г. № 2, долженъ отразиться на порядкѣ взиманія крѣпостныхъ пошлинъ и въ губ. Царства Польскаго. Съ изданіемъ этого закона толкованіе ст. 28 уст. о герб. сб. изд. 1874 (ст. 37 по изд. 1893 г.), которое Сенатъ установилъ въ 1888 г., стало невозможнымъ; поэтому, для исчисленія *гербовыхъ* пошлинъ съ имѣній, продаваемыхъ съ публичнаго торга, цѣна, предложенная на торгахъ, можетъ признаваться и въ губерніяхъ Царства суммою акта въ тѣхъ случаяхъ, когда она не ниже законной оцѣнки.

Слѣдовательно, въ этихъ губерніяхъ при продажѣ недвижимыхъ имуществъ съ публичнаго торга и *крѣпостныя* пошлины, въ противоположность установившейся практикѣ, должны теперь исчисляться съ продажной цѣны въ томъ лишь случаѣ, когда она не ниже законныхъ оцѣнокъ, установленныхъ въ прим. къ ст. 47 уст. о пошл. изд. 1893 г.

С. Д.

ПИСЬМО ИЗЪ БЕРЛИНА.

Съѣздъ нѣмецкихъ юристовъ.

(Окончаніе *).

Всеобщій интересъ возбудилъ и другой вопросъ, разбиравшійся въ третьемъ отдѣленіи съѣзда,—о dolus eventualis въ уголовномъ правѣ и процессѣ. Включеніе его въ программу съѣзда вызвано неудовольствіемъ и недоумѣніемъ общественнаго мнѣнія по поводу толкованія, которое далъ этому понятію уголовный судъ въ нѣкоторыхъ процессахъ. Особенно много шума надѣлали процессъ о печати Bading'a и процессъ депутата Liebknecht'a объ оскорбленіи величества. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ судъ призналъ, что подсудимый не имѣлъ намѣренія оскорбить величество, даже старался избѣгнуть этого, выбирая осторожно слова, и тѣмъ не менѣе обвинилъ его, на томъ основаніи, что его слова могутъ быть поняты слушателями въ смыслѣ оскорбленія величества, и подсудимый долженъ былъ считаться съ этимъ. Обсужденіе вопроса на съѣздѣ, замѣтилъ докладчикъ, имѣетъ цѣлью доказать публикѣ, что dolus eventualis—старинное понятіе, необходимость котораго покоится на логическихъ основаніяхъ. Разрабатывавшій вопросъ въ „Мнѣніяхъ“, извѣстный криминалистъ Францъ ф. Листъ устанавливаетъ, что неопредѣленность судебной практики въ данномъ вопросѣ и нерѣдко ошибочное примѣненіе этого понятія несомнѣнны. Поэтому, считая самое понятіе необходимымъ, онъ находилъ желательнымъ,

*) См. № 2.

чтобы имперскій судъ установилъ свое принципіальное отношеніе къ данному вопросу.

На точкѣ зрѣнія необходимости понятія dolus eventualis стояли и всѣ ораторы на съѣздѣ. Принципіальные его противники, которыхъ въ литературѣ не мало (Баръ, Stooss, Лефлеръ), представлены не были, но и сами защитники не скрывали практическихъ трудностей, которыя это понятіе можетъ вызвать въ отдѣльныхъ случаяхъ. Въ заключеніе была принята слѣдующая резолюція: если преступникъ и не желалъ непосредственно достигнуть своимъ дѣяніемъ опредѣленныхъ послѣдствій, но сознавалъ возможность ихъ наступленія, то они вмѣняются ему въ вину, какъ совершенныя съ умысломъ, при условіи если будетъ доказано, что онъ не отступилъ бы отъ совершенія даннаго дѣянія, зная, что оно вызоветъ тѣ послѣдствія. Аналогичная резолюція принята и по отношенію къ тому случаю, когда лицо не знало о существованіи обстоятельства, обусловливающаго составъ преступнаго дѣянія. Причинъ, вызвавшихъ возбужденіе общественнаго мнѣнія, обсужденіе съѣзда совсѣмъ не коснулось, и потому оно едва-ли принесетъ желаемые результаты.

Чтобы покончить съ работами этого отдѣленія, укажу еще на вопросъ; „должна-ли давность уголовнаго преслѣдованія обусловливаться истеченіемъ извѣстнаго, опредѣленнаго въ законѣ срока со времени совершенія преступленія, или же она должна быть поставлена въ зависимость еще и отъ другихъ условій?“ По этому вопросу съѣздъ рѣшительно высказался за то, чтобы наступленіе давности преслѣдованія обусловливалось исключительно истеченіемъ законнаго срока, и въ этомъ смыслѣ была принята резолюція. По поводу предложенія о сокращеніи нормальнаго срока, въ случаѣ возмѣщенія преступникомъ причиненнаго имъ ущерба, оберъ-прокуроръ Hamm замѣтилъ, что оно создало бы несправедливое преимущество въ пользу богатаго класса населенія. Предложеніе это съѣздомъ отвергнуто. Напротивъ, установленіе конечнаго срока для прерванной давности рекомендовано съѣздомъ.

Изъ пяти вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе перваго отдѣленія (гражд. права), три касались толкованія новаго гражданскаго уложенія. Болѣе общій интересъ между ними представляетъ вопросъ: „по законамъ какого мѣста должны быть обсуждаемы, согласно принципамъ частнаго международнаго права, обязательства изъ договоровъ?“ Einführungsgesetz z. B. Gb. оставляетъ его открытымъ, такъ что рѣшеніе, какъ выразился докладчикъ, принадлежитъ наукѣ. Слѣдуя практикѣ высшаго коммерческаго и имперскаго судовъ, съѣздъ высказался за примѣненіе закона мѣста исполненія договора, въ случаѣ если между сторонами не состоялось явнаго или молчаливаго соглашенія въ иномъ смыслѣ. Далѣе, единогласно былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о допустимости по новому гражд. ул. вещнаго иска къ посредственному владѣльцу.

Больного и серьезнаго вопроса современной германской жизни касалась тема о защитѣ мелкихъ поставщиковъ ремесленниковъ и рабочихъ, занятыхъ на городскихъ постройкахъ.

Строительная спекуляція въ Берлинѣ и другихъ городахъ Германіи сопровождается въ послѣдніе годы злоупотребленіями, которыя объяснительная записка къ правительственному законопроекту характеризуетъ, какъ возведенное въ систему ограбленіе ремесленниковъ и рабочихъ предпринимателями. Собственники продаютъ землю по очень высокой цѣнѣ совершенно несостоятельнымъ предпринимателямъ и ссужаютъ ихъ деньгами для начатія постройки на крайне тяжелыхъ условіяхъ, причемъ, конечно обезпечиваютъ себя ипотекой. Когда же предприниматель не можетъ продолжать постройки, и она продается съ аукціона, вся вырученная сумма идетъ кредитору—бывшему собственнику земли (иногда банку, ссудившему деньги), рабочіе же и мелкіе поставщики не получаютъ ничего. Необходимость прійти имъ на помощь и охранить отъ эксплоатаціи, обезпечивъ удовлетвореніе ихъ претензій, получила всеобщее признаніе. Цѣлый рядъ проектовъ былъ предложенъ для борьбы съ этимъ зломъ. Отозвался, конечно, и съѣздъ, поставивъ этотъ вопросъ на обсужденіе. Докладывалъ его извѣстный историкъ германскаго права, проф. берлинскаго университета Брунеръ. Въ своей почти 2-хъ часовой рѣчи, ссылаясь на соціальныя задачи государства, онъ доказывалъ обязанность государства прійти на помощь рабочимъ и ремесленникамъ и коснулся предлагаемыхъ мѣръ. Самъ Брунеръ высказался за предложеніе правительственнаго проекта о внесеніи въ ипотечныя книги особой отмѣтки о постройкѣ на данномъ участкѣ; изъ такой отмѣтки возникаетъ для кредиторовъ по постройкѣ, заявившихъ о своихъ требованіяхъ, ипотечное право на землю (Bauhypotek). Съѣздъ принялъ по этому вопросу двѣ резолюціи, предложенныя докладчикомъ: 1) съ цѣлью огражденія интересовъ кредиторовъ по постройкѣ рекомендуется поставить выдачу разрѣшенія на производство новой постройки въ зависимость отъ внесенія въ ипотечныя книги отмѣтки о постройкѣ, и 2) если договоры съ рабочими и поставщиками заключены не отъ имени или за счетъ хозяина постройки, желательно установленіе въ ихъ пользу вещнаго обезпеченія въ порядкѣ внесенія требованій по постройкѣ (Bauforderungen) въ книги.

Не меньшій интересъ представляетъ и другой вопросъ—о такъ наз. Heimstättenrecht. На съѣздѣ 1893 г. происходило обсужденіе вопроса о границахъ принудительнаго взысканія, окончившееся единогласнымъ признаніемъ необходимости пересмотра дѣйствующихъ поста-

новленій по этому предмету въ смыслѣ болѣе полнаго огражденія отъ взысканій части имущества, которая необходима для веденія приличнаго хозяйства, а также и тѣхъ вещей, которыя необходимы должнику для занятія его ремесломъ или профессіей. Это пожеланіе съѣзда уже осуществлено въ реформированномъ уставѣ гражд. судопр. [1]).

Между прочимъ, тогда же былъ затронутъ вопросъ, желательно-ли ограничивать изъятія отъ наложенія ареста только движимыми вещами, или же слѣдуетъ еще ввести институтъ Heimtsättenrecht. Усилившееся съ тѣхъ поръ въ Германіи движеніе въ пользу перенесенія на германскую почву этого американскаго института [2]) побудило постоянную комиссію поставить въ программу съѣзда 1895 г. вопросъ, желательно-ли при пересмотрѣ гражд. процесса возбудить вопросъ о мелкомъ землевладѣніи въ смыслѣ установленія Heimstättenrecht. Вопросъ этотъ на съѣздѣ 1895 г. остался неразрѣшеннымъ, и реформа гражд. процесса не коснулась освобожденія мелкаго землевладѣнія отъ взысканія за долги.

Гейдельбергскій профессоръ Максъ Веберъ и вѣнскій пр.-доцентъ Грюнбергъ, разрабатывавшіе вопросъ о Heimstättenrecht для нынѣшняго съѣзда, высказались за непримѣнимость къ Германіи американскаго образца. Положеніе, выставленное Грюнбергомъ, сводится къ тому, что каждый должникъ имѣетъ право на признаніе его земли въ предѣлахъ опредѣленной цѣнности свободной отъ обращенія на нее взысканія за долги. Ту же точку зрѣнія отстаивалъ онъ и на съѣздѣ. Дальше идущее предложеніе объ установленіи, вообще, извѣстнаго minimum'а имущества, на которое не должно быть обращаемо взысканіе, нашло сильнаго защитника въ лицѣ заслуженнаго германиста, извѣстнаго берлинскаго профессора Гирке. Результатомъ горячихъ и долгихъ преній была лишь новая отсрочка рѣшенія до слѣдующаго съѣзда.

Въ заключеніе позволю себѣ разсказать характерную сценку. На заключительномъ празднествѣ въ честь съѣзда была разыграна молодыми референдаріями остроумная пьеса одного изъ мѣстныхъ адвокатовъ, вызвавшая шумныя одобренія присутствующихъ.—Юстиніанъ, старый Фрицъ, Наполеонъ I, нѣмецкое партикулярное право и вдова Іоахимика [3]), въ качествѣ отживающаго права, пытаются сохранить свое господство и при новомъ Гражданскомъ Уложеніи. Громомъ аплодисментовъ сопровождались ихъ куплеты на мотивъ изъ „Прекрасной Елены“ съ припѣвомъ „unberührt, unberührt“, передававшіе въ стихахъ постановленія Einführungsgesetz'а объ удержаніи въ силѣ мѣстнаго права. Олицетворенное Гражданское Уложеніе, которое напрасно старается освободиться отъ поддержки и руководительства теоріи и практики, переживаетъ тяжелое состояніе, пока, наконецъ, сама госпожа Юстиція въ теплыхъ и глубоко поэтическихъ словахъ не разрѣшаетъ спора. „Ein Volk, ein Reich, ein Kaiser und ein Recht!“ заканчивается пьеса. И вотъ, въ то время, когда Юстиція снимаетъ съ глазъ повязку, чтобы возложить ее на олицетвореніе Гражданскаго Уложенія, которому она уже передала вѣсы и мечъ, она вдругъ бросаетъ повязку на землю и восклицаетъ, что для того, чтобы судить правильно, право должно смотрѣть въ будущее, вглядываться въ жизнь и знакомиться съ соціальными явленіями.

В. Э.

[1]) См. Ж. М. Ю. 1898 г. № 7 стр. 292—294.

[2]) Homestead law. (62 г.), съ цѣлью удержать новыхъ колонистовъ на землѣ, запретилъ обращать на эту землю взысканіе по старымъ долгамъ. Законы отдѣльныхъ Штатовъ расширили понятіе homestead въ томъ смыслѣ, что извѣстная часть движимаго имущества, а равно и недвижимаго, на которомъ живетъ глава семейства, не обращается на удовлетвореніе претензій кредиторовъ до совершеннолѣтія младшаго изъ сыновей.

[3]) Constitutio Ioachimica—одинъ изъ Landrecht'овъ XVI ст., сохранившій свою силу и понынѣ.

Хроника.

Согласно проектированной реформѣ министерства путей сообщенія, управленіе казенныхъ дорогъ и департаментъ жел. дорогъ объединяются въ „управленіе жел. дорогъ, открытыхъ для общаго пользованія“. Дѣло постройки новыхъ дорогъ сосредоточивается въ „управленіи по сооруженію дорогъ“. Отчужденіе земель подъ строющіяся дороги составитъ также предметъ спеціальнаго учрежденія. При управленіи жел. дорогъ для общаго контроля надъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ состоитъ совѣтъ, въ который входятъ представители всѣхъ министерствъ. Изъ 24 инспекторовъ, входящихъ въ настоящее время въ составъ инспекціи, шесть, назначаемыхъ министромъ путей сообщенія, остаются при послѣднемъ въ качествѣ чиновниковъ особыхъ порученій, а остальные состоятъ такими же чиновниками при отдѣльныхъ управленіяхъ рельсовыхъ и водяныхъ путей. Мѣстныя управленія казенныхъ жел. дор. получаютъ большую самостоятельность. При каждомъ управленіи учреждается совѣтъ, распоряжающійся годовымъ бюджетомъ данной дороги, и возникающіе при этомъ вопросы восходятъ до центральнаго управленія только въ случаѣ разногласія между членами совѣта. Совѣтъ получаетъ отъ министерства инструкцію, въ предѣлахъ которой дѣйствуетъ совершенно свободно. Реформа управленія водяными и шоссейными путями ограничивается реорганизаціей центральнаго органа. Осуществленіе проекта внесетъ существенное улучшеніе въ наше слишкомъ централизованное желѣзнодорожное управленіе.

Департаментомъ торговли и мануфактуръ изготовленъ проектъ измѣненія дѣйствующихъ правилъ о мѣрахъ и вѣсахъ. Проектъ вызванъ крайне неудовлетворительною постановкою у насъ дѣла провѣрки мѣръ и вѣсовъ, для устраненія чего, какъ мы слышали, организуются мѣстныя повѣрочныя учрежденія, вводится обязательная періодическая провѣрка всѣхъ употребляемыхъ въ торговлѣ мѣръ и вѣсовъ, причемъ провѣркѣ будутъ подлежать и измѣрительные приборы (газомѣры, термометры, измѣрители электрической энергіи, фотомѣры и т. п.). Наравнѣ съ старыми русскими мѣрами предполагается повсемѣстно разрѣшить употребленіе метрической (десятичной) системы — метра и грамма съ производными отъ нихъ единицами. Употребленіе въ аптекахъ нынѣшняго аптекарскаго фунта сохраняется до 1 января 1901 г.

—

По словамъ „Новостей", въ комиссіи по пересмотру законодательства о крестьянахъ поставленъ вопросъ о нотаріальной части въ селеніяхъ, обнимающій собою рядъ мѣръ, какими возможно упорядочить веденіе при волостныхъ правленіяхъ книгъ сдѣлокъ и договоровъ. При разсмотрѣніи даннаго вопроса имѣется въ виду обсудить, не представляется-ли полезнымъ, въ связи съ экономическими и бытовыми условіями жизни нашихъ крестьянъ, нынѣ существующія нотаріальныя обязанности волостныхъ правленій расширить въ отношеніи къ сдѣлкамъ и договорамъ о переходѣ недвижимаго имущества отъ одного владѣльца къ другому, и въ какихъ именно предѣлахъ можетъ быть допущено такое расширеніе. Одновременно съ этимъ имѣется въ виду разсмотрѣть, въ частности, вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли признать цѣлесообразнымъ совершенное изъятіе изъ вѣдѣнія общихъ нотаріальныхъ учрежденій всѣхъ вообще сдѣлокъ и договоровъ объ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла, и какими мѣрами возможно, въ такомъ случаѣ, обезпечить правильное веденіе самаго дѣла.

—

Новый проектъ обязательныхъ постановленій о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы промышленными заведеніями для охраненія жизни и здоровья рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ фабричныхъ зданіяхъ, оконченъ департаментомъ торговли и мануфактуръ и разсылается различнымъ общественнымъ учрежденіямъ съ предложеніемъ высказаться по поводу приведенныхъ въ немъ мѣръ.

—

Въ состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ медицинскій совѣтъ внесенъ вопросъ о предоставленіи права открытія аптекъ всѣмъ лицамъ, имѣющимъ образовательный цензъ провизора, безъ исходатайствованія на то особой привилегіи.

—

По слухамъ, старшій предсѣдатель Харьковск. суд. пал. Красовскій назначается оберъ-прокуроромъ общаго собранія кас. департаментовъ; товарищъ прокурора с.-петербургской судебной палаты Кичинъ прокуроромъ омской судебной палаты, прокуроръ кіевской судебной палаты Чернявскій — старшимъ предсѣдателемъ харьковской палаты, вмѣсто него назначается прокуроръ саратовской палаты Арнольдъ, мѣсто котораго займетъ прокуроръ иркутской судебной палаты Кобылинъ, а должность послѣдняго — предсѣдатель митавскаго окружнаго суда Коваленскій.

—

По словамъ „Бирж. Вѣд.", нашу мировую юстицію предполагается освободить отъ такъ называемыхъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, создавъ для разбора ихъ особыя спеціальныя судебныя учрежденія. Необходимость такой реформы предоставляется намъ весьма спорной, такъ какъ едва ли цѣлесообразно создавать особыя учрежденія для каждаго рода дѣлъ.

—

Согласно ст. 123 и 119 город. пол., до производства выборовъ должностныхъ лицъ городскаго общественнаго управленія устанавливается имъ размѣръ содержанія или городскою думою, а въ городахъ съ упрощеннымъ общественнымъ управленіемъ, по ст. 22 гор. пол., собраніемъ городскихъ уполномоченныхъ, или, при назначеніи на городскія должности лицъ отъ правительства, въ порядкѣ ст. 119 того же пол., мѣстнымъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ. При этомъ, если по какимъ либо причинамъ лицо, назначенное отъ правительства, оставило городскую службу, и до выбора на эту должность городскою думою или собраніемъ уполномоченныхъ послѣднія не указали размѣра содержанія, то вновь избранное лицо получаетъ содержаніе, размѣръ котораго былъ опредѣленъ губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ (указъ Прав. Сената 16 ноября 1898 г. № 11667).

—

Въ послѣднемъ Общемъ Собраніи 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ Сената, въ качествѣ апелляціонной инстанціи, разсматривался весьма интересный вопросъ о томъ, съ какого момента начинается теченіе давности для исковъ объ убыткахъ, причиненныхъ неправильными распоряженіями должностныхъ лицъ и, въ связи съ этимъ, необходимо ли ранѣе предъявленія такихъ исковъ, добиться, въ установленномъ порядкѣ, признанія такихъ распоряженій неправильными. Дѣло возникло по иску купца Бровкина къ бывшему С.-Петербургскому градоначальнику, генералъ-лейтенанту фонъ-Валю о 3896 р. убытковъ, причиненныхъ ему неразрѣшеніемъ открыть трактиръ, съ продажей крѣпкихъ напитковъ, на Звѣринской улицѣ, въ виду того, что въ той мѣстности,—около Зоологическаго сада,—останавливается масса извозчиковъ и поэтому продажа въ такомъ мѣстѣ крѣпкихъ напитковъ могла бы повести къ безпорядкамъ и даже несчастіямъ. Бровкинъ обжаловалъ это распоряженіе въ 1-й департаментъ Сената, который отмѣнилъ его, какъ несогласное съ закономъ. Основываясь на этомъ опредѣленіи, Бровкинъ предъявилъ искъ объ убыткахъ. Но повѣренный фонъ-Валя, прис. пов. Мироновъ, доказывалъ, что истецъ пропустилъ давностный срокъ, такъ какъ со времени объявленія ему распоряженія фонъ-Валя прошло гораздо болѣе 3-хъ мѣсяцевъ (ст. 1318 уст. гр. суд.).

Соединенное присутствіе 1-го и гражданскаго кассаціоннаго департамента, разсмотрѣвъ это дѣло, отказало въ искѣ Бровкину, за пропускомъ давностнаго срока.

На это рѣшеніе была принесена апелляціонная жалоба, оставленная Общимъ Собраніемъ безъ послѣдствій.

—

„Рус. Трудъ“ передаетъ, что въ результатѣ работъ комиссіи д. с. с. Чистякова по провѣркѣ злоупотребленій при постройкѣ Московско-Архангельской желѣзной дороги явилось полное подтвержденіе хищеній вслѣдствіе чего возникаетъ вопросъ о преданіи строителей суду.

—

Вопросъ о назначеніи содержанія должностнымъ лицамъ мѣщанскаго сословія давно уже возбуждалъ различныя недоразумѣнія; въ различныхъ губерніяхъ содержаніе это назначалось различно: въ однѣхъ на весь выборный срокъ, въ другихъ-же ежегодно. Послѣднее обстоятельство ставило должностныхъ лицъ въ зависимое положеніе отъ выборщиковъ, а потому министерство внутреннихъ дѣлъ, по словамъ „Бирж. Вѣд.“, разъяснило, что жалованье должностнымъ лицамъ сословнаго управленія должно быть назначаемо на весь выборный срокъ при избраніи ихъ на должности.

—

Съ введеніемъ новаго промысловаго налога предположено образовать въ каждомъ уѣздѣ особое раскладочное присутствіе, а въ уѣздахъ, гдѣ сильно развиты торговля и промыслы, — по 2 присутствія: одно для крупной и средней промышленности, а другое — для мелкой. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ члены отъ плательщиковъ въ раскладочныя присутствія до сихъ поръ не избраны, предположено продлить на годъ полномочія членовъ теперешнихъ податныхъ присутствій. Наконецъ, предположено образовать особыя раскладочныя присутствія въ городахъ съ наиболѣе развитой промышленностью, а равно и для отдѣльныхъ ея отраслей. Вопросы эти переданы на обсужденіе управляющихъ казенными палатами, съ тѣмъ чтобы ихъ заключенія были представлены немедленно, такъ какъ раскладочныя присутствія должны начать свои дѣйствія не позже половины января 1899 года.

—

1-го декабря во 2 отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда разсматривалось интересное, съ точки зрѣнія литературныхъ нравовъ, дѣло по обвиненію директора правленія „товарищества М. О. Вольфъ“, Вольфа по 1015 и 1024 ст. улож. о наказаніяхъ. Для распространенія изданій товарищества „Новь“ и „Задушевное Слово“ г. Вольфъ обратился къ земскимъ начальникамъ со слѣдующимъ циркуляромъ: „безъ сомнѣнія, въ кругу лицъ, съ которыми вамъ приходится сталкиваться, найдется много такихъ, которыя, узнавъ, что вы согласились посредничать въ пріемѣ подписки, воспользуются вашими услугами“. За привлеченіе подписчиковъ Вольфъ предложилъ земскимъ начальникамъ: по 50 коп. съ каждаго подписчика на „Новь“, по 60 к. на „Задушевное Слово“. Многіе изъ земскихъ начальниковъ направили эти циркуляры къ С.-Петербургскому градоначальнику для возбужденія преслѣдованія противъ автора. Вольфъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по 1015 и 1024 ст. улож. о нак. за невнесеніе циркуляра въ книгу для типографскихъ работъ и за напечатаніе его, вопреки 167 ст. уст. ценз., безъ цензурнаго разрѣшенія.

Товарищъ прокурора Повалло-Швейковскій поддерживалъ обвиненіе. Защитникъ, пр. пов. Канъ, признавая своего довѣрителя виновнымъ въ незанесеніи въ книгу упомянутаго циркуляра (ст. 1015 улож. о нак.), доказывалъ, что ст. 167 уст. цензурнаго, перечисляющая произведенія печати, не подлежащія предварительной цензурѣ, не является исчерпывающею и заканчивается словами „и тому подобные“. Въ заключеніе, г. Канъ обратилъ вниманіе, что въ циркулярѣ нѣтъ ничего безнравственнаго, противозаконнаго, что видно изъ факта пропуска этого циркуляра цензурой ex post.

Судъ, оправдавъ Вольфа по 1024 ст. ул. о нак., оштрафовалъ его 5 рублями за невнесеніе циркуляра въ книгу.

—

Кутаисскій губернскій предводитель дворянства представилъ главному кавказскому начальству ходатайство дворянства о введеніи суда присяжныхъ въ Кутаисской губерніи. Тотъ-же вопросъ, какъ извѣстно, былъ поднятъ въ Тифлисской и Ставропольской губерніяхъ.

—

По словамъ „Сибирск. Вѣст.“, вновь назначенный военнымъ губернаторомъ Сахалина ген.-м. Ляпуновъ обратился къ своимъ подчиненнымъ со слѣдующей рѣчью:

„Я 20 лѣтъ стоялъ на стражѣ закона и потому на 21-мъ году мнѣ не пристало идти противъ него. При отъѣздѣ изъ С.-Петербурга, на аудіенціи Е. И. В. Государя Императора, мнѣ было приказано, чтобы я водворилъ на Сахалинѣ хотя какой-нибудь порядокъ. Государь очень недоволенъ тѣми слухами, которые возбуждаются дѣятельностью администраціи острова. Преступникъ, подвергнутый карѣ по закону, все-же имѣетъ право на справедливость и милосердіе. Въ духѣ законности, строгой законности, справедливости и милосердія и должно быть мое управленіе. Всѣ, желающіе помочь мнѣ въ таковомъ управленіи, найдутъ во мнѣ цѣнителя и покровителя, съ нарушителями же законовъ я буду неумолимъ“

—

По слухамъ, согласно выработанному проекту учрежденія донскаго земства, въ области образуется областное, въ округахъ—окружныя земскія собранія, каждое съ своею управою. Гласные избираются въ выборныхъ собраніяхъ на съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ, на волостныхъ и станичныхъ сходахъ. Цензъ для участія въ собраніяхъ—не менѣе 200 десятинъ земли или другая недвижимость цѣною не дешевле 25 тысячъ рублей, а для участія въ съѣздѣ—не менѣе 20 десятинъ или иная недвижимость въ 1500 рублей. Срокъ полномочій гласныхъ—трехлѣтній. Надзоръ надъ земскою дѣятельностью ввѣряется наказному атаману и областному присутствію. Всѣ эти черты почти совсѣмъ совпадаютъ съ общими основаніями русскихъ земскихъ учрежденій, но очень крупнымъ отличіемъ является то, что уплата земскихъ сборовъ возлагается не на населеніе, а на войсковые капиталы.

—

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разработанъ и нынѣ переданъ на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ вопросъ о правѣ собственности на земельныя полосы, остающіяся свободными при упраздненіи и суженіи большихъ дорогъ.

—

Министерствомъ путей сообщенія выработанъ проектъ нѣкоторыхъ измѣненій въ международномъ договорѣ о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ (бернская конвенція). Измѣненія эти проектированы на собиравшейся въ 1896 году въ Парижѣ по этому предмету международной конференціи изъ делегатовъ участвующихъ въ договорѣ государствъ; они имѣютъ цѣлью еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ настоящее время, облегчить для торговли и промышленности перевозку грузовъ въ международныхъ сообщеніяхъ.

—

По слухамъ, министерство финансовъ испрашиваетъ кредитъ до 3 мил. руб. на возмѣщеніе земствамъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ (на содержаніе воинскихъ присутствій, на квартирное довольствіе полицейскихъ и судебныхъ властей въ уѣздахъ и на содержаніе учебныхъ заведеній), причемъ предположено также оказать земскимъ учрежденіямъ пособіе на окончаніе работъ по оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ по закону 8 іюня 1893 г.

—

Дѣло ксендза Бѣлякевича, перенесенное, по распоряженію министра юстиціи, для избѣжанія мѣстныхъ вліяній, въ округъ другой судебной палаты, по словамъ „Нов.“, будетъ слушаться въ выѣздной сессіи С.-Петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, въ Ямбургѣ. Предсѣдательствуетъ предсѣдатель С.-Петербургскаго окружнаго суда А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ. Къ подсудимому предъявляется обвиненіе по 1540 и 1542 ст. улож. о нак., т.-е. въ противозаконномъ лишеніи свободы и въ истязаніяхъ, производившихся имъ въ качествѣ должностного лица. Защищаютъ Бѣлякевича прис. пов. В. Д. Спасовичъ и С. А. Андреевскій. Дѣло назначено къ слушанію въ январѣ будущаго года.

—

3-го декабря петербургскій окружной судъ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, разсматривалъ дѣло смотрителя петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета Жирнова, обвинявшагося въ противозаконномъ лишеніи свободы вполнѣ порядочной женщины. Обстоятельства этого дѣла таковы: въ ночь на 6-е іюля 1897 года артисты драматической труппы Измайловскаго сада С. Митрофановъ и Е. Кудрявцева, по окончаніи спектакля, возвращались домой; закуривъ папиросы, они повернули на Вознесенскій проспектъ, громко болтая между собою. Когда они поровнялись съ Казанской улицей, къ нимъ подошелъ Жирновъ и, заподозривъ Кудрявцеву въ тайной проституціи, подозвалъ дворника и съ городовымъ отправилъ Кудрявцеву въ полицейскій участокъ. По приходѣ въ участокъ Жирновъ записалъ Кудрявцеву на бланкѣ, установленномъ для женщинъ, навлекающихъ на себя подозрѣніе въ тайной проституціи, и бланкъ этотъ передалъ дежурному околодочному надзирателю.

25-го іюля состоялось журнальное постановленіе совѣщательнаго при петербургскомъ градоначальникѣ присутствія, которымъ Жирновъ преданъ суду по 3 степени 1540 ст. улож. о наказ.

Признанный виновнымъ, Жирновъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца. (Б. В.).

—

Многія городскія думы нерѣдко дѣлаютъ постановленія объ учрежденіи различныхъ благотворительныхъ учрежденій, не имѣя на это свободныхъ средствъ и изыскивая ихъ въ будущемъ, вслѣдствіе чего большинство такихъ постановленій много лѣтъ остаются невыполненными. Это побудило министерство внутреннихъ дѣлъ предложить губернаторамъ утверждать только такія постановленія городскихъ думъ объ учрежденіи благотворительныхъ заведеній, въ которыхъ указываются источники для выполненія постановленія.

—

„Уралъ“ отмѣчаетъ печальныя особенности новаго сибирскаго суда, не обѣщающія „суда скораго“: мировой судья 1 уч. Енисейск. окр. завѣдуетъ округомъ, по пространству значительно превышающимъ Францію, мировой судья г. Красноярска принялъ въ первый мѣсяцъ по открытіи суда 700 прошеній и т. д.

—

Въ предстоящее очередное нижегородское губернское собраніе управа вноситъ на обсужденіе докладъ объ изданіи „Нижегородской земской газеты“ по весьма широкой программѣ. Подписная плата на газету предполагается 1 руб. въ годъ съ правомъ разсрочки платежа на два срока. Безплатно газета будетъ разсылаться: всѣмъ гласнымъ земствъ Нижегородской губерніи, предводителямъ дворянства губерніи, земскимъ начальникамъ, земскимъ школамъ, народнымъ библіотекамъ, волостнымъ правленіямъ, врачамъ, агрономамъ и т. п.—до 2,500 безплатныхъ экземпляровъ. (Рус. Вѣд.)

—

Нѣкоторыми изъ уѣздныхъ земствъ Казанской губерніи признано необходимымъ ходатайствовать о распространеніи на крестьянскія сельскія общества правила, имѣющаго силу и значеніе, согласно сдѣланному разъясненію Сената, лишь для городскихъ и земскихъ учрежденій, а именно: чтобы крестьянскія общества, разъ принявшія на себя обязательство по содержанію училищъ, не могли бы, затѣмъ, отъ этихъ обязательствъ отказываться. Подобное распространеніе на сельскія общества закона объ обязательности сдѣланныхъ ими на училища ассигнованій, по мнѣнію тѣхъ же земствъ, не можетъ быть тяжелымъ для сельскихъ обществъ, призываемыхъ обыкновенно только къ содержанію помѣщенія учителя и школы, отопленію и найму сторожа, что далеко не превышаетъ многихъ другихъ, менѣе пропзводительныхъ, расходовъ тѣхъ же сельскихъ обществъ.

—

Такъ какъ земства, являясь посредниками между отдѣльными лицами и сельскими обществами при полученіи послѣдними ссудъ на сельско-хозяйственныя

улучшенія, отвѣчаютъ за неисправныхъ плательщиковъ, то нынѣ земствамъ вмѣнено въ обязанность вносить всѣ недоимки по ссудамъ въ свои смѣты и разсчитываться съ казною по утвержденіи смѣтъ земскими собраніями.

—

Ржевское уѣздное земское собраніе, въ виду разъясненія Пр. Сената, что организація безплатной юридической помощи не входитъ въ кругъ правъ и обязанностей земства, единогласно постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о расширеніи въ этомъ смыслѣ компетенціи земства.

—

На томъ-же собраніи гласный де-Роберти, по словамъ „Рус. Вѣд.“, заявилъ, что въ мѣстной тюрьмѣ годъ отъ года замѣчается чрезмѣрное скопленіе дѣтей при арестантахъ, вынужденныхъ вслѣдствіе недостатка средствъ держать ихъ при себѣ въ теченіе полныхъ сроковъ заключенія, нерѣдко доходящихъ до 1—1½ года. Признавъ тюремный міръ для ребенка крайне вредною средою, собраніе постановило ассигновать въ распоряженіе управы 300 р. для призрѣнія арестантскихъ дѣтей, съ согласія родителей, внѣ тюрьмы.

—

При новороссійскомъ университетѣ, учреждается общество правовѣдѣнія и государственныхъ знаній. Проектъ этого общества, разсмотрѣнный совѣтомъ университета, въ настоящее время препровожденъ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, для утвержденія. Цѣль общества, какъ сообщаетъ „Южн. Обозр.“, теоретически и практически разрабатывать отечественное право и содѣйствовать успѣхамъ и распространенію юридическихъ и государственныхъ знаній.

—

Центральный Комитетъ Международнаго Союза криминалистовъ разослалъ слѣдующее сообщеніе своимъ членамъ.

Комитетъ, собравшись въ Берлинѣ 16 апрѣля 1898 г. (н. ст.), постановилъ слѣдующее:

1) Союзъ принимаетъ съ благодарностью приглашеніе, которое ему сдѣлало венгерское правительство. Вслѣдствіе этого ближайшее общее собраніе Союза состоится въ Будапештѣ въ первой половинѣ сентября 1899 г. (н. ст.)

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Комитетъ сообщаетъ, что программа занятій этого съѣзда будетъ состоять въ слѣдующемъ:

А. Вопросы, подлежащіе обсужденію собранія.

I. *Выясненіе существа нарушеній* (опредѣленіе, репрессія и порядокъ производства).

а) Такъ какъ усматривается существенная разница съ одной стороны, между нарушеніями, т. е. дѣяніями, вытекающими изъ полицейскаго права, и съ другой стороны—иными преступными дѣяніями, которыя примыкаютъ къ уголовному праву, то союзъ желаетъ знать, какимъ образомъ эта разница выражена въ уголовныхъ кодексахъ каждой страны:

1) въ постановленіяхъ, въ коихъ изложены основныя понятія уголовнаго права, (въ особенности соучастіе, покушеніе, рецидивъ и т. д.);

2) въ карательныхъ постановленіяхъ;

3) въ процессуальныхъ постановленіяхъ (предварительное разслѣдованіе и т. д.);

4) въ судебныхъ учрежденіяхъ (подсудность мировыхъ судей).

б) Такъ какъ, повидимому, не имѣется значительной разницы между терминами уголовнаго права: „преступленіе“ и „проступокъ“, то Союзъ желаетъ имѣть свѣдѣнія о проведеніи этихъ терминовъ въ кодексахъ отдѣльныхъ странъ.

в) Желательны-ли какія-либо измѣненія въ дѣйствующихъ кодексахъ по вопросу объ употребленіи означенныхъ терминовъ, и если желательно, то какія именно.

II. *Вліяніе старости* на *отвѣтственность за уголовныя дѣянія.*

III. *Международная защита несовершеннолѣтнихъ отъ истязаній.*

Б) Частныя сообщенія.

В) Различныя предложенія объ измѣненіи внутренней организаціи Союза.

1) Выборъ мѣстопребыванія комитета.

2) Вопросы, касающіеся изданія бюллетеня.

3) Вопросы, касающіеся изданія книги Legislation pénale comparée

Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить гг. членовъ, что международный пенитенціарный конгрессъ, организованный международной пенитенціарной комиссіей, соберется въ Брюсселѣ въ 1900 г. Бельгійское правительство пригласило Международный Союзъ принять участіе въ этомъ конгрессѣ. Комитетъ обращается поэтому ко всѣмъ членамъ съ просьбой принять это приглашеніе и сдѣлать доклады по вопросамъ, намѣченнымъ къ обсужденію. Подробная программа этого конгресса была напечатана уже въ бюллетенѣ Союза (стр. 145).

—

По словамъ *Deutsche Juristen-Zeitung*, бельгійскій министръ юстиціи сдѣлалъ недавно попытку осуществить на практикѣ слѣдующаго рода симпатичную идею. Королевскимъ указомъ отъ 3 августа образованъ при министерствахъ юстиціи и иностранныхъ дѣлъ особый комитетъ *для разработки воросовъ частнаго международнаго права.* Комитетъ этотъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра юстиціи и президента палаты, изъ четырехъ членовъ: одного члена кассаціоннаго суда, одного ученаго-спеціалиста и двухъ членовъ отъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи. Согласно указу, комитетъ долженъ: 1) изучать способы возможно скорѣйшаго достиженія международной кодификаціи частнаго международнаго права, 2) подготовлять матеріалы для тѣхъ лицъ, которыя должны будутъ являться представителями Бельгіи на конференціяхъ по частному международному праву, и 3) давать заключенія по вопросамъ о внесеніи въ трактаты тѣхъ или другихъ нормъ изъ области коллизіоннаго права.

Вмѣстѣ съ увеличивающимся международнымъ оборотомъ—растетъ съ каждымъ днемъ и значеніе тѣхъ вопросовъ, которые еще недавно скромно ютились подъ рубрикой „*collisio statutorum*“. Между тѣмъ, ни теорія ни практика до сихъ поръ не обращаютъ должнаго

вниманія на новую науку, по справедливости окрещенную „труднѣйшей частью юриспруденціи“. Поэтому, нельзя не привѣтствовать благое начинаніе бельгійскаго правительства.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Отдѣленіе обычнаго права.

Въ засѣданіи 25 ноября, вмѣсто заболѣвшаго предсѣдателя А. Х. Гольмстена, товарищъ предсѣдателя А. А. Башмаковъ сдѣлалъ сообщеніе о положеніи дѣла собиранія и разработки юридическихъ обычаевъ, ради котораго въ прошломъ году и было создано новое (4-е) отдѣленіе общества. Задача этого отдѣленія встрѣтила въ одинаковой мѣрѣ сочувственное отношеніе какъ со стороны правительства, такъ и со стороны общества. Министерство внутреннихъ дѣлъ разрѣшило отдѣленію выписывать книги рѣшеній волостныхъ судовъ. Отдѣленіе воспользовалось этимъ важнымъ правомъ, и по его требованію были доставлены въ его распоряженіе рѣшенія Угличскаго уѣзда, Ярославской губ. Изъ этихъ рѣшеній студентами университета подъ руководствомъ магистрантовъ извлекаются, а затѣмъ группируются тезисы. Работа идетъ успѣшно. Еще болѣе важнымъ должно быть признано то сочувственное отношеніе, которое задача отдѣленія вызвала въ провинціи. Въ цѣломъ рядѣ городовъ образовались какъ бы мѣстные отдѣлы, дѣятельно работавшіе надъ тѣмъ же дѣломъ изученія русскаго обычнаго права. Такіе отдѣлы образовались въ Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Рязани, Минскѣ, Харьковѣ и мн. др. городахъ. Однимъ изъ такихъ провинціальныхъ работниковъ является Н. С. Илларіоновъ, прочитавшій докладъ, основныя положенія котораго заключались въ слѣдующемъ:

1) Крестьянское населеніе въ сферѣ частныхъ гражданскихъ отношеній руководствуется искони сложившимися нормами обычнаго права, существованіе котораго установлено литературой.

2) Законы Имперіи признаютъ за юридическими обычаями силу дѣйствующихъ юридическихъ нормъ, замѣняющихъ писанные законы.

3) X томъ св. зак. не отвѣчаетъ бытовымъ условіямъ народной жизни.

4) Уѣздные съѣзды при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, вытекающихъ изъ общиннаго устройства крестьянскаго населенія и общей семейной собственности, должны примѣнять обычное право безъ ссылки сторонъ, и, въ случаѣ незнакомства судей съ мѣстнымъ обычаемъ, поручать одному изъ членовъ установить таковой на сельскомъ сходѣ, или путемъ выписокъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ и приговоровъ сельскихъ сходовъ, а также изъ книгъ для записокъ договоровъ и сдѣлокъ.

5. Обычныя нормы, установленныя указаннымъ выше порядкомъ и примѣненныя при разрѣшеніи дѣлъ, должны быть вносимы въ особые сборники.

6. Изученіе и кодификація обычнаго права, требуетъ непосредственнаго участія правительства, какъ въ организаціи работы, такъ и въ обезпеченіи ея успѣшности денежными средствами и обязательнымъ содѣйствіемъ мѣстныхъ органовъ суда и администраціи.

Въ послѣдовавшихъ за рефератомъ преніяхъ Л. І. Петражицкій замѣтилъ, что не слѣдуетъ преувеличивать надежды, возлагаемыя на обычное право и выступать по отношенію къ нему съ большими требованіями. Обычное право развивается подъ вліяніемъ слѣпыхъ силъ, и законъ долженъ властно контролировать въ области гражданскихъ правоотношеній вырабатывающееся обычное право; предоставленіе этому послѣднему рѣшающаго значенія привело бы къ тому, что сильные предписывали бы право слабымъ.

Г. Б. Сліозбергъ находилъ положенія докладчика неправильными. По его мнѣнію, неправильно, чтобы крестьяне судились по однимъ законамъ—обычному праву, а прочіе классы населенія—по писаннымъ законамъ. Задача разработки обычнаго права должна заключаться въ выясненіи, не пора-ли уже эманципировать крестьянъ и отъ обычнаго права.

Г. Дружининъ отмѣтилъ желательность введенія обычая въ законъ.

Предсѣдательствующій указалъ на то, что тяжелая рука юриста не должна давить на народную жизнь, и что знаніе обычаевъ послужитъ „путеводными фонарями“ въ законодательныхъ работахъ.

Административное отдѣленіе.

Въ засѣданіи 28 ноября, весьма многолюдномъ, Л. І. Петражицкій прочиталъ рефератъ на тему: Что такое право? — Эта проблема издавна занимала умы геніальнѣйшихъ представителей человѣческой мысли, но всѣ попытки ея разрѣшенія остались пока безуспѣшными. Безплодность усилій создала сомнѣніе въ самой возможности рѣшить задачу, и въ послѣднее время скептическое направленіе находитъ все новыхъ сторонниковъ. Сомнѣнія эти можно было бы признать основательными только въ томъ случаѣ, если бы на основаніи данныхъ о средствахъ и границахъ познанія было доказано, что означенная проблема недоступна для человѣческаго интеллекта. Между тѣмъ, матеріалъ—и отнюдь не трансцедентный—для рѣшенія вопроса о существѣ права несомнѣнно имѣется и состоитъ изъ нашихъ внутреннихъ психическихъ актовъ, вызываемыхъ этими актами различныхъ тѣлодвиженій и воздержаній отъ нихъ, а также изъ всякаго рода историческихъ памятниковъ, писемъ путешественниковъ и т. д., свидѣтельствующихъ о дѣйствіяхъ и рѣчахъ людей. Наблюденіе надъ этимъ матеріаломъ показываетъ, что иногда наше поведеніе бываетъ совершенно свободно, мы не чувствуемъ себя чѣмъ-либо связанными въ выборѣ того или иного пути. Напротивъ, въ другихъ случаяхъ наше поведеніе предопредѣляется „внутреннимъ голосомъ“, „совѣсть повелѣваетъ“ намъ сдѣлать то или другое, и мы эту связанность нашей воли выражаемъ словами „долгъ, долженствованіе, обязанность, обязательство“, — а тѣ убѣжденія, которыя авторитетно регулируютъ поведеніе, мы называемъ нормами, императивами. Въ свою очередь и при связанности нашей воли мы въ однихъ случаяхъ (напр. когда мы благодѣтельствуемъ кого-либо) сознаемъ возможность перемѣнить наше намѣреніе, отвернуть отъ даннаго лица положительный полюсъ нашего намѣре-

нія,—иначе говоря, сознавая свою обязанность, мы отрицаемъ закрѣпленіе ея за даннымъ лицомъ; напротивъ, въ другихъ случаяхъ (когда рѣчь, напр., идетъ объ отдачѣ занятыхъ денегъ) мы лишены свободы дать или не дать, сдѣлать или не сдѣлать, и исполненіе обязанности представляется не добрымъ дѣломъ, а лишь „suum tribuere, neminem laedere“.

Такое же различіе существуетъ и на сторонѣ лицъ, на которыхъ направленъ положительный полюсъ нашей обязанности: въ однихъ случаяхъ, считая то или другое обязанностью даннаго лица, мы, однако, признаемъ, что его добрая воля—исполнить ее или не исполнить, въ другой категоріи случаевъ мы не оставляемъ мѣста доброй волѣ лица, сознаемъ его обязанность закрѣпленной за нами, какъ наше добро. Сознаніе закрѣпленности выражается словомъ „право“, причемъ чрезвычайно характерно, что для выраженія этого отношенія человѣческая рѣчь (безусловно всѣхъ народовъ) не всегда пользуется словомъ „право“, а иногда просто указываетъ на принадлежность долга одного лица другому. Различію обязанностей соотвѣтствуетъ и различіе опредѣляющихъ эти обязанности нормъ. Однѣ изъ нихъ односторонне императивны („люби ближняго, утѣшай страждущихъ“), другія же, сверхъ императива, авторитетно отдаютъ другому то, чего онѣ требуютъ отъ насъ, т. е. состоятъ изъ imperare и attribuere. Поэтому первыя нормы можно назвать императивами, а вторыя—аттрибутивами, и эти аттрибутивныя нормы и суть нормы права, юридическія, правовыя нормы.

Указанное различіе нормъ объясняетъ своеобразную структуру юридическихъ наукъ: между тѣмъ какъ этика, знающая только императивы, трактуетъ исключительно объ обязанностяхъ и объ ихъ субъектѣ,—юридическія науки изучаютъ также и права, говорятъ не только о субъектахъ обязанностей, но и о субъектахъ правъ.

Аттрибутивная природа права, дѣйствуя въ качествѣ психологическаго фактора, вызываетъ въ области права цѣлый рядъ своеобразныхъ явленій, которыя не вытекаютъ изъ логическаго понятія права, не служатъ существеннымъ моментомъ этого понятія, но естественно сопутствуютъ праву.

Сюда относится требованіе исполненія, принужденіе и репрессія; стремленіе къ позитиваціи нормъ права, т. е. къ выработкѣ права, опредѣляемаго по однообразнымъ для всѣхъ, внѣшне распознаваемымъ признакамъ, причемъ, однако, развитіе позитивнаго права не вытѣсняетъ и не лишаетъ значенія аттрибутивныя убѣжденія, лишенныя внѣшней санкціи (интуитивное право); сюда же слѣдуетъ отнести и стремленіе къ третейскому, судебному разбирательству, а также и распредѣлительное и организаціонное вліяніе аттрибутивныхъ нормъ.

Съ другой же стороны, всѣ эти явленія, вытекающія непосредственно изъ аттрибутивнаго характера права, застилаютъ предъ глазами jurisprudentium существо его и обращаютъ ихъ вниманіе исключительно на тѣ нормы, которыя пользуются признаніемъ и защитой государства (официальное право). Въ этомъ именно обстоятельствѣ и кроется причина безплодности всѣхъ усилій разрѣшить проблему существа права, неистощимый источникъ противорѣчій.

Рефератъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній между членами общества, и засѣданіе было закрыто во 2-мъ часу ночи.

Кавказское юридическое общество.

20 ноября состоялось годичное засѣданіе общества, въ которомъ извѣстный гипнотизеръ О. И. Фельдманъ прочелъ рефератъ „о гипнотизмѣ и внушеніяхъ въ правѣ“. Изложивъ въ общихъ чертахъ исторію внушеній и сущность гипнотизма, референтъ высказалъ, что гипнотическій сонъ есть сонъ нормальный, естественный, а внушеніе есть ничто иное, какъ психическое воздѣйствіе, посредствомъ котораго идея вводится въ мозгъ субъекта и имъ усвоивается. При внушеніи воля субъекта подавлена, контролирующая дѣятельность парализована, и подвергшійся внушенію субъектъ становится слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ гипнотизера. При исполненіи загипнотизированнымъ внушеннаго ему дѣйствія онъ находится въ состояніи гипнотическаго транса и не только лишенъ возможности руководить своими поступками, но даже не сознаетъ и впослѣдствіи не помнитъ совершеннаго имъ подъ вліяніемъ внушенія дѣйствія. Далеко не всякій субъектъ подчиняется внушенію гипнотизера; весьма трудно внушить честному человѣку безчестную идею; въ такихъ случаяхъ гипнотизеры прибѣгаютъ къ *косвенному* внушенію, состоящему въ томъ, что, напр., субъекту А. внушается, что онъ не А., а Б., и этому послѣднему предписывается совершить безчестный поступокъ, такъ что въ подобныхъ случаяхъ А., исполняя внушеніе, дѣйствуетъ не отъ своего лица, а отъ лица другого человѣка.

Рефератъ вызвалъ возраженія со стороны членовъ общества. Г. Грузенбергъ указалъ, что съ точки зрѣнія психологической школы, къ которой, повидимому, принадлежитъ референтъ, пришлось бы признавать внушеніемъ всякое воздѣйствіе одного человѣка на другого въ области мысли, что̀, очевидно, было бы крайне ошибочно; прогрессъ умственной и нравственной жизни на томъ и зиждется, что умъ и душа болѣе возвышенныя и сильныя воздѣйствуютъ на умы и души болѣе слабыя, и силою убѣжденія сообщаютъ имъ новыя идеи, понятія. Слѣдуетъ отдать предпочтеніе школѣ Шарко, которая видитъ въ гипнотическомъ состояніи искусственное или экспериментальное нервное состояніе, котораго разнообразныя обнаруженія появляются или исчезаютъ по волѣ наблюдателя. Во всякомъ случаѣ, для права, въ его практическомъ примѣненіи, безразлично, чѣмъ и какъ могутъ быть объяснены причины гипнотическихъ явленій; здѣсь важно, что гипнотическое состояніе несомнѣнно существуетъ и характеризуется отсутствіемъ у загипнотизированнаго сознанія свойства и значенія совершаемаго имъ дѣянія и способности руководить своими поступками; загипнотизированный долженъ быть признанъ невмѣняемымъ и освобожденъ отъ наказанія.

Г. Иваненко указалъ на смѣшеніе референтомъ понятій внушенія и убѣжденія, причемъ для иллюстраціи различія между ними привелъ нѣсколько примѣровъ.

Библіографія.

В. И. Семевскій. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе. Т. I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г. LXXXIV+577 стр. Цѣна 3 р. Т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 г. VI+914 стр. Цѣна 3 р.—Изданіе И. М. Сибирякова. Спб. 1898.

Не только для историка, но и для политико-экономa и юриста эта книга является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ событій нашей литературы за послѣдніе годы. Авторъ съ такимъ мастерствомъ рисуетъ потрясающую картину безотраднаго положенія пріисковыхъ рабочихъ, что книга эта захватитъ и тѣхъ, кого общественная жизнь не интересуетъ вовсе, а тѣмъ, въ комъ эти интересы не заглохли, во время чтенія не разъ овладѣетъ чувство ужаса и безконечной жалости.

Съ точки зрѣнія пріемовъ ученой работы, трудъ этотъ занимаетъ совершенно исключительное положеніе: авторъ, положившій на него болѣе десяти лѣтъ, ознакомился со всею громадною литературою предмета, большею частью журнальною и даже газетною, обслѣдовалъ архивы центральныхъ учрежденій—Госуд. Совѣта, Комитета Министровъ и нѣк. министерствъ, но, не ограничась этимъ, онъ объѣхалъ архивы мѣстныхъ сибирскихъ административныхъ учрежденій (Иркутск. ген.-губерн., горныхъ управленій, горныхъ исправниковъ, полицейскихъ управленій и даже волостныхъ правленій) и частные архивы золотопромышленниковъ; извлекъ оттуда не мало чрезвычайно интереснаго матерьяла; вступалъ въ сношенія съ золотопромышленниками и ихъ служащими, опрашивалъ рабочихъ и старожиловъ, посѣщалъ пріиски, спускался въ шахты,—словомъ не упустилъ ничего, чтобы пріобрѣсти полное, живое знаніе разрабатываемаго имъ вопроса.

Критика матерьяловъ офиціальнаго характера, оцѣнка ихъ и провѣрка на основаніи офиціальныхъ же источниковъ обнаруживаютъ въ авторѣ, первоклассномъ историкѣ, и тонкаго знатока современной эпохи и не меньшаго мастера слова.

Рисуемыя имъ картины, въ особенности относящіяся къ дореформенной эпохѣ, совершенно неправдоподобны и могли бы вызвать сомнѣніе въ вѣрности передаваемыхъ фактовъ, если бы каждое слово автора не подтверждалось ссылками или на офиціальные источники или на свидѣтельство тѣхъ, въ интересы кого вовсе не входило открытіе такой истины.

Но и въ восьмидесятыхъ годахъ мы встрѣчаемся съ 18-ти часовымъ рабочимъ днемъ, съ заработкомъ въ нѣсколько рублей въ годъ, съ тѣмъ, что рабочихъ наказываютъ по требованію промышленниковъ арестомъ, розгами; офиціальная переписка должностныхъ лицъ говоритъ о порядкѣ дѣлежа получаемыхъ взятокъ.

Мѣропріятія правительства, почти всегда направленныя къ улучшенію быта рабочихъ, рѣдко достигали цѣли и иногда обращались прямо во вредъ рабочимъ. И тому, кто пожелалъ бы выяснить себѣ, когда, при какихъ условіяхъ, начало законности можетъ дѣйствительно войти въ жизнь, книга Семевскаго даетъ громадный матерьялъ для самыхъ поучительныхъ размышленій. *Н. Лазаревскій.*

К. Д. Анциферовъ. Сборникъ статей и замѣтокъ по уголовному праву и судопроизводству. Спб. 1898 г.

Настоящій сборникъ, изданный С.-Петербургскимъ юридическимъ обществомъ подъ наблюденіемъ В. М. Володимірова и А. Ѳ. Кони, представляетъ собою довольно крупный томъ въ 37 печатныхъ листовъ. Въ него вошли далеко не всѣ, а лишь важнѣйшія изъ статей покойнаго К. Д. Анциферова. „Статьи эти написаны много лѣтъ тому назадъ подъ вліяніемъ практическихъ требованій минуты. Но, тѣмъ не менѣе, въ нихъ встрѣчается не мало положеній и мыслей, пригодность и значеніе которыхъ утратится еще не скоро. Кромѣ того, многія изъ статей и замѣтокъ любопытны и поучительны, или какъ историческій матеріалъ, какъ изображеніе состоянія нашей судебной практики, особенно въ начальные ея періоды,- или какъ выраженіе нравственной личности столь рано умершаго автора,—или какъ историческое свидѣтельство, какъ отраженіе направленій, теченій и колебаній юридической мысли по многимъ существеннымъ вопросамъ, волновавшимъ нашъ юридическій міръ за послѣдніе 25 лѣтъ".

Вслѣдствіе этого нельзя не отнестись съ благодарностью къ юридическому обществу, которое такъ прекрасно почтило память своего бывшаго члена, а также къ редакторамъ сборника, которымъ пришлось положить не мало времени и труда на то, чтобы розыскать въ старыхъ журналахъ статьи Анциферова и привести ихъ въ порядокъ.

Въ особенности же должны привѣтствовать настоящее изданіе бывшіе слушатели покойнаго, которые, какъ авторъ этихъ строкъ, помнятъ живую, интересную рѣчь своего профессора и его теплое и доброе отношеніе къ молодежи.

А. Левенстимъ.

Шиповъ-Щульцъ. Законъ и Земство. *Спб. 1898 г. Цѣна 1 р. 50 к.*

Странная книга! Заглавіе ея такъ заманчиво, а *вмѣсто* содержанія какіе-то отрывки законовъ, обрывки мыслей, не связанные общимъ планомъ, лишенные общей идеи. Трудно даже рѣшить, что́ собственно хотѣлъ дать авторъ: обзоръ-ли русскаго земскаго строя или сравнительное изложеніе различныхъ системъ самоуправленія? Это не работа по русскому праву, ибо добрыхъ $^7/_8$ книги заняты отчасти изложеніемъ, отчасти переводомъ англійскихъ законовъ; но это и не трудъ по сравнительному праву, ибо авторъ излагаетъ *только* англійское и русское право. Такая параллелизація столь чуждыхъ системъ самоуправленія, какъ англійская и русская,—въ высшей степени безплодна. Самъ г. Шиповъ-Шульцъ, кажется, признаетъ это: по крайней мѣрѣ, онъ отказывается дѣлать какіе-бы то ни было выводы изъ нея.

Къ тому же, изложеніе англійскаго права неполно и неточно, такъ что оно совсѣмъ не даетъ картины современнаго англійскаго самоуправленія. Достаточно сказать, что авторъ просмотрѣлъ коренное измѣненіе самыхъ принциповъ англійскаго мѣстнаго управленія, происшедшее во второй половинѣ нашего вѣка и приблизившее Англію въ значительной мѣрѣ къ демократіи. Стоило г. Шипову-Шульцу прочитать хотя бы книгу Вотье „Мѣстное управленіе Англіи" 1896 г., и онъ избѣгъ бы этой роковой ошибки. Но авторъ вообще обходитъ современную литературу. Если онъ и ссылается на какія-либо сочиненія, то исключительно на почтенныя уже по одной своей древности. Такъ, вопросъ о губныхъ старостахъ онъ излагаетъ *только* по статьѣ А. Н. Попова, напечатанной въ 1848 г.; въ главѣ о судѣ присяжныхъ онъ ограничивается передачею содержанія извѣстной книги Митермайера. Неоспоримо, что книга Миттермайера весьма цѣнная вещь, но именно поэтому излишне передавать ея содержаніе, хорошо всѣмъ знакомое.

При всемъ томъ въ книгѣ г. Шипова-Шульца находится нѣсколько интересныхъ мыслей, напр., о необходимости прихода, какъ первоначальной зем-

ской единицы; о желательности передачи вѣдѣнія уѣздной полиціи уѣздному земству, о нецѣлесообразности исключенія изъ сельскаго общества крестьянъ, получившихъ званіе почетнаго гражданина, и т. д. Но докапываться до этихъ мыслей—весьма скучное и трудное занятіе, уже хотя бы по одному тому, что пишетъ г. Шиповъ-Шульцъ какимъ-то удивительнымъ полуофиціальнымъ языкомъ.

В. У.

Dr. Georg von Mayr. *Statistik und Gesellschaftslehre.* I Band: Theoretische Statistik, Freiburg, Mohr, 1895 (VIII+220 стр.). II. Band: Bevölkerungsstatistik, тамъ же, 1897 (X+486 стр.).

Входящій въ составъ Марквардсенскаго „Handbuch des Oeffentlichen Rechts“ трудъ мюнхенскаго профессора Майра задуманъ—а въ большей своей части уже и выполненъ—по слѣдующему плану. Послѣ введенія, посвященнаго опредѣленію понятія и границъ науки статистики, излагаются пріемы собиранія, сводки, изданія и научной обработки статистическаго матеріала. поскольку эти пріемы являются общимъ достояніемъ различныхъ отраслей статистическаго изслѣдованія. Къ этой части примыкаютъ ученіе о статистическихъ учрежденіяхъ и краткій очеркъ исторіи статистики, какъ искусства и науки. Таково содержаніе 1-го тома, озаглавленнаго: „Теоретическая статистика“. Томы-же 2-й и не вышедшій еще 3-й должны вмѣстѣ дать систему „Практической статистики“, цѣлью которой авторъ ставитъ сообщеніе результатовъ статистики, сопровождаемое изложеніемъ, по поводу каждаго отдѣльнаго вопроса, примѣняющихся къ его изученію спеціальныхъ методовъ статистическаго наблюденія и изслѣдованія. Такимъ образомъ, о переписяхъ населенія говорится не въ 1-мъ томѣ, а во 2-мъ, непосредственно передъ сообщеніемъ данныхъ о численности и составѣ населенія; во 2-мъ же томѣ, по выясненіи понятія той или иной статистической величины, какъ напр. коэффиціента рождаемости или смертности, тотчасъ приводятся численныя значенія данной величины для различныхъ государствъ и эпохъ.

Указанный способъ расположенія матеріала науки представляетъ несомнѣнное дидактическое преимущество передъ установившимся обычаемъ сливать въ одно общую и особенную части теоріи статистики, а при изложеніи результатовъ статистики вовсе не касаться техники и методологіи. Дѣло въ томъ, что описаніе во всѣхъ подробностяхъ пріемовъ статистическаго наблюденія и изслѣдованія, при полной отрѣшенности этого описанія отъ области статистическихъ фактовъ, способно заинтересовать весьма немногихъ, между тѣмъ какъ принятый Майромъ порядокъ изложенія даетъ читателю (или слушателю) возможность убѣдиться тутъ же, при ознакомленіи съ подлежащей частью фактической статистики, въ значеніи и важности усвоенныхъ имъ предварительно и, такъ сказать, попутно свѣдѣній формальнаго характера.

Практическая статистика заключаетъ въ себѣ, по Майру, слѣдующія части: 1) статистику населенія, 2) нравственную стат., 3) стат. образованія, 4) хозяйственную стат. и 5) политическую стат. Изъ нихъ статистика населенія составляетъ исключительное содержаніе 2-го тома, который, несмотря на значительный его объемъ, вовсе не является сколько-нибудь полнымъ сводомъ данныхъ сравнительной статистики въ названной области. Къ полнотѣ авторъ стремится лишь въ томъ смыслѣ, чтобы не оставить безъ упоминанія и критической оцѣнки ни одной изъ тѣхъ различныхъ точекъ зрѣнія, которыя доселѣ примѣнялись къ изслѣдованію демографическихъ явленій, и можно сказать, что книга, въ общемъ, удовлетворяетъ понимаемому такимъ образомъ требованію полноты. Не будучи загромождено чрезмѣрнымъ количествомъ таблицъ, руководство Майра для большинства лицъ, интересующихся статистикой, выигрываетъ въ смыслѣ удобочитаемости также и отъ того, что оно вполнѣ свободно отъ математическихъ формулъ. Хотя авторъ подчасъ и считается съ такъ называемыми математическими статистиками, однако онъ держится того мнѣнія, что „спеціальный видъ изслѣдованій, доступный лишь ограниченному числу лицъ съ математической подготовкой и, къ тому же, не составляющій необходимаго условія пониманія предмета, не можетъ входить составною частью въ общую статистику, которая является общественной наукой, разсчитанной на широкій кругъ образованныхъ людей“. Нельзя кстати не замѣтить, что, въ особенности въ виду ясно выраженнаго въ приведенныхъ словахъ стремленія автора къ популяризаціи статистическихъ знаній, иныя части руководства поражаютъ схоластичностью изложенія. Этотъ, скорѣе внѣшній, недостатокъ труда искупается, впрочемъ, выдающимися внѣшними же его достоинствами, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ добросовѣстно приведенный авторомъ принципъ указыванія, по каждому отдѣльному вопросу его литературы съ приведеніемъ не только точныхъ заглавій, но и подлежащихъ параграфовъ и страницъ соотвѣтственныхъ сочиненій. Приложенные къ обоимъ томамъ весьма подробные алфавитные указатели предметовъ, о которыхъ говорится въ каждомъ изъ этихъ томовъ, существенно облегчаютъ пользованіе ими. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что за руководствомъ Майра, вполнѣ оправдавшимъ ожиданія всѣхъ, кто издавна привыкъ чтить въ его составителѣ практика и теоретика статистики, соединяющаго съ горячей преданностью дѣлу рѣдкую многосторонность и эрудицію въ этой области, упрочено на сравнительно продолжительное время значеніе настоящаго standard-work для всей сферы вліянія нѣмецкой науки.

В. Борткевичъ.

Судебная и судебно-административная практика.

Первый Департаментъ Правит. Сената.

Наложеніе общественными собраніями взысканій на гласныхъ за неявку въ собраніе безъ уважительныхъ причинъ. Ст. ст. 59 и 60 пол. о зем. учр.; ст. ст. 60 и 61 город. пол.).

Имѣютъ-ли общественныя собранія право наложенія взысканій за неявку безъ уважительныхъ причинъ на представителей различныхъ вѣдомствъ, участвующихъ въ собраніяхъ на правахъ гласныхъ (ст. 56 пол. о зем. учр; ст. 57 гор. пол.)?

По этому вопросу 15 октября 1898 г. состоялось слѣдующее, весьма важное съ принципіальной точки зрѣнія, рѣшеніе Сената:

„Право обсужденія, по предложенію предсѣдателя, причинъ неявки гласнаго въ собраніе и наложенія на нихъ за это взысканія можетъ относиться лишь къ гласнымъ, избраннымъ въ установленномъ закономъ порядкѣ, но не къ представителямъ вѣдомствъ, участвующимъ въ засѣданіяхъ собранія лишь на правахъ гласныхъ. Почему и принимая во вниманіе, что допущеніе къ участію въ собраніи представителей вѣдомствъ вызвано исключительно инте-

ресами сихъ послѣднихъ, и что поэтому отсутствіе ихъ въ собраніи, безъ уважительныхъ причинъ, является проступкомъ служебнымъ, выражающимся въ небрежномъ исполненіи возложенной на должностное лицо обязанности, но никакъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ дѣяніе, направленное противъ порядка производства дѣлъ въ общественныхъ собраніяхъ,—случаи уклоненія представителя какого-либо вѣдомства отъ участія въ засѣданіяхъ собранія могутъ давать лишь поводъ предсѣдателю собранія къ сообщенію о семъ заинтересованному вѣдомству".

Ст. ст. 59 и 60 пол. о земск. учр., равно какъ ст. ст. 60 и 61 город. полож., предписывая, подъ страхомъ дисциплинарнаго взысканія, обязательное присутствованіе на собраніяхъ, весьма категоричны и не допускаютъ никакихъ исключеній (*никто изъ гласныхъ* не можетъ уклоняться и т. д.). Не распространяя дисциплинарной власти собраній на представителей вѣдомствъ, участвующихъ въ нихъ на правахъ гласныхъ, Сенатъ, очевидно, полагаетъ, что означенные представители къ числу *гласныхъ* не принадлежатъ.

Подобный взглядъ находитъ себѣ полное подтвержденіе какъ въ самомъ законѣ, такъ и въ предыдущей практикѣ Сената. Изъ сопоставленія различныхъ статей полож. о земск. учрежд. и город. полож. явствуетъ, что законъ строго отличаетъ болѣе узкое понятіе гласнаго отъ болѣе широкаго понятія члена собранія; гласными онъ называетъ исключительно выборныхъ лицъ; членами собранія—какъ гласныхъ, такъ и представителей различныхъ вѣдомствъ (Срв. ст. ст. 14, 52, 56, 57, 71 и мн. др. пол. о земск. учр.; также ст. ст. 56 и 57 город. пол.). Это обстоятельство отмѣчается уже сен. опредѣленіемъ 4 дек. 1870 г. (Собр. узак. 10 сент. 1871 г. № 78). По словамъ Сената, законъ, не дѣлая никакого различія между правами земскихъ гласныхъ и представителей казеннаго и удѣльнаго вѣдомствъ во всемъ, что касается обсужденія дѣлъ, отличаетъ ихъ другъ отъ друга по названію, именуя первыхъ гласными, а вторыхъ только членами. Точно также указъ Прав. Сен. 24 сент. 1894 г. № 9377 прямо опредѣляетъ, что депутаты отъ духовнаго вѣдомства, участвующіе, согласно ст. 57 гор. пол. въ городской думѣ, не принадлежатъ къ категоріи гласныхъ.

Такимъ образомъ, вышеприведенное рѣшеніе Сената, правильно толкуя законъ, подтверждаетъ снова слѣдующій тезисъ: представители различныхъ вѣдомствъ, участвующіе въ общественныхъ собраніяхъ, не суть гласные. Тезисомъ этимъ опредѣляется не только толкованіе ст. ст. 59 и 60 пол. о зем. учр. и 60 и 61 гор. пол., но и цѣлаго ряда другихъ.

Такъ, прежде всего, если представители вѣдомствъ не гласные, они не могутъ быть избираемы губернскимъ земскимъ собраніемъ или городскою думой въ члены губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія (ст. 8 пол. о земск. учр.; ст. 12 город. пол.).

Далѣе, они не могутъ быть избираемы въ члены «особыхъ комиссій *изъ гласныхъ*», на которыхъ земское собраніе или городская дума возлагаютъ предварительное разсмотрѣніе болѣе спорныхъ дѣлъ ст. 10 прил. къ ст. 6, ст. 72 пол. о зем. учр.; ст. 68 гор. пол. См. въ этомъ смыслѣ распоряж. губ. правл. въ Правит. Вѣстн. 1879 г. № 24). Точно также они не могутъ быть избираемы на должности предсѣдателя и членовъ земскихъ управъ, головы, товарища головы и членовъ городскихъ управъ, членовъ исполнительныхъ комиссій и т. д., если только по своему имущественному цензу они не имѣютъ права голоса на земскихъ или городскихъ избирательныхъ собраніяхъ (см. ст. ст. 79, 115 и 116 пол. о земск. учр.; ст. ст. 103, 115 и 116 город. пол.). Въ этомъ смыслѣ указ. М. В. Д. 12 іюня 1890 г. стр. 12 п. 1; точно также Ук. Пр. Сен. 24 сент. 1894 г. № 9377. *Contra* Ук. Пр. Сената 23 марта 1865 г. № 1529.

Наконецъ, при опредѣленіи законнаго состава земскихъ собраній или городскихъ думъ (ст. 74 пол. о земск. учр.; ст. 70 гор. пол.) принимается во вниманіе только число наличныхъ *гласныхъ*; что касается представителей вѣдомствъ, то они, въ данномъ случаѣ, въ счетъ не идутъ. Противоположное мнѣніе высказано въ сенатскомъ опред. отъ 9 ноября 1883 г. (Собр. уз. 1884 г. № 91). Согласно этому мнѣнію, представителей удѣльнаго и казеннаго вѣдомствъ слѣдуетъ считать въ числѣ гласныхъ земск. собраній при опредѣленіи законнаго состава, согласно ст. 74 пол. о зем. учр. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это послѣднее опредѣленіе находится въ прямомъ противорѣчіи со смысломъ закона и вышеуказанной практикой Сената, не признающей гласными представителей различныхъ вѣдомствъ.

2-й департаментъ Правительствующаго Сената.

Сдача въ аренду усадебныхъ участковъ подъ разработку ископаемыхъ (при общинномъ пользованіи землею, и если выкупная ссуда еще не погашена). — Прекращеніе незаконной разработки усадебныхъ участковъ. — Уничтоженіе неправильно заключенныхъ договоровъ объ арендѣ усадебныхъ участковъ подъ разработку ископаемыхъ.

Херсонское губ. присутствіе, на основаніи ст. 125 полож. зем. нач. и прим. 2 къ ст. 130 пол. крест. учр., вошло въ Пр. Сенатъ съ представленіемъ о разъясненіи слѣдующихъ вопросовъ: 1) имѣютъ-ли право отдѣльные крестьяне-домохозяева, при общинномъ пользованіи землею, отдавать принадлежащія имъ и семействамъ ихъ усадебныя земли подъ разработки ископаемыхъ; 2) обязанъ-ли участковый зем. нач. принимать какія-либо мѣры въ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльные домохозяева разработкою ископаемыхъ приводятъ свои усадебныя земли въ такое состояніе, при которомъ онѣ становятся совершенно непригодными для жилья или же для какого-либо иного хозяйственнаго пользованія, и 3) въ какомъ порядкѣ подлежатъ уничтоженію договоры, заключенные отдѣльными крестьянами съ посторонними лицами объ уступкѣ ими усадебныхъ земель для разработки ископаемыхъ.

Пр. Сенатъ нашелъ, что, по ст. 110 мѣст. велик. пол., усадебная земля каждаго кр. двора остается въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ оном семейства, и общество не вправѣ распоряжаться ею и передѣлять ее между своими сочленами. Точно также въ п. 1 ст. 30 прил. къ ст. 17 пол. госуд. крест. есть указаніе на то, что и у б. государственныхъ крестьянъ усадебныя земли передѣлу не подлежатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу ст. 160 пол. о выкупныхъ, земля, выкупленная цѣлымъ обществомъ, составляетъ собственность всего общества, которое, согласно 127 ст. того же пол., несетъ предъ правительствомъ круговую отвѣтственность за исправное пополненіе причитающихся за эту землю выкупныхъ платежей. Изъ сопоставленія этихъ двухъ законоположеній слѣдуетъ заключить, что при общинномъ землевладѣніи право распоряженія усадебною осѣдлостью можетъ быть предоставлено отдѣльнымъ домохозяевамъ лишь настолько, насколько этими

распоряженіями не нарушаются права цѣлаго сельскаго общества, какъ собственника всей отведенной ему земли, несущаго предъ правительствомъ отвѣтственность за исправное погашеніе выкупнаго долга каждаго своего сочлена. Такое заключеніе подтверждается еще нижеслѣдующими узаконеніями и разъясненіями Пр. Сената: на основаніи п. 15 ст. 51 общ. полож., сельскій сходъ имѣетъ право принимать мѣры къ предупрежденію накопленія недоимокъ; рѣшеніемъ же Пр. Сената отъ 12 ноября 1891 г. № 6484, въ разъясненіе сей статьи, установлено, что сельское общество имѣетъ право воспретить своимъ сочленамъ такое отчужденіе принадлежащаго имъ имущества, которое не вызывается разумною потребностью и можетъ впослѣдствіи привести общество къ необходимости платить по круговой порукѣ недоимки за сихъ членовъ или даже содержать ихъ семейства; въ прим. же къ ст. 126 полож. о вык. (по прод. 1890 г.), опредѣлено, что до погашенія выкупной ссуды отдѣльные кр. домохозяева не вправѣ обезцѣнивать свою усадебную осѣдлость продажею на сносъ усадебныхъ построекъ. Такимъ образомъ, изъ вышеприведенныхъ узаконеній и разъясненій Сената явствуетъ, что, при общинномъ землевладѣніи, за сельскимъ обществомъ должно быть признано право воспрещать отдѣльнымъ домохозяевамъ такое пользованіе усадебною ихъ осѣдлостью, которое обезцѣниваетъ эти усадьбы и уменьшаетъ обезпеченіе исправнаго взноса выкупныхъ платежей; а такъ какъ при разработкѣ ископаемыхъ на усадебныхъ земляхъ таковыя приводятся къ полной непригодности какъ для жилья, такъ и для другихъ хозяйственныхъ цѣлей, то такая разработка можетъ быть допущена не иначе, какъ съ согласія сельскаго общества, выраженнаго въ формѣ законно-постановленнаго приговора; посему и какъ, на основаніи т. 14 Высоч. утв. 2 мая 1895 г. мн. Гос. Сов. о дополненіи правилъ о частной горнопромышленности, общественные приговоры сего рода свидѣтельствуются зем. начальн. и представляются, въ случаѣ отдачи нѣдръ земли въ аренду постороннимъ лицамъ, на утвержденіе губ. присутствія, то Пр. Сенатъ нашелъ необходимымъ по первому изъ возбужденныхъ губ. присутствіемъ вопросовъ разъяснить: что, при общинномъ пользованіи землею, отдѣльные домохозяева имѣютъ право отдавать не выкупленные ими окончательно усадебные участки въ аренду для разработки ископаемыхъ не иначе, какъ съ согласія общества и разрѣшенія губ. прис.

По второму вопросу Пр. Сенатъ нашелъ, что вопросъ этотъ разъясняется п. 18 вышеприведеннаго Высоч. утв. 2 мая 1895 г. мнѣнія Гос. Совѣта, коимъ на з. начальниковъ возложена обязанность не допускать производства посторонними лицами на земляхъ сельскихъ обществъ работъ, на которыя у нихъ не имѣется утвержденнаго установленнымъ порядкомъ общественнаго приговора, въ виду чего, если з. нач. усмотритъ, что отдѣльные домохозяева отдачею подъ обработку ископаемыхъ усадебныхъ земель безъ согласія общества и утвержденія губ. прис., приводятъ свои усадебные участки въ непригодное для жилья или хозяйства состояніе,—то з. нач. обязанъ прекратить неправильное пользованіе, согласно п. 18 закона 2 мая 1895 г.

Относительно третьяго вопроса Пр. Сенатъ нашелъ, что онъ уже разъясненъ рѣшеніями общ. собр. 1 и касс. д-товъ Пр. Сената 30 апр. 1879 г. № 33, и 1 и 2 касс. д-товъ Пр. Сен. 1887 г. № 8 и 8 марта 1893 г. № 7, коими установлено, что уничтоженіе силы и значенія всякаго рода договоровъ, заключенныхъ съ нарушеніемъ спеціальныхъ узаконеній, заключающихся въ пол. о крест., зависитъ отъ судебныхъ, а не отъ крестьянскихъ учрежденій; причемъ въ послѣднемъ рѣшеніи общ. собр. (№ 7 1893 г.). точно указанъ тотъ порядокъ, коему должны слѣдовать губ. прис. при предъявленіи въ суд. учрежденіяхъ требованій объ уничтоженіи сдѣлокъ и договоровъ, совершенныхъ съ нарушеніемъ спеціальныхъ узаконеній о крест. (указъ 29 февраля 1896 г. № 1398).

Указъ этотъ, какъ намъ кажется, еще нигдѣ не напечатанный, имѣетъ огромное практическое значеніе гл. образомъ для южныхъ губерній, гдѣ крестьянскія земли нерѣдко весьма богаты залежами рудъ.

Признававшееся до сихъ поръ право дворохозяевъ сдавать свои усадебныя земли въ аренду, не испрашивая на то согласія общества, подвергнуто существенному ограниченію, и, по нашему мнѣнію, ограниченіе это не вполнѣ оправдывается тѣми законами, на которые ссылается Сенатъ.

Дѣйствительно, по первому изъ поставленныхъ вопросовъ соображенія Сената основаны на сопоставленіи ст. 127 и 160 пол. о вык. Между тѣмъ, статьи эти именно къ усадебнымъ землямъ вовсе не относятся. Согласно п. 4 ст. 127 при общинномъ землевладѣніи „выкупленная крестьяниномъ усадьба“ никогда не можетъ быть продана за недоимку выкупныхъ платежей *). Слѣдовательно, усадьба не можетъ почитатся обезпеченіемъ исправнаго отбыванія этихъ платежей. Поэтому, то или другое состояніе усадьбы не можетъ отразиться на мѣрѣ отвѣтственности общества за отдѣльнаго крестьянина. Что же собственно касается выраженія п. 4 ст. 127 „выкупленная крестьяниномъ усадьба“, то необходимо имѣть въ виду, что по терминологіи пол. о вык. „выкупленными“ угодьями называются пріобрѣтенныя крестьянами при посредствѣ выкупной операціи, совершенно независимо отъ того, погашена-ли выкупная ссуда или нѣтъ,—напр. ст. 159 и 160, прим. 2 къ ст. 161, ст. 171. Особенно рѣзко выступаетъ смыслъ термина „выкупленныя земли“ изъ сопоставленія заголовка гл. II разд. II. пол. о вык. „О правахъ крестьянъ-собственниковъ на выкупленныя земли“ съ текстомъ первой статьи этой главы (ст. 159) „Правила, изложенныя въ нижеслѣдующихъ статьяхъ, относятся до земель, по коимъ выкупная ссуда еще не уплачена».

И нельзя не замѣтить что терминологія эта безусловно соотвѣтствуетъ существу дѣла, такъ какъ надѣльная земля съ самаго перехода крестьянъ на выкупъ уже является *выкупленною* у помѣщика (хотя бы и путемъ займа у казны), а уплата выкупныхъ платежей представляетъ не покупку земли, а погашеніе лежащаго на ней казеннаго долга.

Соображенія Сената, основанныя на прим. къ ст. 126 пол. о вык. (въ свою очередь основанномъ не на прямомъ законѣ, а на сенатскомъ же разъясненіи), прямо противорѣчатъ положительному закону—ст.

---

*) При подворномъ владѣніи, согласно п. 5 ст. 133 пол. о вык., усадьбы могутъ быть продаваемы за недоимку, но лишь съ 1870 г.

173 пол. о вык., по которой выходящій изъ общества крестьянинъ можетъ продать усадебныя строенія постороннему лицу на сносъ и такимъ образомъ оставить новаго владѣльца участка (также состоящаго подъ круговою отвѣтственностью общества) безъ всякихъ строеній. Требованіе, чтобы такой продажѣ предшествовала уплата половины капитальнаго долга, не измѣняетъ существа дѣла, такъ какъ, во-первыхъ, къ 1896 г. половина долга почти повсемѣстно была уже погашена срочными выкупными платежами, а во вторыхъ этотъ взносъ половины капитальнаго долга не можетъ считаться установленною закономъ компенсаціею за *проданныя* прежнимъ собственникомъ усадебныя постройки, такъ какъ по закону (ст. 14 полож. о вык.) стоимость усадьбы опредѣляется не въ какомъ-либо постоянномъ отношеніи къ общей стоимости всего надѣла (половина, треть, четверть), а устанавливается по совершенно другой нормѣ—по числу ревизскихъ душъ въ семьѣ. Заключеніе Сената о необходимости согласія общества на горнозаводскую разработку усадебной земли, и притомъ, согласія выраженнаго въ формѣ приговора, прямо противорѣчитъ тому самому закону 2 мая 1895 г. (Собр. узак. 1895 г. № 102, ст. 767), на которомъ Сенатъ основываетъ свои дальнѣйшія разсужденія: по ст. 10 этого закона такого рода согласіе общества требуется только для „земель, принадлежащихъ сельскимъ обществамъ и состоящихъ въ общинномъ пользованіи“,—считать же усадебныя земли находящимися въ общинномъ пользованіи, значитъ противорѣчить и буквѣ закона, и бытовой дѣйствительности.

Одесскій окружный судъ.

Вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные диффамаціей.

Б. предъявилъ искъ къ редактору газеты и сотруднику ея, признаннымъ приговоромъ судебной палаты виновными въ диффамаціи противъ него, о вознагражденіи за вредъ и убытки по торговлѣ, причиненные ему означеннымъ преступнымъ дѣяніемъ.

Окр. судъ призналъ искъ неподлежащимъ удовлетворенію, исходя при этомъ изъ слѣдующихъ соображеній.

Окружный судъ находитъ, что его разрѣшенію прежде всего подлежитъ вопросъ, примѣнимо-ли правило, изложенное въ 670 ст. т. X ч. I св. зак. гр., обязывающее обидѣвшаго или оскорбившаго вознаградить обиженнаго за тѣ потери и убытки, которые онъ понесъ въ кредитѣ или въ имуществѣ вслѣдствіе „личной обиды или оскорбленія“, къ случаямъ, когда, какъ въ настоящемъ дѣлѣ, установлена лишь виновность въ диффамаціи, или, другими словами, можетъ-ли диффамація быть признана такою обидою или такимъ оскорбленіемъ, которыя даютъ обиженному или потерпѣвшему право на искъ по 670 ст. т. X ч. I. Для правильнаго разрѣшенія предложеннаго вопроса, суду надлежитъ точно установить понятіе диффамаціи, какъ оно опредѣлено нашимъ уголовнымъ законодательствомъ (ст. 1039 улож. о наказ.) и тридцатилѣтнею практикою Пр Сената по уг. кас. деп. и по общему собранію перваго и касс. деп. 1039 ст. улож. о нак., караетъ „за всякое оглашеніе въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ, или обществѣ, или установленіи, такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени“. Изъ этого слѣдуетъ, что диффамація есть опозореніе, заключающееся въ оглашеніи въ печати о частномъ лицѣ такого обстоятельства, которое можетъ повредить его чести, достоинству и доброму имени, и слѣдовательно *диффамація одинъ изъ видовъ оскорбленія чести* путемъ печати (См. въ особенности рѣш. угол. касс. деп. Прав. Сената № 187—1871 г.). Второй видъ оскорбленія чести путемъ печати карается 1535 ст. улож. о наказ. и называется клеветою; клевета есть ложь, помрачающая честь и доброе имя человѣка, ложное обвиненіе въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, или, другими словами, ложь, выражающаяся въ несправедливомъ приписываніи лицу такихъ поступковъ, которые возбуждаютъ презрѣніе къ потерпѣвшему въ окружающей его средѣ. Устанавливая такимъ образомъ понятія нашего законодательства о диффамаціи и клеветѣ, мы находимъ, въ какихъ отношеніяхъ эти два преступленія тождественны и въ какихъ они различаются. По внѣшнимъ своимъ признакамъ и по самой формѣ оскорбленія диффамація и клевета въ печати тождественны; различіе между ними состоитъ въ томъ, что въ опредѣленіе клеветы существеннымъ признакомъ входитъ признаніе судомъ несправедливости обвиненія, указаннаго въ сочиненіи позорящаго обстоятельства, тогда какъ ложность обвиненія не входитъ въ составъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1039 ст. улож. о нак., т. е. диффамаціи. Слѣдовательно, для наличности диффамаціи безразлично, было ли обвиненіе справедливо или несправедливо. Послѣдствіемъ этого различія между клеветою въ печати и диффамаціей является и различный способъ защиты, допускаемый противъ обвиненія по 1535 ст. и по 1039 ст. улож. о наказ. Между тѣмъ какъ обвиняемый въ клеветѣ въ печати вправѣ доказывать всѣми допускаемыми закономъ доказательствами правдивость разглашаемаго имъ обстоятельства, обвиняемый въ диффамаціи (по 1 п. 1039 ст. ул. о нак.) совершенно лишенъ этого права. Эти различія доказываютъ, что составъ и характеръ преступленія, а также и объектъ преступленія, въ клеветѣ въ печати другой, въ чѣмъ диффамаціи. Въ первомъ случаѣ преступленіе состоитъ въ оглашеніи завѣдомо ложныхъ оскорбительныхъ обвиненій противъ частнаго лица, и это преступленіе имѣетъ своимъ объектомъ только честь и доброе имя частныхъ лицъ. Диффамаціей же признается всякое оглашеніе путемъ печати позорящихъ честь частныхъ лицъ обвиненій, хотя бы эти обвиненія и были-бы вполнѣ правдивы и хотя бы правильность ихъ была доказана документально и безспорно. Поэтому обвиняемый по 1535 ст. ул. о нак. въ клеветѣ въ печати долженъ быть оправданъ, какъ только онъ докажетъ, что указанныя въ сочиненіи позорящія обстоятельства справедливы, что потерпѣвшій дѣйствительно совершилъ тѣ позорящія дѣйствія, которыя обвиняемый разгласилъ путемъ печати; при обвиненіи же по первой части 1039 ст. ул. о нак. обвиняемый подлежитъ наказанію, хотя бы потерпѣвшій совершилъ дѣйствительно всѣ приписываемыя ему обвиняемымъ дѣянія и обвиняемый даже не вправѣ ссылаться на какія либо доказательства въ подтвержденіе справедливости оглашен-

ныхъ имъ позорящихъ потерпѣвшаго обстоятельствъ, будь эти доказательства даже оффиціальные документы. Слѣдовательно, объектомъ преступленія, караемаго по 1 п. 1039 ст. ул. о нак. не можетъ быть честь и доброе имя частныхъ лицъ,—ибо нельзя же карать за посягательство на честь такого лица, которое дѣйствительно совершило приписываемый ему марающій его честь поступокъ,—а объектомъ преступленія является общественное благоустройство и благочиніе, общественный покой, который не долженъ быть возмущенъ оглашеніемъ хотя бы вполнѣ справедливыхъ объясненій, оскорбительныхъ для частныхъ лицъ. Поэтому законодатель въ 1865 году совершенно сознательно опредѣлилъ мѣсто этому закону (1039 ст. ул. о нак.) въ XII раздѣлѣ улож. о наказ. „о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія“ и не поставилъ ее въ VI главу X раздѣла, озаглавленную „о оскорбленіяхъ чести“, въ которой мы встрѣчаемъ статью 1535, карающую за клевету въ печати.—При такомъ взглядѣ нашего уголовнаго законодательства по вопросу о диффамаціи и клеветѣ въ печати слѣдуетъ признать, что, разъ законъ дозволяетъ каждому, кто считаетъ себя опозореннымъ печатнымъ словомъ, выбирать между обвиненіемъ въ диффамаціи и въ клеветѣ, обвиненный за клевету обязанъ отвѣчать и въ гражданскомъ порядкѣ за ущербъ въ кредитѣ или въ имуществѣ, который обиженный понесъ вслѣдствіе этого оскорбленія, этого оглашенія ложныхъ, несправедливыхъ обвиненій. Но если считающій себя обиженнымъ печатнымъ словомъ, не признаетъ возможнымъ открыто передъ судомъ и всѣмъ свѣтомъ говорить оглашателю этихъ оскорбительныхъ свѣдѣній, что все оглашенное ложь и неправда, если обиженный, боясь или даже зная, что обвиняемый имѣетъ всѣ доказательства справедливости своихъ утвержденій, распространенныхъ путемъ печати, вмѣсто того, чтобы выступить въ защиту своей поруганной чести, скрываетъ всѣ свои дѣянія и ищетъ не защиты своей чести, а только наказанія правдиваго, можетъ быть, открытаго обвинителя за нарушеніе общественнаго спокойствія и благоустройства, то такой потерпѣвшій отъ диффамаціи, конечно, не имѣетъ права на убытки, понесенные имъ вслѣдствіе личной обиды или оскорбленія. За диффамацію вѣдь не наказанъ обидчикъ, оскорбившій честь потерпѣвшаго, наказанъ только нарушитель общественнаго благоустройства, къ которому искъ по 670 ст. т. X ч. I св. зак. гр. немыслимъ. Каждый человѣкъ, честно и открыто борющійся противъ окружающаго его зла и не боясь огласить усмотрѣнныя имъ злоупотребленія путемъ печати, долженъ быть готовымъ поплатиться за эту свою борьбу за правду и свѣтъ и терпѣливо подвергаться ничѣмъ не позорящему его обвиненію въ диффамаціи. Но было бы несправедливо и невозможно допустить, чтобы то лицо, которое не защищаетъ даже своей чести, не только имѣло право посадить борца за правду на скамью подсудимыхъ, обвиняя его по 1 п. 1039 ст. ул. о нак., но послѣ обвинительнаго приговора еще требовать отъ него убытки въ гражданскомъ порядкѣ. Эти убытки въ послѣднемъ случаѣ имѣли бы характеръ не ущерба вслѣдствіе оскорбленія, но ущерба вслѣдствіе позорящихъ честь потерпѣвшаго дѣйствій самого потерпѣвшаго. До этого послѣдняго вывода необходимо доходить, разъ незыблемо стоитъ правило, что положительно ни въ какомъ случаѣ не дозволяется нанесшему оскорбленіе частнымъ лицамъ въ печати приводить доказательства справедливости напечатаннаго (ст. 12 ч. IV Высоч. утв. мнѣнія Госуд. сов. отъ 6 апрѣля 1865 года № 41990 полн. собр. закон.). При такомъ рѣшеніи выше поставленнаго вопроса слѣдуетъ признать, что Б. не имѣетъ права искать убытки (по 670 ст. X т. 1 ч. св. зак. гр.) съ обвиненныхъ только по 1 ч. 1039 ст. ул. о нак. Л. и С. и поэтому въ настоящемъ искѣ должно ему быть отказано. Утвержденіе-же, что диффамація не можетъ быть признана оскорбленіемъ, дающимъ право на искъ по 670 ст. т. X ч. I св. зак. гр. потому, что 670 ст. т. X ч. I заключаетъ въ себѣ законъ, изданный въ 1851 году, а законъ о диффамаціи появился лишь 6 апрѣля 1865 г., неправильно. Хотя до 1865 года наше законодательство и не знало преступленія, караемаго нынѣ по 1 п. 1039 ст. ул. о наказ., но ничто не мѣшаетъ подвести новыя явленія жизни подъ старыя, давно установившіяся правовыя нормы, какъ мы это встрѣчаемъ на каждомъ шагу, и именно въ этой дѣятельности заключается все значеніе практики, какъ сильнаго дѣятеля на поприщѣ развитія права.

Рѣшеніе суда обращаетъ на себя вниманіе своей обстоятельностью и тщательной обработкой изложенія; однако, съ окончательнымъ выводомъ его трудно согласиться. Придя къ заключенію, что по ст. 670 Б. не имѣетъ права искать съ отвѣтчиковъ убытки, судъ непосредственно отсюда дѣлаетъ выводъ, что въ искѣ Б. должно быть отказано, не остановившись на вопросѣ о томъ, нѣтъ-ли въ X т. какихъ-нибудь еще статей, которыя могли бы имѣть примѣненіе къ настоящему случаю. Правда, текстъ рѣшенія даетъ основаніе думать, что истецъ опиралъ свое требованіе на 670 ст., но вѣдь законная квалификація юридическаго отношенія, предлагаемая сторонами, не имѣетъ для суда значенія, curia novit jura. Несомнѣнно и то, что статьи, въ коихъ нормируется вознагражденіе за убытки отъ деликтовъ и quasiделиктовъ, относятся къ самымъ слабымъ отдѣламъ X т. Ясно, однако, что ст. 670 является однимъ изъ частныхъ случаевъ общаго принципа о правѣ вознагражденія за понесенные отъ неправомѣрнаго дѣйствія вредъ и убытки. Этотъ принципъ, хотя и крайне неудачно, категорически выраженъ въ 574 ст. того же X т.: „всякій ущербъ въ имуществѣ и причиненные кому-либо вредъ или убытки съ одной стороны налагаютъ обязанность доставлять, а съ другой производятъ право требовать вознагражденіе“. Установивъ этотъ общій принципъ, законъ далѣе регулируетъ отдѣльные виды причиненія убытковъ, и, между прочимъ, часть II отдѣленія II гл. VI посвящаетъ вопросу о вознагражденіи, за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ. Эта часть, въ свою очередь, открывается общимъ положеніемъ 644 ст., согласно которой виновный съ совершеніи какого либо преступленія или проступка, несмотря на то, съ предумышленіемъ или безъ онаго учинено имъ сіе преступленіе, обязанъ вознаградить за всѣ непосредственно причиненные симъ дѣяніемъ его вредъ и убытки“. Въ отношеніи лицъ, коимъ преступленіе вмѣнено въ вину, изъ этого общаго начала законъ дальше не дѣлаетъ никакихъ изъятій и въ по-

слѣдующихъ статьяхъ опредѣляетъ лишь порядокъ отвѣтственности, способъ и мѣру вознагражденія въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ называемыхъ имъ случаяхъ. Такъ напр., въ случаѣ причиненія дѣвицѣ или вдовѣ неизгладимаго на лицѣ обезображенія, виновный обязанъ выдавать потерпѣвшей, *„буде она не имѣетъ средствъ къ существованію*, приличное по состоянію ея и *соразмѣрное съ имуществомъ самого виновнаго содержаніе*, до вступленія ея въ замужество“ (ст. 662). Не отступая отъ выраженнаго въ ст. 664 руководящаго положенія о вознагражденіи непосредственныхъ убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ (виновный обязанъ возмѣстить издержки на леченіе и попеченіе во время болѣзни), статья эта для разсматриваемаго ею случая расширяетъ мѣру вознагражденія и, кромѣ того, ставитъ ее въ зависимость отъ имущественнаго положенія какъ виновника, такъ и потерпѣвшей. Въ ст. 670 законъ предоставляетъ опредѣленіе размѣра вознагражденія усмотрѣнію суда, т. е. освобождаетъ потерпѣвшаго отъ тяжести представленія точныхъ доказательствъ количества ущерба и даетъ возможность выйти за границы непосредственныхъ убытковъ. Такимъ образомъ, по общему принципу, не знающему никакихъ исключеній, непосредственные убытки, причиненные преступленіемъ, должны быть возмѣщены. Поэтому, прежде чѣмъ обращаться къ обсужденію 670 ст., предусматривающей порядокъ и мѣру вознагражденія въ отдѣльномъ частномъ случаѣ, необходимо, на основаніи общаго начала 644 ст., разрѣшить вопросъ о томъ, имѣетъ ли истецъ вообще право на вознагражденіе за убытки, причиненные диффамаціей. И такъ какъ дѣяніе это квалифицируется нашимъ закономъ, какъ преступленіе, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Б. имѣетъ право на искъ о возмѣщеніи причиненныхъ ему диффаматорами убытковъ.—Засимъ уже возникаетъ вопросъ, должна-ли отвѣтственность диффаматоровъ опредѣляться по общему началу 644 ст. или по частному правилу 670 ст., трактующей о личныхъ обидахъ или оскорбленіяхъ, т. е. о посягательствахъ на честь. Хотя окр. судъ и утверждаетъ, что диффамація есть одинъ изъ видовъ оскорбленія чести, тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что объектомъ разсматриваемаго преступленія является общественный покой. Изъ этихъ двухъ противоположныхъ мнѣній второе противорѣчитъ общепризнанному взгляду всѣхъ нашихъ выдающихся криминалистовъ, какъ то: Лохвицкаго, Неклюдова, Фойницкаго. Такъ напр. Ф. въ курсѣ своемъ (с. 116) говоритъ: „по вопросу объ объектѣ посягательства и о внутренней сторонѣ его, клевета и диффамація также не представляютъ особенностей въ сравненіи съ обидами“ и именно относительно диффамаціи законъ руководствуется интересами личности, а не общежитія, потому что общественный покой заинтересованъ лишь въ томъ, чтобы не разглашались лживыя свѣдѣнія, отъ скрыванія же правды онъ можетъ только пострадать. Поэтому, разсужденія суда о томъ, что нельзя карать за посягательство на честь такого лица, которое дѣйствительно совершило приписываемый ему и марающій его честь поступокъ, могутъ имѣть свое значеніе съ точки зрѣнія legis ferendae, но теряютъ всякую почву въ виду 1039 ст., которая именно ограждаетъ честь (внѣшнюю) человѣка, независимо отъ того, совершилъ ли онъ приписываемое ему позорное для чести (внутренней) дѣяніе. Вотъ почему и вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію суда, что появленіе закона о диффамаціи уже послѣ закона о вознагражденіи за убытки отъ преступленія не имѣетъ никакого значенія, ибо ничто не мѣшаетъ подвести новыя явленія жизни подъ старыя давно установившіяся нормы,—казалось бы, что, на основаніи 644 и 670 ст. X т., ущербъ въ имуществѣ и кредитѣ, причиненный диффаматоромъ, подлежитъ возмѣщенію потерпѣвшему въ размѣрѣ по усмотрѣнію суда.

С.-Петербургскій столичный мировой судья.

(Обезпеченіе доказательствъ по искамъ, подлежащимъ предъявленію въ коммерческихъ судахъ).

Разсмотрѣвъ прошеніе объ обезпеченіи доказательствъ и производствѣ на мѣстѣ, при посредствѣ экспертовъ, описи и оцѣнки товаровъ и документовъ торговаго дома „К. С. Ж.“ для предъявленія въ С.-Петербургскомъ коммерческомъ судѣ иска къ означенному торговому дому въ суммѣ 30,319 руб. 53 коп. и усматривая изъ возраженій отвѣтчика, что вопросъ, по которому требуется истицей обезпеченіе доказательствъ, сводится къ спору о вѣрности баланса торговаго дома Ж. за 1897 годъ, каковой споръ какъ вытекающій изъ торговыхъ оборотовъ, является подсуднымъ коммерческому суду; что, между тѣмъ, допускаемое общимъ уставомъ гражданскаго судопроизводства обезпеченіе доказательствъ не можетъ касаться коммерческаго суда, который по производству своихъ дѣлъ руководствуется спеціальнымъ уставомъ торговаго судопроизводства, и что при такомъ положеніи дѣла требованіе Ж. о производствѣ осмотра товаровъ и торговыхъ книгъ торговаго дома Ж. является неподлежащимъ удовлетворенію по неподсудности самаго дѣла общимъ судамъ, я, на основаніи ст. 42 и 43 уст. суд. торговаго, опредѣлилъ: 1) постановленіе мое отъ 1 мая сего года объ осмотрѣ на мѣстѣ отмѣнить; 2) въ просьбѣ Ж. объ обезпеченіи доказательствъ отказать.

Правильность приведеннаго опредѣленія вполнѣ подтверждается 82^3 ст. уст. гр. суд., которая предусматриваетъ просьбы объ обезпеченіи доказательствъ только по искамъ, предъявляемымъ у мир. судьи или въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, а также 82^6, которая предписываетъ руководствоваться, въ случаѣ допущенія обезпеченія, общими правилами уст. гр. суд. о доказательствахъ, между тѣмъ какъ коммерческіе суды обсуждаютъ доказательства по правиламъ уст. суд. торг.

Но, съ другой стороны, высказанный въ опредѣленіи взглядъ приводитъ къ тому, что мир. судья долженъ входить въ разсмотрѣніе и разрѣшать вопросы о подсудности, которые по закону его компетенціи не подлежатъ. Возникающая отсюда коллизія едва-ли можетъ быть устранена судебнымъ толкованіемъ и нуждается въ разъясненіи законодательнымъ путемъ. И такъ какъ цѣль разсматриваемыхъ (82^{1}—^{8}) статей заключается именно въ томъ, чтобы обезпечивать доказательства иска, независимо отъ будущаго хода процесса, то казалось бы цѣлесообразнымъ распространить обезпеченіе доказательствъ и на случаи предстоящаго предъявленія искавъ коммерческихъ судахъ.

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18.

Редакторы-издатели:
Приватъ-доцентъ *В. М. Гессенъ.*
Н. И. Лазаревскій.

Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

на педагогическій и научно-популярный журналъ.

„ОБРАЗОВАНІЕ".

Съ 1896 года журналъ издается подъ новой редакціей по значительно расширенной программѣ и въ увеличенномъ объемѣ (около 15 листовъ).

Задачи журнала: 1) содѣйствовать самообразованію и расширенію знаній путемъ ознакомленія въ общедоступныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ, 2) сообщая о всѣхъ, достойныхъ вниманія, фактахъ изъ жизни литературы въ Россіи и за границей, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія (преимущественно народнаго) и ихъ связь съ жизнью и 3) утверждать въ обществѣ правильные взгляды на образованіе и его задачи, указывая на его нужды и средства къ ихъ удовлетворенію.

Кромѣ статей научно-популярныхъ, литературныхъ и общепедагогическихъ (числомъ болѣе 120 за годъ), ежемѣсячные отдѣлы:

Изъ области знаній (Научныя бесѣды). На западѣ. (Новыя теченія въ литературѣ и жизни за границей.—Письма изъ Германіи, Австріи, Франціи, Англіи и Америки отъ постоянныхъ корреспондентовъ журнала). Новости иностранной литературы. (Подробные отзывы о новѣйшихъ явленіяхъ въ области литературы и науки за границей). Изъ иностранныхъ журналовъ. (Пересказъ наиболѣе интересныхъ статей). Изъ жизни и литературы. (Литературныя и публицистическія статьи по поводу различныхъ литературно-общественныхъ явленій текущей жизни). Критика и библіографія (на этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе; даются подробные отзывы о всѣхъ заслуживающихъ вниманія общеобразовательныхъ и научно-популярныхъ сочиненіяхъ, учебникахъ, книгахъ для народа и для дѣтей; журнальное обозрѣніе отмѣчаетъ все наиболѣе интересное въ общей печати). Письма изъ провинціи. (Сообщенія спеціальныхъ корреспондентовъ о различныхъ явленіяхъ въ сферѣ народнаго образованія). Хроника. (Текущія замѣтки о важнѣйшихъ фактахъ русской общественной жизни, преимущественно въ отношеніи къ народному образованію. Статистика образованія въ Россіи и за границей.

Цѣна въ годъ 5 руб. съ пересылкой.

Журналъ допущенъ въ народныя библіотеки и читальни.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: С.-Петербургъ, Загородный пр., 28.

Редакторъ-издатель АЛЕКСАНДРЪ ОСТРОГОРСКІЙ.

Изданія редакціи журнала „ОБРАЗОВАНІЕ":

№ 1. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи проф. К. Гильти. Перев. съ нѣмец. Александра Острогорскаго. 4-е изданіе. Цѣна 50 к. № 2. Что такое нравственность? Проф. Т. Циглера. Перев. съ нѣмец. Александра Острогорскаго. 2-е изданіе. Цѣна 50 к. № 3. Воображеніе и память. Ф. Кейра. Перев. съ франц. Е. Максимовой. 2-е изданіе. Цѣна 40 к. № 4. Очерки начальнаго образованія въ скандинавскихъ странахъ. Е. Страннолюбской. Цѣна 30 к. № 5. Аффективная память. Т. Рибо. Перев. съ франц. Е. Максимовой. Цѣна 25 к. 2-е изданіе. № 6. Этика и политическая экономія. Проф. Ф. Іодля. Переводъ съ нѣмецкаго Александра Острогорскаго. 2-е изданіе. Цѣна 20 к. № 7. Внушеніе и воспитаніе. Ф. Тома. Перев. съ франц. Е. Максимовой. Цѣна 40 к. № 8. Объ утомленіи глаза. Д-ра медицины Р. Каца. 2-е изданіе, съ 2 рис. въ текстѣ. Цѣна 20 к. № 9. Исторія первобытнаго человѣчества. М. Гернеса. Пер. съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ и примѣч. Н. Березина, 45 рис. 2-е изданіе. Цѣна 50 к.—№ 10. Исторія человѣческой культуры. І. Гонеггера. Перев. съ нѣмецкаго. М. Чепинской. Цѣна 60 к. № 11. Чарльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе. Проф. Г. Геффдинга. Переводъ съ нѣмецкаго. М. Эльциной. Цѣна 20 к. (съ портрет.). № 12. Очерки по философіи математики. Ш. Фрейсинэ. Перев. съ франц. В. Обреимова. Цѣна 60 к. № 13. Этюды по философіи наукъ. А. Лаланда. Перев. съ французскаго. 2-е изданіе. Цѣна 75 к. № 14. Мозгъ и душа. Проф. Флексига. Перев. съ нѣмец., съ табл. въ 7 крас. Цѣна 40 к. № 15. Гуманность въ исторіи человѣчества. В. Штальберга. Перев. съ нѣмец. Н. Леонтьевой. Цѣна 80 к. № 16. Исторія политическихъ ученій. Проф. Ф. Поллока. Перев. съ англ. А. М. Гердъ. Цѣна 50 к. № 17. Денежное обращеніе и его общественное значеніе. М. Шиппеля. Перев. съ нѣмец. подъ редакціей и съ предисл. Петра Струве. Цѣна 50 к. № 18. О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. Томаса Гексли. Перев. съ англ., съ біограф. очерк., Н. Березина. Портр. и 13 рис. Цѣна 60 к. № 19. Исторія французской литературы. XIX вѣкъ. Проф. Г. Лансона. Перев. съ франц. подъ редакц. П. О. Морозова. Цѣна 1 руб. № 20. XVIII вѣкъ. Перев. П. О. Морозова. Цѣна 1 р. № 21. XVII вѣкъ. Пер. З. Венгеровой. Цѣна 1 руб. № 22. Статистика и наука объ обществѣ. Н. Рейхесберга. Перев. съ нѣмец. А. Струве. Цѣна 50 к. № 23. Критика новѣйшихъ системъ морали. Альфреда Фуллье. Перев. съ франц. О. Конради и Е. Максимовой. Цѣна 2 руб. № 24. Очеркъ исторіи искусствъ. М. Брекера, съ 46 рис. Перев. съ нѣмец. Н. Лемана. Цѣна 1 р. 50 к. № 25. Очерки изъ исторіи нѣмец. культуры. П. Кампфмейера. Перев. съ нѣмец. подъ ред. Петра Струве. Цѣна 60 к. № 26. Популярные біологическіе очерки. Проф. Спб. универс. В. Шимкевича, съ 65 рис и 4 портр. Цѣна 1 р. 25 к. № 27. Очеркъ исторіи соціологіи. Проф. Вѣнскаго университета Л. Гумпловича. Пер. съ польск. Цѣна 40 к.—**БИБЛІОТЕКА ФИЛОСОФОВЪ:** № 28. Фр. Нитцше. Проф. А. Риля. Перев. З. Венгеровой (съ портр.). Цѣна 50 к. № 29. Спенсеръ. Отто Гауппа. Перев. подъ ред. А. Острогорскаго (съ портр.). Ц. 50 к. № 30. Ж. Ж. Руссо. Проф. Г. Гефдинга. Перев. Л. Давыдовой (съ портр.) Ц. 50 к.—№ 31 Кантъ. Проф. Берл. унив. Ф. Паульсена (съ портр.). Ц. 1 р.

Выписывающіе изъ редакціи (С.-Петербургъ, Загородный пр., д. 28) за перес. не платятъ.

За наложенный платежъ не менѣе 10 к.

Книжный складъ журнала „ОБРАЗОВАНІЕ" принимаетъ на себя:

1), высылку всѣхъ имѣющихся въ продажѣ книгъ; 2) заготовку для школъ учебниковъ и учебныхъ пособій; составленіе школьныхъ и народныхъ библіотекъ; 4) подписку на журналы и газеты.

Учрежденіямъ (земскимъ и городскимъ управамъ, учебн. заведеніямъ и библіотекамъ) дѣлается уступка отъ 10 до 15 проц., въ зависимости отъ суммы заказа.

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1898 г. **№. 4.** **Воскресенье 20 декабря.**

„**Право**“ **издается въ С.-Петербургѣ** подъ редакціей приватъ-доцента *В. М. Гессена* и *Н. И. Лазаревскаго* и при ближайшемъ сотрудничествѣ: прив.-доц. *Ф. А. Вальтера*, *І. В. Гессена*, *О. О. Грузенберга*, прив.-доц. *А. И. Каминка*, *А. А. Левенстима*, проф. *Л. І. Петражицкаго* и *В. М. Устинова*.

Содержаніе: 1) Къ вопросу о введеніи ипотечной системы. **Л. В. Гантовера.** 2) Принятіе въ русское подданство. **М. А. Лозина-Лозинскаго.** 3) Условное осужденіе и проектъ нашего уголовнаго уложенія. Проф. **А. А. Піонтковскаго.** 4) Обозрѣніе практики гражд. кассац. департамента Пр. Сената за 1897 г. 5) Новыя данныя изъ области криминалистики. **Dr Hans Gross.** 6) Письмо изъ Парижа. **В. Б.** 7) Хроника. 8) Кіевское юридическое общество. 9) Библіографія.

10) Судебная и судебно-административная практика.

11) Отвѣты редакціи (на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ **1** ч. до **3** ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой **7** руб., на полгода **4** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ **4** р. и къ первому мая **3** рубля. За границу за годъ—**10** руб. Отдѣльные нумера продаются по **20** коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ **11** час. до **4** час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Къ вопросу о введеніи ипотечной системы.

Всякая крупная законодательная реформа встрѣчаетъ на пути своего осуществленія серьезныя препятствія и затрудненія. Бѣдность отечественной юридической литературы, техническія трудности, связанныя съ невыработанностью терминологіи дѣйствующаго права и его казуистичностью, финансовыя жертвы, безъ коихъ никакое крупное государственное дѣло обойтись не можетъ, наконецъ, старыя привычки и матеріальныя выгоды тѣхъ или другихъ группъ или учрежденій, заставляющія предпочитать status quo—все это тормазы, знакомые каждому, трудившемуся на законодательномъ поприщѣ.

Къ числу крупныхъ реформъ, о которыхъ мы говоримъ, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, ипотечная реформа. Реформѣ этой у насъ какъ-то особенно до сихъ поръ не везло. И странное дѣло! Неудовлетворительность дѣйствующихъ крѣпостной и запретительной системъ сознана безусловно всѣми, не возбуждаетъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Замѣна существующаго порядка правильною ипотечною системою составляетъ, начиная уже съ конца 50-хъ годовъ, предметъ непрерывныхъ заботъ законодательной власти. Послѣ цѣлаго ряда трудовъ II отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, министерства финансовъ и юстиціи, въ 1881 году удостоились Высочайшаго утвержденія и тогда же распубликованы въ Собр. уз. и расп. прав. главныя основанія предполагаемаго новаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества. Основанія эти послужили руководящею, исходною точкою отправленія для дальнѣйшей разработки положеній объ ипотечной реформѣ, возложенной на редакціонную комиссію, образованную въ составѣ комиссіи для составленія проекта гражданскаго уложенія. Труды ея, извѣстные подъ названіемъ проекта вотчиннаго устава, со всѣми дополнительными къ нему проектами и съ объяснительными записками, были еще въ 1892 году разосланы во всѣ судебныя установленія и во всѣ земельные банки Имперіи для доставленія замѣчаній. Систематизированныя и отпечатанныя, эти замѣчанія были подробно разсмотрѣны комиссіей и приняты въ соображеніе при установленіи въ 1896 году окончательной редакціи проектовъ, поступившихъ тогда же въ продажу и сдѣлавшихся такимъ образомъ доступными всѣмъ юристамъ. Наконецъ, правительствомъ нашимъ предприняты разныя подготовительныя мѣры къ введенію ипотечной реформы: локализація запрещеній съ прекращеніемъ печатанія ихъ въ Сенатскихъ Объявленіяхъ, веденіе мѣстныхъ запретительныхъ и разрѣшительныхъ книгъ, отмѣна общихъ

запрещеній съ замѣною ихъ спеціальными, веденіе крѣпостнаго реестра по новой формѣ, пріуроченной къ формѣ вотчинныхъ книгъ. Нынѣ, какъ извѣстно, проектъ вотчиннаго устава внесенъ въ Государственный Совѣтъ и находится такимъ образомъ какъ бы наканунѣ окончательнаго своего разсмотрѣнія. И вдругъ теперь, когда ипотечная реформа, казалось, должна осуществиться, вопросъ, судя по послѣднимъ газетнымъ сообщеніямъ, ставится опять ребромъ, принципіально, возбуждается сомнѣніе въ пользѣ и необходимости самой реформы.

Мы имѣемъ въ виду сообщенія, появившіяся въ двухъ номерахъ Новаго Времени (отъ 25 и 26 ноября) по поводу образованнаго при министерствѣ финансовъ совѣщанія для разсмотрѣнія проектовъ вотчинной системы.

По слухамъ, совѣщаніе, большинствомъ голосовъ, высказалось принципіально противъ введенія у насъ ипотечной реформы. Этотъ результатъ можно было до извѣстной степени предвидѣть, судя по вступительной рѣчи предсѣдателя совѣщанія П. П. Цитовича въ передачѣ „Новаго Времени“.Сообщенія газеты, какъ онѣ ни кратки, носили на себѣ печать уже вполнѣ опредѣлившагося взгляда на проекты вотчинной реформы, взгляда безусловно отрицательнаго къ этимъ проектамъ, при чемъ главныя, существенныя черты этой реформы изложены въ газетѣ въ совершенно неправильномъ видѣ. Твердо убѣжденные въ томъ, что неблагопріятный результатъ, къ которому пришло совѣщаніе по интересующему насъ вопросу, есть плодъ явныхъ недоразумѣній, мы и взялись за перо, чтобы посильно содѣйствовать выясненію истиннаго положенія.

Прежде всего представляется невѣрнымъ, будто бы образованное при министерствѣ финансовъ совѣщаніе имѣло своей цѣлью *пересмотръ* проекта вотчиннаго устава. Пересмотръ такого крупнаго законоположенія требуетъ основательной юридической подготовки и могъ бы быть предпринятъ коллегіей, состоящей преимущественно изъ юристовъ, а не дѣятелей банковаго кредита, какъ это имѣло мѣсто въ совѣщаніи при министерствѣ. Министерство финансовъ, какъ и прочія министерства, въ которыя препровожденъ проектъ, должно дать свое заключеніе, и роль совѣщанія могла сводиться, очевидно, только къ тому, чтобы сообщить министерству для такого заключенія бытовой финансово - экономическій матеріалъ. Такой скромной роли совѣщанія вовсе не соотвѣтствовали сопровождавшія его газетныя сообщенія, которыя могли возбудить въ менѣе компетентной публикѣ неправильное представленіе, будто совѣщаніе рѣшаетъ судьбу ипотечной реформы. Безусловно невѣрно также газетное сообщеніе, будто совѣщаніе должно было восполнить тотъ элементъ экспертизы, который-де совершенно отсутствовалъ при составленіи проектовъ. Въ дѣйствительности, какъ мы уже упомянули выше, до опубликованія эти проекты были сообщены для замѣчаній во всѣ земельные банки, и замѣчанія эти были въ свое время разсмотрѣны составителями проектовъ.

Не менѣе странно было читать, будто, по словамъ предсѣдателя совѣщанія, министерство финансовъ разсматриваетъ вопросъ о введеніи у насъ ипотечной системы только съ двухъ сторонъ: какъ блюститель интересовъ публичнаго кредита, въ составѣ котораго закладные листы банковъ и облигацій городскихъ обществъ играютъ видную роль, и съ точки зрѣнія предстоящихъ расходовъ по введенію этой реформы. Не говоря уже о томъ, что мин. финансовъ относилось всегда съ живымъ интересомъ къ разсматриваемой реформѣ, такой взглядъ противорѣчитъ всему его нынѣшнему направленію, свидѣтельствующему о широкомъ и глубокомъ пониманіи нуждъ нашей экономической жизни и путей, ведущихъ къ ея улучшенію. Министерство финансовъ не можетъ не понимать всего государственнаго значенія ипотечной реформы, какъ краеугольнаго камня для упорядоченія всѣхъ отношеній, связанныхъ съ обладаніемъ недвижимыми имѣніями, составляющими до сихъ поръ существенный элементъ народнаго богатства Россіи.

Извѣстно, что ипотечная система заключается въ веденіи вотчинныхъ ипотечныхъ книгъ по каждому имѣнію и въ сообщеніи этимъ книгамъ значенія единственнаго и въ то же время достовѣрнаго основанія для всего юридическаго оборота по данному имѣнію. Такимъ образомъ, устанавливается въ видѣ кореннаго начала, неразрывная связь между этими книгами, съ одной стороны, и возникновеніемъ, а равно прекращеніемъ всякаго рода правъ по имѣніямъ,—съ другой. Права по имѣніямъ возникаютъ и прекращаются не иначе, какъ посредствомъ записей о томъ въ подлежащей вотчинной книгѣ. Безъ такого фундамента никто не можетъ быть вполнѣ увѣренъ, имѣетъ-ли онъ дѣло съ дѣйствительнымъ собственникомъ, не будутъ ли противопоставлены устанавливаемому для него праву на данное имѣніе какія-либо права другихъ лицъ, ему совершенно неизвѣстныя, но могущія повредить объему или пространству, а слѣдовательно, имущественной цѣнности, и даже самому существованію пріобрѣтеннаго права. Въ созданіи такого фундамента для недвижимой собственности несомнѣнно заинтересованы не только частныя лица, но и государство, какъ высшій ревнитель и блюститель прочности и ясности экономическихъ отношеній и какъ субъектъ многомилліонныхъ денежныхъ требованій по податямъ, повинностямъ, штрафамъ и т. п., удовлетворяемымъ посредствомъ обращенія взысканія на недвижимости или обезпечиваемымъ этими послѣдними. Государственное значеніе ипотечной системы составляетъ, впрочемъ, аксіому, до того общепризнанную и очевидную, что оно не нуждается въ болѣе подробныхъ разъясненіяхъ. Нужно-ли, въ самомъ

дѣлѣ, доказывать, что чѣмъ прочнѣе права поземельной собственности, тѣмъ они цѣннѣе и тѣмъ болѣе выигрываетъ поземельный кредитъ? Все же, что содѣйствуетъ поднятію цѣнности земли, а слѣдовательно, росту народнаго благосостоянія и упроченію кредита, входитъ въ непосредственный кругъ заботъ министерства финансовъ.

Ипотечная система распространена на западѣ; благами ея пользуются наши окраины. Ни одного серьезнаго голоса въ литературѣ, который былъ бы не за, а противъ нея,—не существуетъ. А между тѣмъ, мы чуть-ли не полвѣка все топчемся на одномъмѣстѣ, постоянно возбуждая принципіальныя сомнѣнія. Прежде говорили, что система эта послужитъ орудіемъ мобилизаціи недвижимой собственности и увеличенія ея задолженности, забывая, что не только на западѣ, но и въ близкихъ къ намъ Польшѣ и Прибалтійскомъ краѣ, ничего подобнаго не случилось. Наиболѣе консервативное изъ германскихъ государствъ—Великое Герцогство Мекленбургское выработало самый радикальный въ смыслѣ орудія кредита институтъ, названный нѣмецкими юристами Grundschuld, институтъ, скажемъ мимоходомъ, совершенно отвергнутый составителями нашего проекта, а между тѣмъ никакой увеличенной мобилизаціи собственности и никакого особаго увеличенія задолженности ея въ Мекленбургѣ не замѣчается. Возражая противъ ипотечной системы изъ опасенія увеличить задолженность землевладѣнія, забываютъ, что вѣдь вторыя и третьи закладныя уже разрѣшены и дѣйствующимъ закономъ. Кому не нужны будутъ деньги, тотъ несомнѣнно не станетъ ни продавать своего имѣнія ни обременять его долгами и по введеніи вотчинной книги. Если, насколько можно предвидѣть, количество требованій, обезпеченныхъ залогомъ, увеличится, то благодаря, главнымъ образомъ устанавливаемому проектомъ такъ называемому принудительному залогу. Мѣра эта состоитъ въ томъ, что обезпеченіямъ правительственныхъ и частныхъ требованій, совершаемымъ нынѣ посредствомъ запрещеній, которыя, какъ извѣстно, не даютъ права преимущественнаго удовлетворенія, сообщается характеръ залоговыхъ обезпеченій. Всѣ возраженія о предстоящемъ будто бы увеличеніи задолженности являются плодомъ стремленія къ излишней законодательной опекѣ, отъ которой, повидимому, намъ столь трудно отрѣшиться. Никто себѣ не врагъ, никто безъ нужды не опутываетъ себя долгами. Недовѣріе къ здравому смыслу заинтересованныхъ лицъ во всѣхъ законодательныхъ начинаніяхъ, касающихся экономической жизни народа, ведетъ лишь къ ея стѣсненію.

Нужно-ли говорить, что введеніемъ ипотечной системы не исчерпываются всѣ условія, благопріятствующія развитію поземельнаго кредита. Составители проекта, какъ показываетъ подробное ознакомленіе съ ихъ трудами, менѣе всего заслуживаютъ упрека въ такомъ преувеличенномъ взглядѣ на значеніе разсматриваемой реформы. Легкость пріисканія денегъ и дешевизна кредита зависятъ не только отъ условій юридическихъ, вліяющихъ на степень его обезпеченности, но и политическихъ и экономическихъ, какъ то: положенія денежнаго рынка страны, обезпеченности мира и т. п. Ипотечная система, имѣющая дѣло съ упорядоченіемъ *юридической стороны* поземельной собственности, можетъ, конечно, вліять и дѣйствительно вліяетъ только на *юридическія* условія кредита, содѣйствуя привлеченію къ недвижимой собственности капиталовъ, ищущихъ обезпеченнаго и долгосрочнаго помѣщенія.

Обсуждая вопросъ о введеніи ипотечной системы, учрежденное при министерствѣ финансовъ совѣщаніе не могло, конечно, не коснуться финансовой стороны этого дѣла, т. е. тѣхъ затратъ, которыя оно за собою повлечетъ. Къ сожалѣнію, эта сторона разсматриваемой реформы, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, была освѣщена на упомянутомъ совѣщаніи совершенно неправильно, что обусловливалось цѣлымъ рядомъ недоразумѣній. Разъ отрицалось государственное значеніе ипотечной реформы, то при сведеніи финансоваго ея баланса въ кредитѣ предполагаемыхъ ипотечныхъ учрежденій могъ быть поставленъ лишь тотъ непосредственный доходъ, который могутъ дать казнѣ вновь проектируемыя ипотечныя учрежденія. По мнѣнію предсѣдателя совѣщанія, въ передачѣ „Новаго Времени“, казна такого дохода не ожидаетъ. Что же касается дебета, то, согласно тому же мнѣнію, расходы будутъ огромны, ибо потребуется не менѣе 3,000 новыхъ должностей, а, слѣдовательно, 3,000 новыхъ окладовъ, почему совѣщанію и былъ поставленъ вопросъ: есть ли резонъ рѣшаться на такія затраты, которыя достигнутъ цифры *30 милліоновъ рублей*!!

Никто не станетъ оспаривать необходимости приблизить къ народонаселенію установленія, на которыя закономъ возложена регистрація юридическихъ отношеній по недвижимымъ имѣніямъ. Нынѣшніе нотаріальные архивы находятся при окружныхъ судахъ, вѣдомство коихъ въ большинствѣ случаевъ распространяется на цѣлую губернію. Проѣздъ въ этотъ архивъ, очень часто за сотни верстъ, вызываетъ серьезные расходы, ложащіеся особенно тяжелымъ бременемъ на мелкую собственность, что влечетъ за собой уклоненіе отъ законной регистраціи и переходъ земли изъ рукъ въ руки по словеснымъ или домашнимъ актамъ. Подобное положеніе, оставаясь и впредь, усиливало бы существующую нынѣ неопредѣленность правъ на недвижимыя имѣнія, что противно государственнымъ интересамъ и наноситъ вредъ непосредственно казнѣ, лишая ее немалаго количества крѣпостныхъ пошлинъ. Исходя изъ этихъ соображеній, проектъ остановился на мысли объ учрежденіи единолич-

ныхъ ипотечныхъ установленій по уѣздамъ, допуская, однако же, распространеніе ихъ компетенціи и на два и болѣе уѣзда, если это окажется удобнымъ по мѣстнымъ условіямъ. Установленія эти тоже предположено связать съ окружными судами. Прототипъ единоличнаго органа въ уѣздѣ существуетъ уже у насъ въ лицѣ уѣзднаго члена окружнаго суда, а комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ проектируетъ, какъ извѣстно, должность участковаго судьи, который исполнялъ бы на мѣстѣ порученія по допросу свидѣтелей, производству осмотра и вѣдалъ бы дѣла охранительныя, опекунскія и *вотчинныя*. Каждому, интересующемуся нашей судебною организаціей, понятно, насколько отъ осуществленія этой мысли она выиграетъ въ своей стройности, въ своемъ однообразіи и доступности для населенія. Но для каждаго также очевидно, что если, за исключеніемъ столицъ и вообще мѣстностей съ болѣе развитою экономической жизнью, возложенныя на представителей окружныхъ судовъ въ уѣздѣ функціи начальниковъ вотчинныхъ установленій будутъ соединены съ другими функціями упомянутаго выше характера, то содержаніе, которое будутъ получатъ отъ казны эти должностныя лица и ихъ канцеляріи, можетъ лишь въ весьма скромной долѣ быть отнесено на счетъ введенія ипотечной реформы. Если, къ тому же, принять во вниманіе, что независимо отъ вышеуказанныхъ крѣпостныхъ пошлинъ съ мелкой поземельной собственности, казна должна несомнѣнно выиграть отъ имѣющихъ поступать въ ея пользу, согласно проекту, сборовъ за совершеніе актовъ въ ипотечныхъ установленіяхъ, сборовъ,. получаемыхъ нынѣ младшими нотаріусами, и что въ распоряженіе казны очистятся средства, ассигнуемыя на содержаніе нынѣшнихъ старшихъ натаріусовъ и ихъ архивовъ, то станетъ вполнѣ яснымъ, насколько неправильно и преувеличено сдѣланное въ совѣщаніи исчисленіе какъ новыхъ должностей и сопряженныхъ съ ними окладовъ, такъ и вообще расходовъ, потребныхъ на введеніе у насъ ипотечной реформы.

Остается, затѣмъ, отмѣтить еще нѣсколько другихъ недоразумѣній и упрековъ по адресу проектированной реформы.

Составители нашихъ проектовъ не выдумали ипотечной системы, какъ не создали понятія векселя или другихъ институтовъ права, общихъ всѣмъ культурнымъ народамъ, всѣ разработывавшіе эти институты у насъ на законодательномъ или научномъ поприщѣ. Задача проектовъ сводилась къ созданію ипотечной системы, сообразованной съ нашими бытовыми условіями. Поэтому, сами собою падаютъ упреки въ заимствованіяхъ изъ запада, въ особенности изъ Пруссіи, тѣмъ болѣе,, что именно всѣ тѣ особенности, которыми отличалось прусское законодательство отъ другихъ западно-европейскихъ ипотечныхъ системъ, съ менѣе радикальнымъ характеромъ остались совершенно чуждыми проекту вотчиннаго устава. Этимъ объясняется, далѣе, необходимость изложенныхъ въ проектѣ правилъ объ индивидуализаціи имѣній,—необходимость, продиктованная тѣмъ обстоятельствомъ, что, вопреки мысли дѣйствующаго у насъ нотаріальнаго положенія, крѣпостные реестры, которые велись при нотаріальныхъ архивахъ, пріурочены были не къ имѣніямъ, а къ фамиліямъ собственниковъ, между тѣмъ какъ одно изъ основныхъ началъ ипотечной системы и заключается именно въ томъ, что ипотечныя книги ведутся по имѣніямъ.

Указаніе, будто проектъ вотчиннаго устава вводитъ, въ видѣ усовершенствованія кредита, „особые документы, залоговые акты, т. е. закладные листы, выпускаемые въ обращеніе безъ посредства банковъ и содѣйствія биржи“, является, очевидно, неправильнымъ изложеніемъ этого проекта. Въ отличіе отъ многихъ ипотечныхъ законодательствъ, проектъ оставилъ залоговые акты главнымъ образомъ потому, что они существуютъ, и нынѣ у насъ всѣ къ нимъ привыкли. Какъ далекъ проектъ отъ сообщенія этимъ актамъ приписываемаго имъ выше значенія, видно хотя бы изъ того, что передача залоговаго требованія, по которому выданъ залоговой актъ, должна совершаться въ вотчинномъ установленіи при участіи нотаріуса и что таковая передача по бланковымъ надписямъ вовсе не допускается (ст. 87 и 88).

Такимъ же недоразумѣніемъ представляется приписываемое проекту введеніе института вотчинныхъ выдачъ деньгами или плодами и произведеніями земли,—выдачъ, которыя будто бы отмѣнены въ Россіи вмѣстѣ съ отмѣною крѣпостнаго права. Но авторъ сообщенія „Новаго Времени“ очевидно не уяснилъ себѣ, что именно понимаетъ проектъ подъ терминомъ „вотчинная выдача“. Для всякаго, кто имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ проектомъ, ясно, что тутъ дѣло идетъ о такъ называемыхъ Reallasten, объ отношеніяхъ, въ которыхъ нѣтъ ничего общаго съ феодальнымъ, крѣпостнымъ правомъ, а которыя имѣютъ общегражданскій характеръ, основаны на завѣщаніяхъ, раздѣльныхъ и т. п. актахъ и заключаются въ обязанностяхъ что-либо давать въ пользу церквей, школъ, благотворительныхъ учрежденій или физическихъ лицъ, т. е. въ такихъ обязанностяхъ, *которыя должны лежать на всякомъ владѣльцѣ даннаго имѣнія, въ чьи бы руки оно ни попало*, и составляютъ поэтому *вещное* обремененіе этого имѣнія. Что при существованіи ипотечной системы обремененія эти, будучи разъ установлены, должны быть вносимы въ ипотечную книгу,—это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, ибо они вліяютъ какъ на цѣнность имѣнія, такъ и на объемъ и пространство правъ, установленныхъ въ силу этихъ обремененій. Подлежащими

статьями проекта, касающимися вотчинныхъ выдачъ, отнюдь не вводится какой-то новый институтъ права, намъ доселѣ неизвѣстный. Проектъ и не поощряетъ нисколько ихъ установленіе, а регулируетъ *исключительно возникновеніе и прекращеніе этихъ обремененій*, то, что и нынѣ существуетъ. Подробныя свѣдѣнія, извлеченныя комиссіей изъ многихъ нотаріальныхъ архивовъ, свидѣтельствуютъ объ огромномъ количествѣ обремененій этого рода, занесенныхъ въ крѣпостные реестры, причемъ есть полное основаніе предполагать, что въ реестрахъ этихъ отмѣчены старшими нотаріусами далеко не всѣ. А разъ жизнь знаетъ эти обремененія поземельной собственности, разъ они существуютъ, то умолчаніе о нихъ со стороны проекта вотчиннаго устава было бы равносильно оставленію ихъ внѣ поземельной регистраціи, а слѣдовательно, и внѣ той законной защиты правъ, которая съ этою регистраціей связана. Результатомъ явилась бы или своеобразная конфискація цѣлой категоріи правъ, законно установленныхъ, или, при оставленіи этихъ правъ въ силѣ помимо занесенія ихъ въ вотчинныя книги,—возможность противопоставленія лицамъ, которыя будутъ вступать въ сдѣлки по имѣніямъ, такихъ правъ, которыя существуютъ, такъ сказать, тайно, внѣ книги, и которыхъ, поэтому, лица эти не могли вовсе принять въ разсчетъ.

Тому же автору разсматриваемыхъ сообщеній „Новаго Времени“ не нравится, повидимому, терминологія проекта. Для „вотчиннаго оборота“, замѣчаетъ онъ, не имѣется въ настоящее время ни вотчинъ ни вотчинниковъ. Мало-ли терминовъ, имѣвшихъ въ прошедшемъ иное, чѣмъ въ настоящемъ, значеніе. Все дѣло, слѣдовательно, въ томъ, чтобы условиться насчетъ значенія даннаго термина. Смѣемъ успокоить, впрочемъ, упомянутаго автора, что вотчины и вотчинниковъ онъ найдетъ и въ дѣйствующихъ нынѣ гражданскихъ законахъ (прим. 1 къ ст. 420, ст. 513, 521, 566 т. X ч. I свод. зак. гражд.).

Ипотечная реформа, кромѣ возбуждаемыхъ ею принципіальныхъ вопросовъ, затрогиваетъ также и массу вопросовъ второстепеннаго характера, которые могутъ быть разрѣшены въ томъ или иномъ смыслѣ, согласно проекту или противъ него, не затрогивая, тѣмъ не менѣе, самой судьбы этой реформы. Сюда относится вопросъ о порядкѣ продажи имѣній, заложенныхъ въ государственныхъ и частныхъ земельныхъ банкахъ. Мы не будемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе вопроса о томъ, кто правъ, составители ли проекта, устанавливая производство этой продажи въ вотчинныхъ установленіяхъ, или тѣ, кто настаиваютъ на сохраненіи привилегіи продажи заложенныхъ имѣній въ самыхъ банкахъ. Многое можно сказать pro и contra по данному предмету.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что ипотечная система можетъ быть осуществлена и при оставленіи за банками права продажи заложенныхъ въ нихъ имѣній точно также, какъ право это, въ виду возможности установленія и въ настоящее время нѣсколькихъ залоговъ и другихъ обремененій на одномъ и томъ же имѣніи, могло бы быть отнято у нихъ и помимо отмѣны нынѣшней крѣпостной системы. Къ чести представителей нашего банковаго поземельнаго кредита нужно сказать, что они всегда понимали недостатки упомянутой крѣпостной системы и многократно ходатайствовали о замѣнѣ ея ипотечною, какъ болѣе совершенной и отвѣчающей тому дѣлу, которому посвящена ихъ дѣятельность, изъявляя даже готовность принять участіе въ нужныхъ на то расходахъ. Пишущій эти строки былъ представителемъ министерства юстиціи на происходившемъ въ 1883 году V съѣздѣ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита, принималъ непосредственное участіе въ работахъ этого съѣзда по разъясненію массы недоразумѣній, вызываемыхъ недостатками дѣйствующаго законодательства, и помнитъ, съ какимъ единодушіемъ этотъ съѣздъ ходатайствовалъ о скорѣйшемъ введеніи у насъ ипотечной реформы. Будемъ же надѣяться, что результатъ происходившаго въ министерствѣ финансовъ совѣщанія, обусловленный, какъ видно изъ изложеннаго, цѣлымъ рядомъ крупныхъ недоразумѣній, не предрѣшитъ окончательно ни отношенія этого министерства къ ипотечной реформѣ ни тѣмъ паче судьбы этой послѣдней, переданной нынѣ въ руки нашего высшаго законодательнаго учрежденія, и что здоровыя и плодотворныя начала, которыя она въ себѣ заключаетъ, дождутся и у насъ въ близкомъ будущемъ своего осуществленія.

Л. В. Гантоверъ.

Принятіе въ русское подданство.

Общій порядокъ принятія иностранцевъ въ русское подданство, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что, по истеченіи пятилѣтняго срока послѣ полученія отъ губернатора свидѣтельства на водвореніе въ предѣлахъ Имперіи, иностранецъ обращается къ министру внутреннихъ дѣлъ съ прошеніемъ о принятіи въ подданство, представляя при немъ требуемые закономъ документы и свѣдѣнія; отъ министра же внутреннихъ дѣлъ зависитъ или удовлетворить ходатайство иностранца, или отказать въ его ходатайствѣ, хотя бы имъ были соблюдены всѣ предписанныя закономъ формальности (ст. 1010—1020 зак. сост. т. IX св. зак. изд. 1876 г.). Другими словами, министру внутр. дѣлъ принадлежитъ дискреціонное право принимать и не принимать въ русское подданство иностранцевъ, по своему усмотрѣнію.

Если бы на ряду съ этимъ общимъ не существовали особенные, льготные порядки натурализаціи, то весь вопросъ о принятіи русскаго подданства имѣлъ бы весьма незначительный „юридическій“ интересъ. Мы именно имѣемъ въ виду остановиться на изъятіяхъ изъ общаго порядка натурализаціи, причемъ особенно интересными представляются намъ не частичныя видоизмѣненія общаго порядка, о которыхъ достаточно сказано во всѣхъ курсахъ русскаго государственнаго права, но именно изъятія изъ него, составляющія особенные, льготные порядки вступленія въ русское подданство, самое существованіе которыхъ весьма слабо отмѣчено нашими государствовѣдами.

Покойный проф. А. Д. Градовскій, различая по русскому законодательству натурализацію обыкновенную и чрезвычайную, объясняетъ, что послѣдняя, какъ и по иностраннымъ законамъ, предполагаетъ сокращеніе срока предварительнаго водворенія и даже совершенное его уничтоженіе. [1]) Что именно побудило проф. Градовскаго назвать „чрезвычайною“ натурализацію, совершающуюся при такихъ условіяхъ—для насъ непонятно, тѣмъ болѣе, что по иностраннымъ законодательствамъ чрезвычайная натурализація отличается отъ обыкновенной большею сложностью порядка и большимъ объемомъ предоставляемыхъ ею правъ [2]), тогда какъ по русскимъ законамъ тѣ условія натурализаціи, которыя названы проф. Градовскимъ чрезвычайными, представляются, напротивъ того, болѣе простыми сравнительно съ общимъ порядкомъ. Впрочемъ, этого различія въ самой сущности того и другого порядковъ проф. Градовскій и вовсе не отмѣчаетъ.

Проф. Н. М. Коркуновъ [3]) стоитъ на болѣе правильномъ пути: общему порядку „укорененія“ онъ противополагаетъ „болѣе простой“, однако сущности его тоже не выясняетъ. Перечисляя случаи его примѣненія, онъ смѣшиваетъ въ одно и принятіе иностранцевъ, состоящихъ на службѣ, въ русское подданство ихъ начальствомъ, и случаи, въ которыхъ министра внутреннихъ дѣлъ замѣняютъ Туркестанскій и Приамурскій генералъ-губернаторы, и особыя правила о рабочихъ, водворяющихся въ Россіи для обрабатыванія земель по найму отъ землевладѣльцевъ, о болгарахъ, переселяющихся въ Тифлисскую губ. и другихъ единовѣрцахъ, поселяющихся въ Новороссійскомъ краѣ, и т. п., упомянутыя въ ст. 1029 зак. сост., хотя правила эти касаются собственно порядка водворенія иностранцевъ сказанныхъ категорій въ Россіи, и особаго порядка принятія въ подданство не устанавливаютъ, а на практикѣ врядъ-ли эти правила имѣютъ примѣненіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Коркуновъ, ограничиваясь упомянутыми указаніями, не относитъ къ „простому“ порядку „укорененія“ много другихъ случаевъ (ст. 1023, 1024, 1026, 1027 зак. сост.) и о нихъ говоритъ, не выдѣляя ихъ изъ сферы дѣйствія общаго порядка, который онъ считаетъ послѣ закона 10 февр. 1864 г. единственнымъ.

Профессора А. С. Алексѣевъ [1]) и И. Энгельманъ [2]), не вдаваясь вовсе въ различеніе того или другого порядка натурализаціи, излагаютъ только постановленія закона относительно общаго порядка и указываютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ предварительнаго водворенія не требуется.

Сдѣланныхъ нами ссылокъ достаточно, чтобы отмѣтить неразработанность вопроса о принятіи въ русское подданство иностранцевъ въ наукѣ государственнаго права. Неудивительно послѣ этого, что и практика до недавняго времени не строго различала случаи примѣненія общаго и особеннаго, льготнаго порядковъ принятія русскаго подданства, и министръ внутр. дѣлъ, ссылаясь на свое дискреціонное право, отказывалъ въ натурализаціи такимъ иностранцамъ, которые дѣйствію общаго порядка не подлежали.

Сущность особеннаго, льготнаго порядка принятія русскаго подданства состоитъ въ томъ, что данный иностранецъ, удовлетворяющій опредѣленнымъ въ законѣ требованіямъ, натурализуется въ силу его субъективнаго права, а такъ какъ осуществленію права не можетъ препятствовать чье-либо усмотрѣніе, то на подобныхъ иностранцевъ и не распространяется дискреціонная власть отказа, принадлежащая министру внутр. дѣлъ. Но этого мало: подобные иностранцы натурализуются безъ всякаго участія министра внутр. дѣлъ. Правильнѣе говоря: они не принимаются въ подданство, а принимаютъ подданство по своему желанію. Однако, прежде чѣмъ перейти къ анализу особеннаго, льготнаго порядка, скажемъ два слова о предѣлахъ дискреціонной власти министра внутр. дѣлъ и о частичныхъ видоизмѣненіяхъ общаго порядка.

Министру внутр. дѣлъ, въ общемъ порядкѣ натурализаціи, на основаніи ст. 1020 зак. сост., принадлежитъ дискреціонное право отказа въ принятіи въ подданство иностранца, хотя бы имъ были соблюдены всѣ предписанныя для сего формальности. Но право министра принимать иностранцевъ въ подданство Россіи

---

[1]) Т. I Начала русск. госуд. права. Спб. 1875 г., § 183 и 184; М. И. Свѣшниковъ (Русское госуд. право. Спб. 1897 г., вып. I, стр. 95) слѣдуетъ за проф. Градовскимъ въ опредѣленіи чрезвычайной натурализаціи по русскому законодательству

[2]) Ср. Соврем. междунар. право проф. Ф. Ф. Мартенса, Спб. 1883 г., т. II, § 47.

[3]) Т. I Русск. госуд. права Спб. 1893 г., § 27.

[1]) Русское госуд. право. Москва 1897, § 149.

[2]) H. Marquardsen. Handbuch des öff. Rechts, IV B. D-r I. Engelmann. Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland, § 24 (Freiburg B. 1889 г.).

ограничено, какъ соблюденіемъ просителемъ установленныхъ формальностей, такъ и воспрещеніемъ принимать въ русское подданство извѣстныя категоріи иностранцевъ. Безусловно не могутъ быть принимаемы въ русское подданство: дервиши (ст. 994 зак. сост.), замужнія иностранки отдѣльно отъ мужей (ст. 1014 ibid.) и несовершеннолѣтніе; въ этомъ послѣднемъ отношеніи хотя и нѣтъ въ законѣ прямого воспрещенія, но оно вытекаетъ изъ сопоставленія общаго правила о томъ, что лишь по достиженіи совершеннолѣтія лицо начинаетъ пользоваться правами своего состоянія (ст. 4 ibid.) съ постановленіями о порядкѣ принятія въ подданство дѣтей иностранцевъ (ст. 1015, 1024 и др. ibid).

Министръ внутр. дѣлъ не можетъ также принимать въ русское подданство евреевъ (ст. 992 зак. сост. изд. 1876 г.), за исключеніемъ лицъ, получившихъ разрѣшеніе (прим. 1 къ ст. 1001 зак. сост. по прод. 1890 г.) на учрежденіе въ Россіи фабрикъ и заводовъ, выписанныхъ евреями-фабрикантами мастеровъ для производства мануфактурныхъ работъ (п. 3 и 4 ст. 290 уст. пасп. т XIV св. зак. изд. 1890 г.) и среднеазіатскихъ евреевъ, желающихъ вступить въ гильдіи въ Оренбургской губерніи (примѣч. къ статьѣ 992 зак. сост. по прод. 1890 г.).

Опредѣленіемъ 1-го д-та Правит. Сената 25 сентября 1896 г. по д. Барбинскаго разъяснено, что и на этихъ привилегированныхъ евреевъ распространяется власть министра внутр. дѣлъ отказать въ натурализаціи, несмотря на соблюденіе всѣхъ формальностей, такъ какъ, очевидно, евреямъ относительно вступленія въ русское подданство не предоставлено болѣе правъ, чѣмъ иностранцамъ другихъ религій.

Видоизмѣненія общаго порядка натурализаціи установлены нашимъ законодательствомъ двоякаго рода: съ одной стороны, министру внутр. дѣлъ предоставлено право сокращать срокъ предварительнаго водворенія въ пользу иностранцевъ, оказавшихъ Россіи особенныя заслуги, извѣстныхъ замѣчательными талантами, особыми учеными познаніями, помѣстившихъ значительные капиталы въ общеполезныя русскія предпріятія (ст. 1016 зак. сост.); съ другой стороны, для иностранцевъ, желающихъ приписаться къ осѣдлому населенію Мурманскаго берега, законъ выставляетъ болѣе строгія требованія, чѣмъ для остальныхъ (прим. къ ст. 1021, прим. 4 къ ст. 1022 зак. сост. по прод. 1890 г.),—но и въ томъ и другомъ случаѣ существенный признакъ общаго порядка—дискреціонное право министра внутр. дѣлъ отказать въ натурализаціи—на лицо. Къ видоизмѣненіямъ общаго порядка должно быть также отнесено предоставленіе Туркестанскому генералъ-губернатору принимать въ русское подданство подданныхъ средне-азіатскихъ ханствъ и средне-азіатскихъ евреевъ, безъ различія подданства (прим. къ ст. 1020, прим. къ ст. 992 зак. сост. по прод. 1890 г.), и Приамурскому генералъ-губернатору принимать въ теченіе 10 лѣтъ, съ 17 мая 1888 г., въ русское подданство китайцевъ и корейцевъ (прим. къ ст. 1017 зак. сост. по прод. 1890 г.), такъ какъ дискреціонная власть отказа въ принятіи и въ этихъ случаяхъ на лицо, хотя осуществленіе ея принадлежитъ не министру внутр. дѣлъ, а замѣняющимъ его генералъ-губернаторамъ.

Совершенно иныя условія особеннаго, льготнаго порядка принятія русскаго подданства, имѣющаго также свои видоизмѣненія, но въ сущности основаннаго, какъ мы уже сказали, на признаніи за нѣкоторыми иностранцами субъективнаго права на вступленіе въ подданство Россіи. Вотъ перечень случаевъ примѣненія льготнаго порядка:

I) на основаніи ст. 1023 зак. сост. дѣти иностранцевъ, *не состоящихъ въ русскомъ подданствѣ*, прижитыя и воспитанныя въ Россіи, или же хотя и рожденныя за границею, но окончившія курсъ наукъ въ русскихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, принимаются въ русское подданство властью мѣстнаго *губернскаго правленія*, если заявятъ о своемъ желаніи принять русское подданство въ теченіе года со времени достиженія ими совершеннолѣтія и представятъ документы, требуемые ст. 1018 и 1019 зак. сост. (опр. 1-го деп. Прав. Сената 19 янв. 1894 г. по д. Христофеля, 12 сент. 1894 г. по д. Редигера, 15 марта 1895 г. по д. Шота, 24 янв. 1896г. по д. Шмидта и по д. Лера, 29 окт. 1896 г. по д. Лау и мн. др.). По вопросу, распространяется ли дѣйствіе ст. 1023 на дѣтей иностранныхъ евреевъ, Прав. Сенатъ, по 1 департ., въ опредѣленіи отъ 19 мая 1893 г. по дѣлу Эліассона высказался отрицательно, признавъ правильнымъ отказъ губернскаго правленія въ допущеніи къ присягѣ на русское подданство прусскаго подданнаго еврея, родившагося въ Россіи и кончившаго курсъ гимназіи, отецъ котораго получилъ въ установленномъ порядкѣ разрѣшеніе на жительство въ Россіи и на занятіе торговлею. Опредѣленіе Прав. Сената обосновано слѣдующими соображеніями: на основаніи ст. 992 зак. сост., иностранцы изъ евреевъ не допускаются къ переселенію въ Россію или вступленію въ россійское подданство, причемъ изъятіе изъ этого общаго правила сдѣлано въ примѣчаніи къ приведенной статьѣ, въ 993 ст. и въ примѣчаніи къ послѣдней только въ пользу среднеазіатскихъ евреевъ, евреекъ русскихъ подданныхъ, вступившихъ въ браки съ иностранными евреями, по прекращеніи таковыхъ браковъ, и дѣтей, отъ сихъ браковъ происходящихъ. Принимая во вниманіе, что другихъ изъятій изъ общаго закона, воспрещающаго иностраннымъ евреямъ какъ переселеніе въ Россію, такъ и

вступленіе въ россійское подданство, въ дѣйствующемъ законодательствѣ не указано, Прав. Сенатъ не призналъ возможнымъ примѣнить къ иностранному подданному изъ евреевъ правило, установленное въ ст. 1023 зак. сост. для иностранцевъ вообще. Однако, изложенныя соображенія Сената врядъ-ли могутъ быть признаны правильными, такъ какъ изъ выраженнаго въ ст. 992 зак. сост. запрещенія переселенія иностранныхъ евреевъ въ Россію и принятія ихъ въ русское подданство законъ допускаетъ не только изъятія, упомянутыя въ опредѣленіяхъ Прав. Сената, но и другія (ст. 21, 289, 290 уст. пасп., т. XIV изд. 1890 г., прим. 1 къ ст. 1001 зак. сост. т. IX по прод. 1890 г.), а разъ извѣстнымъ категоріямъ евреевъ, иностранныхъ подданныхъ, разрѣшено поселеніе въ Россіи, то нѣтъ законнаго основанія не распространять дѣйствіе ст. 1023 зак. сост. на дѣтей иностранныхъ евреевъ, поселившихся въ Россіи на законномъ основаніи.

М. Лозина-Лозинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Условное осужденіе и проектъ нашего уголовнаго уложенія.

Характерной чертой конца истекающаго столѣтія представляется особенно интенсивная работа въ законодательной сферѣ, направленная на созданіе новыхъ уголовныхъ кодексовъ. Въ настоящее время во многихъ странахъ Европы существуютъ готовые проекты уголовныхъ уложеній, ждущіе только своей санкціи.

Сравнивая эти проекты (австрійскій, общешвейцарскій, французскій, норвежскій) съ проектомъ нашего уголовнаго уложенія, нельзя не замѣтить одной рѣзко бьющей въ глаза особенности, отличающей нашъ проектъ отъ западноевропейскихъ.

Въ то время какъ иностранные проекты, чуткіе къ голосу современной уголовной политики, поспѣшили включить въ свою карательную систему институтъ условнаго осужденія, успѣвшій уже, какъ извѣстно, въ послѣднее десятилѣтіе завоевать себѣ мѣсто во многихъ законодательствахъ Европы, проектъ нашего уложенія этого института не знаетъ.

Такое отрицательное отношеніе можетъ быть вызвано только двумя причинами: 1) убѣжденіемъ въ ошибочности западно-европейской законодательной политики и 2) существованіемъ особыхъ специфическихъ условій нашей русской жизни, устраняющихъ возможность и необходимость примѣненія у насъ этого института.

Основательно-ли такое убѣжденіе? Существуютъ-ли такія специфическія условія?

Стремленіе западно-европейской законодательной политики включить условное осужденіе въ карательныя системы едва ли можетъ вызвать противъ себя какое-либо возраженіе. И теоретическія и практическія соображенія говорятъ въ пользу возможности путемъ условнаго осужденія сдержать новичковъ въ области преступной дѣятельности отъ дальнѣйшихъ закононарушеній и предохранить ихъ отъ пагубнаго вліянія тюремной атмосферы; условное осужденіе оказывается весьма полезнымъ орудіемъ борьбы съ случайными преступниками, совершившими дѣянія, которыя влекутъ за собою краткосрочное лишеніе свободы или штрафъ.

Изъ всѣхъ странъ, гдѣ примѣняется условное осужденіе, приходятъ самые благопріятные о немъ отзывы. Статистическія данныя о результатахъ его примѣненія въ Америкѣ, Англіи, Австраліи, Бельгіи, Швейцаріи и Франціи свидѣтельствуютъ о полномъ успѣхѣ. Такъ напр., по послѣднимъ даннымъ, касающимся Франціи [1]), оказывается, что условное осужденіе было примѣнено: въ 1891 г. въ 11,766 случаяхъ, въ 1892 г. въ 17,849 случаяхъ, въ 1893 г. въ 20,404 случаяхъ, въ 1894 г. въ 21,377 случаяхъ и въ 1895 г. въ 23,288 случаяхъ, въ общемъ—въ 94,684 случаяхъ, при чемъ только въ 4,159 случаяхъ это примѣненіе окончилось неудачею, что̀ составляетъ 4,4% [2]). Такимъ образомъ, въ 95,6 случаяхъ на 100 примѣненіе условнаго осужденія приводило къ желаннымъ результатамъ. Спасая ежегодно болѣе 10,000 лицъ отъ опаснаго знакомства съ тюрьмой, примѣненіе это оказало замѣтное вліяніе на обнаруженное въ послѣдніе годы уменьшеніе рецидива.

Если, поэтому, условное осужденіе представляется крайне необходимымъ и полезнымъ, если его невозможно разсматривать, какъ продуктъ неимѣющей серьезнаго практическаго значенія фантазіи, то, въ виду космополитическаго характера борьбы съ преступностью, остается допустить, что отрицательное къ нему отношеніе проекта нашего уложенія объясняется наличностью какихъ-либо особыхъ условій, устраняющихъ его необходимость, либо мѣшающихъ его включенію въ нашу карательную систему.

Однимъ изъ существенныхъ практическихъ соображеній, вызвавшихъ распространеніе условнаго осужденія на западѣ, представляется потребность сократить область примѣненія краткосрочнаго лишенія свободы, отбываемаго обыкновенно, въ крайне несостоятельныхъ карательныхъ учрежденіяхъ. Существуетъ-ли такая потребность у насъ? Несомнѣнно, существуетъ. Краткосрочное лишеніе свободы у насъ процвѣтаетъ. Оно отбывается то въ арестныхъ домахъ, то въ тюрьмахъ. Организація жетѣхъ и другихъ оставляетъ желать многаго:

---

[1]) Другихъ данныхъ мы не приводимъ, такъ какъ они неоднократно уже приводились и въ нашей юридической литературѣ.

[2]) См. Der Gerichtssaal Band LVI. 1898, стр. 78.

система одиночнаго заключенія почти не проводится; переполненіе тюремъ заключенными—явленіе обыкновенное. При такихъ условіяхъ принятіе условнаго осужденія помимо прямой пользы могло бы еще оказать значительную услугу развитію тюремнаго дѣла, такъ какъ оно повлекло бы за собою сокращеніе количества тюремныхъ сидѣльцевъ и сокращеніе расходовъ на ихъ содержаніе, и тѣмъ самымъ дало бы возможность обратить большее вниманіе на улучшеніе карательныхъ учрежденій.

Но если бы даже нашей карательной системѣ не были присущи указанные недостатки, необходимость принятія условнаго осужденія отнюдь не была бы этимъ устранена, такъ какъ она обусловливается, главнымъ образомъ, существованіемъ среди преступнаго люда особой категоріи случайныхъ преступниковъ, въ борьбѣ съ которыми условное осужденіе представляется, въ массѣ случаевъ, болѣе соотвѣтствующимъ средствомъ, чѣмъ лишеніе свободы; существованіе же категоріи этихъ преступниковъ носитъ, такъ сказать космополитическій характеръ, во всякой странѣ эти преступники существуютъ; существуютъ они и у насъ, что хорошо извѣстно всякому, знакомому съ характеромъ и особенностями нашего тюремнаго населенія и съ нашей уголовной хроникой.

Быть можетъ, однако, на пути этого принятія стоятъ какія-либо серьезныя препятствія? Быть можетъ, условное осужденіе представляется, по своему характеру, рѣзко противорѣчащимъ юридическому міровоззрѣнію нашего народа, чѣмъ-то для него чуждымъ и крайне непонятнымъ? Быть можетъ, его примѣненіе въ виду этого можетъ повлечь за собою крайне невыгодныя послѣдствія для дѣла борьбы съ преступностью?

Не говоря о томъ, что условное осужденіе—простой и несложный институтъ, доступный пониманію всякаго, нельзя не замѣтить, былъ судимъ и оставленъ на замѣчаніи суда и общества“ (Березанскій, „Обычное уголовное право крестьянъ Тамбовской губерніи“, 1880, стр. 152). По поводу второго института тотъ же изслѣдователь (ib. стр. 155) замѣчаетъ: „когда судъ опредѣляетъ сдѣлать виновному внушеніе остерегаться впредь подобныхъ совершенному проступковъ, то всегда дѣлаетъ болѣе или менѣе строгую угрозу подвергнуть болѣе сильному наказанію, въ случаѣ повторенія проступка“. Близко къ условному осужденію подходитъ также отобраніе подписки въ интересахъ предупрежденія различнаго рода семейныхъ раздоровъ, замѣняющей собою слѣдуемое виновному наказаніе и влекущей въ будущемъ усиленіе наказанія на случай повторенія (примѣры такого рода подписокъ собраны въ III т. „Трудовъ Ком.“).

Всѣ эти примѣры, думается намъ, показываютъ, что идея условнаго осужденія не только не чужда нашему правосознанію, но сродна ему, и потому какія либо опасенія относительно непониманія этой идеи врядъ ли основательны. Скорѣе можно предположить, что условное осужденіе, какъ родное дѣтище народнаго правосознанія, встрѣтитъ для себя въ высшей степени благопріятную почву.

Быть можетъ, наконецъ, примѣненіе условнаго осужденія, несмотря на существующую въ немъ потребность, не можетъ быть допущено потому, что для такого рода дѣятельности наши судебные органы непригодны? Эту точку зрѣнія, повидимому, раздѣляютъ составители нашего проекта, признавая, что институтъ условнаго осужденія требуетъ слишкомъ большого довѣрія къ суду со стороны государства и народа. Но для примѣненія условнаго осужденія вовсе не встрѣчается надобности въ судебныхъ органахъ, обладающихъ какими-либо особенными свойствами. Тѣ судебные органы, которымъ вѣ

щества на исключеніе члена. Это право предусматриваютъ и уставы обществъ потребителей (напр., Тверскаго § 20).

Пр. Сенатъ, правда, указываетъ, что общество взаимнаго кредита вовсе не нуждается въ такомъ правѣ исключенія, такъ какъ, въ случаѣ измѣнившейся благонадежности члена пріемный комитетъ имѣетъ право, которое вполнѣ гарантируетъ общество отъ убытковъ, могущихъ произойти отъ оказываемаго неблагонадежному лицу кредита. Соображеніе это само по себѣ совершенно правильно, но оно вопроса не рѣшаетъ. Участіе въ обществѣ никогда не должно быть простой фикціей, тѣмъ менѣе должно оно прикрывать собой въ сущности обманъ. Если, по мнѣнію уполномоченныхъ органовъ общества, имущественное положеніе члена таково, что онъ не можетъ болѣе пользоваться кредитомъ, то зачѣмъ сохранять за нимъ званіе, которое и его и третьихъ лицъ можетъ вводить въ заблужденіе относительно степени его кредитоспособности.

Новыя данныя изъ области криминалистики.[1])

(Переводъ съ рукописи).

Въ настоящихъ очеркахъ я хочу сообщить моимъ русскимъ коллегамъ рядъ новыхъ фактовъ, которые не вошли въ прежнія изданія „Руководства для судебныхъ слѣдователей“. Эти данныя частью уже включены въ первый томъ моей книги, который теперь именно выходитъ третьимъ изданіемъ, частью будутъ помѣщены во второмъ томѣ. Такимъ образомъ, настоящія замѣтки еще не появлялись въ печати.

Печатая на страницахъ „Права“ предлагаемые очерки, я льщу себя надеждой, что они представятъ нѣкоторый интересъ для моихъ собратьевъ по оружію, а во-вторыхъ, могутъ служить дополненіемъ для тѣхъ лицъ, которыя пріобрѣли мое руководство въ русскомъ переводѣ.

Нельзя, конечно, требовать отъ меня систематическаго изложенія. Я сообщаю отдѣльныя данныя въ томъ порядкѣ, какъ они будутъ внесены мною въ различныя главы „Руководства“.

1. Качество, необходимое для судебнаго слѣдователю. Въ теченіе долголѣтней моей службы, я, къ сожалѣнію, долженъ былъ убѣдиться, что весьма часто неудачный исходъ предварительнаго слѣдствія по крупнымъ дѣламъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что слѣдователь не былъ самоотверженъ. Нерѣдко оказывается, что слѣдователь, отличающійся ловкостью, честолюбіемъ, прилежаніемъ, умомъ, отвагою, осторожностью и многими другими качествами, не можетъ похвастать хорошими результатами своей работы, въ особенности въ серьезныхъ дѣлахъ. Секретъ его неудачи кроется въ томъ, что онъ не въ силахъ отказаться отъ внѣшняго мишурнаго успѣха. Чиновникъ полиціи пріобрѣтаетъ извѣстность удачнымъ розыскомъ, прокуроръ и защитникъ блестящей рѣчью, предсѣдатель—умѣлымъ веденіемъ судебнаго слѣдствія. О судебномъ же слѣдователѣ, отъ кропотливой, удачной работы котораго, пожалуй, зависитъ весь успѣхъ дѣла, никто не говоритъ; его никто не знаетъ; его работа зарыта въ мертвыхъ протоколахъ, и только немногія лица, которыя изучаютъ эти бумаги, могутъ опредѣлить качество работы и понять, сколько труда положено въ сложное дѣло. За каждую, хотя бы ничтожную ошибку, слѣдователя строго осуждаютъ, но его трудовъ никогда не цѣнятъ по заслугамъ.

Эти обстоятельства долженъ имѣть въ виду каждый молодой человѣкъ, который желаетъ посвятить себя нашей трудной и неблагодарной дѣятельности. Прежде чѣмъ рѣшиться, онъ долженъ тщательно взвѣсить, будетъ-ли съ него довольно интересной, живой работы и сознанія, что онъ свято исполнилъ свою обязанность. Если онъ такой скромностью не обладаетъ, если онъ стремится къ внѣшнему блеску и всеобщему признанію его качествъ, тогда ему нельзя итти въ слѣдователи, а надо выбрать другую профессію; иначе онъ всегда будетъ недоволенъ своимъ положеніемъ и всегда его работа будетъ неудовлетворительна.

Таковъ мой искренній совѣтъ не только молодымъ юристамъ, но и тѣмъ властямъ, отъ которыхъ зависитъ назначеніе на должность. Ихъ прямая обязанность предостеречь каждаго, кто хочетъ итти по трудному и тернистому пути судебнаго слѣдователя.

2. Дурной почеркъ протоколовъ является не только пыткой и мученіемъ для всѣхъ, кому приходится корпѣть надъ судебными актами, не только отнимаетъ время, портитъ глаза, вызываетъ раздраженіе у читающихъ, но можетъ создать серьезныя недоразумѣнія при разсмотрѣніи дѣла. Правда, дурной почеркъ такъ же трудно измѣнить, какъ и некрасивое лицо. Но есть простое средство, которымъ можно нѣсколько ослабить зло. Необходимо слѣдить, чтобы пишущій разставлялъ строчки какъ можно дальше одну отъ другой (6—8 милиметровъ, въ зависимости отъ величины его буквъ). Каждый почеркъ, даже самый красивый, становится неяснымъ, если строчки расположены слишкомъ тѣсно; и каждый почеркъ, даже самый дурной, читается легче, если строчки болѣе или менѣе широко отдѣлены одна отъ другой.

---

[1]) Приступая къ печатанію серіи замѣтокъ д-ра Гросса о предварительномъ слѣдствіи, написанныхъ имъ спеціально для „Права“, редакція надѣется, что многочисленныя и разнообразныя свѣдѣнія, сообщаемыя австрійскимъ ученымъ, не разъ пригодятся нашимъ судебнымъ дѣятелямъ въ ихъ практической работѣ.

Исполненія этого правила слѣдуетъ неуклонно требовать, и каждый человѣкъ, составлющій протоколы, можетъ исполнить его безпрекословно. Рекомендуемое мною средство крайне просто, но, какъ показалъ опытъ, несомнѣнно полезно.

3. Изложеніе свидѣтельскихъ показаній. Нельзя не признать страннымъ, что всѣ люди и классы общества затрудняются передать чужую рѣчь въ прямой формѣ. Если вы спросите А., что тогда то сказалъ Б., то А. почти всегда отвѣтитъ: „Б. сказалъ мнѣ, *чтобы* я далъ ему 100 рублей“. Несмотря на самое категорическое требованіе дословной передачи, слѣдователю очень рѣдко удается заставить А. произнести: Б. сказалъ мнѣ „дай мнѣ 100 рублей“. Между тѣмъ, въ цѣломъ рядѣ преступленій (какъ напр., оскорбленіе словомъ, клевета, ложное показаніе), несомнѣнно, очень важно имѣть точную передачу слышаннаго, потому что, напр., необразованные люди совершенно произвольно строятъ косвенное предложеніе, въ которомъ они только приблизительно излагаютъ то, что поняли изъ чужихъ словъ. Если же въ концѣ-концовъ добьешься отъ нихъ дословной передачи слышаннаго (напр., онъ сказалъ: приди завтра ко мнѣ...), то нерѣдко окажется, что оно имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ. Иногда же свидѣтель прямо сознается, что онъ не помнитъ въ точности чужой рѣчи, или если было допрошено нѣсколько лицъ, то обнаружатся явныя противорѣчія въ передачѣ чужихъ словъ. Поэтому, каждому криминалисту необходимо помнить правило, что свидѣтели должны передавать чужую рѣчь *дословно*. Только тогда можно быть убѣжденнымъ, что вамъ сообщили то, что и было сказано въ дѣйствительности.

(Продолженіе въ слѣд. №).

D-r Hans Gross.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

(Законодательные проекты объ охранѣ личности).

Тревожное время, переживаемое французской республикой, выдвинуло цѣлый рядъ капитальныхъ вопросовъ и обнаружило очень крупные пробѣлы въ законодательствѣ. Конституція 1791 года объявила основнымъ своимъ принципомъ полную свободу слова и печати и безусловную гарантію индивидуальной свободы. Принципъ этотъ проходитъ чрезъ всѣ дальнѣйшія видоизмѣненія французскаго законодательства; онъ сохранился и въ дѣйствующемъ правѣ: Art. 114—122 Code pénal обставляютъ извѣстными гарантіями неприкосновенность частнаго лица. Въ 1810 году, въ законодательномъ корпусѣ докладчикъ проекта Code pénal, между прочимъ, говорилъ: „Право индивидуальной свободы является для всякаго человѣка, живущаго въ обществѣ, первымъ и самымъ существеннымъ его благомъ, необходимымъ условіемъ личнаго счастья. Государство и законы должны съ благоговѣйнымъ вниманіемъ относиться къ этому праву и оберегать его отъ всякихъ покушеній со стороны отдѣльныхъ органовъ власти“. Таковы были благія теоретическія пожеланія законодателя, которому казалось, что установленная въ кодексѣ отвѣтственность судей и прокуратуры вполнѣ достаточна для охраны индивидуальной свободы. Но жизнь показала совершенно иное. Полная безотвѣтственность магистратуры, въ случаѣ предварительнаго ареста, возвела этотъ послѣдній въ систему, и сплошь и рядомъ во Франціи можно наблюдать, что за преступленіе, за которое maximum наказанія $1^1/_2$ года тюремнаго заключенія, лицо, подозрѣваемое въ совершеніи этого преступленія, сидитъ предварительно въ тюрьмѣ 8 мѣсяцевъ; правомъ предварительнаго ареста стали пользоваться очень широко; случаевъ такого рода можно привести тысячи.

Полковникъ Пикаръ, обвиненный въ сообщеніи своему адвокату Leblois нѣкоторыхъ свѣдѣній, имѣющихъ секретный характеръ, содержится въ предварительномъ заключеніи больше 150 дней; а за это преступленіе онъ можетъ поплатиться штрафомъ или—самое большее—шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Подобныя нарушенія принципа индивидуальной свободы давно уже обратили на себя вниманіе общества и печати, а подъ вліяніемъ послѣднихъ событій побудили заняться этимъ вопросомъ и органы законодательной власти. Почти одновременно въ палату депутатовъ внесены четыре проекта, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль—охрану индивидуальной свободы. Съ содержаніемъ этихъ проектовъ мы и хотимъ познакомить читателя.

Первый проектъ принадлежитъ депутату де-Рамель и имѣетъ своею цѣлью „дать наилучшія гарантіи индивидуальной свободы“.

Общая тенденція нашихъ законовъ, говоритъ де-Рамель, состоитъ въ томъ, чтобы подвергнуть сначала предварительному задержанію, а потомъ, не торопясь, производить разслѣдованіе. Отсюда проистекаетъ, продолжаетъ онъ, что величайшія оскорбленія, наносимыя человѣку, остаются въ большинствѣ случаевъ совершенно безнаказанными. При старомъ режимѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣйствовали чрезвычайные суды съ особыми полномочіями, судьи, которые неосмотрительно и безъ достаточныхъ основаній арестовывали гражданина, подвергались личной отвѣтственности и платежу убытковъ. Новые же законы—§ 60 Сенатусконсульта 28 Флореаля XII года, законъ 3 марта 1810 года, законъ 27 февраля 1828 г. и, наконецъ, уставъ уголовнаго судопроизвод-

ства создали опасность для индивидуальной свободы.

Проектъ Рамеля сводится къ слѣдующимъ положеніямъ:

Ни одинъ гражданинъ, имѣющій опредѣленное мѣстожительство и средства къ существованію, не можетъ быть подвергнутъ предварительному аресту по обвиненію въ проступкѣ, если только онъ раньше не былъ уже осужденъ (пп. 3 и 10).

Удостовѣреніе мэра той общины, въ которой обвиняемый имѣетъ мѣстожительство, о наличности у послѣдняго постоянныхъ средствъ къ существованію обязываетъ судебнаго слѣдователя немедленно отпустить обвиняемаго на свободу; это удостовѣреніе должно быть, по заявленію обвиняемаго, немедленно вытребовано у мэра общины самимъ судебнымъ слѣдователемъ.

Для того, чтобы предварительное заключеніе не продолжалось безцѣльно, судебный слѣдователь обязанъ въ 20-ти-дневный срокъ, въ случаѣ обвиненія въ проступкѣ, и въ 40-дневный — въ случаѣ обвиненія въ преступленіи, представить свои заключенія.

Всякому, задержанному противозаконно или безъ достаточныхъ основаній, предоставляется право гражданскаго иска къ тому должностному лицу, по приказанію котораго это задержаніе совершено.

Наконецъ, чтобы положить предѣлъ всякимъ злоупотребленіямъ, проектъ Рамеля предлагаетъ установить уголовную отвѣтственность за всякое негуманное обращеніе съ арестованнымъ.

Эти существе́нныя гарантіи индивидуальной свободы, заканчиваетъ Рамель свой проектъ, давно ожидаются французскимъ обществомъ и усвоены уже сосѣдними народами; подобный законъ явится дополненіемъ къ закону 8-го декабря 1897 года, установившаго немедленный допросъ арестованнаго и присутствіе защитника при допросахъ у судебнаго слѣдователя.

Прямымъ дополненіемъ проекта Рамеля является предложеніе депутата Charruyer относительно уплаты вознагражденія тѣмъ лицамъ, которые по ошибкѣ были задержаны подъ арестомъ. Мысль о необходимости установленія такого вознагражденія была высказана во время обсужденія закона о пересмотрѣ уголовныхъ дѣлъ. Палата депутатовъ одобрила эту мысль; но въ сенатѣ, несмотря на горячую защиту проекта докладчикомъ Беранже, вознагражденіе лицъ, совершенно невинно содержавшихся подъ предварительнымъ арестомъ, было отвергнуто. Въ настоящее время этотъ жгучій вопросъ поднятъ опять.

Предварительный арестъ, говоритъ Charruyer, это—то же наказаніе, иногда очень тяжелое: человѣкъ отрывается отъ своихъ дѣлъ и привычныхъ занятій, лишается свободы, нерѣдко терпитъ громадные убытки и даже совершенно разоряется; и эта тяжелая обида, это оскорбленіе нанесено ему обществомъ, въ лицѣ одного изъ его членовъ; неужели же общество не обязано за это вознаградить? Если убытки нанесены неправильными или незаконными дѣйствіями частнаго лица, это лицо обязано вознаградить потерпѣвшаго; почему же освобождается отъ такой обязанности общество?

Денежное вознагражденіе за неправильное задержаніе уже вошло въ нѣкоторые иностранные кодексы; оно существуетъ въ Мексикѣ, во многихъ кантонахъ Швейцаріи, въ Швеціи, начиная съ 1886 года, въ Даніи съ 1888 г.; пора, говоритъ Charruyer, ввести его и во Франціи.

По основному принципу проекта, „если лицо будетъ арестовано по обвиненію въ какомъ-либо преступленіи или проступкѣ, и если возбужденное противъ него обвиненіе будетъ отвергнуто, или лицо это будетъ оправдано, но не по недостаточности уликъ, а потому что была доказана полная невиновность въ приписываемомъ ему преступленіи или проступкѣ, то лицо это имѣетъ право, которое оно можетъ передать своимъ восходящимъ или нисходящимъ роднымъ, требовать, сообразно своему общественному положенію, соотвѣтствующаго вознагражденія за неправильное задержаніе“.

Срокъ, въ теченіе котораго можно требовать этого вознагражденія—годичный, со дня постановленія о прекращеніи предварительнаго слѣдствія или со дня объявленія оправдательнаго приговора; прошеніе о вознагражденіи подается на имя предсѣдателя того суда, въ которомъ производилось дѣло.

Третій проектъ, подписанный многими радикальными депутатами, касается справокъ о судимости, которыя щедрою рукою вносятся въ свидѣтельства о личности, необходимыя для поступленія на службу, и которыя служатъ предметомъ многочисленныхъ злоупотребленій. Maurice Block, изслѣдуя причины рецидива, считаетъ одной изъ нихъ эти справки о судимости, которыя остаются вѣчнымъ пятномъ на человѣкѣ и препятствуютъ честному заработку. По проекту, въ списокъ о судимости будутъ вноситься наказанія тюремнымъ заключеніемъ не менѣе годичнаго. По истеченіи извѣстнаго времени (въ проектѣ имѣются два срока—пятилѣтній и семилѣтній), эти наказанія не должны больше упоминаться и должны быть вычеркнуты изъ списковъ.

Наконецъ, четвертый проектъ, представленный тоже радикальными депутатами, касается безпрепятственнаго осуществленія права публичныхъ собраній, — права, составляющаго одинъ изъ основныхъ принциповъ французской конституціи 1848 года. По проекту, во всякой общинѣ, во всякомъ округѣ должно быть отведено спеціальное публичное мѣсто для народныхъ собраній.

Таковы четыре проекта объ охранѣ инди-

видуальной свободы, внесенные въ нынѣшнюю законодательную сессію французскаго парламента. Несомнѣнно, что появленію этихъ проектовъ способствовало то попраніе человѣческой личности, которое красною нитью проходитъ чрезъ все дѣло Дрейфуса. Дѣло это, поглотившее столько жертвъ, принесло, во всякомъ случаѣ, громадные результаты и укрѣпило во всемъ человѣчествѣ сознаніе, что основа свободы общества—индивидуальная свобода, и что величайшая гарантія этой послѣдней—гласный и независимый судъ.

В. Б.

Хроника.

Намъ сообщаютъ, что **дѣятельность комиссіи по составленію проекта гр. уложенія** въ истекающемъ году была посвящена главнымъ образомъ первому чтенію проекта пятой книги, содержащей обязательственное право. Эта, наиболѣе значительная по своему объему, часть будущаго уложенія должна быть представлена комиссіею на разсмотрѣніе Гос. Совѣта къ 1-му января 1900 г. Въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ текущаго года комиссія разсмотрѣла общую часть обязательственнаго права и правила, относящіяся до отдѣльныхъ договоровъ. Выработанная, согласно внесеннымъ комиссіею въ первоначальный проектъ измѣненіямъ, вторая редакція весною была разослана членамъ и исправлена согласно сдѣланнымъ замѣчаніямъ. Въ теченіе лѣта соотвѣтственно новой редакціи были переработаны и составленныя ранѣе объяснительныя записки. Послѣ возобновленія въ сентябрѣ засѣданій комиссіею разсмотрѣны главы, содержащія постановленія: о переводѣ (переводномъ письмѣ), о чекахъ, о бумагахъ на предъявителя, о товариществахъ и обществахъ, о договорѣ страхованія, о пожизненномъ доходѣ, о пожизненномъ содержаніи, объ игрѣ и пари, о лотереѣ и о поручительствѣ. Въ настоящее время комиссіи осталось разсмотрѣть лишь послѣднія 5 главъ проекта пятой книги, содержащихъ правила: о мировой сдѣлкѣ, о публичномъ обѣщаніи награды, о веденіи чужихъ дѣлъ безъ порученія, о возвращеніи незаконнаго обогащенія и о вознагражденіи за вредъ, причиненный недозволенными дѣяніями. Разсмотрѣніе этихъ главъ, изъ которыхъ только послѣдняя болѣе значительна по объему, предполагается окончить до конца года, а, во всякомъ случаѣ, не позднѣе января 1899 г. По большей части разсмотрѣнныхъ въ осенніе мѣсяцы проектовъ выработана уже вторая редакція статей, съ которою согласованы и относящіяся къ этимъ проектамъ объясненія. Первое чтеніе не только внесло въ первоначальный проектъ довольно значительное число измѣненій, но и вызвало дополненіе проекта нѣкоторыми особыми правилами, какъ напримѣръ, правилами о пожертвованіяхъ, о поклажѣ въ гостиницахъ, о наймѣ прислуги и о рабочей артели. Нѣсколько изъ происходившихъ осенью засѣданій было посвящено разсмотрѣнію проекта отдѣльнаго закона объ авторскомъ правѣ. Въ настоящее время текстъ какъ статей, такъ и мотивовъ этого проекта установленъ, и оканчивается его печатаніе.

—

Министерство земледѣлія вноситъ на-дняхъ въ Государственный Совѣтъ **законопроектъ правилъ о борьбѣ съ сыпучими песками**. Предположено предоставить земскимъ учрежденіямъ право составлять обязательныя постановленія относительно пользованія песчаными площадями; тѣмъ же учрежденіямъ, а также министерству земледѣлія, предоставляется пріобрѣтать отъ частныхъ владѣльцевъ участки, занятые сыпучими песками, для укрѣпленія ихъ, причемъ за владѣльцами этихъ участковъ должно быть сохранено право ихъ обратнаго выкупа.

—

На-дняхъ министерствомъ финансовъ внесено въ Государственный Совѣтъ **представленіе объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій закона 13 мая 1896 года о пересрочкѣ выкупнаго долга**. Примѣненіе этого закона, какъ извѣстно, шло до сихъ поръ довольно медленно, несмотря на цѣлый рядъ мѣръ, принятыхъ министерствомъ въ видахъ разъясненія сельскому населенію истиннаго смысла узаконенія. Какъ выяснилось на совѣщаніяхъ управляющихъ каз. палатами, имѣвшихъ мѣсто минувшимъ лѣтомъ подъ предсѣдательствомъ директора департ. окладныхъ сборовъ, въ Курскѣ, Москвѣ и Самарѣ, одною изъ главныхъ причинъ невозбужденія со стороны сельскихъ обществъ ходатайства о предоставленіи имъ льготъ на основаніи закона 13 мая является то обстоятельство, что наиболѣе зажиточные домохозяева, не желая удлиненія выкупнаго періода, противодѣйствуютъ на сходахъ составленію соотвѣтствующихъ приговоровъ. Вновь выработанныя министерствомъ финансовъ правила ставятъ предѣлъ такому обструкціонизму. На основаніи этихъ правилъ предполагается по тѣмъ селеніямъ, которыя въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ ни разу не внесли полностью оклада выкупныхъ платежей или по которымъ ежегодныя поступленія не превышали—за тѣ же пять лѣтъ—въ среднемъ 80% окладовъ, предоставить мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ право, *не* выжидая просьбъ крестьянъ, дѣлать собственною властью распоряженія о производствѣ обслѣдованія экономическаго положенія неисправныхъ селеній и входить съ надлежащими ходатайствами о предоставленіи желательныхъ льготъ въ министерство финансовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проектировано измѣнить условія пересрочки непогашеннаго выкупнаго долга въ тѣхъ случаяхъ, когда признается необходимымъ одну часть его разсрочить, а другую отсрочить на послѣдующее время (ст. 4), а именно—вмѣсто 56 лѣтъ срокъ для разсрочки установлено въ 28 лѣтъ. При этомъ разсрочиваемая часть должна быть не менѣе *половины* всего непогашеннаго долга. Такимъ образомъ, крайнимъ предѣломъ для погашенія крестьянами пересроченнаго (разсроченнаго и отсроченнаго) долга является 56-лѣтній срокъ, тогда какъ по дѣйствующей редакціи ст. 4 окончательный срокъ выкупа можетъ быть отодвинутъ ad infinitum.

—

Проектъ новаго воднаго закона уже разработанъ окончательно и разосланъ на заключеніе различныхъ вѣдомствъ. На разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта

онъ поступитъ, по всей вѣроятности, въ весеннюю сессію. („Бирж. В.“).

—

Для разработки проекта **реформы судебныхъ учрежденій въ Закавказьѣ и введенія суда присяжныхъ въ Сѣверномъ Кавказѣ** при министерствѣ юстиціи предполагается составить комиссію при участіи представителей судебныхъ учрежденій Кавказскаго края.

—

Министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, по словамъ „Петерб. Вѣд.“, разрабатывается **проектъ правилъ залога майоратныхъ имѣній** въ Привислянскомъ краѣ.

—

Въ виду введенія **земскаго положенія въ Западномъ краѣ** предполагается, какъ мы слышали, созвать совѣщаніе изъ представителей администраціи и самоуправленія въ этомъ краѣ для болѣе детальной разработки вопроса о практическихъ работахъ по введенію названной реформы.

—

При главномъ тюремномъ управленіи образована, по распоряженію министра юстиціи, особая комиссія для обсужденія вопроса объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ правительственнаго исправительно-ремесленнаго **пріюта для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ** въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ.

—

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предложено губернаторамъ привислянскихъ губерній принять зависящія мѣры, чтобы въ случаяхъ **отчужденія на государственныя надобности земель, находящихся въ вѣчно-чиншевомъ владѣніи**, оцѣночныя комиссіи, при исчисленіи слѣдующаго за отчуждаемыя земли размѣра вознагражденія, вовсе не касались опредѣленныхъ чиншевыми контрактами денежныхъ платежей, а опредѣляли его исключительно по стоимости земель общей суммой, которая должна совмѣщать въ себѣ вознагражденіе какъ вотчинныхъ владѣльцевъ отчуждаемыхъ недвижимыхъ имуществъ, такъ и вѣчно-чиншевыхъ арендаторовъ этихъ имуществъ, причемъ вопросъ о томъ, сколько изъ означенной полной стоимости земли причитается вотчинному владѣльцу и сколько вѣчно-чиншевымъ владѣльцамъ, долженъ, въ случаѣ спора, подлежать разрѣшенію судебныхъ установленій. („Бир. Вѣд.“).

—

По дѣламъ, разсмотрѣннымъ въ послѣднемъ засѣданіи, общее собраніе 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ Пр. Сената разъяснило слѣдующіе вопросы: 1) **члены еврейскихъ духовныхъ правленій** за нарушеніе своихъ обязанностей привлекаются къ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ, а не въ порядкѣ, установленномъ для привлеченія къ отвѣтственности за преступныя дѣянія по должности; 2) **ст. 209 правилъ пр. суд. дѣлъ у зем. нач. и гор. судей** устанавливаетъ обязанность не только выдавать копіи своихъ опредѣленій, но и высылать ихъ по просьбѣ заинтересованныхъ въ дѣлѣ должностныхъ лицъ; 3) **исключеніе изъ числа повѣренныхъ** въ порядкѣ ст. 368—378 учр. суд. уст. сопряжено съ лишеніемъ права вообще быть повѣреннымъ по дѣламъ, производящимся въ судебныхъ установленіяхъ.

—

Департаментъ желѣзныхъ дорогъ особымъ циркуляромъ увѣдомилъ желѣзныя дороги, что, согласно разъясненію Правительствующаго Сената, **передаточныя надписи на накладныхъ** могутъ быть совершаемы не нотаріальнымъ, а домашнимъ порядкомъ, и что поэтому желѣзныя дороги не въ правѣ отказывать въ разсмотрѣніи претензій о возвратѣ переборовъ по такимъ накладнымъ.

—

Правительствующій Сенатъ призналъ, что **требованіе возврата изъ казны денегъ, выручennыхъ акцизнымъ вѣдомствомъ отъ продажи спирта**, произведенной для покрытія взысканія акциза по случаю неявки спирта,—не можетъ быть предъявлено въ порядкѣ судебнаго иска. Вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснено, что въ отношеніи подвѣдомственности или неподвѣдомственности такого требованія суду не можетъ имѣть какое-либо значеніе то обстоятельство, что неявка спирта обнаружилась въ то время, когда спиртъ состоялъ подъ особымъ надзоромъ акцизнаго чиновника.

—

Пр. Сенатомъ разъяснено, что **недвижимыя имущества церквей**, не принадлежащія къ числу отведенныхъ на содержаніе послѣднихъ и приносящія доходъ, подлежатъ обложенію земскимъ сборомъ.

—

Въ особомъ присутствіи Казанской суд. пал. слушалось недавно **дѣло по обвиненію волостнаго старшины села Ядрино, писаря, помощника его и др. лицъ въ истязаніи** крестьянина Е., посаженнаго подъ арестъ за буйство въ пьяномъ видѣ. Для укрощенія Е. его связали по рукамъ и ногамъ и повѣсили головою внизъ, отчего онъ вскорѣ потерялъ сознаніе. Тогда обвиняемые поспѣшили спустить его на полъ, но какъ только Е. пришелъ въ себя, его избили. Старшина приговоренъ къ тюремному заключенію на 2 м., писарь на 1 м., остальные подсудимые оправданы. („Каз. Тел.“).

—

„Вост. Обозр.“ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о послѣдней **выѣздной сессіи Красноярскаго окр. суда въ Минусинскѣ**. Изъ 65 угол. дѣлъ въ 22-хъ обвиняемыми выступали ссыльные. За исключеніемъ апелляціонныхъ дѣлъ,—изъ 50 подсудимыхъ 32 оправданы. Столь значительный % оправданій объясняется, по мнѣнію газеты, плохой постановкой предварит. слѣдствія, проистекающей изъ того, что обязанности слѣдователя возложены на мировыхъ судей, которые и безъ того завалены работой. По одному дѣлу о кражѣ коровы привлечено было къ суду семь человѣкъ; за отсутствіемъ какихъ бы то ни было уликъ, прокуроръ отказался отъ обвиненія, и судъ оправдалъ всѣхъ подсудимыхъ.

—

Въ особомъ присутствіи Одесской судебной палаты въ Кишиневѣ слушалось въ ноябрѣ **дѣло по обвиненію сельскаго писаря, полицейскаго сотскаго и др. лицъ въ истязаніи** 3-хъ крестьянъ, заподозрѣнныхъ въ кражѣ. Подсудимые связали заподозрѣнныхъ по рукамъ и ногамъ, били каблуками по головѣ, при-

кладывали къ подошвамъ ногъ горячее желѣзо и уголья. Двое подсудимыхъ оправданы, остальные приговорены къ аресту отъ 4-хъ дней до одного мѣсяца („Бес.“).

—

Въ выѣздной сессіи Луцкаго окр. суда въ г. Дубно слушалось въ ноябрѣ полное драматизма **дѣло по обвиненію кр. Слободянюка въ убійствѣ своей невѣсты** съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. На судебномъ слѣдствіи С. призналъ себя виновнымъ въ означенномъ преступленіи и объяснилъ, что около двухъ лѣтъ назадъ онъ полюбилъ односельчанку Прасковью Левченко и пользовался полною ея взаимностью; въ послѣднее время, когда отношенія ихъ стали очень близкими, они рѣшили обвѣнчаться, но встрѣтили отказъ со стороны мѣстнаго священника, который препятствіемъ къ браку ихъ выставилъ то обстоятельство, что отецъ Прасковьи былъ крестнымъ отцомъ его, Слободянюка. Въ виду этого онъ и Прасковья еще въ первыхъ числахъ іюня рѣшили покончить съ собою и назначили для этого ночь на 25 іюня. Онъ съ ружьемъ явился въ сарай усадьбы Левченко и засталъ тамъ ожидавшую его Прасковью. По настоянію послѣдней онъ убилъ ее выстрѣломъ изъ принесеннаго съ собою ружья и затѣмъ выстрѣлилъ въ себя, но остался живъ. Между тѣмъ, силы его оставили, и зарядить вторично ружье онъ не могъ; оставаться въ сараѣ и видѣть убитую дѣвушку было тяжело, поэтому онъ вышелъ въ огородъ и тамъ, потерявъ сознаніе, упалъ и на слѣдующее утро былъ найденъ родными Прасковьи.

Присяжные засѣдатели вынесли подсудимому оправдательный вердиктъ. („Кіевл.“).

—

„С. О.“ сообщаетъ, что въ производствѣ Саратовской судебной палаты находится громкое **дѣло по обвиненію** нѣсколькихъ **полицейскихъ** служащихъ г. Николаевска Самарской губерніи, въ **нанесеніи тяжкихъ побоевъ**, слѣдствіемъ которыхъ была смерть потерпѣвшаго врача Жирнова. Сущность дѣла, по словамъ газеты, заключается въ слѣдующемъ: исправникъ города Николаевска приказалъ полицейскимъ задержать Жирнова для вытрезвленія. Полицейскіе схватили Жирнова, вышедшаго на ихъ стукъ отворить дверь, и жестоко его избили пинками, кулаками и шашками; затѣмъ городовые потащили его въ арестантскую и тамъ продолжали его бить, пока онъ не потерялъ сознанія. Черезъ недѣлю отъ нанесенныхъ побоевъ Жирновъ умеръ, оставивъ безъ всякихъ средствъ къ существованію многочисленную семью.

—

9 декабря, въ Бахмутѣ окончился громкій процессъ Животинскаго и Голдрина, обвинявшихся въ похищеніи векселей. Подсудимыхъ защищали московскіе предсяжные повѣренные Л. Е. Владиміровъ и кн. А. И. Урусовъ. Присяжные засѣдатели послѣ пятиминутнаго совѣщанія вынесли обоимъ подсудимымъ оправдательный вердиктъ, встрѣченный громкими аплодисментами. **Предсѣдательствующій распорядился арестовать публику**, кромѣ дамъ, на два часа. (Кур.).

—

Въ засѣданіе 1 уг. департамента Тифлисской суд. палаты, во время слушанія дѣла по обвиненію Г. и Б. въ убійствѣ, **защитникъ** подсудимыхъ, пр. повѣренный К., явился **въ крайне нетрезвомъ состояніи**. Палата вынуждена была отложить слушаніе дѣла, о поведеніи К. сообщено старшему предсѣдателю палаты. („Тиф. Л.“).

—

По поводу принесенной г-жею Н. жалобы на одного изъ мировыхъ судей, отказавшаго ей въ правѣ являться повѣренной по тремъ гражданскимъ дѣламъ мировой подсудности ежегодно, Тифлисскій окружный судъ, признавъ эту жалобу незаслуживающею уваженія, пришелъ къ заключенію, что не только мировой судья былъ правъ, но что и по уголовнымъ дѣламъ г-жа Н., какъ **женщина, защитницею являться не можетъ**. Г-жа Н. подаетъ на это постановленіе суда жалобу въ высшую инстанцію. („Кавк.“).

—

Въ недавнее время въ практикѣ Нижегородскаго губернскаго присутствія былъ разрѣшенъ одинъ вопросъ. крайне интересный для крестьянскаго населенія,— **имѣютъ-ли право крестьяне въ селеніяхъ, въ принадлежащихъ имъ усадьбахъ, устраивать скотобойни**? Губернское присутствіе признало, что хотя въ законѣ устройство скотобоенъ воспрещено въ городахъ, а о сельскихъ скотобойняхъ въ законахъ ничего не сказано, тѣмъ не менѣе устройство ихъ должно быть воспрещено и въ селеніяхъ, въ крестьянскихъ дворахъ.

—

Въ „Куб. Обл. Вѣд.“ напечатано слѣдующее **распоряженіе одного изъ станичныхъ атамановъ**.

„Объявленіе“.

„Симъ объявляю во всеобщее свѣдѣніе населенію станицы N—ской что съ сего числа я трѣбую на законномъ основаніи. (!!)

1) Чтобы никто никурилъ табаку изъ трубокъ папиросъ и сигаръ какъ днемъ такъ и ночью.

2) Гулянья парней и дѣвокъ допускаю до 8 часовъ вечера только въ дни праздничные, а въ буденные дни, а вособенности подъ праздники положительно воспрѣщаю. За не исполненіе вышеизложенныхъ моихъ законныхъ трѣбованій Я буду подвергать взысканію по всей строгости предоставленной мнѣ закономъ власти.

3) Поединку ссоры драки обманы пьянство нарушеніе тишины и спокойствія въ станицѣ развратъ мотовство и нищество я буду строго прислѣдовать на общемъ основаніи закона“.

—

Ходатайство Тульскаго земскаго собранія **о пользованіи данными всеобщей переписи** отклонено.

—

Министерство внутреннихъ дѣлъ на-дняхъ разъяснило харьковскому губернатору, что **дожностныя лица**, состоящія на службѣ **по земскому и городскому общественнымъ управленіямъ** и неизбранныя гласными на новый срокъ, какъ, напримѣръ, предсѣдатели, голова, товарищъ его и члены управы, **должны пользоваться всѣми правами гласныхъ** въ предстоящихъ собраніяхъ до тѣхъ поръ, пока вмѣсто этихъ должностныхъ лицъ не будутъ избраны другія лица.

—

Нѣкоторыя изъ земствъ, при обсужденіи вопроса, согласно циркулярному предложенію мин. вн. дѣлъ, **объ**

измѣненіи статей земскаго положенія, а въ томъ числѣ и 45 ст., въ смыслѣ предоставленія права лицамъ, проживающимъ внѣ предѣловъ уѣзда, вмѣсто личной явки въ избирательное собраніе, присылать письменное заявленіе о желаніи своемъ вступить въ гласные, высказались, что установленіе подобнаго, вполнѣ ненормальнаго порядка разъ навсегда узаконило бы несоставленіе въ законномъ составѣ избирательныхъ собраній и тѣмъ подорвало бы значеніе выборнаго начала, существенно важнаго для земской жизни, почему всякій земскій плательщикъ, имѣющій право участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ и желающій правильнаго веденія земскаго хозяйства въ уѣздахъ и въ губерніи, не долженъ допускать и мысли о возможности измѣненія въ этомъ смыслѣ 45 ст. земскаго положенія.

—

Тверское губернское земское собраніе признало необходимымъ ходатайствовать объ установленіи правила, въ силу коего всякій **взносъ за сельское общество распредѣлялся бы** казначействами между казною и земствомъ въ процентномъ отношеніи годового оклада земскихъ казенныхъ сборовъ съ причисленіемъ къ этимъ окладамъ и недоимокъ этихъ сборовъ.

—

Волчанское (Харьковск. губ.) земское собраніе въ послѣднюю свою сессію рѣшило возбудить ходатайства о полномъ **воспрещеніи земскимъ гласнымъ заниматься земскими подрядами и поставками** и о томъ, чтобы постановленія губернскаго собранія не вторгались въ кругъ дѣлъ, ввѣренныхъ вѣдѣнію уѣздныхъ земскихъ учрежденій.

—

Въ практикѣ Курскаго земства возникъ въ послѣднее время крайне интересный вопросъ о томъ—**имѣютъ-ли право земскія учрежденія назначать пособія для удовлетворенія нуждъ населенія иныхъ уѣздовъ и губерній?** Вопросъ этотъ возникъ въ виду отмѣны губернскимъ по гор. и земск. дѣл. присутствіемъ постановленія Щигровскаго земства о внесеніи въ смѣту земскихъ потребностей 100 р. въ пособіе на усиленіе средствъ Петербургскаго женскаго медицинскаго института. Отмѣна мотивирована тѣмъ, что согласно земскому положенію (ст. 3) кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограничивается предѣлами губерніи и уѣзда, согласно же циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ (14 октября 1875 г.) земскія собранія могутъ назначать пособія лишь для населенія, находящагося въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ. Постановленіе присутствія Щигровскимъ земствомъ обжаловано Правительствующему Сенату.

—

Въ послѣднее время Правительствующимъ Сенатомъ, по жалобѣ Рязанской губернской управы, разрѣшенъ важный для земскихъ учрежденій **вопросъ объ отношеніи уѣздныхъ земствъ къ губернскому** въ дѣлѣ уплаты губернскаго сбора, числящагося за уѣздными земствами въ недоимкѣ. Согласно съ заключніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Пр. Сенатъ призналъ, что въ случаѣ неуплаты уѣзднымъ земствомъ до истеченія льготнаго срока (согласно 21 ст. прав. о земск. смѣт.) всей суммы губернскаго сбора, расходъ этотъ можетъ быть выполненъ не иначе, какъ путемъ внесенія его въ смѣту будущаго года.

—

Данковское уѣздн. земство Ряз. губ. возбудило **ходатайство объ измѣненіи** въ законодательномъ порядкѣ **п. 1 ст. 14 врем. прав. о зем. пов.** Поводомъ послужило то обстоятельство, что губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, не отвергая необходимости обложенія земскимъ сборомъ сооруженій, носящихъ торгово-промышленный характеръ, признало, тѣмъ не менѣе, неправильнымъ и незаконнымъ внесеніе Данковскимъ земствомъ въ раскладку на текущій годъ для взиманія земскихъ сборовъ нефтяныя цистерны и элеваторы при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ соотвѣтствующихъ статей врем. правилъ о земскихъ повинностяхъ.

—

Въ послѣднюю сессію своихъ засѣданій Сапожковское земство рѣшило **пріобрѣтать въ пользу земства имѣнія**, продаваемыя съ торговъ за земскія недоимки, не превышая при этомъ суммы, должной земству.

—

Весною 1899 года въ Будапештѣ соберется **международный съѣздъ для охраны интересовъ дѣтей.** Съѣздъ будетъ раздѣленъ на 5 секцій: 1) секція педагогическая, 2) секція юридическая (обсужденіе положенія незаконныхъ дѣтей, вопроса объ ограниченіи родительской власти въ случаяхъ, угрожающихъ опасностью нравственному или физическому здоровью ребенка), 3) медицинская, 4) филонтропическая, 5) благотворительная.

Членами съѣзда могутъ быть представители любого учрежденія и вообще лица, интересующіяся вопросомъ о положеніи и жизни дѣтей. Размѣръ членскаго взноса (не выше 10 франковъ, а для представителей педагогическаго міра—5 франк.) еще не установленъ. Заявленія слѣдуетъ адресовать: Будапештъ, доктору Карлу Манделю.

—

НЕКРОЛОГЪ. 9 декабря скоропостижно скончался редакторъ-издатель „Юридической Газеты“ Д. В. Чичинадзе. Издательская дѣятельность покойнаго въ сферѣ практической юриспруденціи хорошо извѣстна, и всякій, кому дорого распространеніе юридическихъ свѣдѣній въ русскомъ обществѣ, пожалѣетъ о его преждевременной смерти.

Въ краткомъ некрологѣ редакція „Юрид. Газеты“ объявляетъ, что характеръ и направленіе газеты, составъ редакціи, ея связь съ сотрудниками и съ широкимъ кругомъ лицъ, сочувствующихъ ея цѣлямъ и задачамъ, остаются неизмѣнными.

Желаемъ преемникамъ Д. В. Чичинадзе полнаго успѣха.

КІЕВСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Въ засѣданіи 5 декабря дѣйствительный членъ общества К. В. Шавровъ прочиталъ докладъ по вопросу о законодательной нормировкѣ правилъ о дуэли.

Въ настоящее время неоднократно высказывается мысль, будто законодатель, разрѣшающій въ извѣстныхъ случаяхъ дуэль, тѣмъ самымъ оказывается вынужденнымъ подвергнуть законодательной регламентаціи правила о дуэли. Мысль эта, очевидно, основана на двухъ

предпосылкахъ: во-1-хъ, дуэль признается институтомъ желательнымъ, или, по крайней мѣрѣ, неизбѣжнымъ; во-2-хъ, регламентація дуэли разсматривается, какъ вѣрное средство къ усовершенствованію и упорядоченію этого института; изъ необходимости дуэли выводится необходимость ея регламентаціи.

Доводы, которые приводятся обыкновенно въ пользу дуэли, могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ:

1) Законы безсильны въ борьбѣ съ дуэлью. 2) Законодатель долженъ считаться съ мнѣніемъ лучшей части общества и арміи, согласно которому иногда только кровью можно смыть нанесенное оскорбленіе. 3) Дуэли необходимы, такъ какъ онѣ способствуютъ развитію чувства личной храбрости и сознанія собственной чести. 4) Дуэли необходимы въ виду неудовлетворительной ортанизаціи и недостаточности уголовной репрессіи преступленій, направленныхъ противъ личной чести. Но безсиліе законовъ въ борьбѣ съ дуэлью объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что ихъ строгость всегда и вездѣ парализовалась безчисленными амнистіями. Во Франціи, напр., съ 1589 г. по 1608 г. на 8,000 дуэлей состоялось 7,000 помилованій. Мнѣніе лучшей части общества объ очищающемъ дѣйствіи дуэли является предразсудкомъ, лишеннымъ всякаго смысла. Законодатель сознаетъ свою обязанность бороться съ суевѣріями низшихъ классовъ; точно также онъ долженъ бороться и съ суевѣріями высшихъ. Законъ долженъ идти впереди общественныхъ консервативныхъ взглядовъ и вести общество по пути прогресса. Что касается облагораживающаго вліянія дуэли, то оно болѣе, чѣмъ сомнительно. Если даже и допустить, что дуэль способствуетъ развитію личной храбрости, то этого еще недостаточно для ея оправданія. Мы не восторгаемся разбойниками, а развѣ ихъ жизнь не сплошныя чудеса храбрости?!.. Уваженіе къ личности, къ личной чести воспитывается не дуэлями; въ тѣхъ странахъ, гдѣ это уваженіе наиболѣе развито,—въ Англіи, Америкѣ, Швейцаріи,—дуэли вовсе не существуетъ. Защищать дуэль на почвѣ предразсудка чести немыслимо. Императоръ Николай I, справедливо называемый рыцаремъ чести, однажды сказалъ: „я ненавижу дуэль; это варварство; на мой взглядъ въ ней нѣтъ ничего рыцарскаго“. Указаніе на неудовлетворительную постановку въ законѣ уголовной репрессіи за оскорбленіе чести вполнѣ справедливо; но оно отнюдь не подтверждаетъ необходимости дуэли, какъ суррогата уголовной защиты. Задача законодателя не легализировать дуэль, а бороться съ факторами, производящими ее.

Что касается законодательной нормировки дуэли, то она въ глазахъ общества необходимо пріобрѣтетъ характеръ ея *легализаціи*. Она повлечетъ за собою распространеніе и учащеніе дуэлей, порчу народной нравственности, укорененіе самоуправства въ общественныхъ нравахъ. Легализировать дуэль значитъ отказаться отъ одной изъ основныхъ идей законодательства, которое въ теченіе вѣковъ боролось съ проявленіями самоуправства и личной расправы. По своей юридической природѣ дуэль должна быть разсматриваема, какъ преступленіе противъ государственнаго порядка и, въ частности, противъ судебной власти. Узаконеніе дуэли явилось бы самоубійствомъ для государства; оно колеблетъ глубочайшія основы государственной жизни. Наше законодательство и послѣ закона 1894 г. не отказалось отъ взгляда на дуэль, какъ на преступленіе; оно устанавливаетъ только, такъ сказать, частную амнистію для нѣкоторыхъ случаевъ поединковъ. Итти дальше этого закона—прямо невозможно, тѣмъ болѣе, что у насъ въ Россіи дуэли всегда были рѣдки, не имѣли историческихъ корней и явились результатомъ иноземныхъ вліяній. У насъ регламентировать дуэль значило бы привить къ русской жизни чуждый ей, противогосударственный и противонравственный институтъ.

Пренія послѣ доклада, въ которыхъ приняли участіе проф. Цытовичъ, проф. Котляревскій и др., внесли нѣсколько поправокъ и дополненій къ докладу; но съ основными положеніями докладчика оппоненты согласились вполнѣ.

Библіографія.

Б. Ж. О земскихъ начальникахъ, ихъ съѣздахъ и дѣятельности сихъ учрежденій. Спб. 1898 г.

Въ небольшой брошюрѣ сжато, но сильно написанной, г. Б. Ж., бывшій три трехлѣтія предводителемъ дворянства, дѣлаетъ бѣглый очеркъ дѣятельности земскихъ начальниковъ за десять лѣтъ ихъ существованія. Тонкій знатокъ провинціальныхъ нравовъ, г. Б. Ж. подходитъ къ критикѣ закона 1889 г. именно съ житейской, такъ сказать, стороны и видитъ въ немъ весьма благопріятную почву для развитія мѣстныхъ дрязгъ, лицепріятія, мелкихъ интригъ и партійности. Онъ полагаетъ, что не всѣ ожиданія, возлагавшіяся на учрежденіе земскихъ начальниковъ, оправдались. Такъ, многіе изъ земскихъ начальниковъ оказались не имѣющими ничего общаго съ мѣстнымъ дворянствомъ, лишенными всякой связи съ мѣстностью, всякаго знанія деревенской жизни. Еще менѣе опытными явились многіе земскіе начальники въ исполненіи судейскихъ обязанностей. Но въ особенности неудовлетворительной оказалась на практикѣ, по мнѣнію г. Б. Ж., постановка апелляціоннаго и кассаціоннаго производства, ибо уѣздный съѣздъ стѣсняется отмѣнять рѣшенія земскихъ начальниковъ, какъ „своихъ“ людей, близкихъ знакомыхъ, а губернское присутствіе, не совсѣмъ приспособленное по своему составу для рѣшенія тонкихъ и сложныхъ юридическихъ вопросовъ, возникающихъ въ кассаціонной инстанціи,—къ тому же склонно оставлять въ силѣ приговоры земскихъ начальниковъ ради поддержанія ихъ авторитета. Такое неудовлетворительное состояніе деревенской юстиціи отразилось, по мнѣнію г. Б. Ж., между прочимъ, и на обезцѣненіи земельной собственности, „ибо охраненіе доходности имѣнія становится для собственника трудомъ непосильнымъ“.

Для устраненія этихъ недостатковъ, г. Б. Ж. предлагаетъ изъять изъ вѣдѣнія земскихъ начальниковъ судебную часть или сдѣлать эту должность выборною, на срокъ, и притомъ только изъ помѣстныхъ дворянъ данной мѣстности.

Судебная и судебно-административная практика.

Первый департаментъ Правит. Сената.

Право губернскихъ собраній ассигновать пособіе на постановку памятника извѣстнымъ ученымъ (ст. 1 и 2 полож. о губ. и уѣзд. земск. учр.).

Въ засѣданіи 9 декабря 1896 г. Владимірское губернское земское собраніе постановило ассигновать на постановку памятника Пастеру въ Парижѣ пособіе въ размѣрѣ 200 руб. 17 января 1897 г. постановленіе это было отмѣнено губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ; на эту отмѣну губернскимъ собраніемъ принесена была жалоба Сенату.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что губернскія и уѣздныя земскія учрежденія образованы для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, причемъ кругъ ихъ дѣйствій ограничивается предѣлами подвѣдомственныхъ каждому изъ сихъ учрежденій губерніи или уѣзда (ст. 2 и 3 пол. о зем. учр. т. II св. зак. изд. 1892 г.). Посему и принимая во вниманіе, что увѣковѣченіе памяти ученаго Лун Пастера сооруженіемъ ему памятника въ гор. Парижѣ не относится не только къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ населенія Владимірской губерніи, но и даже къ таковымъ всей Россійской Имперіи, и что отъ жителей той же губерніи, которые пожелали бы содѣйствовать сооруженію упомянутаго памятника, зависитъ сдѣлать посильное пожертвованіе изъ собственныхъ средствъ, а не изъ суммъ земскаго сбора, упадающаго на всѣхъ плательщиковъ земскаго налога,—Правительствующій Сенатъ признаетъ состоявшееся по настоящему дѣлу постановленіе Владимірскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія отъ 17 января 1897 г. правильнымъ, а потому о п р е д ѣ л я е т ъ: жалобу Владимірской губернской земской управы оставить безъ послѣдствій. (Указъ 26 августа 1898 г.).

Полагая, что земскія учрежденія образованы для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ *хозяйственнымъ* пользамъ и нуждамъ, Сенатъ, очевидно, упускаетъ изъ виду, что ст. 1 полож. о губ. и уѣзд. земск. учр. 1892 г., въ отличіе отъ той же статьи полож. 1864 г., о *хозяйственномъ* характерѣ мѣстныхъ пользъ и нуждъ не говоритъ ни слова.

Такое умолчаніе, разумѣется, не могло быть случайнымъ; оно объясняется тѣмъ, что, признавая „земское дѣло—дѣломъ государственнымъ“, учреждая широкій и властный надзоръ не только надъ законностью, но и надъ *правильностью* дѣйствій земскихъ учрежденій, законодатель въ 1892 г. не считалъ необходимымъ ограничить дѣятельность этихъ учрежденій узкою сферой хозяйственныхъ интересовъ и нуждъ. Съ этой точки зрѣнія „нехозяйственный“ характеръ разсматриваемаго постановленія губ. земск. собранія причиной его недѣйствительности, очевидно, служить не можетъ.

2 ст. пол. о зем. учр., равно какъ соотвѣтствующая ей 2 ст., городск. полож., опредѣляющія ближайшимъ образомъ компетенцію общественныхъ установленій, исчерпывающаго, ограничительнаго значенія ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ. Совершенно неопредѣленныя и общія указанія пп. 12 и 13 ст. 2 пол. о зем. учр. и тѣхъ же пунктовъ ст. 2 город. пол. неопровержимо доказываютъ, что законодатель и не имѣлъ въ виду придать имъ такой исчерпывающій и ограничительный характеръ. Поэтому выраженіе земствомъ или городомъ признательности и уваженія къ памяти государственныхъ или общественныхъ дѣятелей, хотя бы и сопряженное съ нѣкоторымъ денежнымъ расходомъ, не можетъ быть признано недозволительнымъ только потому, что оно не указано въ перечнѣ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію общественныхъ установленій.

Какъ извѣстно, постановленія городовъ и земствъ о возложеніи вѣнковъ на могилы почившихъ дѣятелей еще никогда не вызывали никакихъ протестовъ. Но въ такомъ случаѣ, нѣтъ никакого основанія лишать ихъ права ассигновать нѣкоторую сумму на постановку памятника.

Само собою разумѣется, что постановка памятника является всегда духовной потребностью не той мѣстности, гдѣ памятникъ находится, а тѣхъ людей, которые его возводятъ.

Если бы какой-нибудь выдающійся государственный или общественный дѣятель умеръ и былъ погребенъ за границей, врядъ-ли можно было бы что-нибудь возразить противъ ассигнованія земствомъ извѣстной суммы для постановки памятника надъ его могилой. Въ данномъ случаѣ національность Луи Пастера, равно какъ и мѣстонахожденіе его памятника, никакого значенія не имѣютъ.

Населеніе Владимірской губерніи, въ лицѣ своихъ представителей, могло испытывать нравственную потребность оказать содѣйствіе увѣковѣченію памяти великаго ученаго, открытія котораго, хотя бы въ области леченія водобоязни, принесли огромную пользу какъ всей Россіи вообще, такъ и каждой изъ ея губерній въ отдѣльности.

Въ виду вышеизложенныхъ соображеній казалось бы, что мнѣніе Сената, высказанное какъ въ вышеприведенномъ указѣ, такъ точно и въ другомъ аналогичномъ ему отъ 3 марта 1883 г. (№ 4072), не можетъ быть признано правильнымъ.

1-й департаментъ Пр. Сената.

Закрытіе разрѣшенныхъ типографій. — Пріобрѣтеніе ими новыхъ машинъ.—Ст. 158—163 уст. ценз.

Въ г. М. распоряженіемъ губернскаго начальства предписано было включить въ свидѣтельство, выданное нѣкоему К. на открытіе типографіи, не заключавшуюся въ немъ прежде ссылку на ст. 163 уст. ценз., которая говоритъ о разрѣшеніи имѣть печатный ручной станокъ небольшого размѣра для собственнаго употребленія.

Включеніе такой ссылки въ упомянутое свидѣтельство равносильно воспрещенію впредь принимать частные заказы, а слѣдовательно закрытію уже дѣйствующей типо-литографіи.

Вслѣдствіе принесенной на такое распоряженіе жалобы, Пр. Сенатъ разъяснилъ:

Точный смыслъ ст. 158—162 уст. ценз. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что законъ обусловливаетъ разрѣшеніемъ губернатора лишь открытіе даннымъ лицомъ типографіи или литографіи, не требуя повторенія такого разрѣшенія на дальнѣйшее существованіе и обязывая ея содержателя лишь увѣдомлять канцелярію губернатора о всякомъ измѣненіи въ числѣ и размѣрѣ станковъ и машинъ. Предоставляя губернатору входить въ оцѣнку благонадежности лицъ, желающихъ открыть типографію, законъ ставитъ существующія на основаніи однажды даннаго разрѣшенія заведенія подобнаго рода въ одинаковое положеніе съ прочими торговыми заведеніями и предоставляетъ право ихъ закрытія, какъ неоднократно было разъяснено Пр. Сенатомъ, лишь суду, административной же власти лишь въ случаѣ, предусмотрѣнномъ ст. 1152 уст. угол. суд., возбужденіе уголовнаго преслѣдованія въ видѣ временной мѣры впредь до постановленія суда, и единственно въ слу-

чаяхъ, когда инымъ способомъ невозможно пресѣчь обнаруженное нарушеніе закона. Но отъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ губернаторами на открытіе типографіи, литографіи и другихъ промышленныхъ заведеній для тисненія на основаніи ст. 158 уст. ценз., законъ отличаетъ свидѣтельства, выдаваемыя на основаніи ст. 163 уст. ценз. на право пріобрѣтенія ручныхъ станковъ для собственнаго употребленія. Обращаясь къ разсмотрѣнію выданныхъ К. съ 1878 года М. губернаторомъ свидѣтельствъ, Пр. Сенатъ находитъ, что хотя въ первоначальныхъ свидѣтельствахъ не было обозначено, на основаніи какой статьи закона они выданы, но содержаніе ихъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ получилъ разрѣшеніе не на заведеніе ручного станка, согласно ст. 163 уст. ценз., для собственнаго употребленія, а на промышленную эксплоатацію разрѣшенныхъ ему сперва одного, а затѣмъ двухъ печатныхъ станковъ путемъ принятія и выполненія заказовъ посторонникъ лицъ, на печатаніе визитныхъ и адресныхъ карточекъ и другихъ мелкихъ типографскихъ работъ, неподлежащихъ цензурѣ; другими словами, К. съ самаго начала было разрѣшено М. губернаторомъ открытіе въ городѣ М. типографскаго заведенія, предусмотрѣннаго ст. 158 уст. ценз. По сему и принимая во вниманіе, что поставленныя К. губернаторомъ ограниченія какъ относительно числа и рода печатныхъ машинъ въ его заведеніи, такъ и относительно рода разрѣшенныхъ ему работъ не могутъ имѣть силы, какъ противорѣчащія точному смыслу ст. 158—163 уст. ценз.,—Пр. Сенатъ опредѣлилъ: обжалованное распоряженіе М. губернатора о включеніи въ выданное ему типографское свидѣтельство ссылки на ст. 163 уст. ценз. и о запрещеніи ему пріобрѣсти ножную печатную машину отмѣнить. (Указъ 1 деп. Пр. Сената 22 Сент. 1898 г., № 9940).

Настоящее разъясненіе Пр. Сената представляетъ тѣмъ большій интересъ, что во многихъ мѣстахъ, кажется, прочно установилась практика, не имѣющая однако опоры въ законѣ, въ силу которой на всякое увеличеніе размѣра или числа печатныхъ машинъ испрашивалось особое разрѣшеніе. Самъ проситель по настоящему дѣлу, какъ это видно изъ содержанія приведеннаго указа, завелъ второй ручной станокъ съ разрѣшенія губернатора.

Каменецъ-Подольскій окружный судъ.

(*Примѣненіе земской давности къ церковнымъ землямъ*).

П. духовная консисторія предъявила къ С. искъ объ изъятіи изъ его владѣнія участка земли принадлежащаго церкви с. К. Отвѣтчикъ возражалъ, что онъ владѣетъ этимъ участкомъ свыше 20 лѣтъ и что консисторія, не предъявляя въ теченіе этого времени иска о церковной землѣ, утратила за земской давностью право отыскивать ее изъ его владѣнія.

Разсмотрѣвъ дѣло, судъ нашелъ, что единственный возбуждаемый настоящимъ споромъ вопросъ заключается въ томъ, примѣнимы-ли общія правила объ исковой давности къ церковной землѣ, въ виду признанной закономъ неприкосновенности этой земли (401 и прил. къ 411 т. ст. IX изд. 1876 г.). При разрѣшеніи сего вопроса необходимо имѣть въ виду, что тѣ или другія исключенія изъ общаго установленнаго закономъ правила не могутъ быть подразумѣваемы и потому никакое изъятіе изъ общаго правила не можетъ быть допущено, если оно не выражено опредѣленно въ постановленіяхъ закона (р. 78/193, 85/85, 93/2). Давностью исковою, какъ извѣстно, называется погашеніе права на искъ, т. е. потеря возможности осуществить свое гражданское право путемъ судебнаго принужденія. Такая потеря наступаетъ вслѣдствіе того, что обладатель матеріальнаго права на имущество оставляетъ таковое безъ всякаго пользованія и не осуществляетъ своего права въ теченіе извѣстнаго, закономъ опредѣленнаго давностнаго срока (Побѣдоносцевъ, курсъ гражд. права I, 198). Общій 10-лѣтній срокъ давности для всѣхъ дѣлъ установленъ впервые Императрицей Екатериной II, манифестомъ 28 іюня 1787 г., по случаю истеченія 25-лѣтія со дня вступленія ея на престолъ. „Право сего 10-лѣтняго срока“, сказано въ 4 ст. этого манифеста, „распространить на всѣ дѣла гражданскія, какъ между частными лицами, такъ и между ними и казною, а потому о недвижимомъ или движимомъ имуществѣ кто не учинилъ или не учинитъ иска 10 лѣтъ или, предъявивъ, 10 лѣтъ не будетъ имѣть хожденія, таковой искъ да уничтожится и дѣло предастся вѣчному забвенію (п. с. з. 1787 г. №16551). Этотъ коренной законъ, послужившій источникомъ и содержаніемъ для 692 и 694 ст. X т. I ч., послѣдовательно распространялся на всѣ присоединяемыя къ Россіи области и неизмѣнно подтверждался въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ узаконеній, начиная съ 1808 г. и до позднѣйшаго времени, какъ это видно изъ содержанія находящихся подъ этими статьями ссылокъ. Въ одномъ изъ такихъ указовъ отъ 23 августа 1823 г. Государственный Совѣтъ предоставилъ Правительствующему Сенату „подтвердить кому слѣдуетъ о точномъ и неукоснительномъ наблюденіи правила 10-лѣтней давности 4 п. Всемилостивѣйшаго манифеста отъ 28 іюня 1787 г., постановленнаго съ тѣмъ, чтобы дѣла, закономъ отъ правила 10-лѣтней давности именно не изъятыя, ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не были рѣшены вопреки 4 п. означеннаго «манифеста“ (п. с. з. № 29601). Далѣе, указомъ изъ Правительствующаго Синода отъ 28 февраля 1835 г., вслѣдствіе представленія экзарха Грузіи возведенъ былъ на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта вопросъ о примѣненіи 10-лѣтней давности къ церковнымъ землямъ въ Имеретіи, причемъ Государственный Совѣтъ разсуждаетъ, что если допустить изъятіе изъ общаго закона о давности единственно для имѣній церковныхъ въ Имеретіи, то это подало бы поводы къ возрожденію новыхъ безконечныхъ споровъ и притязаній. . . . . , а потому мнѣніемъ положилъ: „10-лѣтнюю давность, распространенную на Грузію въ 1827 г., оставить въ своей силѣ и по дѣламъ о церковныхъ имѣніяхъ, частными людьми въ Имеретіи владѣемыхъ“ (п. с. з. 1835 г. № 7912). Затѣмъ, въ 1845 г. Государственный Совѣтъ разсматривалъ представленные на разрѣшеніе его нѣкоторые частные вопросы о силѣ и дѣйствіи земской давности. Большая часть этихъ вопросовъ дала содержаніе особымъ правиламъ, приложеннымъ къ 694 ст. X т. I ч., для начатія тяжбъ и исковъ. Между прочимъ тогда же разсматривался вопросъ объ изъятіи межъ генеральнаго межеванія изъ об-

щаго правила о дѣйствіи давности, разрѣшенный Государственнымъ Совѣтомъ въ томъ смыслѣ, что права, соединенныя съ постановленіемъ межи генеральнаго межеванія, въ виду неприкосновенности этихъ межъ по законамъ межевымъ, не могутъ быть уничтожаемы давностью владѣнія (563 ст. X т. 1 ч.). Разрѣшая, однако, такимъ образомъ этотъ вопросъ, Государственный Совѣтъ счелъ необходимымъ добавить при этомъ, что „тяжбы о цѣлыхъ дачахъ, хотя бы онѣ и были обмежеваны, или о земляхъ, не обойденныхъ генеральною межею, подлежатъ вполнѣ дѣйствію давности. Тоже самое подтверждено и въ 1867 г. по дѣлу о правѣ помѣщицы Бекъ на участокъ земли въ дачѣ генерально замежеванной, каковое мнѣніе Государственнаго Совѣта вошло въ видѣ примѣчанія къ 563 ст. т. X ч. I. По вопросу о примѣненіи давности къ 10-лѣтнему владѣнію, которое продолжалось безпрерывно, Государственный Совѣтъ въ томъ же Высочайше утвержденномъ и распубликованномъ 19 іюля 1845 мнѣніи призналъ, что „пропущеніемъ срока давности должно быть почитаемо лишь промолчаніе вотчинника о правѣ своемъ втеченіи 10 лѣтъ сряду, когда имущество во все то время не состояло въ его владѣніи“. Наконецъ, разсуждая по вопросу о давности по дѣламъ, остающимся безъ производства въ судебныхъ мѣстахъ, Государственный Совѣтъ, вновь подтвердивъ силу манифеста 1787 г., нашелъ, что къ измѣненію сего закона, дѣйствующаго безъ всякаго изъятія и доселѣ всѣми единообразно понимаемаго, не представляется достаточныхъ причинъ“ (п. с. з. 1845 г. № 18952). Что воля законодателя, касающаяся примѣненія исковой давности къ церковнымъ землямъ, не измѣнилась и въ позднѣйшее время—доказывается содержаніемъ указа 23 ноября 1870 г. (п. с. з. № 48943) о замѣнѣ общей 10-лѣтней давностью дѣйствовавшихъ въ Мингреліи мѣстныхъ постановленій о 30 и 40-лѣтней давности, гдѣ сказано, что „всякій почитающій что-либо принадлежащимъ ему изъ имущества движимаго или недвижимаго, состоящаго въ стороннемъ владѣніи, какъ-то частномъ, церковномъ или казенномъ, да предъявитъ искъ свой...“ Затѣмъ, въ законахъ гражданскихъ церковныя земли точно также не выдѣляются въ какую-либо особую категорію, а причисляются къ имуществамъ, принадлежащимъ разнымъ установленіямъ наравнѣ съ богоугодными, учеными и учебными заведеніями и государственными кредитными установленіями (413 ст. X т. I ч.). Въ уставѣ гражданскаго судопроизводства точно также не имѣется указанія на то, чтобы дѣла о церковныхъ земляхъ подчинялись какому-либо особому отъ дѣлъ казеннаго управленія порядку производства (1282 и 1295 ст. уст. гр. судопр.). Изъ разсмотрѣнныхъ законоположеній необходимо придти къ несомнѣнному выводу, что для дѣлъ о церковныхъ имуществахъ въ законѣ не установлено какого-либо изъятія отъ дѣйствія земской давности. Къ такому же выводу приходитъ и Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи своемъ за 1893 г. № 2, въ томъ мѣстѣ, гдѣ приводятся имѣющіяся въ дѣйствующихъ законахъ только два изъятія изъ дѣйствія давности владѣнія, одно для межъ генеральнаго межеванія (563 ст. X т. I ч.), а другое—для имѣній заповѣдныхъ (565 ст. X т. I ч.). „Подобнаго указанія, говоритъ Сенатъ, для имуществъ церковныхъ не содержится ни въ приведенныхъ, ни въ иныхъ дѣйствующихъ законоположеніяхъ“. Переходя затѣмъ къ толкованію смысла спеціальныхъ объ этихъ имуществахъ законовъ, Пр. Сенатъ пришелъ къ заключенію, что церковныя земли не могутъ быть утрачиваемы силою давности сторонняго владѣнія. Къ такому заключенію привело Пр. Сенатъ главнымъ образомъ содержаніе 401 ст. т. IX закон. о сост. изд. 1876 г., въ коей сказано, что „церковныя земли и другія имѣющіяся при церквахъ угодія остаются всегда неприкосновенною церковною собственностью и ограждаются отъ всякихъ посторонннихъ притязаній“. Разъясняя смыслъ этой статьи, Сенатъ коснулся постановленій нашихъ законовъ о земской давности лишь настолько, по скольку они имѣютъ отношеніе къ пріобрѣтательной давности или давности владѣнія, ссылаясь и на соотвѣтствующіе сему законы (557—567 ст. X т. I ч.). Вопроса же объ исковой давности, т. е. о томъ, погашаются-ли иски о церковной землѣ исковою давностью, Сенатъ не обсуждалъ, почему и рѣшеніе его 1893 г. № 2, вопреки мнѣнію истца, не можетъ имѣть примѣненіе къ настоящему дѣлу. Справедливость такого взгляда доказывается тѣмъ, что въ этомъ рѣшеніи, гдѣ Пр. Сенатъ весьма подробно изслѣдуетъ вопросъ о происхожденіи, свойствѣ и значеніи церковной собственности съ исторической и правовой стороны, не упомянуто ни слова о манифестѣ 1787 года и ни объ одномъ изъ тѣхъ законодательныхъ источниковъ, которые приведены подъ 694 ст. X т. I ч. и особыми правилами, приложенными къ этой статьѣ. Между тѣмъ Пр. Сенатъ, какъ видно изъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ рѣшеній, всегда имѣлъ въ виду и указывалъ на существующую разницу между давностью пріобрѣтательной, или давностью владѣнія и давностью погасительною, или исковою. Эти два понятія хотя и имѣютъ между собою точки соприкосновенія, но не должны быть отождествляемы. Въ то время какъ давность владѣнія по самому существу этого института составляетъ предметъ матеріальнаго права, что видно изъ содержанія 557—567 ст. X т. 1 ч., исковая давность, постановленія о которой помѣщены въ ряду законоположеній о правѣ судебной защиты по имуществамъ (690—694 ст. X т. I ч.), имѣетъ значеніе процессуальное. Здѣсь указывается средство къ возстановленію нарушеннаго права, что производится порядкомъ, установленнымъ процессуальными законами. Обращаясь съ этой послѣдней точки зрѣнія къ разсмотрѣнію спеціальныхъ законовъ, ограждающихъ неприкосновенность церковной собственности для разрѣшенія поставленнаго выше вопроса, окружный судъ находитъ, что въ правилахъ, опредѣляющихъ неприкосновенность церковныхъ надѣловъ Юго-Западнаго края, приложенныхъ къ 411 ст. т. IX зак. о сост. находится постановленіе, что „земли церковныя отъ постороннихъ притязаній ограждаются тѣмъ же порядкомъ производства дѣла, какой установленъ въ огражденіе неприкосновенности го-

сударственныхъ имуществъ“ (ст. 16). Такимъ образомъ въ отношеніи порядка защиты церковная земля приравнивается къ имуществамъ государственнымъ (406 ст. X т. I ч.) и защищается на правѣ казны, въ отношеніи которой, какъ выше указано, одинаково имѣетъ силу манифестъ 1787 года, что подтверждено еще въ особомъ указѣ отъ 3 сентября 1817 года (п. с. з.№ 27039). Затѣмъ, согласно 17 ст. тѣхъ же правилъ, при разсмотрѣніи тяжбъ о церковной землѣ прежде всего слѣдуетъ разрѣшить, имѣетъ-ли церковь, съ которой производится споръ, узаконенную (33 дес.) пропорцію земли. Въ настоящемъ же случаѣ, какъ видно изъ удостовѣренія духовной консисторіи, во владѣніи причта церкви находится даже больше узаконенной пропорціи, а именно 40 дес. 453 саж. Если же окажется, что участокъ церковной земли отданъ въ постороннее владѣніе безъ донесенія начальству и безъ разрѣшенія отъ онаго, какъ было въ настоящемъ случаѣ, то послѣдствія этому указаны въ 24 ст. этихъ правилъ, въ силу коей „виновные въ отдачѣ предаются суждению консисторіи, которая немедленно сообщаетъ губернскому начальству о вознагражденіи по принадлежности земли“. Наконецъ, согласно 36 ст. тѣхъ же правилъ, „причты церковные, получая церковную землю въ пособіе себѣ, какъ даръ отъ церкви, коей они служатъ, по святости источника сего пособія, должны пещись, чтобы оно лѣностью и нерадѣніемъ не оставалось втунѣ....“ Совокупность всѣхъ вышеизложенныхъ законовъ, какъ общихъ, такъ и спеціально относящихся къ церковной собственности, приводятъ судъ къ убѣжденію, что иски о церковныхъ земляхъ не изъяты закономъ отъ дѣйствія исковой давности и что поставленный вначалѣ сего вопросъ о примѣненіи этой давности къ настоящему дѣлу слѣдуетъ разрѣшить утвердительно.

Въ свое время рѣшеніе Сената № 2 за 1893 г. вызвало чрезвычайно оживленную и страстную полемику на страницахъ нашей юридической прессы. (См. А. Карабеговъ. Давность по церк. землямъ. Спб. 1894 г. Здѣсь перепечатаны также изъ Суд. Газ. и Журн. юрид. общ. статьи Р. Карабегова и С. Пахмана, бывшаго докладчикомъ дѣла въ Сенатѣ. См. также статьи пр. А. Павлова „Рус. Обозр“. 1894 г. №12. А. Каминка въ „Жур. Юр. Общ.“ 1895 г. кн. VI). Изъ этой полемики (приведенной въ главныхъ частяхъ у Анненкова. Курсъ гр. права, т. II, стр. 215—218) съ очевидностью выяснилось, что при всей своей обстоятельности рѣшеніе Сената грѣшитъ крайней односторонностью. Исторія церковной собственности изложена чрезвычайно подробно, съ упоминаніемъ даже о первыхъ вѣкахъ нашей исторіи, но вопросъ этотъ разсмотрѣнъ совершенно внѣ всякой связи съ развитіемъ у насъ другихъ формъ собственности и, какъ справедливо отмѣчаетъ и К.-П. судъ въ приведенномъ рѣшеніи, ни однимъ словомъ не упоминается о тѣхъ законодательныхъ актахъ, которые послужили основаніемъ для дѣйствующихъ постановленій о давности. При такихъ условіяхъ выводы, къ которымъ приходитъ Сенатъ въ рѣшеніи № 2 за 1893 г., очевидно нельзя признать правильно и научно обоснованными. Съ другой же стороны — соображенія приведенныя въ первой части рѣшенія суда, особенно ссылка на Высоч. утв. 28 февраля 1835 г. мнѣніе Гос. Сов., составляющее одинъ изъ источниковъ ст. 1 прил. къ ст. 694 (прим.) т. X ч. I, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что церковныя земли не изъяты закономъ изъ дѣйствія давности, и что высказанный прежде Пр. Сенатомъ въ этомъ смыслѣ взглядъ (рѣш. 1874 г. № 854, 1875 г. № 55 и 1878 г. № 193) не нуждался ни въ пересмотрѣ ни тѣмъ болѣе въ измѣненіи.

Но признавая конечный выводъ разсматриваемаго рѣшенія суда безусловно правильнымъ, нельзя, однако, согласиться съ мнѣніемъ его, будто въ упомянутомъ рѣшеніи Сената разрѣшенъ вопросъ лишь о пріобрѣтательной давности, и потому оно не можетъ имѣть примѣненія къ случаямъ, подобнымъ возникшему въ К.-П. судѣ и касавшемуся исковой давности на церковныя земли. Если бы даже оно такъ и было, и если оставить въ сторонѣ существующій въ нашей юридической литературѣ споръ о различіи между исковой и пріобрѣтательной давностью, то, во всякомъ случаѣ, очевидно, что отрицаніе возможности пріобрѣтенія по давности владѣнія опредѣленнаго рода имущества не только implicite содержитъ отрицаніе возможности потери права собственности по земской давности, но является прямымъ слѣдствіемъ втораго положенія. Независимо же отъ этого, мнѣніе суда и фактически невѣрно, потому что въ случаѣ, восходившемъ на обсужденіе Сената, какъ и въ случаѣ разсмотрѣнномъ К.-П. судомъ, искъ былъ предъявленъ именно церковью, въ искѣ было отказано судомъ и палатой на основаніи земской давности, т.-е. истеченія законнаго 10-лѣтняго срока для начатія тяжбы, а Пр. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе, признавъ, что „церковныя земли не могутъ быть утрачиваемы силою давности сторонняго владѣнія“. Такимъ образомъ, рѣшеніе Сената непосредственно могло быть примѣнено къ дѣлу, возникшему въ практикѣ К.-П. суда, но, конечно, это обстоятельство не освобождало судъ отъ обязанности вновь разсмотрѣть вопросъ объ исковой давности, потому что, согласно 813 ст. устр. гр. суд., сужденія Сената имѣютъ обязательную силу только для того дѣла, по которому они состоялись; для остальныхъ же дѣлъ они, по 815 ст., имѣютъ значеніе руководства, съ которымъ судъ долженъ, конечно, считаться, но можетъ противопоставить ему свое толкованіе, а судя по тому, что Сенатъ неоднократно мѣнялъ свои взгляды по самымъ основнымъ вопросамъ права, не исключена возможность новаго пересмотра подъ вліяніемъ рѣшеній судовъ взгляда на давность по церковнымъ землямъ.

Не совсѣмъ понятной представляется послѣдняя часть рѣшенія суда. Установивъ, на основаніи постановленій X т., „что для дѣлъ о церковныхъ имуществахъ въ законѣ не установлено какого-либо изъятія отъ дѣйствія земской давности“, судъ засимъ вновь возвращается къ тому же вопросу и разсматриваетъ прилож. къ ст. 411 т. IX, хотя оно не имѣетъ никакого отношенія къ предъявленному иску. Такъ, въ частности рѣшеніе останавливается на вопросѣ, есть-ли у церкви узаконенная пропорція земли, между тѣмъ какъ ст. 17 приложенія упоминаетъ объ этомъ на тотъ только случай, когда искъ предъявленъ къ церкви, а не церковью. Въ данномъ случаѣ неправильность эта не имѣла значенія, потому что у церкви оказалось больше узаконенной пропорціи и правило ст. 17 не пришлось примѣнять; но если бы у церкви оказалось меньше 33 дес.—то судьба иска была бы иная и не соотвѣтствовала бы тому положенію, которое выше выставилъ самъ же судъ.

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18.

Редакторы-издатели:
Приватъ-доцентъ *В. М. Гессенъ.*
Н. И. Лазаревскій.